

Д. Э. Кэрнсъ.

Фототипія Шерръ, Наблольцъ и К°, Москва.

БИБЛІОТЕКА ЭКОНОМИСТОВЪ.

С/32/205/4150.

Д. Э. КЭРНСЪ.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.—ЦѢННОСТЬ.—МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ.

Переводъ М. И. Туганъ-Барановскаго.

24184 Проворина 1957

ЗАМОСКВОРЕЦКИЙ районный К-т Р К. П. ПОГАШЕНО

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Цѣна 1 руб.

ВЫПУСКЪ XI.

РЕДКИЙ ФОНД

Москва.
Типо-лит. В. Рихтеръ, Мамоновскій пер., свой домъ.
1897.

БИБЛІОТЕКА ЭКОНОМИСТОВЪ.

Редакторъ ***М. Щепкинъ.***

Вышли:

Адамъ Смитъ.
Давидъ Рикардо.
Томасъ Мальтусъ.
Джонъ Стюартъ Милль.
Франсуа Кенэ.
Давидъ Юмъ. — Въ одномъ выпускѣ.
Іеремія Бентамъ. — Въ одномъ выпускѣ.
Жанъ-Батистъ Сэ. — Въ одномъ выпускѣ.
Фредерикъ Бастіа. — Въ одномъ выпускѣ.
Ж. Симондъ де-Сисмонди.

Печатаются:

К. Родбертусъ.
К. Шмоллеръ.
Джорджъ.

Жизнь и сочиненія Д. Э. Кэрнса.

Первая половина этого вѣка занимаетъ совершенно особое мѣсто въ исторіи политической экономіи. Еще Адаму Смиту казалось утопіей осуществленіе свободной торговли въ Англіи—до такой степени промышленные классы той эпохи относились враждебно ко всякой попыткѣ ослабить государственную опеку и покровительство національной промышленности. Но идеи Смита болѣе соотвѣтствовали интересамъ капиталистическаго класса, чѣмъ догадывался самъ Смитъ или его современники; и потому, то, что было утопіей въ концѣ XVIII в., въ XIX в. скоро сдѣлалось дѣйствительностью. Прошло немного времени,—и ссылка на законы политической экономіи, въ томъ видѣ какъ ихъ формулировала школа Смита, стала обычнымъ аргументомъ въ парламентѣ, въ общественныхъ собраніяхъ и въ печати. Политическая экономія вошла въ моду, наука быстро пріобрѣтала новыхъ приверженцевъ, ея ученія стали важнымъ факторомъ общественной жизни. Цѣлый рядъ талантливыхъ писателей и ученыхъ примкнулъ къ новымъ

идеямъ, и достаточно было нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, чтобы юная наука выступила во всеоружіи, какъ руководительница общественнаго мнѣнія Англіи. Послѣдовалъ цѣлый рядъ экономическихъ и соціальныхъ реформъ въ духѣ этой науки. Вѣнцомъ ихъ была отмѣна хлѣбныхъ законовъ—свободная торговля побѣдила.

Около того-же времени политическая экономія пріобрѣла своего самого популярнаго истолкователя и систематизатора. Въ 1848 г.,—черезъ два года послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, вышли въ свѣтъ „Основанія политической экономіи“ Милля. Ученіе школы Смита получило стройную, систематическую форму. Для политической экономіи наступили золотые дни. Правда, оппозиція господствующей школѣ никогда не прекращалась; Овенъ, В. Томпсонъ, Грэй, Брэй (если говорить только объ Англіи) и многіе другіе прокладывали новые пути въ наукѣ, боролись съ ученіемъ послѣдователей Смита и подготовляли реакцію противъ него. Но до поры до времени оппозиція эта не имѣла успѣха въ томъ, что называется общественнымъ мнѣніемъ, т. е. во мнѣніи правящихъ классовъ. Господствующая школа имѣла поэтому, основаніе игнорировать эту оппозицію и признавать ее выраженіемъ заблужденія и невѣжества.

Такъ обстояло дѣло въ 30—40-хъ годахъ нашего столѣтія. Экономисты предавались самымъ радужнымъ мечтаніямъ относительно будущности

своей науки. Одинъ изъ нихъ, Торренсъ, уже провидѣлъ близкое наступленіе того времени, когда разногласія по основнымъ вопросамъ политической экономіи исчезнутъ, и она станетъ наукой совершенно точной. Наука эта признавалась во многихъ отдѣлахъ вполнѣ законченной, и Д. С. Милль не побоялся заявить въ своемъ курсѣ, что будущимъ изслѣдователямъ ничего не остается прибавить къ теоріи цѣности классической школы.

Тѣмъ не менѣе, та-же книга Милля, болѣе всего содѣйствовавшая повсемѣстному распространенію ученій Смита-Рикардо, была предвѣстницей близкаго наступленія новой эпохи. Въ этомъ сочиненіи Милль сдѣлалъ попытку примирить господствующее направленіе экономической науки съ воззрѣніями его противниковъ—соціальныхъ реформаторовъ, преимущественно сенъ-симонистовъ. Но книга Милля повліяла на англійское общество лишь постольку, поскольку въ ней излагались ученія классической школы; соціалистическая окраска воззрѣній Милля не произвела большого впечатлѣнія на читателей. Тѣмъ не менѣе, уже одно то, что самый авторитетный представитель стараго направленія признавалъ необходимость компромисса съ новымъ, было достаточно характерно.

И дѣйствительно, торжество политической экономіи на основахъ, выработанныхъ Адамомъ Смитомъ и его ближайшими послѣдователями, было непро-

должительно. Возвѣщенный физіократами принципъ laisser faire сталъ терять свою силу. Возникли новыя теченія экономической жизни, въ предѣлахъ такъ-называемаго рабочаго вопроса; новое рабочее движеніе встрѣтило въ Англіи рѣзкое осужденіе со стороны большинства ученыхъ господствующей школы, и тамъ въ теченіе десятковъ лѣтъ не прекращался оживленный споръ изъза доктрины о фондѣ заработной платы. Исходя изъ этой доктрины, экономисты-классики отрицали цѣлесообразность рабочихъ союзовъ, въ которыхъ англійскій рабочій видѣлъ свой единственный оплотъ противъ господства предпринимателей. На этомъ вопросѣ многія положенія классической политической экономіи потерпѣли значительное пораженіе. Ея вождь и самый популярный представитель, много лѣтъ признававшій доктрину о фондѣ заработной платы основной истиной экономической науки—Д. С. Милль, торжественно отрекся въ 1869 г. отъ излюбленнаго ученія своей школы, уступилъ противникамъ поле битвы почти безъ боя, сложилъ оружіе передъ крайне слабой критикой этого ученія со стороны Торнтона. Понятно, что такая легкость перемѣны взглядовъ по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ науки, и притомъ со стороны самаго авторитетнаго представителя классической школы, должна была дискредитировать ее въ общественномъ мнѣніи. Оппозиція школѣ Смита-Рикардо усилилась. Классическая политическая экономія стала подвергаться критикѣ съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Бой шелъ по всей линіи—практическія требованія, теоретическія посылки, научный методъ классической школы—все вызывало яростныя нападенія ея враговъ.

Къ этому времени относится ученая дѣятельность Кэрнса. Его первая крупная экономическая работа—The Character and Logical Method of Political Economy вышла въ 1857 г., а послѣдняя—Some Leading Principles of Political Economy—въ 1874 г. Самъ Кэрнсъ признавалъ себя ученикомъ Милля, и этимъ вполнѣ опредѣляется его научное направленіе. Какъ и Милль, онъ полагалъ, что Ад. Смитъ, и особенно Рикардо, незыблемо заложили фундаментъ научнаго зданія и установили общій планъ постройки, что ихъ преемникамъ остается только слѣдовать по намѣченному пути, доканчивать начатое, дополнить второстепенныя подробности, въ немногихъ случаяхъ исправить частности.

Но область вопросовъ, которыми занимался Кэрнсъ, была гораздо уже, чѣмъ у Милли. Милль захватывалъ очень широко, хотя и не глубоко; онъ былъ не только экономистомъ, но и соціологомъ и философомъ. Кэрнсъ поставилъ себѣ болѣе скромную задачу—обосновать и доказать главнѣй-

шія положенія классической политической экономіи. „Моя цѣль“, говоритъ онъ въ предисловіи ко второму изъ названныхъ сочиненій, „ограничивается укрѣпленіемъ и сообщеніемъ большей устойчивости научному зданію, воздвигнутому Ад. Смитомъ, Мальтусомъ, Рикардо и Миллемъ“.

Что зданіе, воздвигнутое Ад. Смитомъ, требовало укрѣпленія и поправокъ, это признаетъ и самъ Кэрнсъ, указывая въ началѣ своего методологическаго труда на неудовлетворительность современнаго положенія экономическай науки; положеніе это отнюдь не таково, чтобы внушать экономисту чувство гордости. Со времени неудачнаго предсказанія Торренса прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, но политическая экономія не только не приблизилась, а скорѣе отдалилась отъ идеала точной науки. Нѣтъ ни одной основной доктрины, которая не вызывала-бы споровъ среди экономистовъ; слушая эти споры, публика начинаетъ недовѣрчиво относиться къ ученымъ, интересъ къ научному изслѣдованію экономическихъ вопросовъ падаетъ и политической экономіи грозитъ полная потеря ея прежняго авторитета.

Какимъ-же образомъ возстановить этотъ авторитетъ? Возвращеніемъ къ прежнему *методу изслѣдованія*. По мнѣнію Кэрнса, увеличеніе общественнаго вліянія экономической науки оказалось опаснымъ для ея дальнѣйшихъ успѣховъ.

Экономическими вопросами стали заниматься нетолько люди науки, но и люди практики—общественные дѣятели, публицисты, промышленники, рабочіе. Всѣми ими руководитъ не научный интересъ, а стремленіе къ опредѣленнымъ практическимъ цѣлямъ. Эти цѣли различны и наука, сдѣлавшись достояніемъ толпы, потеряла свое прежнее единство. Что-же мудренаго, что рабочіе, преисполненные лишь однимъ стремленіемъ—улучшить свое положеніе и не находя въ ученіи господствовавшей школы оправданія своимъ стремленіямъ, стали заявлять: „если политическая экономія противъ насъ, то и мы противъ политической экономіи“.

Но экономическая наука по самому своему характеру, говоритъ Кэрнсъ, не можетъ относиться ни сочувственно, ни враждебно къ какому-бы то ни было общественному классу. Область всякой науки, въ томъ числѣ и политической экономіи—изслѣдованіе того, что есть, а не того, что желательно. Если-бы экономисты ограничивались своей ближайшей задачей—изслѣдованіемъ законовъ производства, обмѣна и распредѣленія богатства, выясненіемъ послѣдовательности и сосуществованія фактовъ этого рода, то соглашеніе между различными взглядами всегда было-бы возможно. Но какъ согласиться между собой представителямъ различныхъ интересовъ, людямъ, же-

лающимъ разныхъ вещей? Только когда экономисты поймутъ, что ихъ наукѣ „также мало дѣла до системы laissez faire, какъ и до коммунизма, до свободы договора, какъ и до системы протекціонизма..., что эта наука занимаетъ такое-же нейтральное положеніе по отношенію къ соперничающимъ соціальнымъ системамъ, какъ нейтральна механика по отношенію къ соперничающимъ планамъ постройки желѣзныхъ дорогъ, или химія по отношенію къ различнымъ санитарнымъ проектамъ... тогда, и только тогда политическая экономія возстановитъ свой прежній авторитетъ, и будетъ внушать довѣріе всѣмъ классамъ общества и представителямъ всѣхъ партій".

И такъ, политическая экономія должна быть прежде всего вполнѣ *объективна*. Такой объективный характеръ имѣли, по мнѣнію Кэрнса, доктрины экономистовъ классической школы,—теорія ренты Рикардо, законъ народонаселенія Мальтуса, ученіе о фондѣ заработной платы, и пр. Здѣсь мы должны остановиться.

Область желательнаго, хорошаго, благороднаго не есть область науки. Извѣстный соціальный институтъ можетъ вполнѣ законно вызывать наше негодованіе; если вы сильно и ярко выражаете это негодованіе и своимъ словомъ вызываете такое-же чувство у другихъ людей, то, разумѣется, вы дѣлаете хорошее и полезное дѣло. Но въ

этомъ-ли заключается задача науки? Наука стремится къ *познанію* существующаго для *предвидѣнія* будущаго. Признаніе даннаго соціальнаго института несправедливымъ еще не предрѣшаетъ вонроса о его будущности. Дѣйствительность никогда не соотвѣтствуетъ идеалу; есть много соціальныхъ институтовъ, признаваемыхъ нами теперь несправедливыми, которые однако существовали сотни и тысячи лѣтъ и, быть можетъ, будутъ существовать еще долгое время и впредь. Несправедливость общественнаго учрежденія не мѣшаетъ ему быть естественнымъ и необходимымъ продуктомъ породившихъ его историческихъ условій. Если изслѣдованіе сводится къ нравственной квалификаціи изучаемыхъ явленій и къ постулированію желательныхъ преобразованій общественнаго строя, то это не наука, а утопія. Оно не выполняетъ важнѣйшей задачи науки — предвидѣнія будущаго, такъ какъ будущее зависитъ отъ причинныхъ отношеній бытія, а не только отъ моего нравственнаго чувства.

Слѣдовательно, Кэрнсъ вполнѣ правъ: экономической наукѣ нѣтъ дѣла ни до системы laissez faire, ни до какой-либо другой доктрины; она должна стоять внѣ партій, безстрастно относиться къ совершающейся общественной эволюціи. Но въ дѣйствительности общественная наука не могла и не можетъ оставаться равно-

душной къ совершающемуся общественному движенію и по неволѣ вмѣшивается въ общественную борьбу. Кэрнсъ полагаетъ, что экономисты классики были вполнѣ объективны и что установленные ими законы были точнымъ выраженіемъ причинныхъ отношеній дѣйствительности. Но мы теперь знаемъ, что ученія классической школы выражали также интересы капиталистическаго класса. Возьмемъ, напр., Рикардо. Это былъ, безъ сомнѣнія, самый объективный и абстрактный писатель классической школы, научныя заслуги котораго трудно преувеличить. Его теорія цѣнности и до настоящаго времени остается научнымъ базисомъ школы, которая по своимъ общественнымъ симпатіямъ является антиподомъ буржуазныхъ экономистовъ, а именно—школы научнаго соціализма. Изложеніе Рикардо вполнѣ безстрастно, его методъ является самымъ полнымъ приближеніемъ къ строгой логической дедукціи, почти математическаго характера, какое только знаетъ общественная наука. И тѣмъ не менѣе, система Рикардо не только не стояла внѣ борьбы партій, внѣ классовыхъ интересовъ, но была явнымъ и послѣдовательнымъ выраженіемъ интересовъ класса денежныхъ капиталистовъ *).

*) См. объ этомъ, напр. *A. Held*: Zwei Bücher zur Socialen Geschichte Englands, стр. 204. Хотя Гельдъ далеко не отдаетъ должнаго Рикардо, тѣмъ не менѣе его оцѣнка классового характера ученій Рикардо совершенно вѣрна.

И это не случайность, а неизбѣжный законъ развитія науки. „Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, но напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія“ **). Въ развитіи общественной науки неизмѣнно отражается общественная эволюція. Интересы борющихся общественныхъ классовъ опредѣляютъ общее направленіе научной мысли, и господствующая идеалогія данной эпохи не можетъ не соотвѣтствовать интересамъ господствующаго общественнаго класса.

Итакъ, общественная наука должна быть объективна, но, по видимому, она не можетъ быть объективной. Какой-же выходъ изъ этой дилеммы? Я сказалъ, что желанія, идеалы не могутъ быть устранены изъ области общественной науки, такъ какъ наука отражаетъ въ себѣ борьбу общественныхъ группъ и ихъ идеалы. Но задача науки заключается не въ одобреніи или порицаніи соціальныхъ фактовъ, не въ придумываніи плановъ будущаго соціальнаго устройства, а въ объясненіи необходимой связи, соединяющей настоящее съ будущимъ. Настоящее чревато будущимъ, и наука должна показать, какимъ образомъ данный общественный строй порождаетъ новый. Пока со-

**) Карлъ *Марксъ*: „Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“. Стр. X.

слѣдованія, чѣмъ напр. химикъ, такъ какъ онъ лишенъ помощи эксперимента, но за-то онъ имѣетъ и нѣкоторыя преимущества передъ естествоиспытателемъ—именно экономистъ не долженъ открывать конечныхъ причинъ изучаемыхъ имъ явленій, ибо эти причины уже извѣстны. Свои первыя посылки политическая экономія заимствуетъ у другихъ наукъ. Разъ эти посылки даны, возможно вывести дедуктивнымъ путемъ экономическіе законы. Кэрнсъ подробно доказываетъ, что дедукція есть единственный методъ, примѣнимый къ экономическимъ изслѣдованіямъ, по самому характеру этихъ изслѣдованій; всѣ законы классической школы были установлены именно этимъ путемъ, но особенное мастерство въ пользованіи дедукціей обнаружилъ Рикардо.

Статистикѣ Кэрнсъ отводитъ подчиненное мѣсто. Статистическое изслѣдованіе не пригодно для установленія основныхъ экономическихъ законовъ, но при помощи его можно открыть тѣ нарушающія причины, вліянія второстепеннаго характера, отъ которыхъ приходится отвлекаться при дедуктивномъ изслѣдованіи. Статистика пригодна также для провѣрки дедуктивныхъ выводовъ. Какую-же роль играетъ эта провѣрка? Въ этомъ отношеніи Кэрнсъ обнаруживаетъ нерѣшительность и колебанія. Вначалѣ онъ заявляетъ, въ полномъ согласіи

съ Миллемъ, что дедуктивный методъ нуждается въ опытной повѣркѣ; но затѣмъ немедленно оговаривается, что эта повѣрка не можетъ не быть крайне несовершенной, такъ какъ экономическіе законы выражаютъ собою лишь тенденціи, а не дѣйствительные факты. Нѣсколькими страницами дальше онъ уже прямо утверждаетъ, что „выводы дедуктивнаго разсужденія не могутъ быть ни установлены, ни отвергнуты ссылкою на дѣйствительныя экономическія явленія...; выражая собою тенденцію, выведенную изъ извѣстныхъ свойствъ человѣческой природы, въ связи съ извѣстными условіями внѣшней природы, выводы такого рода.... могутъ быть опровергнуты лишь доказательствомъ, или что принимаемые принципы и условія въ дѣйствительности не существуютъ, или что тенденція, утверждаемая закономъ, не вытекаетъ съ необходимостью изъ этихъ принциповъ и условій".

Въ сущности, это—отрицаніе опытной повѣрки. Карлъ Менгеръ, примыкающій по своимъ методологическимъ воззрѣніямъ къ Миллю и Кэрнсу, въ своей извѣстной и интересной книгѣ—Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften, категорически высказывается въ этомъ послѣднемъ смыслѣ: „Повѣрка точной теоріи народнаго хозяйства на полномъ эмпиризмѣ(дѣйствительности)—это методологическая нелѣпость, непониманіе основаній и условій точнаго изслѣдованія... Провѣрять чистую теорію народнаго хозяйства на опытѣ,

въ полной его дѣйствительности,—это все равно, какъ если-бы математикъ сталъ провѣрять основы геометріи посредствомъ измѣренія реальныхъ предметовъ... Усматривать пробный камень достовѣрности точныхъ законовъ народнаго хозяйства, въ ихъ согласіи съ эмпирическими законами послѣдняго,—это значитъ не понимать элементарнѣйшихъ основъ научной методики". (*К. Менгеръ*: „О методѣ соціальныхъ наукъ", стр. 50, 54).

Такимъ образомъ, методологическія воззрѣнія Кэрнса сводятся къ признанію единственно возможнымъ методомъ экономической науки — абстрактную дедукцію экономическихъ законовъ изъ немногихъ основныхъ посылокъ—методъ Рикардо. Но если и согласиться съ Миллемъ, Кэрнсомъ и Менгеромъ, что тѣ вопросы, которые исключительно занимали экономистовъ классической школы (напр., вопросы о цѣнности, рентѣ, заработной платѣ въ капиталистическомъ хозяйствѣ) могутъ быть разрѣшены указаннымъ методомъ, то трудно отрицать, что въ настоящее время область экономической науки чрезвычайно расширилась, и въ нее вошло много такого, къ чему абстрактный дедуктивный методъ совершенно непримѣнимъ. Сравнительно съ Кэрнсомъ, Менгеръ дѣлаетъ большой шагъ впередъ, признавая необходимость, наряду съ чистымъ дедуктивнымъ изслѣдованіемъ народнаго хозяйства, также и индуктивнаго изученія тѣхъ-же явленій, реалистически-эмпирическаго направленія въ наукѣ. Яснѣе всего недостаточность дедуктивнаго метода въ той области науки, которая въ настоящее время болѣе всего привлекаетъ къ себѣ изслѣдователей,—въ области общественной эволюціи. Установленіе законовъ развитія общества является важнѣйшей задачей соціальной науки. Но (какъ это признается и Миллемъ) эволюціонные законы могутъ быть открыты не дедуктивнымъ путемъ, а лишь изученіемъ и обобщеніемъ конкретныхъ историческихъ фактовъ. Такъ напр., общая теорія цѣнности была построена Рикардо и другими экономистами вполнѣ абстрактно; исходя изъ посылки человѣческаго эгоизма и современнаго правоваго строя, мы естественно приходимъ къ заключенію, что трудъ является основнымъ регуляторомъ цѣнности. Но въ вопросѣ о фактическомъ измѣненіи цѣнъ тѣхъ или иныхъ товаровъ въ исторіи, историческій опытъ долженъ быть положенъ въ основу нашихъ заключеній. Чѣмъ сложнѣе данное явленіе, тѣмъ менѣе пригодна дедукція для вывода законовъ его развитія. Экономисты-классики могли довольствоваться дедукціей лишь вслѣдствіе ограниченности ихъ области изслѣдованія. Они имѣли дѣло съ явленіями развитого капиталистическаго хозяйства, и установили много такъ-наз. законовъ, объяснявшихъ эти явленія; но всѣ эти „законы" не имѣли того неизмѣннаго характера, который придавали имъ экономисты-классики, а представляли собой

лишь опредѣленныя историческія категоріи—выражали отношенія даннаго, исторически-возникшаго соціальнаго строя. Генезисъ этого строя, а также его дальнѣйшая эволюція уже потому не интересовали экономистовъ классической школы, что съ ихъ точки зрѣнія этотъ строй являлся единственно-разумнымъ, естественнымъ, и потому не подлежащимъ эволюціи. Точка зрѣнія современной науки совершенно иная: всѣ явленія признаются ею находящимися въ процессѣ измѣненія, преобразованія, развитія. Абстрактно-дедуктивный методъ безсиленъ объяснить эту эволюцію и установить ея законы; поэтому нельзя согласиться съ методологическими воззрѣніями не только Кэрнса, но и Менгера, признающаго важность эмпирическаго направленія въ наукѣ, но отводящаго этому направленію подчиненное мѣсто сравнительно съ точнымъ теоретическимъ изслѣдованіемъ экономическихъ явленій въ ихъ изолированномъ, идеальномъ видѣ.

Перейдемъ къ другой работѣ Кэрнса, посвященной анализу основныхъ экономическихъ явленій. Уже самый выборъ предмета изслѣдованія крайне характеренъ для Кэрнса. Some Leading Principles of Political Economy являются его важнѣйшимъ экономическимъ трудомъ. Въ этой книгѣ онъ подводитъ итоги своей научной дѣятельности. Чему-же посвящена эта книга? Изслѣдованію законовъ цѣнности, спроса и предложенія,

заработной платы, международной торговли—все старые вопросы классической политической экономіи, которыми занимались Рикардо, Мальтусъ, Сеніоръ, оба Милля, и вся созданная ими школа. Уже въ предисловіи Кэрнсъ оговаривается, что онъ не претендуетъ на оригинальность, и хочетъ лишь укрѣпить и лучше обосновать взгляды, высказанные другими. Тѣмъ не менѣе, читатель былъ-бы не правъ, если-бы на этомъ основаніи, съ спокойной совѣстью, закрылъ книгу Кэрнса, не ожидая встрѣтить въ ней ничего интереснаго. Нѣтъ, эта книга имѣетъ большой интересъ, и стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ выше его методологической работы.

Первая глава—общее понятіе цѣнности—мало интересна. Кэрнсъ не дѣлаетъ никакихъ дополненій къ обычной теоріи классической школы. Любопытна только его полемика съ Джевонсомъ; любопытна потому, что она показываетъ, какъ трудно усваиваются новыя воззрѣнія на старые вопросы людьми, привыкшими обсуждать эти вопросы съ обычной точки зрѣнія. Кэрнсъ не видитъ въ теоріи Джевонса рѣшительно ничего новаго, ему кажется, что эта теорія сводится къ слѣдующей истинѣ: „цѣнность зависитъ отъ полезности, а полезностью называется все то, что вліяетъ на цѣнность“, и Кэрнсу остается только удивляться, какъ это Джевонсъ занимается такими пустопорожними истинами. На самомъ-же дѣлѣ

шиться безъ соотвѣтственнаго увеличенія или уменьшенія другого". Кто принимаетъ это положеніе Кэрнса, для того не можетъ быть сомнѣнія, что размѣръ возможнаго національнаго производства опредѣляется не рынкомъ, а только размѣромъ наличныхъ производительныхъ средствъ. Нечего указывать, какую важность имѣютъ эти теоретическіе вопросы именно для насъ, русскихъ. Извѣстно, что цѣлая школа русскихъ экономистовъ отрицаетъ возможность развитія у насъ капиталистическаго производства по той причинѣ, что для русскихъ фабричныхъ издѣлій закрытъ внѣшній рынокъ. Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, нужно твердо установить самыя основанія теоріи спроса и предложенія, и въ этомъ смыслѣ книга Кэрнса можетъ быть очень полезна.

Что касается до теоріи нормальной цѣнности Кэрнса, то ея общая концепція совершенно неоригинальна. Тѣмъ не менѣе, именно въ этомъ отдѣлѣ Кэрнсъ сдѣлалъ существенныя дополненія къ воззрѣніямъ Рикардо и Милля. По обычному взгляду, среднія цѣны товаровъ опредѣляются стоимостью производства. Но уже Милль указалъ, что это вѣрно лишь постольку, поскольку производство обмѣниваемыхъ предметовъ подчиняется дѣйствію конкурренціи. Если капиталъ и трудъ могутъ свободно перемѣщаться изъ одной отрасли производства въ другую, то средняя норма прибыли на капиталъ и вознагражденія труда должна быть въ нихъ

одинакова и относительныя цѣны продуктовъ должны соотвѣтствовать ихъ относительнымъ стоимостямъ. Но если перемѣщеніе капитала и труда, встрѣчаетъ препятствія, то и соотвѣтствіе между цѣной продукта и стоимостью производства должно исчезнуть.

Рикардо и Милль выяснили законъ цѣнности въ международной торговлѣ. Особенно много занимался этимъ вопросомъ Милль. Онъ доказалъ, что въ международномъ обмѣнѣ относительныя цѣны продуктовъ разныхъ странъ устанавливаются не ихъ относительною стоимостью производства, но взаимнымъ спросомъ на эти продукты обмѣнивающихся странъ. Кэрнсъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что тотъ-же самый принципъ дѣйствуетъ, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, и во внутренней торговлѣ. И внутри страны свобода передвиженія труда и капитала болѣе или менѣе ограничена, и потому и во внутреннемъ обмѣнѣ нормальная, средняя цѣна продуктовъ не всегда совпадаетъ со стоимостью производства. Цѣны продуктовъ конкуррирующихъ группъ управляются закономъ стоимости, но совсѣмъ иной законъ управляетъ цѣнами продуктовъ неконкуррирующихъ группъ—законъ взаимнаго спроса.

Въ этомъ заключаются существенное дополненіе Кэрнса къ теоріи цѣнности во внутренней торговлѣ. Что касается до самого анализа стоимости производства, то здѣсь Кэрнсъ, какъ и другіе

послѣдователи Рикардо классической школы, дѣлаетъ шагъ назадъ сравнительно съ ученіемъ самого Рикардо. По мнѣнію Рикардо, стоимость создается только однимъ моментомъ — затратою труда. Кэрнсъ-же принимаетъ крайне неудачную теорію прибыли Сеніора, и различаетъ въ стоимости два элемента—трудовую затрату и... „воздержаніе капиталиста“! Теорія Сеніора подверглась такой уничтожающей критикѣ въ I томѣ „Капитала“ Маркса, что доказывать въ настоящее время ея неосновательность, значило-бы поистинѣ ломиться въ открытую дверь. Поэтому я и не буду останавливаться на этомъ пунктѣ.

Особую главу Кэрнсъ посвящаетъ производнымъ законамъ цѣнности. Въ этой главѣ онъ, по примѣру Ад. Смита, старается установить законы историческаго измѣненія цѣнностей разныхъ товаровъ въ прогрессирующихъ странахъ. Очень странно мнѣніе Кэрнса о хлѣбныхъ цѣнахъ. Кэрнсъ принимаетъ съ нѣкоторымъ ограниченіемъ мнѣніе Ад. Смита, утверждавшаго, что хотя цѣна хлѣба сильно колеблется изъ года въ годъ, средняя цѣнность хлѣба исторически почти не мѣняется, не обнаруживая наклонности ни къ повышенію, ни къ пониженію. Въ пользу этого заключенія, совершенно расходящагося съ фактами (особенно послѣдняго времени), Кэрнсъ выставляетъ слѣдующій мальтузіанскій аргументъ: если цѣнность хлѣба въ среднемъ повысится, то

это вызоветъ замедленіе въ размноженіи населенія, и слѣдовательно сокращеніе спроса; производство хлѣба сдѣлается менѣе прибыльнымъ, послѣдуетъ улучшеніе техники земледѣльческаго производства и цѣнность хлѣба вернется къ прежнему уровню. На это можно возразить, что повышеніе цѣнности хлѣба вовсе не всегда задерживаетъ размноженіе населенія (въ Англіи населеніе быстрѣе всего размножалось въ первой четверти этого вѣка, когда цѣны хлѣба были особенно высоки), и потому нѣтъ никакой причины, почему-бы цѣна хлѣба не могла постоянно возрастать, какъ это полагалъ Рикардо. Съ другой стороны, Кэрнсъ ничѣмъ не доказалъ невозможности паденія хлѣбныхъ цѣнъ втеченіе продолжительнаго періода времени. Мнѣніе Кэрнса по этому вопросу объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что онъ писалъ въ ту эпоху, когда уже обнаружилась тенденція къ паденію хлѣбныхъ цѣнъ. А такъ какъ школа Рикардо всегда утверждала противоположное, т. е. неизбѣжность повышенія цѣны хлѣба, то Кэрнсъ и остановился на среднемъ мнѣніи, отрицая тенденцію цѣны хлѣба какъ къ повышенію, такъ и къ пониженію.

Самая интересная часть разсматриваемой книги,—это отдѣлъ о международной торговлѣ. Строго стоя на почвѣ доктрины сравнительной стоимости, установленной Рикардо и Миллемъ, Кэрнсъ дѣлаетъ изъ нея важные практическіе выводы. Очень интересно примѣненіе Кэрнсомъ этой доктрины

къ объясненію событій, послѣдовавшихъ за открытіемъ золота въ Австраліи. Огромное возрастаніе заработной платы, паденіе вывоза изъ Австраліи всѣхъ другихъ продуктовъ туземной промышленности, кромѣ золота, возрастаніе ввоза въ страну иноземныхъ продуктовъ, многіе изъ которыхъ съ несравненно меньшей затратой труда могли-бы производиться въ самой Австраліи—всѣ эти факты находятъ себѣ у Кэрнса полное и исчерпывающее объясненіе съ точки зрѣнія доктрины Рикардо. По мнѣнію Кэрнса, „торговыя послѣдствія открытія золота въ Австраліи и Калифорніи являются самымъ поразительнымъ экспериментальнымъ подтвержденіемъ совершенно абстрактной теоріи, которое когда-либо было". И нельзя не согласиться со слѣдующими прекрасными словами Кэрнса: „Рикардо считали, а многіе и теперь продолжаютъ считать мечтателемъ, абстрактнымъ метафизикомъ и фантазеромъ; но его мечты и абстракціи, будучи подвергнуты пробѣ опыта, оказались, какъ это всегда бываетъ съ мечтами и абстракціями геніальныхъ людей, гораздо болѣе практичными, находящимися въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными фактами, чѣмъ предсказанія такъ наз. *практическихъ людей*".

Еще болѣе важны 2-я и 3-я главы о международной торговлѣ. Обыкновенно думаютъ, что высокая заработная плата затрудняетъ вывозъ продуктовъ изъ страны, а низкая облегчаетъ. Кэрнсъ

доказываетъ, что въ данномъ случаѣ, (какъ и во многихъ другихъ) такъ-наз. „здравый смыслъ" ошибается. Общее поднятіе заработной платы не имѣетъ тенденціи сократить вывозъ, точно также какъ общее паденіе ея не содѣйствуетъ увеличенію вывоза. Тѣмъ не менѣе, между заработной платой и внѣшней торговлей существуетъ связь. Какая-же? Высота заработной платы, какъ и развитіе внѣшней торговли, являются координированнымъ слѣдствіемъ общей причины, а именно высоты и направленія производительности національной промышленности. Тѣ продукты, по отношенію къ которымъ національная промышленность особенно производительна, будутъ важнѣйшимъ предметомъ международнаго обмѣна, и по отношенію къ этимъ продуктамъ заработная плата будетъ высока.

Относительныя цѣны продуктовъ обмѣнивающихся странъ регулируются не стоимостью ихъ производства, а взаимнымъ спросомъ. Въ какомъ-же отношеніи находятся эти цѣны къ стоимости? Для опредѣленія этого Кэрнсъ устанавливаетъ слѣдующее простое и ясное правило: высота заработной платы въ разныхъ странахъ всегда находится въ прямомъ отношеніи къ производительности труда въ каждой изъ нихъ. По уровню заработной платы можно судить объ отношеніи цѣны продуктовъ въ международномъ обмѣнѣ къ ихъ стоимости. Чѣмъ заработная плата выше, тѣмъ болѣе благопріятно отношеніе стоимости къ

цѣнѣ, т. е. тѣмъ стоимость, сравнительно съ цѣной, ниже. Если заработная плата различна въ двухъ странахъ, обмѣнивающихся своими продуктами, то та страна, въ которой заработная плата выше, отдаетъ меньшую стоимость для полученія эквивалента другой страны. За 1 день своего труда она получаетъ болѣе одного дня чужого труда.

Разработка теоріи внѣшней торговли является главной научной заслугой Кэрнса. Хотя Кэрнсъ и здѣсь остается неоригинальнымъ мыслителемъ, дополняя и развивая взгляды Рикардо и Милля, тѣмъ не менѣе эти дополненія настолько важны, что знакомство съ книгою Кэрнса необходимо для всякаго, желающаго разобраться въ крайне сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ международнаго обмѣна и международной цѣнности.

Жизнь Кэрнса (род. въ 1823, умеръ въ 1875 г., представляетъ мало внѣшняго интереса, какъ и жизнь большинства ученыхъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ общественной жизни. Его семья принадлежала къ зажиточному среднему классу — отецъ былъ пивоваромъ. Будущій экономистъ первоначально тоже занимался торговыми дѣлами отца и не готовилъ себя къ научной дѣятельности. Но съ теченіемъ времени торговое дѣло стало ему казаться все менѣе и менѣе привлекательнымъ, и, несмотря

на нежеланіе отца, онъ поступилъ въ Trinity College въ Дублинѣ. По окончаніи курса, Кэрнсъ нѣкоторое время изучалъ химію, пробовалъ быть инженеромъ, но въ концѣ-концовъ остановился на политической экономіи. Въ 1857 г. онъ получилъ каѳедру этой науки въ Дублинѣ и втеченіе пяти лѣтъ читалъ лекціи въ дублинскомъ университетѣ. Часть этихъ лекцій была опубликована имъ подъ заглавіемъ The Character and Logical Method of Political Economy (два изданія — въ 1857 г. и 1875). Въ 1859 г. Кэрнсъ получилъ каѳедру въ королевской коллегіи въ Челси. Въ 1862 г. онъ написалъ книгу — The Slave Power въ защиту сѣверныхъ штатовъ Союза. Въ 1866 г. онъ перешелъ въ лондонскій университетъ, но въ скоромъ времени долженъ былъ отказаться отъ всякой публичной дѣятельности вслѣдствіе хронической болѣзни, отъ которой сильно страдалъ послѣдніе годы жизни. Несмотря на это, онъ продолжалъ энергично работать, и въ 1873 г. издалъ двѣ книги — Political Essays и Essays on Political Economy.

Въ первой книги собраны работы Кэрнса по экономической исторіи Ирландіи и по педагогическимъ вопросамъ; во второй — экономическія статьи, печатавшіяся раньше въ Frasers Magazine и посвященныя, главнымъ образомъ вопросу объ измѣненіи цѣнности золота. Въ слѣдующемъ году

Кэрнсъ выпустилъ свой главный трудъ—Some Leading Principles of Political Economy.

Кромѣ упомянутыхъ, слѣдующія сочиненія Кэрнса вышли отдѣльными изданіями: The Southern Confederacy and the Slave Trade (1864), Who are the Canters? (1863), Englands Neutrality in the American Contest (1864), University Education in Ireland (1866), Woman Suffrage (1874). Кромѣ, того онъ написалъ много журнальныхъ статей, изъ которыхъ особенное вниманіе обращаетъ на себя его критика Спенсера — Mr. Spencer on Evolution (Fortnightly Review, 1875, янв. и февр.).

Что касается личнаго характера Кэрнса, то его близкіе друзья (къ числу которыхъ принадлежали, между прочимъ, Милль, Кэртней и Фауссетъ) рисуютъ его въ весьма симпатичномъ свѣтѣ. По ихъ словамъ, въ послѣдніе годы жизни Кэрнсъ проявлялъ истинный героизмъ: несмотря на крайне мучительную и неизлѣчимую болѣзнь, онъ не только неустанно работалъ надъ своими книгами, но даже находилъ силу быть веселымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ въ обществѣ. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ либераломъ, и хотя не могъ принимать непосредственнаго участія въ общественной жизни, тѣмъ не менѣе черезъ своихъ друзей оказывалъ значительное политическое вліяніе. Особенно интересовали его ирландскія дѣла, и по словамъ Фауссета *), онъ болѣе чѣмъ кто-

*) Fortnightly Review, 1875 August—„Professor Cairnes“.

либо другой содѣйствовалъ въ свое время сохраненію свѣтскаго характера народнаго образованія въ Ирландіи.

Въ настоящемъ изданіи сочиненій Кэрнса переведены въ 1-й части почти безъ пропусковъ 6 первыхъ лекцій Logical Method of Pol. Ec. Двѣ послѣднія непереведенныя лекціи относятся къ теоріи народонаселенія Мальтуса и теоріи ренты, и не имѣютъ непосредственно методологическаго характера. Вторую часть настоящаго изданія составляетъ переводъ книги Some Leading Principles, причемъ I-й отдѣлъ этой книги переведенъ цѣликомъ, кромѣ §§ 2—4 III-й главы, представляющихъ критику другихъ теорій нормальной цѣнности; изъ 3-го отдѣла книги („Международная Торговля“) переведены почти безъ сокращеній двѣ первыя главы, и нѣсколько сокращена глава III, главы-же IV и V—(о свободной торговлѣ и протекціонизмѣ, и о нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросахъ) совсѣмъ не переведены, какъ не имѣющія большого интереса. Точно также непереведенъ и 2-й отдѣлъ книги („Трудъ и Капиталъ“), очень устарѣвшій въ настоящее время, главнымъ образомъ благодаря основной точкѣ зрѣнія автора, защищающаго ученіе о фондѣ заработной платы.

М. Туганъ-Барановскій.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Введеніе.

Въ началѣ курса лекцій по политической экономіи обыкновенно указываютъ на отрадные успѣхи науки за послѣднее время и въ особенности на еще болѣе отрадный результатъ—что принципы этой науки получаютъ все большее и большее, хотя все еще не полное, признаніе въ торговомъ и финансовомъ законодательствѣ этой страны (Англіи). Дѣйствительно, трудно преувеличить важность этого послѣдняго обстоятельства; точно также нельзя не согласиться, что экономическія ученія за послѣдніе годы были дополнены и исправлены; но въ то-же время, какъ мнѣ кажется, современное положеніе политической экономіи отнюдь не таково, чтобы экономистъ могъ быть имъ совершенно доволенъ.

Прошло четверть вѣка съ того времени, какъ полковникъ Торренсъ писалъ слѣдующія строки: „Въ развитіи человѣческаго ума періодъ разногласія между изслѣдователями извѣстной области науки естественно долженъ предшествовать періоду полнаго согласія. По отношенію къ политической экономіи, періодъ разногласія уже проходитъ и періодъ единодушія быстро

приближается. Чрезъ двадвать лѣтъ врядъ-ли будетъ существовать сомнѣніе относительно основныхъ принциповъ этой науки“ *).

Со времени этого неудачнаго пророчества прошло уже 35 лѣтъ и все-таки такіе основные вопросы, какъ законы народонаселенія, ренты, международной торговли, вліяніе различныхъ родовъ потребленія на распредѣленіе, теорія цѣнъ, остаются еще неустановленными, и все еще должны признаваться „открытыми вопросами“, такъ какъ они продолжаютъ возбуждать ожесточенные споры, и притомъ не только со стороны невѣждъ и недоучекъ, отъ которыхъ ничего другого нельзя и ожидать, но и со стороны авторитетныхъ представителей науки. Періодъ разногласія не только еще не прошелъ, но повидимому, едва начался, причемъ разногласія касаются не только второстепенныхъ заключеній, или практическаго примѣненія научныхъ положеній (разногласія этого рода доказываютъ лишь жизненность науки и являются необходимымъ условіемъ ея прогресса), но разногласія распространяются на самые основные принципы, лежащіе въ корнѣ всѣхъ разсужденій,—принципы, которые признавались вполнѣ установленными въ то время, когда писалъ полковникъ Торренсъ.

Это неустойчивое и неопредѣленное положеніе основныхъ принциповъ политической экономіи, разумѣется, не благопріятствуетъ успѣшному ходу экономическихъ изслѣдованій — нельзя основать солидное и прочное зданіе на сыпучемъ пескѣ. Кромѣ того, существуетъ опасность, что въ публикѣ опять распространится тотъ скептицизмъ относительно всякаго рода экономическихъ

*) Essays on the production of Wealth, XIII.

разсужденій, который въ прежнее время такъ препятствовалъ успѣхамъ науки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя и ожидать, что политическая экономія будетъ преуспѣвать также быстро и постоянно, какъ математическія и естественныя науки. Какъ нерѣдко указывалось, близкое родство политической экономіи съ нравственными науками приводитъ ее къ столкновенію съ нравственными чувствами и предрасположеніями людей, что̀ не можетъ не оказывать вліянія на экономическія разсужденія; въ тоже время, заключенія этой науки, тѣсно соприкасающіяся съ искусствомъ управленія, оказываютъ очевидное и непосредственное вліяніе на человѣческое поведеніе въ нѣкоторыхъ самыхъ важныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Прибавьте къ этому, что всѣ техничеекіе термины политической экономіи взяты изъ разговорнаго языка и по необходимости раздѣляютъ, въ большей или меньшей степени, неопредѣленность этого послѣдняго. Нельзя, поэтому, ожидать, чтобы экономическія разсужденія велись съ тѣмъ-же единствомъ цѣли, строгостью выраженія и аргументаціи, а слѣдовательно и съ тѣмъ-же успѣхомъ, какъ если-бы дѣло шло объ идеяхъ числа или протяженія, или свойствахъ матеріальнаго міра.

Эти соображенія объясняютъ въ значительной степени неустойчивость и неправильность, характеризующія развитіе экономической науки; но я не думаю, чтобы современное неудовлетворительное положеніе науки, по отношенію къ ея основнымъ принципамъ, зависѣло только отъ указанныхъ причинъ. Для объясненія этого послѣдняго слѣдуетъ обратиться, по моему мнѣнію, къ причинамъ болѣе спеціальнаго свойства, и въ частности къ вліянію практическихъ успѣховъ политической экономіи (выразившихся въ быстро имъ

огромномъ расширеніи торговли Англіи со времени принятія ею политики свободной торговли) на способъ разрѣшенія экономическихъ вопросовъ.

Пока политическая экономія не могла предложить общественному вниманію ничего, кромѣ своихъ собственныхъ умозаключеній, никто не признавалъ себя экономистомъ, кромѣ людей, добросовѣстно изучавшихъ эту науку и овладѣвшихъ ея основными принципами; всѣ, признававшіе себя экономистами, при обсужденіи экономическихъ вопросовъ, исходили изъ признанныхъ аксіомъ этой науки. Но когда огромный успѣхъ свободной торговли далъ дѣйствительное доказательство справедливости тѣхъ принциповъ, которые излагаются экономистами, произошла замѣтная перемѣна какъ въ способѣ обсужденія экономическихъ вопросовъ, такъ и въ составѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ обсужденіяхъ. Многіе выступили въ качествѣ экономистовъ, не смотря на то, что они не дали себѣ труда изучить хотя-бы элементарныя основанія этой науки, причемъ нѣкоторые изъ нихъ не могли понять этихъ принциповъ уже по слабости своихъ умственныхъ способностей; но даже лица, основательно ознакомившіяся съ экономическими ученіями, нерѣдко уклонялись отъ истинно-научныхъ принциповъ, стремясь сдѣлать ихъ понятными большой публикѣ, дать болѣе популярное и очевидное доказательство благихъ результатовъ свободной торговли. Это походитъ на то, какъ если-бы математики, для того, чтобы склонить на свою сторону болѣе лицъ, порѣшили отказаться отъ метода анализа и стали доказывать вѣрность своихъ формулъ соотвѣтствіемъ календарныхъ показаній съ дѣйствительными астрономическими явленіями. Строгій логическій стиль, характерный для экономистовъ начала

этого столѣтія, смѣнился новымъ стилемъ, соотвѣтствовавшимъ новой аудиторіи, къ которой обращались экономисты. Разсужденія о политико-экономическихъ вопросахъ все больше и больше стали принимать статистическій характеръ; экономисты стали ссылаться на результаты, вмѣсто принциповъ; правила ариѳметики замѣнили правила индуктивнаго разсужденія; истинный путь изслѣдованія былъ почти забытъ, и политическая экономія находилась въ опасности подвергнуться участи Атланты. Declinat cursus, aurumque volubile tollit.

Милль замѣтилъ, что если въ какой-либо наукѣ существуютъ между учеными принципіальныя разногласія, въ противоположность разногласіямъ по второстепеннымъ вопросамъ, то причину этихъ разногласій всегда слѣдуетъ искать въ различномъ пониманіи учеными научнаго метода изслѣдованія. Противныя стороны руководствуются, сознательно или безсознательно, различными взглядами на свойство доказательствъ, соотвѣтствующихъ разсматриваемому случаю *). Именно этимъ и объясняются, какъ мнѣ кажется, тѣ принципіальныя разногласія, которыя, какъ указано, замѣчаются въ настоящее время среди политико-экономовъ.

Всѣ писатели, принадлежащіе къ школѣ экономистовъ, основателемъ которой можетъ считаться Адамъ Смитъ, а Д. С. Милль послѣднимъ и наиболѣе выдающимся систематикомъ, какъ-бы ни были различны ихъ мнѣнія относительно первоначальныхъ посылокъ политической экономіи и метода этой науки, согласны въ томъ, что политическая экономія можетъ быть опредѣлена, какъ наука о богатствѣ. Это согласіе

*) Essays on some unsettled Questions of Pol. Ec.

предполагаетъ согласіе и по другимъ существеннымъ пунктамъ, на которые и слѣдуетъ обратить вниманіе. Правда, авторитетные писатели возражали противъ ограниченія предмета политической экономіи только богатствомъ или, выражая ту-же мысль иными словами,—противъ установленія особой науки для исключительнаго изслѣдованія разряда явленій, называемыхъ экономическими. Быть можетъ, самымъ выдающимся изъ этихъ писателей былъ Огюстъ Контъ. Слѣдуя Конту, всѣ различныя явленія общественной жизни—политическія, правовыя, религіозныя, образовательныя, эстетическія, также какъ и экономическія, должны быть предметомъ одного общаго изслѣдованія, и ни одна часть этого цѣлаго не можетъ быть изучаема безъ связи съ прочими. Другіе писатели, въ числѣ ихъ и Сэ, не примыкая къ этому крайнему воззрѣнію, въ тоже время стремились распространить экономическія изслѣдованія за границы, устанавливаемыя вышеуказаннымъ опредѣленіемъ—изучая вмѣстѣ съ явленіями богатства также и факты нравственной и общественной природы человѣка. По моему мнѣнію, противъ такого пониманія задачи политической экономіи могутъ быть сдѣланы слѣдующія принципіальныя возраженія.

Во-первыхъ, такому расширенію задачи политической экономіи препятствуетъ крайнее разнообразіе отношеній и соображеній, съ которыми ей пришлось-бы считаться. Но основной недостатокъ разсматриваемаго воззрѣнія, признающаго нужнымъ объединить въ одномъ изслѣдованіи законы богатства со всѣми законами (или частью ихъ) нравственной и общественной природы человѣка, заключается въ томъ, что даже если предметы изслѣдованія того и другого рода тождественны, или изучаемые факты одни и тѣ-же, все-

таки точка зрѣнія, съ которой разсматриваются эти факты, въ томъ и другомъ случаѣ существенно различна. Тѣ-же самыя вещи, тѣ-же лица, тѣ-же дѣйствія, разсматриваются по отношенію къ различнымъ предметамъ, почему они и должны быть относимы къ различнымъ областямъ изслѣдованія.

Такъ, напримѣръ, если-бы нашей задачей было изслѣдованіе законовъ производства и распредѣленія богатства, тѣ факторы производства, производительность которыхъ зависитъ отъ однихъ и тѣхъ же условій, и тѣ лица, участіе которыхъ въ общемъ продуктѣ опредѣляется одними и тѣми-же принципами, должны были-бы быть отнесены въ одну и ту-же категорію; напротивъ, если-бы наши изслѣдованія ставили себѣ болѣе широкую цѣль—выясненіе общественныхъ интересовъ или отношеній вообще, то могла-бы потребоваться совершенно иная группировка изучаемыхъ фактовъ. Такъ, напримѣръ, высшая умственная способность, съ точки зрѣнія производства богатства, можетъ считаться факторомъ производства, вполнѣ аналогичнымъ высшему плодородію почвы; и то и другое является монополизированной силой природы, и доля собственниковъ этихъ силъ въ производимомъ богатствѣ опредѣляется совершенно тѣми-же самыми принципами. Геніальные люди и землевладѣльцы, какъ ни мало у нихъ общаго въ другихъ отношеніяхъ, при изслѣдованіи законовъ производства богатства, должны быть помѣщены въ одинъ классъ, въ качествѣ собственниковъ монополизированныхъ силъ природы. Точно также заработная плата поденщика и содержаніе министра опредѣляются однимъ и тѣмъ-же принципомъ—предложеніемъ и спросомъ по отношенію къ роду дѣятельности каждаго; поэтому экономистъ долженъ включить

этихъ лицъ въ одну категорію, какъ ни различно ихъ общественное положеніе и значеніе. Съ другой стороны, фермеры и землевладѣльцы, которые, съ общественной точки зрѣнія, могутъ разсматриваться совмѣстно, какъ представители земледѣльческихъ интересовъ, съ точки зрѣнія законовъ богатства, должны быть помѣщены въ различные классы: доходъ фермера опредѣляется законами, установляющими норму прибыли, а доходъ замлевладѣльца устанавливается закономъ ренты, а эти законы не только не тождественны, но даже дѣйствуютъ въ противоположномъ направленіи.

Какъ уже указано, Сэ принадлежитъ къ числу писателей, признающихъ за политической экономіей болѣе широкую задачу, а между тѣмъ, именно въ его трактатѣ о политической экономіи яснѣе всего выступаютъ неудобства такого метода; большинство ошибокъ, въ которыя онъ впалъ, происходитъ изъ этого источника. Всякому читавшему его сочиненія бросается въ глаза, что въ своихъ разсужденіяхъ объ экономическихъ вопросахъ Сэ всегда имѣетъ въ виду несимпатичныя ему соціалистическія ученія. То-же самое замѣчаніе можно сдѣлать и о многихъ другихъ французскихъ экономистахъ, особенно о Бастіа. Естественнымъ послѣдствіемъ такого отношенія къ предмету, — такъ какъ задача Сэ заключалась столькоже въ защитѣ общества и собственности отъ нападокъ предполагаемыхъ противниковъ, сколько и въ выясненіи законовъ богатства, — является то, что вопросы, касающіеся распредѣленія богатства, постоянно смѣшиваются съ совершенно особыми вопросами справедливости существующихъ общественныхъ учрежденій, вопросы чисто-экономическіе запутываются соображеніями, не имѣющими съ ними ничего общаго.

Такъ, Сэ говоритъ, что рента, процентъ и заработная плата вполнѣ аналогичны: величина дохода каждаго рода опредѣляется полезностью соотвѣтствующаго производительнаго фактора. По этой теоріи рента зависитъ не отъ различія стоимости производства земледѣльческихъ продуктовъ, благодаря различію естественныхъ свойствъ почвы, прибыль зависитъ не отъ стоимости труда, а заработная плата не отъ спроса и предложенія труда, но каждая форма дохода зависитъ отъ той пользы, которую земля, капиталъ и трудъ приносятъ въ общемъ процессѣ производства богатства. Такимъ образомъ, совершенно различные экономическіе законы, установляющіе распредѣленіе богатства между собственниками этихъ трехъ производительныхъ факторовъ, смѣшиваются другъ съ другомъ — съ тою цѣлью, чтобы воспользоваться нравственными доказательствами въ защиту существующаго общественнаго устройства, и представить три общественныхъ класса — землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, — находящимися въ совершенно одинаковомъ положеніи по отношенію къ требованіямъ общественной справедливости и пользы.

Докторъ Уэвелль, разсматривая причины неудачи естественной философіи грековъ, находитъ причину этого въ томъ обстоятельствѣ, что греки вводили въ свои естественно-научныя соображенія идеи, не соотвѣтствующія тѣмъ фактамъ, объяснять которые они стремились. Обычное предположеніе, что греки не придавали значенія изслѣдованію фактовъ, по словамъ Уэвелля, совершенно невѣрно; Аристотель, повидимому, усердно собиралъ факты; точно также не было у греческихъ философовъ недостатка и въ идеяхъ, при помощи которыхъ они могли-бы обобщать факты,

собираемые ими. Но вмѣсто того, чтобы обращать постоянное и исключительное вниманіе на чисто-физическія идеи силы и давленія, они старались объяснять внѣшнія явленія соображеніями нравственнаго свойства, такими идеями, какъ чуждое или присущее, естественное или неестественное, симпатія или отвращеніе и т. п. — и въ результатѣ соображенія ихъ не повели ни къ чему, кромѣ построенія фантастичныхъ теорій, или къ чисто-словеснымъ выраженіямъ.

Введеніе въ экономическія разсужденія такихъ соображеній, какъ вышеуказанныя соображенія Сэ, кажется мнѣ ошибкой какъ разъ такого-же рода, какъ и ошибки древнихъ грековъ въ ихъ физическихъ изслѣдованіяхъ; методъ Сэ—включать въ одно и то-же изслѣдованіе соображенія о задачахъ и цѣляхъ общественнаго союза одновременно съ экономическими законами богатства, по моему мнѣнію, неизбѣжно приводитъ къ этой ошибкѣ. Писатель, понимающій такимъ образомъ цѣли политической экономіи, постоянно подвергается искушенію перейти отъ соображеній, свойственныхъ предмету его изученія, къ обсужденію справедливости и пригодности тѣхъ или иныхъ общественныхъ формъ — обсужденію, умѣстному только въ болѣе широкой наукѣ объ обществѣ. Вмѣсто того, чтобы заниматься вопросомъ — по какимъ законамъ извѣстные факты возникаютъ изъ извѣстныхъ началъ, такой писатель будетъ стремиться выяснить, въ какомъ отношеніи находятся данные факты къ общественному благополучію и естественной справедливости; и обыкновенно ему удается убѣдить себя, что онъ рѣшилъ экономическую задачу, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ только доказалъ или

убѣдилъ себя въ томъ, что доказалъ, справедливость извѣстныхъ общественныхъ учрежденій.

Итакъ, возраженія противъ такого метода изслѣдованія экономическихъ явленій имѣютъ принципіальный характеръ и основываются на несовмѣстимости задачъ изслѣдованія, которыя этотъ методъ стремится соединить во-едино. Если-бы даже было желательно назвать политической экономіей эту болѣе обширную область изслѣдованія, все-же было бы необходимо сохранить особую и независимую науку, изслѣдующую законы производства и распредѣленія богатства.

Далѣе, обычное опредѣленіе признаетъ политическую экономію наукой, и для тѣхъ, кто понимаетъ, что такое наука, въ современномъ смыслѣ этого слова, это сразу устанавливаетъ и область и цѣль политической экономіи. Къ несчастію, многіе, прекрасно понимающіе, что такое наука въ области внѣшней природы, придаютъ совершенно иной смыслъ этому термину, или, вѣрнѣе, отказываются придавать ему какой-бы то ни было смыслъ, когда онъ употребляется въ примѣненіи къ общественнымъ явленіямъ. По мнѣнію очень многихъ все то, что касается общественныхъ явленій,—имѣется-ли при этомъ въ виду устраненіе какого-либо несовершенства, или содѣйствіе порядку или прогрессу общества — составляетъ общественную науку; политической экономіей въ этомъ случаѣ называютъ все, что такъ или иначе касается производства, распредѣленія или потребленія богатства. Но я особенно настаиваю на слѣдующемъ положеніи: все, что имѣетъ форму плана, преслѣдующаго опредѣленную практическую цѣль — будутъ-ли это мѣры къ уменьшенію пауперизма, реформа господствующей системы землепользованія, средства распространенія кооперa-

тивнаго производства, регулированіе денежнаго обращенія, или если преслѣдуются болѣе честолюбивыя цѣли—преобразованіе общества подъ руководствомъ духовныхъ или свѣтскихъ властей, въ лицѣ верховнаго первосвященника человѣчества и трехъ банкировъ (Ог. Контъ)—словомъ, каково бы ни было подобное предложеніе, стремится-ли оно къ широкимъ или узкимъ цѣлямъ, благоразумно-ли оно или безразсудно, оно не имѣетъ научнаго характера и не имѣетъ никакихъ правъ на это наименованіе, если только задача этого предложенія заключается въ достиженіи опредѣленныхъ практическихъ цѣлей. Возьмемъ признанныя естественныя науки—астрономію, механику, химію, физіологію — развѣ онѣ стремятся къ опредѣленнымъ практическимъ цѣлямъ? къ измѣненію въ опредѣленномъ смыслѣ, все равно въ какомъ, даннаго устройства вселенной? Очевидно — нѣтъ. Задача этихъ наукъ всегда заключается не въ достиженіи опредѣленныхъ вещественныхъ результатовъ, не въ оправданіи извѣстнаго научнаго положенія, не въ защитѣ того или иного практическаго плана, а только въ выясненіи, въ открытіи законовъ природы, въ установленіи — какія явленія находятся въ связи другъ съ другомъ, какія слѣдствія происходятъ отъ какихъ причинъ. Развѣ поэтому естественныя науки не имѣютъ практическаго значенія для человѣчества? Я полагаю, что на это не стоитъ отвѣчать. Но если это такъ, то и политическая экономія должна быть такой-же наукой, какъ астрономія, механика, химія и физіологія. Предметы изслѣдованія этихъ наукъ различны; политическая экономія изучаетъ богатство, между тѣмъ какъ естественныя науки изучаютъ внѣшнюю природу; но методы всѣхъ этихъ наукъ, ихъ выводы, существенно одни и тѣ-же. Политическая экономія выполняетъ тоже самое по отношенію къ явленіямъ богатства, что̀ астрономія выполняетъ по отношенію къ явленіямъ небесныхъ тѣлъ, механика—по отношенію къ явленіямъ движенія, химія—къ явленіямъ химическаго соединенія и физіологія по отношенію къ явленіямъ органической жизни; политическая экономія выясняетъ законы, согласно которымъ явленія богатства сосуществуютъ или слѣдуютъ другъ за другомъ; словомъ, эта наука устанавливаетъ законы явленій богатства.

Быть можетъ, не мѣшаетъ нѣсколько разъяснить это выраженіе. Оно не рѣдко употребляется, но, подобно многимъ другимъ, часто употребляемымъ выраженіямъ, не всегда имѣетъ вполнѣ опредѣленный смыслъ. Само собою разумѣется, что подъ законами явленій богатства я не подразумѣваю актовъ парламента, а подразумѣваю *естественные законы* этихъ явленій, *законы природы*. Что такое явленія богатства? Это просто факты богатства,—такіе факты, какъ производство, обмѣнъ, цѣна, или различныя формы, принимаемыя богатствомъ въ процессѣ его распредѣленія, какъ заработная плата, прибыль, рента, процентъ и т. п. Все это—явленія богатства; а естественными законами этихъ явленій я называю извѣстныя постоянныя отношенія, въ которыхъ эти явленія находятся другъ къ другу и къ своимъ причинамъ. Напримѣръ, въ Англіи капиталъ возрастаетъ изъ года въ годъ въ извѣстной прогрессіи; въ Соединенныхъ Штатахъ ростъ капитала совершается значительно быстрѣе; въ Китаѣ значительно медленнѣе. Эти факты не случайны, но представляютъ собой естественный результатъ извѣстныхъ причинъ, напримѣръ, внѣшнихъ

физическихъ условій этихъ странъ, умственнаго развитія и нравственнаго склада населяющихъ ихъ народовъ, политическихъ и соціальныхъ учрежденій; и, пока причины остаются прежними, результаты должны быть одни и тѣ же. Точно также, цѣны товаровъ, земельная рента, заработная плата, прибыль, процентъ, различны въ разныхъ странахъ. Но особыя формы, принимаемыя этими явленіями, не болѣе случайны, чѣмъ климатъ или минеральныя богатства этихъ странъ, ихъ флора или фауна. Въ экономическихъ, также какъ и въ физическихъ явленіяхъ, наблюдаемые нами факты суть результаты причинъ, и связь между этими фактами и ихъ причинами постоянна и неизмѣнна. Эти-то постоянныя отношенія, существующія между экономическими явленіями, мы и имѣли въ виду, говоря о законахъ явленій богатства; и задача политической экономіи заключается въ изложеніи этихъ законовъ. Если меня спросятъ, въ чемъ заключается полезность такого изложенія экономическихъ законовъ, я отвѣчу—въ томъ-же самомъ, въ чемъ заключается польза всякаго научнаго познанія. Оно указываетъ намъ предѣлы нашей власти надъ существующими экономическими фактами, указываетъ намъ средства достиженія нашихъ цѣлей въ области матеріальнаго благополучія. Благодаря такому познанію, человѣкъ становится господиномъ и истолкователемъ природы,. и научается, подчиняясь природѣ, управлять ею.

Теперь я прошу обратить вниманіе на вытекающее отсюда заключеніе. Во-первыхъ, отсюда слѣдуетъ, что политическая экономія совершенно независима отъ какого-бы то ни было плана общественнаго или хозяйственнаго устройства. Ей также мало дѣла до системы

laissez faire, какъ и до коммунизма, до свободы договора, какъ и до правительственной опеки. Политическая экономія сохраняетъ полнѣйшій нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ этимъ системамъ. Разумѣется, знаніе, доставляемое наукой, можетъ быть употреблено для поддержанія однѣхъ системъ и доказательства несостоятельности другихъ. Въ этомъ заключается польза экономической науки. Но тѣмъ не менѣе по отношенію къ соціальнымъ планамъ наука нейтральна въ слѣдующемъ смыслѣ. Она не высказываетъ сужденій о достоинствѣ или желательности тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремятся эти системы. Наука говоритъ намъ, къ какимъ результатамъ, въ области спеціально изучаемыхъ ею фактовъ, приведутъ разсматриваемыя системы; она сообщаетъ, такимъ образомъ, основанія для правильной оцѣнки этихъ системъ, но здѣсь ея обязанности кончаются. Эти данныя могутъ очень повліять на наше окончательное сужденіе о достоинствахъ той или иной соціальной системы, но этого можетъ и не быть, и дѣйствительно часто не бываетъ. Дѣло въ томъ, что существуетъ очень мало практическихъ задачъ, которыя не требуютъ соображеній—политическихъ, нравственныхъ, эстетическихъ и др., кромѣ чисто-экономическихъ; эти другія разнообразныя соображенія могутъ быть настолько важны, что перевѣсятъ вліяніе чисто-экономическихъ мотивовъ. Политическая экономія не высказываетъ своего сужденія объ относительной важности такихъ сталкивающихся мотивовъ, и въ этомъ смыслѣ она нейтральна по отношенію къ борящимся соціальнымъ системамъ; нейтральна, какъ нейтральна механика по отношенію къ разнымъ планамъ постройки желѣзной дороги; какъ химія нейтральна по отношенію къ планамъ санитарныхъ улу-

чшеній, или какъ физіологія по отношенію къ разнымъ медицинскимъ системамъ. Политическая экономія доставляетъ данныя, или, точнѣе, часть данныхъ для оцѣнки всѣхъ этихъ системъ; но она отнюдь не можетъ быть отождествлена съ которою-либо изъ нихъ.

Я обращаю спеціальное вниманіе на эту особенность политической экономіи потому, что, по моему мнѣнію, особенность эта мало замѣчается публикой, а также и потому, что нежеланіе знать эту характерную черту науки привело къ очень прискорбнымъ послѣдствіямъ. Напримѣръ: нерѣдко думаютъ, что такъ какъ политическая экономія включаетъ въ свою область изслѣдованіе заработной платы, прибыли и ренты, то уже тѣмъ самымъ наука одобряетъ существующую организацію хозяйства, при которой три различные класса получаютъ вознагражденіе въ указанныхъ формахъ—рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы. Подъ впечатлѣніемъ этого, нѣкоторые соціальные реформаторы, идеалы которыхъ требовали измѣненія существующей хозяйственной системы, осуждали экономическую науку за ея стремленіе сохранить въ неизмѣнномъ видѣ существующія хозяйственныя формы и за ея противодѣйствіе, благодаря этому, ихъ собственнымъ стремленіямъ. Но это совершенная ошибка. Экономическая наука также мало связана съ современной хозяйственной системой, какъ наука механики съ современной системой желѣзныхъ дорогъ. Желѣзныя дороги были проложены соотвѣтственно нашимъ знаніямъ механики; но мы не считаемъ нужнымъ, вслѣдствіе этого, раньше чѣмъ приступать къ переустройству дорогъ, обвинять науку механики. Если экономическая теорія трактуетъ о заработной

платѣ, прибыли, рентѣ, то это просто потому, что таковы формы, принимаемыя въ современномъ обществѣ распредѣленіемъ богатства. Онѣ составляютъ явленіе, требующее объясненія. Но точно также задачу экономиста составляетъ и выясненіе дѣйствія всякаго предлагаемаго измѣненія этой системы, установленіе законовъ производства и распредѣленія при новыхъ условіяхъ.

Здѣсь не лишне сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: совершенно невѣрно распространенное мнѣніе, будто экономическая наука сдѣлала свое дѣло и теперь стала практически безполезной, только предметомъ исторической любознательности; на-оборотъ, политическая экономія принадлежитъ къ числу тѣхъ наукъ, которыя никогда не могутъ быть закончены, до тѣхъ поръ пока человѣчество продолжаетъ прогрессировать, такъ какъ важнѣйшую часть ея посылокъ составляютъ характеръ и учрежденія людей, почему все, измѣняющее этотъ характеръ или учрежденія, создаетъ новыя задачи для экономической науки. Въ другомъ положеніи находится естествоиспытатель, имѣющій дѣло постоянно съ одними и тѣми же явленіями; напротивъ, предметъ изученія экономиста—человѣкъ, какъ хозяйственный дѣятель, человѣкъ, какъ членъ общества—подвергается постояннымъ измѣненіямъ. Экономическія условія патріархальнаго времени — эпохи грековъ или римлянъ, или феодализма, иныя, чѣмъ экономическія условія нашего времени; и если-бы политическая экономія разрабатывалась въ древнѣйшую, древнюю или средневѣковую эпоху, то экономическая наука этихъ эпохъ, безъ сомнѣнія, содержала-бы нѣкоторыя положенія, отсутствующія въ настоящее время, и точно также въ ней не было-бы многаго изъ того, что есть теперь. Стоитъ только поду-

мать о разсужденіяхъ по поводу денежнаго обращенія и кредита, сопровождавшихъ широкое развитіе англійской торговли въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, чтобы понять, какъ измѣненіе потребностей преуспѣвающаго общества ставитъ новыя задачи экономисту и вызываетъ новыя экономическія ученія. И въ настоящее время можно видѣть нѣчто совершенно подобное. Съ того времени, какъ экономическія ученія, заполняющія обычныя руководства этой науки, были установлены, въ Великобританіи и другихъ странахъ развился новый порядокъ промышленной организаціи. Кооперація въ настоящее время является дѣйствительностью, и если довѣрять многимъ признакамъ, обѣщаетъ многое измѣнить въ хозяйственномъ строѣ Англіи. Но характерной чертой кооперація, разсматриваемой съ экономической точки зрѣнія, является соединеніе въ одномъ лицѣ и рабочаго и капиталиста, между тѣмъ какъ современныя теоріи дохода предполагаютъ подраздѣленіе этихъ хозяйственныхъ качествъ между особыми лицами. Очевидно, существующія теоріи не могутъ объяснить положенія вещей, отличнаго отъ того, изъ котораго они исходили. Поэтому, требуется новое разсмотрѣніе законовъ дохода—разсмотрѣніе, исходящее изъ того положенія вещей, когда доходъ производителя, вмѣсто того, чтобы распадаться на заработную плату, прибыль, и ренту, образуетъ одну нераздѣльную сумму. Разумѣется, можно спорить, дѣйствительно-ли въ этомъ направленіи движется современное общество; существуетъ, напримѣръ, мнѣніе, что движеніе идетъ въ направленіи возникновенія „повелителей промышленности“ (captains of Industry, Carlyle) и организаціи рабочихъ какъ-бы на военныхъ началахъ. Можетъ быть, это такъ, и въ такомъ случаѣ экономическія задачи будущаго будутъ

иныя, чѣмъ только-что указанныя; но во всякомъ случаѣ, какія-нибудь экономическія задачи да останутся. Если-бы даже общество было организовано согласно принципамъ Ог. Конта, пока физическая и духовная природа человѣка останется тѣмъ, что она есть, явленія богатства будутъ обнаруживать извѣстныя правильныя соотношенія, будутъ управляться законами природы, и важно будетъ установить эти отношенія, эти законы. И въ этомъ случаѣ, указанія экономиста будутъ также необходимы, какъ и раньше.

Гораздо болѣе важнымъ послѣдствіемъ отрицанія нейтральной роли экономической науки по отношенію къ практическимъ реформамъ является отчужденіе отъ этой науки рабочихъ классовъ. Вмѣсто того, чтобы явиться въ видѣ нейтральнаго совѣтника, доставляющаго извѣстныя посылки для рѣшенія соціальныхъ вопросовъ, посылки, которыя сами по себѣ не могутъ служить руководствомъ для дѣйствій кого-бы то ни было, и практическое значеніе которыхъ можетъ быть опредѣлено только послѣ того, какъ будутъ выяснены всѣ, а не одни только экономическія, условія задачи—вмѣсто того, чтобы выступить въ роли чистой науки, какъ выступаютъ химія, физіологія, механика,—политическая экономія часто появляется, въ особенности передъ рабочими классами, въ видѣ догматическаго свода сухихъ правилъ, системы, раздающей приказанія, одобряющей одни соціальныя учрежденія и осуждающей другія, требующей отъ людей не уваженія, но повиновенія. И если мы примемъ въ соображеніе повелѣнія, обыкновенно издаваемыя отъ имени политической экономіи—повелѣнія, сводящіяся преимущественно къ поддержанію существующей формы общественнаго устройства, признаваемой почти вполнѣ совершенной — то,

мнѣ кажется, будетъ нетрудно понять причину отвращенія и даже вражды къ этой наукѣ многихъ людей, имѣющихъ основаніе не раздѣлять восторга иныхъ популярныхъ истолкователей экономическихъ законовъ по поводу существующаго хозяйственнаго строя. Когда рабочему говорятъ, что политическая экономія осуждаетъ стачки, сомнѣвается въ полезности кооперацiи, неодобрительно относится къ ограниченію часовъ работы, но вполнѣ одобряетъ накопленіе капитала, освящаетъ рыночную цѣну труда — то что можетъ быть естественнѣе отвѣта: „если политическая экономія противъ рабочаго, то и рабочій долженъ быть противъ политической экономіи“. Что можетъ быть естественнѣе подозрительнаго отношенія къ этому новому своду законовъ, въ которомъ рабочіе видятъ систему, созданную въ интересахъ предпринимателя и къ которой они могутъ относиться только отрицательно. Такимъ образомъ, для экономической науки создается совершенно ложное положеніе, и та часть общества, которая наиболѣе заинтересована въ ея истинахъ, не допускается даже до слушанія этихъ истинъ. Поэтому, сохраненіе чисто-научнаго характера политической экономіи имѣетъ, по моему мнѣнію, не только теоретическое, но и первенствующее практическое значеніе: только въ качествѣ чистой науки политическая экономія можетъ достигнуть того, что ея истинное отношеніе къ практическимъ реформамъ будетъ понято, и глубоко коренящееся, и вполнѣ естественное предубѣжденіе самаго многочисленнаго класса общества противъ этой науки будетъ побѣждено.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

О духовныхъ и матеріальныхъ посылкахъ политической экономіи и о логическомъ характерѣ вытекающихъ изъ нихъ ученій.

Въ первой лекціи я указалъ на то, какъ понимаетъ задачу политической экономіи большинство руководящихъ экономистовъ и въ частности указалъ на смыслъ опредѣленія политической экономіи, какъ „науки о богатствѣ“. Теперь мы достигли пункта, когда можно дать болѣе точное опредѣленіе характера и цѣлей науки, для чего требуется выяснить отношеніе экономическихъ разсужденій къ двумъ великимъ областямъ бытія—матеріи и духа. По этому вопросу высказывались авторитетными лицами слѣдующія соображенія.

„При всякомъ взаимодѣйствіи человѣка и природы,—воздѣйствуетъ-ли человѣкъ на природу, или, на-оборотъ, онъ самъ подвергается ея воздѣйствію,—результатъ или явленіе зависитъ отъ причинъ двоякаго рода: отъ свойствъ объекта воздѣйствующаго и объекта испытывающаго это воздѣйствіе. Все, что можетъ произойти во всѣхъ случаяхъ, гдѣ участвуетъ природа и человѣкъ, зависитъ отъ совмѣстнаго дѣйствія законовъ матеріи и духа. Такъ, напримѣръ, производство

хлѣба человѣческимъ трудомъ есть результатъ законовъ духа и законовъ матеріи. Законы матеріи — это тѣ свойства почвы и растенія, которыя управляютъ произрастаніемъ сѣмени въ почвѣ, а также тѣ свойства человѣческаго тѣла, которыя дѣлаютъ для него необходимой пищу. Законы духа—это желаніе человѣка получить пищу, а слѣдовательно и добыть всѣ средства для ея полученія. Законы духа и матеріи такъ не похожи другъ на друга по своей природѣ, что было-бы противно принципамъ всякой классификаціи соединять ихъ въ одну научную дисциплину. Поэтому, придерживаясь научнаго метода, слѣдуетъ изучать эти законы отдѣльно другъ отъ друга. Сложный результатъ или явленіе, зависящее какъ отъ свойствъ матеріи, такъ и отъ свойствъ духа, можетъ быть предметомъ двухъ совершенно различныхъ наукъ, или отраслей наукъ; съ одной стороны—наукъ, изучающихъ явленія лишь постольку, поскольку они зависятъ отъ свойствъ только матеріи; съ другой стороны—наукъ, разсматривающихъ явленія, поскольку они зависятъ лишь отъ законовъ духа.

Естественныя науки изучаютъ законы матеріи, и всѣ сложныя явленія постольку, поскольку они зависятъ отъ законовъ матеріи. Нравственныя науки изучаютъ законы духа и всѣ сложныя явленія, поскольку они зависятъ отъ законовъ духа. Большинство нравственныхъ наукъ пользуется посылками естественныхъ наукъ, но очень немногія естественныя науки пользуются посылками нравственныхъ. Причина этого понятна. Очень многія явленія (напримѣръ, землетрясенія, или движенія планетъ) зависятъ исключительно отъ законовъ матеріи и не имѣютъ никакого отношенія къ законамъ духа. Поэтому, многія естественныя науки могутъ совершенно не вѣдать духа, какъ будто духъ существуетъ только какъ органъ познанія, а не какъ факторъ, извѣстнымъ образомъ воздѣйствующій на внѣшнюю природу. Но не существуетъ явленій, которыя зависятъ *исключительно* отъ законовъ духа; такъ какъ сами душевныя явленія частью зависятъ отъ физіологическихъ законовъ организма. Поэтому, всѣ нравственныя науки, не исключая и чистой науки о духѣ, должны принимать въ соображеніе разнообразные выводы естествознанія; нравственныя науки исходятъ изъ этихъ выводовъ, какъ изъ посылокъ, и заканчиваютъ въ изслѣдованіи сложныхъ явленій то, что не было исполнено естествознаніемъ.

Этимъ вполнѣ опредѣляется и отношеніе политической экономіи къ различнымъ наукамъ, играющимъ вспомогательную роль въ искусствѣ производства.

Законы производства продуктовъ, составляющихъ богатство, изучаются какъ политической экономіей, такъ и почти всѣми физическими науками. Но всѣ тѣ законы этого рода, которые являются только законами матеріи, относятся исключительно къ естествознанію. Законы-же человѣческаго духа, и только они, относятся къ области политической экономіи, которая въ концѣ-концовъ сводитъ результатъ комбинированнаго дѣйствія и тѣхъ и другихъ законовъ" *).

Этотъ взглядъ былъ воспринятъ и другимъ авторитетнымъ писателемъ, Сеньоромъ, который въ статьѣ Edinburgh Review (окт. 1848) слѣдующимъ образомъ объясняетъ это мѣсто Милля:

„Справедливость соображеній Милля, по нашему мнѣ-

*) D. S. Mill — Essays on some unsettled Questions of Pol. Ec., p. 130—132.

нію, очевидна; и хотя эти соображенія впервые ясно формулированы Миллемъ они признаются безсознательно всѣми, такъ какъ всѣ фактически руководствуются ими. Экономисты не стремятся къ установленію механическихъ или химическихъ законовъ, благодаря которымъ паровыя машины совершаютъ свои чудеса. Экономистъ не касается этихъ законовъ, какъ законовъ матеріи; но онъ объясняетъ, поскольку хватаетъ его познаній, мотивы, побуждающія механика устраивать паровую машину, и рабочаго дѣлать ее, а все это—законы духа. Экономистъ оставляетъ геологу объяснять законы матеріи, вызывающіе образованіе каменнаго угля; химику—опредѣлять составъ угля, инженеру—придумывать способы добычи этого угля, и представителямъ самыхъ разнообразныхъ техническихъ искусствъ—выяснять пользу различныхъ употребленій каменнаго угля. Себѣ-же экономистъ оставляетъ опредѣленіе законовъ духа, подъ вліяніемъ которыхъ собственникъ земли разрѣшаетъ арендатору прекратить обработку поверхности земли и извлекать изъ почвы минералы, подъ вліяніемъ которыхъ капиталистъ употребляетъ на постройку шахты средства, которыя могли-бы быть употреблены на его личныя удовольствія; подъ вліяніемъ которыхъ рудокопъ претерпѣваетъ всѣ тягости и опасности своего рискованнаго и труднаго дѣла; и затѣмъ экономистъ опредѣляетъ законы,—законы духа, устанавливающіе, въ какой пропорціи продуктъ, или его цѣнность, распредѣляется между тремя классами людей, при участіи которыхъ продуктъ былъ добытъ. Когда экономистъ пользуется, какъ своими первыми посылками, фактами, сообщаемыми естествознаніемъ (что онъ дѣлаетъ очень часто), онъ никогда не ищетъ объясненія этимъ фактамъ“.

Заключительная фраза выше приведенной выписки изъ „Опыта“ Милля—что политическая экономія сводитъ результатъ комбинированнаго дѣйствія тѣхъ и другихъ законовъ (матеріи и духа), по моему мнѣнію, правильно указываетъ задачи науки; но она мало согласуется съ общимъ смысломъ предшествующихъ замѣчаній Милля, и находится въ совершенномъ противорѣчіи съ истолкованіями этого мѣста Сеньоромъ. Если исключить послѣднія слова Милля, то его мысль можно понять такъ: политическая экономія принадлежитъ къ числу наукъ, изслѣдующихъ законы духа и всѣ сложныя явленія постольку, поскольку они зависятъ отъ законовъ духа, почему эту науку можно отнести къ числу „нравственныхъ наукъ“ и такъ какъ политическая экономія менѣе тѣсно связана съ матеріальнымъ міромъ, то эта наука не можетъ быть помѣщена въ одну группу съ естественными науками. Факты и законы матеріальной природы политическая экономія принимаетъ какъ данныя, а факты и законы духа, поскольку они соприкасаются съ производствомъ и распредѣленіемъ богатства, составляютъ собственную область политической экономіи, тѣ явленія, которыми она занимается и которыя она выясняетъ. Мнѣ кажется, что такимъ образомъ можно истолковать приведенное мѣсто Милля, и насколько мнѣ извѣстно, именно такъ это мѣсто и было понято и принято послѣдующими писателями. Съ такимъ пониманіемъ характера политической экономіи я позволяю себѣ совершенно несогласиться. Мнѣ кажется, что законы и явленія богатства, которыя составляютъ область этой науки, въ одинаковой мѣрѣ зависятъ отъ законовъ матеріи и духа; политическая экономія находится совершенно въ одинаковомъ положеніи по

отношенію къ физической и духовной природѣ и если помѣщать эту науку въ какую-либо изъ этихъ двухъ областей, она съ одинаковымъ правомъ можетъ занять мѣсто въ каждой изъ нихъ.

Выраженія „естественныя“ и „нравственныя“ науки или науки о духѣ, обозначаютъ, какого рода явленія— механическія или душевныя — являются предметомъ этихъ наукъ. Такъ, химія признается естественной наукой потому, что предметъ химіи — матеріальные элементы и ихъ соединенія, имѣетъ матеріальный характеръ. Психологія, напротивъ, относится къ числу наукъ о духѣ, потому что она имѣетъ дѣло съ состояніями нашего ума или чувства. Подобно тому, какъ задача химика заключается въ изученіи и анализѣ матеріальныхъ предметовъ для того, чтобы открыть законы ихъ элементарнаго сложенія, задача психолога состоитъ въ уясненіи, при помощи наблюденія, того, что происходитъ въ немъ самомъ, или, повидимому, происходитъ въ умахъ другихъ людей,—тѣхъ законовъ, на основаніи которыхъ явленія нашего душевнаго состоянія слѣдуютъ другъ за другомъ или производятъ другъ друга. Если въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о естественныхъ или душевныхъ наукахъ, то политическая экономія не можетъ найти мѣста ни въ томъ ни въ другомъ разрядѣ. Ни духовная, ни матеріальная природа не составляетъ предмета изслѣдованія политической экономіи. Правда, экономистъ принимаетъ въ соображеніе душевныя явленія, какъ и матеріальныя, но онъ отнюдь не считаетъ ихъ явленіями, подлежащими его объясненію. Предметъ его науки—богатство; и хотя богатство состоитъ изъ матеріальныхъ предметовъ, эти предметы становятся богатствомъ не потому, что они матеріальны, но потому, что они

имѣютъ цѣнность, т. е. потому, что они имѣютъ свойство, присвоиваемое имъ человѣческимъ духомъ. Такимъ образомъ, предметъ политической экономіи не можетъ быть отнесенъ ни къ чисто-матеріальной, ни къ чисто-духовной области, но имѣетъ сложный характеръ, зависитъ отъ явленій обоего рода, и законы политической экономіи не могутъ быть отнесены ни къ духовнымъ, ни къ матеріальнымъ законамъ, хотя они зависятъ, и, какъ я настаиваю, зависятъ въ одинаковой мѣрѣ, отъ законовъ и матеріи и духа.

Разсмотримъ, напримѣръ, причины, опредѣляющія уровень заработной платы. Это признается всѣми задачей политической экономіи. Очевидно, предметы, получаемые рабочимъ, являются матеріальными предметами, но этимъ матеріальнымъ предметамъ присваиваются духомъ особыя свойства, въ силу которыхъ предметы пріобрѣтаютъ цѣнность; и экономистъ имѣетъ дѣло съ этими предметами, въ ихъ сложномъ, двойственномъ видѣ, какъ съ физическими предметами, имѣющими свойство цѣнности. Такимъ образомъ, проблема заработной платы должна считаться какъ съ матеріальными, такъ и съ духовными свойствами; и все изслѣдованіе, если оно должно быть названо по своему предмету, одинаково можетъ быть отнесено къ области какъ матеріальныхъ, такъ духовныхъ проблемъ.

Но говорятъ, что политическая экономія разсматриваетъ эту проблему лишь постольку, поскольку она касается человѣческаго духа. Пища и одежда, безъ сомнѣнія, имѣютъ физическія свойства, точно также какъ и самъ рабочій имѣетъ физическія и душевныя свойства; но физическія свойства, говорятъ намъ, не касаются экономиста; онъ разсматриваетъ всѣ эти

предметы лишь постольку, поскольку они имѣютъ цѣнность, а цѣнность—чисто-умственное представленіе. Но такъ ли это? Развѣ экономистъ, напримѣръ, тотъ-же Сеньоръ, при научномъ изслѣдованіи вопроса, не принимаетъ въ соображеніе физическихъ свойствъ предметовъ, потребляемыхъ рабочимъ, или физіологическія условія, отъ которыхъ зависитъ возрастаніе населенія? Въ чемъ заключается рѣшеніе проблемы заработной платы? Говорятъ, что заработная плата зависитъ отъ спроса и предложенія, или точнѣе—отъ отношенія между капиталомъ, затрачиваемымъ на уплату вознагражденія рабочимъ, къ числу рабочихъ, ищущихъ занятія. Но количество капитала, предназначаемаго для этой цѣли, зависитъ, между прочимъ, и отъ производительности отраслей промышленности, производящихъ предметы потребленія рабочихъ, что̀, въ свою очередь, опредѣляется законами внѣшней природы и умственными свойствами рабочихъ. Число рабочихъ, ищущихъ занятія, въ свою очередь, зависитъ отъ законовъ народонаселенія, а эти законы устанавливаются какъ физическими законами организма, такъ и психологическими законами духа—и политико-экономъ не можетъ не принимать въ соображеніе законовъ обоего рода.

Такимъ образомъ, предметъ политической экономіи—богатство—обладаетъ свойствами, производными какъ изъ области матеріи, такъ и духа, а слѣдовательно и посылки политической экономіи заимствуются изъ этихъ обѣихъ областей. Послѣднее, впрочемъ, признается и тѣми авторитетами, на которыхъ я указывалъ, несмотря на то, что эти авторитеты, по странному недосмотру, утверждаютъ, что экономическая наука изслѣдуетъ за-

коны богатства лишь постольку, поскольку они зависятъ отъ законовъ человѣческаго духа.

Но быть можетъ, можно болѣе выяснить этотъ пунктъ, а именно—одинаковую зависимость политической экономіи отъ законовъ какъ физическаго міра, такъ и человѣческаго духа, если обратить вниманіе на то, какъ измѣнились-бы заключенія политическій экономіи при иныхъ законахъ того и другого рода. Физическія свойства почвы, при современномъ устройствѣ природы, таковы, что если на ограниченномъ пространствѣ затрачивается на обработку земли извѣстная сумма труда, то увеличенная затрата труда не сопровождается пропорціональнымъ увеличеніемъ продукта. И доказательствомъ вѣрности этого положенія является фактъ, что вмѣсто того, чтобы обработывать только лучшія почвы и получать съ нихъ все количество пищи, которое требуется, люди находятъ выгоднымъ обрабатывать также и худшія почвы.

Этотъ физическій фактъ, какъ извѣстно всякому экономисту, ведетъ, при посредствѣ стремленія человѣка къ богатству, къ возникновенію ренты, къ паденію прибыли по мѣрѣ общественнаго прогреса, и къ замедленію возрастанія населенія. Если-бы физическіе факты были иные;—если-бы физическія свойства почвы были таковы, что допускали-бы неограниченное возрастаніе продукта въ неуменьшающейся пропорціи по отношенію къ затратѣ;—если-бы, напримѣръ, при увеличеніи въ два раза количества удобренія на каждый акръ и при двойномъ вспахиваніи, фермеръ получалъ двойной продуктъ, а при затратѣ вчетверо большей и продуктъ увеличивался-бы вчетверо и т. д. до безконечности,—если-бы все это было такъ, то политическая экономія, въ ея современномъ

видѣ, подверглась-бы такому-же глубокому измѣненію, какъ если-бы произошла полная перемѣна человѣческаго характера, напримѣръ, если-бы чувство состраданія до такой степени вытѣснило эгоизмъ изъ человѣческаго сердца, что люди отказывались-бы пользоваться, въ ущербъ своимъ ближнимъ, тѣми преимуществами, которыми ихъ снабдила природа или случай; при такомъ измѣненіи физическихъ свойствъ почвы рента исчезла-бы, прибыль неимѣла-бы склонности падать, и народонаселеніе въ старыхъ странахъ могло-бы возрастать также быстро, какъ въ новыхъ колоніяхъ.

Вотъ почему я склоненъ признавать политическую экономію не принадлежащей ни къ естественнымъ наукамъ, ни къ наукамъ о духѣ, но занимающей промежуточное положеніе, вмѣстѣ съ другими науками, изучающими общественыя явленія, какъ исторія, политика и пр. Этотъ классъ наукъ мнѣ представляется классомъ sui generis, изслѣдующимъ сложныя явленія, зависящія отъ физическихъ, физіологическихъ и душевныхъ законовъ; и задача этихъ наукъ, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы свести эти явленія къ ихъ физическимъ, физіологическимъ и душевнымъ причинамъ.

Такъ, для политической экономіи рента есть сложное явленіе, зависящее (какъ уже было указано) отъ игры человѣческихъ интересовъ въ связи съ естественными свойствами почвы и физіологическими условіями произрастанія растеній. Если-бы эти естественныя условія были иными, если-бы капиталъ и трудъ могли быть прилагаемы въ любыхъ количествахъ съ неуменьшающейся производительностью, на ограниченномъ участкѣ земли, то только небольшая часть лучшихъ

почвъ страны могла-бы обрабатываться и ни одинъ фермеръ не сталъ-бы платить ренты; съ другой стороны, если-бы исчезъ эгоизмъ, то ни одинъ землевладѣлецъ не согласился-бы требовать ренты. Оба эти условія (уменьшающаяся производительность почвы и эгоизмъ) одинаково необходимы для существованія ренты—они составляютъ основныя предпосылки ренты. Задача экономиста заключается, во-первыхъ, въ томъ чтобы доказать вѣрность этихъ посылокъ; и, во-вторыхъ, въ доказательствѣ, что этими посылками объясняется явленіе ренты; но этимъ и ограничивается задача экономиста. Экономистъ не стремится объяснить физическіе законы, отъ которыхъ зависятъ указанныя свойства почвы; точно также онъ не пытается анализировать природу эгоистическихъ чувствъ землевладѣльца и фермера,—чувствъ, опредѣляющихъ условія ихъ взаимнаго договора. Экономистъ разсматриваетъ и то и другое какъ факты, не подлежащіе его анализу и объясненію, и которые должны быть имъ только установлены и приняты въ соображеніе не какъ предметъ, а какъ основаніе его разсужденій. Если требуется дальнѣйшее разъясненіе фактовъ, то слѣдуетъ обратиться къ другимъ наукамъ: объясненіе фактовъ внѣшней природы экономистъ предоставляетъ химику или физіологу, а душевной природы—психологу или философу.

Все это опредѣляетъ истинную границу экономическаго изслѣдованія—тотъ пунктъ, на которомъ экономистъ, сводящій явленія богатства къ ихъ причинамъ и законамъ, можетъ остановиться и считать свое дѣло исполненнымъ, свою задачу рѣшенной. Это именно пунктъ, когда экономистъ приходитъ въ своихъ разсужденіяхъ къ не-экономическимъ явленіямъ—къ

фактамъ внѣшней природы или духа, къ политическимъ или общественнымъ учрежденіямъ. Когда онъ довелъ изслѣдованіе явленій богатства до этихъ причинъ, онъ достигъ своего предѣла; и причины этого рода, съ точки зрѣнія экономиста, должны признаваться окончательными. Это не значитъ, разумѣется, что эти причины не допускаютъ дальнѣйшаго анализа и разъясненія, но анализъ и разъясненіе ихъ не составляетъ дѣла экономиста, не составляетъ той спеціальной задачи, разрѣшить которую онъ долженъ.

Въ этомъ отношеніи положеніе политической экономіи, точно такое-же, какъ положеніе геологіи по отношенію къ механикѣ, химіи и физіологіи. Сложныя явленія, предоставляемыя образованіемъ земной коры, составляютъ предметъ изслѣдованія науки геологіи; явленія эти составляютъ сложный результатъ дѣйствія механическихъ, химическихъ и физіологическихъ законовъ, и задача геолога заключается въ сведеніи геологическихъ явленій къ этимъ причинамъ. Когда это достигнуто, дѣло геолога кончается—дальнѣйшее изслѣдованіе относится уже не къ области геологіи, а къ области механики, химіи и физіологіи.

Итакъ, предпосылки или конечные факты политической экономіи заимствуются какъ изъ матеріальнаго, такъ и изъ духовнаго міра; мнѣ остается указать на характеръ этихъ фактовъ, физическихъ или духовныхъ, на основаніи которыхъ строются всѣ заключенія науки; иными словами—мнѣ нужно объяснить, какимъ образомъ можно отличить факты, необходимые для экономическаго изслѣдованія, отъ фактовъ, не имѣющихъ этого свойства. Отвѣтъ на это опредѣляется соображеніемъ о задачахъ, разрѣшеніемъ

которыхъ занята наука. Эти задачи, какъ извѣстно, сводятся къ открытію законовъ производства и распредѣленія богатства. Поэтому, факты, составляющіе предпосылку политической экономіи, суть тѣ, которые такъ или иначе вліяютъ на производство и распредѣленіе богатства, и для совершенства науки, для того, чтобы экономистъ могъ предсказывать будущія экономическія явленія съ такой точностью и опредѣленностью, съ какой астрономъ предсказываетъ движеніе небесныхъ тѣлъ, было-бы необходимо, чтобы въ число основныхъ посылокъ политической экономіи входили всѣ факты, матеріальные или духовные, которые вліяютъ на феномены богатства.

Разумѣется, такая степень совершенства абсолютно недостижима для политической экономіи. И въ политической экономіи, какъ и во всѣхъ изслѣдованіяхъ, основныя посылки которыхъ затрогиваютъ духовную и матеріальному природу человѣка, факты, которые должны быть приняты въ соображеніе, такъ многочислены, ихъ характеръ такъ разнообразенъ, законы ихъ послѣдовательности такъ темны, что врядъли возможно установить всѣ эти факты, и еще менѣе —опредѣлить относительное значеніе каждаго изъ нихъ. Но если-бы даже это и было возможно, то и тогда задача вывести заключеніе на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, отводя должное мѣсто вліянію каждаго отдѣльнаго фактора, осталась-бы настолько сложной и трудной, что передъ ней должны были-бы отступить самые сильные умы.

Но хотя это такъ, и хотя, поэтому, ни политическая экономія, ни какая-либо другая отрасль знанія того-же разряда никогда не достигнутъ того совершенства, которое было достигнуто нѣкоторыми есте-

стественными науками, все-таки это не мѣшаетъ намъ надѣяться, что идя по тому-же пути, слѣдуя которому естественныя науки достигли такихъ успѣховъ, и мы достигнемъ въ экономической области если и не такого научнаго совершенства, то, по крайней мѣрѣ, придемъ къ открытію прочныхъ и цѣнныхъ истинъ.

Желанія, страсти и чувства, вліяющія на людей въ ихъ стремленіи къ богатству, какъ уже сказано, почти безконечны по своему разнообразію; но между ними есть нѣкоторые мотивы, настолько опредѣленные и постоянные, что они легко могутъ быть констатированы и могутъ послужить основными посылками для опредѣленія наиболѣе важныхъ законовъ производства и распредѣленія богатства, поскольку эти законы опредѣляются душевными причинами. Установленіе этихъ основныхъ посылокъ является важнѣйшимъ дѣломъ для экономиста; затѣмъ, онъ долженъ принять во вниманіе и важнѣйшіе физіологическіе факты человѣческой природы, и, наконецъ, онъ долженъ констатировать основныя физическія свойства естественныхъ дѣятелей производства, при помощи которыхъ совершается хозяйственная дѣятельность человѣка. Къ числу такихъ основныхъ посылокъ въ области духа экономистъ относитъ: общее стремленіе къ матеріальному благополучію и къ богатству, какъ къ средству достиженія этой послѣдней цѣли;—умственную способность обсуждать пригодность различныхъ средствъ для достиженія цѣли, вмѣстѣ съ желаніемъ достигать этихъ цѣлей возможно легче и короче—откуда вытекаетъ стремленіе къ пріобрѣтенію богатства съ возможно меньшими затратами. Экономистъ взвѣситъ человѣческія влеченія, которыя вмѣ-

тѣ съ физіологическими свойствами человѣческаго организма устанавливаютъ законы народонаселенія, и, наконецъ, экономистъ долженъ принять въ соображеніе физическія свойства почвы, а также и свойства другихъ естественныхъ агентовъ, съ которыми человѣкъ входитъ въ соприкосновеніе въ своей хозяйственной дѣятельности. Всѣ эти факты, какъ духовные, такъ и матеріальные, экономистъ не будетъ стараться объяснять, но будетъ брать ихъ какъ данныя для своихъ разсужденій, какъ основныя причины, регулирующія производство и распредѣленіе богатства.

Но не слѣдуетъ думать, что когда эти основные факты констатированы и когда изъ нихъ сдѣланы должные выводы, то работа политико-экономa закончена, даже если предположить, что заключенія изъ этихъ фактовъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Хотя заключенія, къ которымъ придетъ экономистъ, въ общемъ будутъ соотвѣтствовать дѣйствительному положенію вещей, тѣмъ не менѣе соотвѣтствіе это нерѣдко можетъ быть далеко не полнымъ. Основныя посылки экономиста, на которыхъ основываются его разсужденія, охватываютъ собою важнѣйшіе и руководящіе факторы, регулирующіе производство и распредѣленіе богатства; но эти посылки не охватываютъ всѣхъ факторовъ. Многія нарушающія вліянія (имѣющія второстепенный характеръ по отношенію къ задачамъ политической экономіи) будутъ измѣнять, а иногда и сообщать противоположное направленіе дѣйствію вообще болѣе могущественныхъ дѣятелей, принимаемыхъ въ соображеніе экономистомъ, почему и наблюдаемыя явленія будутъ иные. Поэтому, слѣдующимъ шагомъ экономиста должно быть возможно полное выясненіе характера этихъ второстепенныхъ причинъ, матері-

альнаго или духовнаго характера, политическаго или соціальнаго, — причинъ, такъ или иначе вліяющихъ на человѣческую дѣятельность, направленную къ достиженію богатства; когда же эти второстепенныя причины будутъ найдены и дѣйствіе ихъ опредѣлено, экономистъ долженъ ввести ихъ въ свои разсужденія, какъ основаніе для своихъ дальнѣйшихъ выводовъ.

Такъ, напримѣръ, политическія и соціальныя учрежденія страны, и въ частности законы арендnаго договора, должны быть включены въ число этихъ второстепенныхъ факторовъ, и экономистъ долженъ указать, какимъ образомъ причины этого рода видоизмѣняютъ дѣйствія болѣе основныхъ принциповъ по отношенію къ тѣмъ явленіямъ, которыя должны быть изслѣдованы экономической наукой.

Далѣе, каждое крупное открытіе въ области искусства производства, какъ, напримѣръ, паровая машина, составляетъ новый фактъ, который долженъ быть принятъ въ соображеніе экономистомъ: онъ долженъ выяснить вліяніе такого открытія на производительность промышленности и на распредѣленіе продуктовъ; — поскольку и въ какомъ направленіи открытіе вліяетъ на заработную плату, прибыль, ренту, и соотвѣтственно этому измѣнить заключенія, основанныя на предположеніи прежняго состоянія техники производства, до введенія новыхъ способовъ производства. Въ этомъ случаѣ экономистъ долженъ поступать подобно астроному, открывшему новую планету, притяженіе которой вызываетъ бо̀льшія или меньшія измѣненія движеній другихъ небесныхъ тѣлъ, находящихся въ сферѣ вліянія планеты. Точно также и экономистъ долженъ вводить въ число своихъ посылокъ каждую новую силу, оказывающую вліяніе на хозяйство.

Совершенно также экономистъ не долженъ упускать изъ виду тѣхъ новыхъ психологическихъ мотивовъ, которые могутъ развиваться подъ вліяніемъ общественнаго прогресса — поскольку эти мотивы вліяютъ на феномены богатства. Экономистъ приметъ въ соображеніе вліяніе обычаевъ, насколько обычай вліяетъ на человѣческую дѣятельность, направленную къ достиженію богатства; экономистъ обратитъ вниманіе на то, какъ по мѣрѣ роста цивилизаціи, увеличивается значеніе, придаваемое будущимъ благамъ, по сравненію съ настоящими, и какъ стремленіе къ непосредственному наслажденію, все болѣе и болѣе контролируется возрастающимъ дѣйствіемъ благоразумнаго воздержанія; — экономистъ замѣтитъ, какъ идеи приличія, комфорта, роскоши развиваются по мѣрѣ прогресса общества, измѣняя такимъ путемъ естественныя тенденціи закона народонаселенія, вліяя на характеръ издержекъ различныхъ общественныхъ классовъ и придавая иной характеръ распредѣленію продуктовъ.

Иногда спрашиваютъ — въ какой мѣрѣ политическая экономія должна допускать дѣйствіе нравственныхъ и религіозныхъ мотивовъ? На это не трудно отвѣтить на основаніи указанныхъ соображеній. Нравственные и религіозные мотивы должны быть признаваемы экономистомъ постольку, поскольку они дѣйствительно вліяютъ на поведеніе человѣка въ стремленіи его къ богатству. Въ этихъ предѣлахъ мотивы этого рода также не должны быть упускаемы изъ виду, какъ и стремленіе человѣка къ матеріальному благополучію или къ размноженію; и если эти мотивы, признаются экономистомъ менѣе важными, чѣмъ мотивы послѣдняго рода, то только потому, что они менѣе вліяютъ

на тѣ явленія, которыя спеціально изслѣдуются политической экономіей.

Какъ я уже говорилъ, врядъ-ли возможно установить или правильно оцѣнить дѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ; но очень возможно, что нѣкоторые наиболѣе важные изъ только-что указанныхъ мотивовъ могутъ быть съ достаточной точностью введены въ экономическія изслѣдованія, въ качествѣ основаній для экономическихъ выводовъ, и могутъ занять мѣсто въ числѣ основныхъ посылокъ науки. Поскольку это будетъ исполняться, поскольку число посылокъ будетъ возрастать, а искусство построенія заключеній будетъ прогрессировать, по стольку наука политической экономіи будетъ приближаться къ тому совершенству, какое достигнуто другими отраслями знанія; въ такой-же мѣрѣ возрастетъ соотвѣтстіе заключеній политической экономіи съ дѣйствительными фактами, и экономическія доктрины сдѣлаются надежнымъ и безопаснымъ руководителемъ для государственныхъ людей и общественныхъ дѣятелей.

Разсмотрѣвши характеръ и область политической экономіи, я закончу эту лекцію короткимъ указаніемъ на одинъ пунктъ, имѣющій не только теоретическую важность, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, пунктъ, относительно котораго замѣчается разногласіе высокихъ авторитетовъ. Я имѣю въ виду вопросъ—является-ли политическая экономія положительной или гипотетической наукой?

Термины „положительный“ и „гипотетическій“ въ данномъ случаѣ, повидимому, употреблялись безъ особенной точности, и я склоненъ думать, что разногласіе въ значительной мѣрѣ основывается на различномъ пониманіи этихъ терминовъ. Поэтому разсмотримъ, что̀ слѣдуетъ понимать въ наукѣ подъ терминами: „положительный“ и „гипотетическій“.

Прежде всего, мы можемъ называть науку положительной или гипотетической по отношенію къ характеру ея посылокъ. Въ этомъ смыслѣ мы называемъ математику гипотетической наукой, такъ какъ ея посылки, являются умственными представленіями, которымъ не соотвѣтствуетъ никакая объективная реальность; въ этомъ-же смыслѣ мы отличаемъ математику отъ положительныхъ естественныхъ наукъ, посылками которыхъ являются существующіе факты природы. Но выраженія „положительное“ и „гипотетическое“ могутъ употребляться по отношенію къ заключеніямъ науки; въ этомъ смыслѣ всѣ естественныя науки, достаточно подвинувшіяся, чтобы допускать дедуктивныя заключенія, должны быть признаваемы гипотетическими, въ противоположность менѣе разработаннымъ естественнымъ наукамъ, еще находящимся только въ періодѣ чистаго индуктивизма и выражающимъ въ своихъ заключеніяхъ только наблюдаемые и обобщаемые факты. Такъ, напримѣръ, заключенія механика или астронома, хотя они представляютъ собой выводы изъ посылокъ, соотвѣтствующихъ конкретнымъ реальностямъ, могутъ не соотвѣтствовать дѣйствительности. Механикъ можетъ не обращать вниманія на видоизмѣняющее вліяніе тренія, астрономъ можетъ не знать о существованіи извѣстной планеты, между тѣмъ какъ притяженіе этой планеты является существеннымъ элементомъ той задачи, которую онъ рѣшаетъ. Поэтому, заключенія каждой изъ этихъ наукъ, въ примѣненіи къ дѣйствительнымъ фактамъ, вѣрны *лишь при отсутствіи нарушающихъ причинъ*; иначе говоря, заключенія эти вѣрны только

при *гипотезѣ*, что основныя посылки включаютъ въ себя всѣ причины, такъ или иначе вліяющія на результатъ. Соотвѣтствіе такихъ дедукцій съ фактами можетъ имѣть любую степень достовѣрности, смотря по обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая, начиная отъ простой вѣроятности и кончая почти полной достовѣрностью. Степень соотвѣтствія зависитъ отъ степени совершенства, достигнутаго наукой; но какого-бы совершенства наука ни достигла, ограниченность человѣческихъ способностей дѣлаетъ невозможнымъ полную увѣренность, что всѣ нужныя посылки приняты въ соображеніе, и потому всегда остается вѣроятнымъ, что заключенія не вполнѣ представляютъ положительную реальность. Поэтому, тѣ науки, въ которыхъ употребляется дедуктивный методъ, по отношенію къ своимъ заключеніямъ, должны быть названы гипотетическими.

Съ другой стороны, законы наукъ, не достигшихъ дедуктивныхъ разсужденій, будучи простыми обобщеніями наблюдаемыхъ фактовъ, представляютъ собой не гипотетическую, а положительную истину. Таковы обобщенія геологіи и многихъ другихъ естественныхъ наукъ.

Политическая экономія въ этомъ отношеніи принадлежитъ, очевидно, къ тому-же классу наукъ, какъ и механика, астрономія, оптика, химія, и вообще всѣ естественныя науки достигшія дедуктивной стадіи. Посылки политической экономіи — не простыя умственныя представленія, составляемыя безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности, какъ посылки математики; точно также заключенія политической экономіи не представляютъ собой простыхъ обобщеній наблюдаемыхъ фактовъ, какъ заключенія чисто-индуктивныхъ естественныхъ наукъ; но, какъ въ механикѣ и астрономіи,

посылки политической экономіи представляютъ собой положительные факты и въ то-же время ея заключенія, подобно заключеніямъ этихъ наукъ, могутъ соотвѣтствовать или несоотвѣтствовать дѣйствительности внѣшняго міра и потому должны быть признаваемы только гипотетической истиной.

Такъ напр., положительно вѣрно, что люди стремятся къ богатству, что они ищутъ кратчайшаго и легчайшаго пути къ достиженію этой цѣли, и что, слѣдовательно, они стремятся къ полученію богатства съ возможно меньшей затратой труда; отсюда можно сдѣлать логическій выводъ, что тамъ, гдѣ существуетъ полная свобода дѣятельности, рабочіе будутъ искать такихъ занятій, а капиталисты такихъ способовъ помѣщенія капиталовъ, въ которыхъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, заработная плата и прибыль будутъ наивысшими. Необходимое слѣдствіе этого принципа, гдѣ онъ дѣйствуетъ въ полной своей силѣ, заключается въ томъ, что уровень прибыли и заработной платы, хотя и не будетъ повсемѣстно однимъ и тѣмъ-же, но будетъ повсемѣстно находиться въ одномъ и томъ-же отношеніи къ дѣйствительнымъ пожертвованіямъ лицъ, получающихъ доходы того и другаго рода. Между тѣмъ въ дѣйствительности врядъ-ли существуютъ двѣ страны, въ которыхъ средній уровень заработной платы и прибыли былъ-бы одинаковъ. Французскій рабочій предпочитаетъ скорѣе довольствоваться уровнемъ заработной платы, господствующимъ во Франціи, чѣмъ переплыть Атлантическій океанъ и получить тамъ двойное вознагражденіе. Англійскій капиталистъ предпочитаетъ получать 8 или 10% прибыли въ Англіи, вмѣсто прибыли вчетверо большей въ Калифорніи или Австраліи. То-же самое неравенство вознагражденія, которое мы

замѣчаемъ въ различныхъ странахъ, наблюдается и въ различныхъ отрасляхъ промышленности въ одной и той-же странѣ. То, что въ предшествующемъ случаѣ вызывается любовью къ своей странѣ, пересиливающей стремленія къ богатству и къ уменьшенію труда, въ послѣднемъ случаѣ происходитъ благодаря невѣжеству и бѣдности обширныхъ классовъ населенія, невѣжеству и бѣдности, препятствующимъ людямъ выискивать наиболѣе выгодныя занятія, а также благодаря господствующимъ мнѣніямъ и предразсудкамъ относительно надежности или респектабельности того или иного рода занятія или промысла. Очевидно, что экономистъ исходящій изъ несомнѣннаго факта человѣческой природы — стремленія человѣка къ богатству и уклоненія отъ труда, и выводящій отсюда совершенно логическія заключенія, можетъ придти къ выводамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ дѣйствительностью, если только онъ упуститъ изъ виду другіе факторы, играющія роль въ данномъ случаѣ. Но экономистъ никогда не можетъ быть увѣренъ, что онъ принялъ во вниманіе всѣ обстоятельства даннаго случая, и послѣднее даже врядъ-ли возможно. Отсюда ясно, что, какъ и въ указанномъ случаѣ дедуктивныхъ естественныхъ наукъ, заключенія экономиста будутъ совпадать съ фактами лишь *при отсутствіи нарушающихъ причинъ*; иначе говоря, заключенія политической экономіи представляютъ не положительную, но гипотетическую истину.

Итакъ, политическая экономія смотря по тому, будемъ-ли мы разсматривать ея посылки, или ея заключенія, можетъ быть признаваема и за положительную, и за гипотетическую науку. Но нельзя не замѣтить, что та часть науки, которая составляетъ ея положительную часть, именно ея посылки, или факты духовной и матеріальной природы, на которыхъ она основывается, принадлежитъ не только ей, но и многимъ другимъ наукамъ и искусствамъ. Все то, что составляетъ особую область политической экономіи — это система доктринъ, которыя выводятся изъ этихъ посылокъ; и все это представляетъ собой, какъ мною указано, гипотетическую истину. Въ виду этого, мнѣ кажется правильнымъ отнести политическую экономію къ гипотетическимъ наукамъ.

Но въ этомъ отношеніи я расхожусь съ такимъ авторитетнымъ писателемъ, какъ Сэніоръ. Вотъ что онъ говоритъ.

„Противъ гипотетической разработки науки, по моему мнѣнію, можно сдѣлать три важныя возраженія. Во-первыхъ, такая разработка очень не привлекательна. Никто не станетъ слушать съ такимъ-же интересомъ описаніе вещей, при извѣстныхъ предположительныхъ, но несуществующихъ условіяхъ, какъ описаніе того, что дѣйствительно происходитъ.

„Во-вторыхъ, писатель, исходящій изъ произвольно выбранныхъ предположеній, находится въ опасности забыть, съ теченіемъ времени, ихъ условное значеніе, и разсуждать такъ, какъ если-бы они были дѣйствительно вѣрны. Въ этомъ — источникъ многихъ ошибокъ Рикардо. Этотъ экономистъ предполагалъ, что почва каждой страны имѣетъ различную степень плодородія, и что рента равняется цѣнности всей разницы въ плодородіи лучшей и наихудшей земли, находящейся въ обработкѣ. Остатокъ продуктовъ Рикардо распредѣлялъ между прибылью и заработной платой. Онъ предполагалъ далѣе, что заработная плата естественно равняется тому количеству продуктовъ которое необходимо, по естественнымъ условіямъ или

по господствующимъ обычаямъ, для поддержанія рабочаго и его семьи въ должной силѣ и здоровьѣ. Рикардо предполагалъ, наконецъ, что при ростѣ населенія и богатства, поступаютъ въ обработку все худшія и худшія земли, что земледѣльческій трудъ становится, такимъ образомъ, все менѣе и менѣе производителенъ, а отсюда получилось у него заключеніе, что доля земледѣльческаго продукта, получаемаго землевладѣльцемъ и рабочимъ, естественно должна выростать, а доля капиталиста—падать.

„Все это совершенно логическіе выводы, и они были-бы несомнѣнны, если-бы основныя посылки были правильны. На дѣлѣ-же почти всѣ эти посылки ложны. Невѣрно, что рента зависитъ отъ различія въ плодородіи земель, находящихся въ обработкѣ. Рента можетъ существовать и въ странѣ съ одинаковымъ плодородіемъ земли. Невѣрно, что рабочій получаетъ только необходимое для жизни, или хотя-бы признаваемое необходимымъ по существующимъ обычаямъ. Въ цивилизованныхъ странахъ рабочій получаетъ всегда значительно больше; въ не цивилизованныхъ—иногда меньше. Невѣрно, что по мѣрѣ роста богатства и населенія земледѣльческій трудъ становится менѣе и менѣе производителенъ; Рикардо имѣлъ-бы право дѣлать свои предположенія, если-бы онъ никогда не упускалъ изъ виду ихъ чисто-предположительнаго характера. Но иногда онъ этого не сознаетъ или забываетъ. Такъ напр., онъ признаетъ за дѣйствительный фактъ то, что въ развивающейся странѣ трудность полученія сырыхъ матеріаловъ постепенно возрастаетъ. Онъ принимаетъ за дѣйствительный фактъ, что налогъ на заработанную плату падаетъ не на капиталиста, а на рабочаго.

„Третьимъ возраженіемъ противъ гипотетическихъ разсужденій является легкость ошибиться, вслѣдствіе логическихъ промаховъ или вслѣдствіе упущенія изъ виду данныхъ, имѣющихъ существенное значеніе въ разсматриваемомъ случаѣ. Когда писатель заимствуетъ свои посылки изъ наблюденія и заключаетъ, исходя изъ нихъ, относительно того, что, по его мнѣнію, существуетъ въ дѣйствительности, то, если онъ сдѣлаетъ ошибку, это приводитъ его къ заключеніямъ, ошибочность которыхъ легко замѣтить. Такимъ образомъ, онъ можетъ уберечься отъ невѣрныхъ посылокъ и логическихъ промаховъ и исправить сдѣланныя упущенія. Но въ гипотетическихъ заключеніяхъ самые странные выводы не имѣютъ въ себѣ ничего предостерегающаго для изслѣдователя. Мы ожидаемъ, что эти выводы должны расходиться съ наблюдаемыми фактами и лишаемся, такимъ образомъ, всякихъ внѣшнихъ признаковъ для повѣрки правильности нашихъ разсужденій“ *).

Что касается до критики Сэніора ученія Рикардо, я не буду касаться ея въ этомъ мѣстѣ, а ограничусь простымъ замѣчаніемъ, что эта критика мнѣ кажется неосновательной. Но я настаиваю на томъ, что соображенія Сэніора относительно неудобствъ гипотетическихъ разсужденій въ политической экономіи, поскольку эти соображенія справедливы, непримѣнимы къ тому способу экономическаго изслѣдованія, который мною только-что былъ выясненъ. Политическая экономія, какъ я понимаю, беретъ свои посылки изъ дѣйствительныхъ фактовъ; терминъ „гипотетическій“ можетъ быть примѣненъ только къ заключеніямъ изъ

*) Introductory Lecture on Political Economy. 1852, стр. 62.

этихъ посылокъ, но такъ какъ эти-то заключенія и составляютъ науку политической экономіи; то я признаю, что политическую экономію слѣдуетъ назвать гипотетической наукой. Между тѣмъ, возраженія Сэніора относятся къ характеру не заключеній, а самихъ посылокъ. Очевидно, эти возраженія не примѣнимы къ системѣ доктринъ, основанныхъ не на гипотезахъ, а на фактахъ.

По способу выраженія Сэніора можно думать, что если-бы посылки основывались на дѣйствительныхъ фактахъ, то заключенія, логически выведенныя изъ нихъ, представляли-бы также дѣйствительные факты. Говоря о выводахъ Рикардо, Сэніоръ замѣчаетъ: „все это совершенно *логическіе выводы* и они были-бы несомнѣнны, если-бы основныя посылки были правильны“. Но, вѣдь возможно, что посылки будутъ правильны, но не полны; правильны, поскольку онѣ выражаютъ тѣ или иные факты, и все-таки онѣ могутъ не заключать въ себѣ всѣхъ условій, вліяющихъ на разсматриваемое явленіе. Законы движенія и тяготѣнія не представляютъ собой произвольныхъ допущеній, но имѣютъ вполнѣ реальное основаніе въ фактахъ внѣшней природы, и строго логическимъ выводомъ изъ этихъ законовъ является то, что брошенное тѣло должно двигаться по параболѣ, а между тѣмъ фактически никакое тѣло не будетъ двигаться по этой математической линіи, такъ какъ треніе воздуха, *которое не принималось* въ соображеніе при этомъ выводѣ, измѣняетъ направленіе движенія. Точно также (какъ я уже показалъ на нѣкоторыхъ примѣрахъ, и какъ будетъ выяснено еще полнѣе ниже), доктрины политической экономіи, хотя и основываются на несомнѣнныхъ фактахъ человѣческой природы

и внѣшняго міра, отнюдь не должны необходимо представлять, и врядъ-ли когда либо дѣйствительно вполнѣ представляютъ, внѣшнюю реальность. И Сэніоръ въ другомъ мѣстѣ вполнѣ съ этимъ соглашается. „Изъ того факта, заключаетъ онъ, что рабочій, дѣйствуя извѣстнымъ образомъ, можетъ получить высшую плату, или капиталистъ—большую прибыль, мы не можемъ еще заключить, что рабочій и капиталистъ именно такъ и будутъ дѣйствовать, но мы можемъ сдѣлать выводъ, что таковъ будетъ результатъ *при отсутствіи нарушающихъ причинъ*“. Но этимъ самымъ Сэніоръ признаетъ то положеніе, на которомъ я настаивалъ—что заключенія политической экономіи не должны необходимо выражать дѣйствительные факты. Дѣло сводится, такимъ образомъ, къ словесному спору—должна-ли быть названа положительной или гипотетической наука, доктрины которой совпадаютъ съ внѣшней *реальностью* лишь „при отсутствіи нарушающихъ причинъ“. По моему мнѣнію, нельзя сказать, что извѣстное положеніе выражаетъ „положительную истину“, если оно совпадаетъ съ фактами лишь при отсутствіи нарушающихъ причинъ—въ особенности, если это послѣднее условіе почти никогда въ дѣйствительности не исполняется. Съ другой стороны, какъ я уже призналъ, если терминъ „положительный“ примѣнять не къ доктринамъ политической экономіи, но къ основаніямъ, на которыхъ строятся эти доктрины, то политическая экономія имѣетъ такое-же право на признаніе ея положительной наукой, какъ и любая естественная наука, къ которымъ этотъ терминъ обыкновенно примѣняется.

Но это—вопросъ чистой терминологіи и, какъ таковой, имѣетъ мало значенія, лишь-бы истинный ха-

рактеръ разсматриваемыхъ принциповъ понимался вполнѣ ясно. Какъ я старался показать, доктрины политической экономіи вполнѣ сходны съ механическими законами, которые выводятся на основаніи законовъ тяготѣнія и движенія; и подобно этимъ послѣднимъ, экономическія доктрины выражаютъ не то, что *произойдетъ*, но то, что *должно произойти*, или къ чему имѣется *тенденція*, и лишь въ этомъ смыслѣ онѣ истинны. Если признаніе этого является возраженіемъ противъ политической экономіи, то такое-же возраженіе примѣнимо къ астрономіи, механикѣ и ко всѣмъ естественнымъ наукамъ, соединяющимъ дедукцію съ индукціей.

Теперь я могу попытаться дать точное опредѣленіе политической экономіи. Я опредѣляю ее какъ науку, которая, принимая за свои основныя посылки факты человѣческой природы и матеріальные законы внѣшняго міра, также какъ и политическія и соціальныя условія человѣческихъ общежитій, изслѣдуетъ законы производства и распредѣленія богатства, зависящіе отъ совокупнаго дѣйствія названныхъ факторовъ; или какъ науку, сводящую явленія производства и распредѣленія богатства къ ихъ причинамъ — свойствамъ человѣческой природы или законамъ и событіямъ — физическимъ, политическимъ, соціальнымъ — внѣшняго міра.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

О логическомъ методѣ политической экономіи.

Въ первой лекціи, касаясь замѣчаемаго въ настоящее время разногласія относительно многихъ основныхъ принциповъ политической экономіи, я сказалъ, что, по моему мнѣнію, эти разногласія зависятъ, главнымъ образомъ, отъ установившейся въ послѣдніе годы манеры болѣе поверхностно и популярно разсматривать экономическіе вопросы; и далѣе я указалъ, что, эта перемѣна, какъ мнѣ кажется, въ характерѣ экономическихъ разсужденій вызвана практическимъ успѣхомъ экономическихъ принциповъ въ экспериментѣ свободной торговли, — успѣхомъ, который привлекъ къ изученію политической экономіи много новыхъ лицъ, и этимъ способствовалъ введенію новыхъ точекъ зрѣнія и доказательствъ въ политико-экономическія разсужденія.

Методъ всякаго изслѣдованія опредѣляется предметомъ и характеромъ изслѣдованія. Поэтому я разсмотрѣлъ въ предыдущихъ лекціяхъ предметъ и характеръ политической экономіи. Теперь я приступлю къ разсмотрѣнію метода, котораго слѣдуетъ держаться въ экономическихъ изслѣдованіяхъ, принимая въ соображеніе тѣ цѣли, которыя при этомъ имѣются въ виду.

Я вкратцѣ повторю сказанное выше о природѣ и предметѣ политической экономіи. Я опредѣлилъ политическую экономію, какъ науку, изслѣдующую законы производства и распредѣленія богатства,—законы, зависящіе отъ свойствъ человѣческой природы, въ ихъ обнаруженіи подъ вліяніемъ условій внѣшняго міра. Я также указалъ, что эти духовныя свойства и матеріальныя условія разсматриваются экономистомъ какъ конечные факты, какъ первыя посылки его разсужденій, далѣе которыхъ онъ не можетъ вести свое изслѣдованіе феноменовъ богатства. Затѣмъ я разсмотрѣлъ природу этихъ конечныхъ фактовъ, матеріальныхъ и духовныхъ, и нашелъ, что хотя они такъ многочисленны, что не могутъ быть всѣ опредѣлены; но среди нихъ имѣются нѣкоторые, наличность и характеръ которыхъ легко могутъ быть опредѣлены,—факты имѣющіе такое первенствующее значеніе по отношенію къ производству и распредѣленію богатства, что могутъ доставить успѣшное и прочное основаніе для вывода законовъ явленій этого послѣдняго рода. Важнѣйшіе изъ этихъ фактовъ, какъ я замѣтилъ, — это, во-первыхъ, врожденное человѣку стремленіе къ матеріальному благополучію и къ богатству, какъ средству къ полученію такого благополучія и, какъ слѣдствіе этого, въ связи съ другими духовными свойствами, стремленіе къ полученію богатства съ возможно меньшими пожертвованіями; во-вторыхъ, законы народонаселенія, зависящіе отъ физіологической природы человѣка и его духовныхъ свойствъ и, въ-третьихъ, естественныя свойства силъ природы, преимущественно земли, къ которой прилагается трудъ человѣка. Я также замѣтилъ, что важнѣйшіе изъ второстепенныхъ факторовъ и фактовъ, вліяющихъ на производство и распредѣленіе богатства, измѣняющіе и иногда совершенно парализующіе дѣйствіе болѣе основныхъ факторовъ, также могутъ быть констатированы и дѣйствіе ихъ можетъ быть выяснено съ точностью, достаточной для того, чтобы мы приняли ихъ въ соображеніе въ своихъ заключеніяхъ, хотя они и не составляютъ первыхъ посылокъ науки; и я привелъ нѣсколько примѣровъ этого.

Если таковъ характеръ политической экономіи, то намъ нужно разсмотрѣть, какимъ образомъ можетъ быть достигнута цѣль, къ которой политическая экономія стремится—открытіе законовъ производства и распредѣленія богатства? Обычный отвѣтъ на этотъ вопросъ со стороны тѣхъ, кто интересуется экономическими разсужденіями, таковъ: эта цѣль можетъ быть достигнута индуктивнымъ методомъ изслѣдованія. Однако, такой отвѣтъ, безъ дальнѣйшихъ разъясненій, мало можетъ намъ помочь въ практическихъ затрудненіяхъ. Что мы должны понимать подъ индуктивнымъ методомъ? Какіе логическіе процессы понимаются подъ этимъ выраженіемъ? Очень немногіе изъ тѣхъ, кто защищаетъ индуктивный методъ въ политической экономіи, потрудились дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ дѣйствительности, терминъ „индуктивный методъ“ употребляется въ крайне широкомъ смыслѣ даже лицами, писавшими объ индуктивной логикѣ и, потому, раньше чѣмъ обсуждать вопросъ —примѣнимъ или непримѣнимъ индуктивный методъ къ политической экономіи, слѣдуетъ выяснить смыслъ этого термина. Въ болѣе узкомъ и, какъ мнѣ кажется, правильномъ смыслѣ Милль опредѣляетъ индукцію, какъ „умственный процессъ, посредствомъ котораго мы заключаемъ, что вѣрное въ извѣстномъ отдѣльномъ случаѣ или случаяхъ вѣрно также и во всѣхъ другихъ случаяхъ, сходныхъ съ первыми въ извѣст-

ныхъ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Иначе говоря, индукція есть процессъ, при помощи котораго мы узнаемъ, что истинное относительно индивидуальныхъ случаевъ истинно также и относительно всего класса, къ которому принадлежатъ эти случаи, или что то, что вѣрно въ извѣстное время, будетъ вѣрно при сходныхъ обстоятельствахъ во всякое время“ *). Характеристической чертой индукціи въ этомъ смыслѣ является восхожденіе отъ частнаго къ общему, отъ индивидуальныхъ фактовъ къ законамъ. Но этотъ-же терминъ нерѣдко употребляется авторитетными писателями въ болѣе широкомъ значеніи. Такъ напр. Уэвель въ своей исторіи индуктивныхъ наукъ постоянно говоритъ, что законы природы, основные и второстепенные, устанавливаются индукціей, хотя изъ его собственнаго описанія открытія этихъ законовъ видно, что эти законы открывались столь-же часто путемъ выводовъ изъ общихъ понятій, какъ и изъ обобщенія отдѣльныхъ фактовъ. Джонъ Гершель также нерѣдко употребляетъ терминъ „индукція“ въ томъ-же широкомъ смыслѣ, какъ будто этотъ терминъ включаетъ въ себѣ всѣ логическія процессы, какого-бы то ни было характера, посредствомъ которыхъ открываются истины въ естествознаніи. И Милль, говоря объ индуктивной логикѣ, принимаетъ, что она занимается, не только вопросомъ: „какъ найти законы природы“, но также и „какъ установивши эти законы, прослѣдить ихъ дѣйствіе“. Такъ какъ терминъ „индукція“ употребляется авторитетными писателями въ такомъ широкомъ значеніи, то очевидно, что индуктивный методъ, въ этомъ смыслѣ, не можетъ быть противопоставленъ дедуктивному, такъ какъ въ числѣ своихъ

*) System of Logic, B. III, Ch. II, § I.

процессовъ первый методъ включаетъ и дедуктивное разсужденіе. Противоположностью индукціи, въ этомъ широкомъ смыслѣ слова, будетъ не дедукція, а тотъ методъ разсужденія, который извѣстенъ подъ названіемъ „метафизическаго“, руководствуясь которымъ изслѣдователь, отвергая опытъ, стремится познать законы природы трансцендентальнымъ путемъ, при посредствѣ дѣйствительной или предполагаемой интуиціи своего ума. Если въ политической экономіи этотъ послѣдній методъ когда-либо и примѣнялся, онъ уже давно оставленъ выдающимися писателями, за исключеніемъ быть можетъ Рёскина, и потому вопросъ о методѣ въ политической экономіи заключается не въ томъ, пригоденъ-ли для экономическихъ изслѣдованій индуктивный методъ въ смыслѣ Гершеля и Уэвелля,—въ этомъ всѣ согласны — но въ болѣе спеціальной задачѣ, какіе именно процессы, входящіе въ составъ индукціи въ этомъ широкомъ смыслѣ, пригодны для экономическихъ изслѣдованій; другими словами, вопросъ состоитъ въ установленіи мѣста, порядка и важности въ экономическихъ изслѣдованіяхъ индукціи, въ узкомъ смыслѣ слова, дедукціи, повѣрки, наблюденія и опыта. Если поставить вопросъ такимъ образомъ, то многіе, по всей вѣроятности, все-таки скажутъ, что индукція въ узкомъ смыслѣ слова, въ противоположность дедукціи, является самымъ надежнымъ методомъ экономическаго изслѣдованія. Изучающій политическую экономію, слѣдуя этому взгляду, долженъ собирать и группировать факты богатства, цѣнъ, заработной платы, ренты, прибыли, ввоза и вывоза товаровъ, возрастанія или упадка производства, измѣненія въ способахъ распредѣленія; словомъ, всѣ факты богатства, насколько они доступны наблюденію въ различныхъ странахъ; когда это будетъ сдѣлано, изслѣдо-

ватель долженъ пользоваться полученными данными для открытія законовъ, управляющихъ этими фактами. Но достаточно вникнуть въ характеръ экономическихъ задачъ для того, чтобы понять все безсиліе и ничтожество такого метода въ примѣненіи къ экономическимъ вопросамъ. Явленія богатства, какъ они представляются нашему наблюденію, принадлежатъ къ числу наиболѣе сложныхъ; они составляютъ результатъ огромнаго разнообразія вліяній, дѣйствующихъ одновременно, усиливающихъ, парализующихъ и видоизмѣняющихъ другъ друга. Подумаемъ, напр. о разнообразіи вліяній, опредѣляющихъ такое простое на видъ явленіе, какъ цѣна; о многочисленности и сложности факторовъ, понимаемыхъ подъ выраженіемъ „спросъ“ и не менѣе многочисленныхъ факторахъ, отъ которыхъ зависитъ „предложеніе“,—факторахъ, всякое измѣненіе которыхъ, если только оно не сопровождается компенсирующимъ измѣненіемъ другихъ сосуществующихъ вліяній, должно измѣнить и самое наблюдаемое явленіе. Но если явленія характеризуются крайней степенью сложности; если они доступны одновременно вліянію множества причинъ, то для индуктивнаго установленія связи этихъ явленій съ причинами, необходимо одно условіе—должна быть возможность экспериментированія въ научномъ смыслѣ слова *). Но изслѣдователь соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ совершенно лишенъ этого необходимаго рессурса. Если кто-либо сомнѣвается въ этомъ, то пусть подумаетъ, что̀ именно требуется для опыта, въ томъ видѣ, какъ онъ употребляется въ естествознаніи въ качествѣ основанія для индукціи; вѣдь для опыта необходимо найти или произвести искусственно

*) *Милль*, „Логика“, книга II, гл. X.

нужное положеніе вещей, въ качествѣ среды, въ которой производится опытъ, и среда эта должна оставаться неизмѣнной во все время совершенія опыта. Такъ напр. химикъ, опредѣляющій составъ новаго вещества, помѣщаетъ его подъ воздушный насосъ или въ заранѣе приготовленный растворъ, всѣ составныя части котораго ему хорошо извѣстны; и затѣмъ онъ подвергаетъ вещество, помѣщенное такимъ образомъ, извѣстнымъ вліяніямъ — напр. опредѣленнымъ измѣненіямъ температуры, или дѣйствію электричества. Принявши всѣ эти предосторожности, химикъ имѣетъ право приписать происшедшія измѣненія причинамъ, которыя дѣйствовали во время производства опыта; и такимъ образомъ можетъ быть установлено, какъ вліяютъ на данное вещество тѣ дѣятели, дѣйствію которыхъ оно подвергалось. Когда процедура этого рода возможна, а она вполнѣ возможна въ обширной области естествознанія, „множественность причинъ“ и „смѣшеніе слѣдствій“ не представляютъ непреодолимаго препятствія для истолкованія природы при помощи индукціи въ собственномъ смыслѣ слова; и дѣйствительно, многія важнѣйшія открытія въ естественныхъ наукахъ были сдѣланы при помощи этого метода. Но экономистъ не можетъ надѣяться на достиженіе такимъ путемъ чего-либо подобнаго, хотя-бы самымъ отдаленнымъ образомъ. Предметомъ его изслѣдованія является человѣческое существо и интересы послѣдняго, а съ этими матеріалами экономистъ не можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, какъ естествоиспытатель. Экономистъ долженъ брать экономическія явленія такъ, какъ онѣ ему представляются въ дѣйствительномъ мірѣ, во всей ихъ сложности и постоянно мѣняющемся разнообразіи; и если онъ не желаетъ пользоваться никакимъ другимъ методомъ

изслѣдованія, онъ можетъ разсуждать до тѣхъ поръ, пока у него не треснетъ черепъ, и все-таки, исходя изъ дѣйствительныхъ фактовъ, не прійдетъ ни къ какому, сколько нибудь цѣнному заключенію. На основаніи такихъ данныхъ нельзя достигнуть ничего, кромѣ простыхъ эмпирическихъ обобщеній. Ни одна экономическая или соціальная истина, заслуживающая наименованія научной, не была открыта такимъ образомъ, и, можно быть увѣреннымъ, не будетъ открыта. Если многіе держатся иного мнѣнія, то только потому, что въ своихъ разсужденіяхъ объ общественныхъ и политическихъ фактахъ они постепенно пользуются своимъ знаніемъ мотивовъ и принциповъ поведенія людей, принциповъ настолько знакомыхъ всѣмъ, что пользованіе ими, какъ основными посылками въ разсужденіи, совершенно ускользаетъ отъ вниманія разсуждающаго; иначе говоря — знаніе человѣческой природы, или физическихъ и политическихъ условій, употребляется въ этомъ случаѣ, безсознательно для самаго разсуждающаго, какъ путеводная нить при истолкованіи фактовъ статистики, и такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, иногда достигаются болѣе или менѣе важныя заключенія; но это не можетъ быть названо индуктивнымъ разсужденіемъ въ строгомъ смыслѣ слова. Такое разсужденіе является, поскольку оно допускаетъ логическій анализъ, комбинированіемъ обоихъ процессовъ индукціи и дедукціи. Дедуктивная часть разсужденія ускользаетъ отъ вниманія, такъ какъ она основывается на привычныхъ представленіяхъ, для которыхъ не требуется доказательства, а индуктивная часть, имѣющая дѣло съ новыми и, быть можетъ, поразительными фактами, запечатлѣвается въ умѣ, и такимъ образомъ создается мнѣніе, что чисто-индуктивное разсужденіе можетъ приводить къ открытію истинъ,

которыя въ дѣйствительности достигаются совершенно инымъ путемъ.

„Вульгарное представленіе, замѣчаетъ Милль, что истинный методъ политической экономіи — бэконовская индукція, что надежнымъ руководителемъ экономиста являются не общія разсужденія, а спеціальное экспериментированіе, когда нибудь будетъ приводиться въ видѣ несомнѣннаго доказательства низкаго уровня умственнаго развитія того вѣка, когда оно было распространенно. Ничего не можетъ быть смѣшнѣе того восхваленія экспериментальныхъ заключеній, которыя такъ часто встрѣчаешь не только въ популярныхъ разсужденіяхъ, но и въ серьезныхъ трактатахъ, когда рѣчь заходитъ о судьбахъ народовъ. Какимъ образомъ, говорятъ намъ, это учрежденіе можетъ быть плохимъ, если страна процвѣтала при его существованіи? Какъ могли эти или иныя причины содѣйствовать преуспѣянію этой страны, когда другая страна процвѣтала безъ нихъ? Тому, кто пользуется такими доказательства, безъ умысла обмануть, нужно посовѣтывать познакомиться съ элементарными началами простѣйшихъ естественныхъ наукъ. Разсуждающіе такимъ образомъ игнорируютъ фактъ множественности причинъ именно въ томъ случаѣ, который является наглядымъ примѣромъ такой множественности. Въ указанныхъ случаяхъ выводъ изъ любого индивидуальнаго примѣра такъ затруднителенъ, что даже не приходится сожалѣть о невозможности воспользоваться въ соціальной области помощью эксперимента — обстоятельство, въ другихъ случаяхъ являющееся важнѣйшимъ препятствіемъ непосредственному индуктивному изслѣдованію. Ибо если-бы мы даже могли экспериментировать надъ извѣстной націей или даже надъ

всѣмъ человѣческимъ родомъ, съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ Мажанди производилъ свои опыты надъ собаками или кроликами, мы никогда не получили-бы двухъ случаевъ, совершенно тождественныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ присутствія или отсутствія одного опредѣленнаго обстоятельства. Приближеніемъ къ эксперименту въ научномъ смыслѣ слова является въ области политики введеніе новаго фактора, въ видѣ извѣстной опредѣленной мѣры правительства, въ родѣ изданія или отмѣны опредѣленнаго закона. Но когда дѣйствуетъ такъ много вліяній, требуется извѣстное время для того, чтобы вліяніе новаго дѣятеля обнаружилось; а такъ какъ факторы, дѣйствующіе въ такой обширной сферѣ, не только безконечно разнообразны, но и находятся въ состояніи постояннаго измѣненія, то почти несомнѣнно, что раньше, чѣмъ обнаружится дѣйствіе новой причины, и станетъ возможна индукція, столько вліяющихъ обстоятельствъ измѣнятся, что опытъ сдѣлается невозможенъ“ *).

Эти соображенія достаточно уясняютъ полную недостаточность индуктивнаго метода, въ узкомъ смыслѣ слова, какъ средства разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыми спеціально занимается политическая экономія,— недостаточность вызываемую невозможностью пользоваться въ экономическихъ изслѣдованіяхъ опытомъ въ тѣхъ строгихъ условіяхъ, которыя необходимы для надежности индукціи. Но если въ этомъ отношеніи политическая экономія и общественныя науки вообще находятся въ невыгодномъ положеніи сравнительно съ различными отраслями естествознанія, то, какъ я постараюсь показать, съ другой стороны, экономическія

*) „Логика“. книга III. глава X. § 8.

изслѣдованія имѣютъ и свои особыя преимущества, которыя, если только ими пользоваться должнымъ образомъ, могутъ до нѣкоторой степени восполнить указанныя неудобства.

Разсмотримъ положеніе изслѣдователя матеріальной природы въ началѣ его изслѣдованія. Такому изслѣдователю прежде всего бросится въ глаза чрезвычайное разнообразіе и сложность изучаемыхъ имъ явленій, при отсутствіи ясныхъ причинъ или законовъ, вызывающихъ эти явленія. Наблюдатель очутится въ виду огромнаго лабиринта, быть можетъ, не совершенно лишеннаго плана, но безъ всякой руководящей нити для того, чтобы распутать всѣ запутанныя извилины. Неудивительно, что въ виду такой задачи, первобытный изслѣдователь будетъ стремиться найти какой-либо понятный и все объясняющій принципъ и направитъ всѣ силы своего ума на пріисканіе такого принципа. „Ибо человѣческій умъ, говоритъ Бэконъ, всегда стремится къ тому, чтобы выйти изъ неопредѣленности и достигнуть чего-либо прочнаго и неизмѣннаго, на чемъ можно основываться въ разслѣдованіяхъ и посылкахъ“, какой нибудь конечной силы, какого нибудь верховнаго и все опредѣляющаго принципа, при помощи котораго можно уяснить связь странныхъ и запутанныхъ элементовъ мірозданія. И дѣйствительно, усилія первоначальныхъ мыслителей направлялись къ достиженію какого-либо „Атласа мысли“. И они не ошибались относительно важности пріобрѣтенія такого основнаго принципа; но къ несчастью, они совершенно ошиблись относительно способовъ достиженія своихъ цѣлей и вмѣсто того, чтобы достигать этой цѣли шагъ за шагомъ, попробовали завоевать позицію посредствомъ coup de

main. Каждый мыслитель пускался въ свои собственныя догадки. По мнѣнію одного, основнымъ принципомъ была вода; по мнѣнію другого воздухъ; третій признавалъ такимъ принципомъ число, и такъ дѣло шло въ теченіе вѣковъ. Наконецъ, истина начала обнаруживаться, а именно: такъ какъ наше знаніе естественныхъ причинъ и законовъ—даже простаго существованія ихъ, основывается исключительно на наблюденіи ихъ естественныхъ эффектовъ, то только путемъ наблюденія этихъ эффектовъ, изученіемъ естественныхъ явленій, можно приблизиться къ пониманію причинъ и законовъ послѣднихъ; иными словами—стало обнаруживаться, что индуктивный методъ единственно пригоденъ къ данному случаю, въ началѣ изслѣдованія естественныхъ явленій. Эта истина, которая признавалась лишь немногими изъ ученыхъ и лишь иногда полагалась въ основу научныхъ работъ, была наконецъ провозглашена Бэкономъ въ такой формѣ, что обратила на себя вниманіе научнаго міра, и сдѣлалась частью духовного наслѣдства человѣчества. Мы хотимъ, главнымъ образомъ, обратить вниманіе читателя на то, что необходимость индуктивнаго метода, какъ пути къ физическимъ открытіямъ, основывалась исключительно на томъ, что *человѣчество не имѣло непосредственнаго знанія конечныхъ физическихъ законовъ*. Законъ тяготѣнія и законы движенія принадлежатъ къ числу наилучше обоснованныхъ и наиболѣе достовѣрныхъ изъ такихъ законовъ. Но на какихъ данныхъ они основываются? Мы не находимъ ихъ въ нашемъ сознаніи, размышляя о томъ, что происходитъ въ нашей душѣ; точно также они не могутъ быть открыты черезъ посредство нашихъ органовъ чувствъ. Что каждая частица вещества во вселенной тяготѣетъ ко всѣмъ остальнымъ, съ силою, которая прямо пропорціональна массѣ, и обратно пропорціональна квадрату разстояній, или что тѣло, приведенное въ движеніе, если не подвергнется дѣйствію противоположной силы, будетъ непрерывно двигаться въ томъ-же направленіи и съ тою-же скоростью,—всѣ эти положенія могутъ быть установлены только съ помощью интеллекта; доказательства всѣхъ этихъ законовъ въ концѣ-концовъ сводятся къ тому что, предположивъ наличность послѣднихъ, можно объяснить данныя явленія. Законы эти не являются свидѣтельствами непосредственнаго опыта, а, говоря словами Герберта Спенсера, представляютъ собою „истины, извлеченныя изъ нашего дѣйствительнаго опыта, но не заключающіяся въ немъ“. Уэвелль говоритъ: „Люди извлекли абстрактное правило изъ конкретнаго опыта, хотя это правило въ каждомъ случаѣ было переплетено съ другими правилами, и могло быть извлечено изъ опыта только при условіи, что другія правила уже извѣстны“. И что является вѣрнымъ по отношенію къ законамъ тяготѣнія и движенія, одинаково вѣрно и по отношенію ко всѣмъ основнымъ законамъ естествознанія. Такъ, теорія волнообразнаго колебанія свѣта, теорія молекулярнаго строенія вещества, ученіе объ инерціи—всѣ они не поддаются непосредственному наблюденію, и извѣстны намъ только по своимъ физическимъ результатамъ.

Итакъ, индуктивный методъ, въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, являлся необходимымъ и неизбѣжнымъ путемъ, по которому, принимая во вниманіе ограниченность человѣческихъ способностей, должно было слѣдовать физическое изслѣдованіе въ самомъ началѣ своего развитія. Я говорю—въ началѣ своего развитія, потому, что лишь только былъ установленъ какой-

либо изъ основныхъ законовъ, управляющихъ физическими явленіями, тотчасъ-же открылся новый путь для рѣшенія задачъ естествознанія. Изслѣдователь находилъ тотъ „Атласъ своей мысли“, о которомъ вздыхали болѣе ранніе мыслители; и тогда дѣлалось возможнымъ примѣненіе дедуктивного метода—этого, при надлежащемъ употребленіи, безъ сомнѣнія, наиболѣе могущественнаго орудія изслѣдованія, какое когда-либо было изобрѣтено человѣческимъ умомъ. Исторія наиболѣе важныхъ отраслей естествознанія учитъ насъ слѣдующему: долгій періодъ труднаго индуктивнаго изслѣдованія въ началѣ, во время котораго подготовляется почва и сѣются сѣмена, завершается въ концѣ-концовъ открытіемъ одной или двухъ великихъ истинъ, открытіемъ, дѣлаемымъ очень часто почти одновременно нѣсколькими мыслителями независимо другъ отъ друга; затѣмъ наступаетъ періодъ жатвы, во время котораго, съ помощью примѣненія дедуктивнаго разсужденія, собираются плоды великаго открытія, въ видѣ многочисленныхъ посредствующихъ законовъ, согласующихъ высшіе законы съ данными опыта. Такъ, прогрессъ механики шелъ медленно, несмотря на то, что было сдѣлано для нея Архимедомъ и древними, до тѣхъ поръ, пока Галилеемъ и его современниками не были установлены первичные динамическіе законы; но когда эти законы были прочно установлены и дедуктивный процессъ былъ примѣненъ къ полученнымъ такимъ образомъ посылкамъ, то вслѣдъ за тѣмъ быстро послѣдовалъ цѣлый рядъ второстепенныхъ открытій въ механикѣ, гидростатикѣ и пневматикѣ *). Такимъ образомъ было открыто большинство среднихъ

*) „Исторія индуктивныхъ наукъ“, *Уэвелля*, книга VI, гл. III—VI.

законовъ, axiomata media, естествознанія. Но не только одно открытіе axiomata media можетъ служить примѣромъ силы дедуктивнаго метода. Въ соединеніи съ индукціей, методъ часто являлся орудіемъ, съ помощью котораго достигались наивысшія обобщенія въ области естествознанія. Самымъ замѣчательнымъ примѣромъ этого можетъ служить законъ тяготѣнія, который, въ своей основѣ, былъ открытъ Ньютономъ путемъ дедукціи изъ механическихъ посылокъ, доставленныхъ открытіями Галилея. Къ Ньютону задача перешла уже въ такой формѣ: нужно было найти силу, которая, въ соотвѣтствіи съ законами движенія, будетъ производить движенія планетъ, уже обобщенныя Кеплеромъ. Законъ тяготѣнія въ двоякомъ смыслѣ иллюстрируетъ силу дедуктивнаго метода. Онъ былъ самымъ блестящимъ плодомъ дедукціи и явился въ то-же время самымъ плодотворнымъ источникомъ дедукціи. Этотъ законъ, какъ я уже говорилъ, является дедукціей изъ законовъ механики, примѣненныхъ къ истолкованію планетныхъ движеній, и, въ то-же время, однажды установленный, законъ тяготѣнія сдѣлался великимъ плодотворнымъ принципомъ, изъ котораго, въ соединеніи съ данными опыта, проистекли всѣ позднѣйшія астрономическія открытія.

„Подобно тому, какъ это открытіе было величайшимъ сравнительно со всѣми предшествующими, его послѣдствія были также колоссальны, и много обширныхъ и крайне трудныхъ изслѣдованій, каждое изъ которыхъ само по себѣ могло разсматриваться какъ особая наука, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ занимали многихъ глубокихъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей, начиная съ того времени и вплоть до нашихъ дней, явились только частичнымъ подтвержденіемъ теоріи

Ньютона. Почти все, что сдѣлано и дѣлается въ астрономіи, относится къ этой рубрикѣ; и только когда астрономъ подходитъ къ самымъ крайнимъ границамъ своего обширнаго поля изслѣдованія, онъ встрѣчаетъ явленія, не поддающіяся велѣніямъ законодательства Ньютона" *).

Такимъ образомъ, естественно-научныя изслѣдованія производятся при помощи индукціи лишь до тѣхъ поръ, пока открываются основныя законы. Какъ только первыя великія обобщенія установлены, дедукція вступаетъ въ свои права и приводитъ вмѣстѣ съ индукціей и средствами повѣрки, доставляемыми этой послѣдней, къ быстрому расширенію познанія природы. По мѣрѣ того, какъ устанавливаются обобщенія все высшаго и высшаго порядка, задачи дедукціи также расширяются, и въ результатѣ логическій характеръ естественно-научныхъ задачъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и научный методъ, постепенно измѣняютея. Въ началѣ изслѣдованія задача заключалась въ томъ, чтобы, предполагая явленія данными, найти ихъ причины и законы, и единственно возможнымъ методомъ была индукція; но чѣмъ больше открывается новыхъ принциповъ, тѣмъ болѣе задача принимаетъ иной видъ—именно, предполагая данными извѣстныя явленія и извѣстные законы и причины, вліяющія на эти явленія, найти другіе законы и причины, вліяющіе на наблюдаемый результатъ. Изслѣдователь постепенно завладѣваетъ обоими концами цѣпи и его задача все съуживается и сводится къ опредѣленію все меньшаго количества промежуточныхъ звеньевъ.

Я особенно старался разъяснить логическій характеръ естественно-научныхъ задачъ, какой онѣ имѣли

*) Whewell, vol II, p. 195.

въ началѣ изслѣдованія внѣшней природы и какой онѣ имѣютъ теперь, для того, чтобы сдѣлать понятной степень аналогіи между естественно-научными изслѣдованіями и тѣми, къ которымъ я теперь перехожу. Нѣсколькими страницами выше я замѣтилъ, что если экономистъ находится въ невыгодномъ положеніи сравнительно съ естествоиспытателемъ въ томъ отношеніи, что лишенъ помощи опыта, за то онъ, съ своей стороны, имѣетъ и нѣкоторыя уравновѣшивающія преимущества. Теперь характеръ этихъ преимуществъ вполнѣ ясенъ. Экономистъ начинаетъ съ знанія конечныхъ причинъ. Уже въ самомъ началѣ своего изслѣдованія онъ находится въ такомъ положеніи, котораго естествоиспытатель достигаетъ лишь послѣ цѣлыхъ вѣковъ многотрудныхъ изслѣдованій. Если кто нибудь въ этомъ сомнѣвается, то пусть подумаетъ о томъ, каковы конечные принципы, регулирующіе экономическія явленія. Какъ я разъяснялъ въ предъидущей лекціи, принципы эти суть факты слѣдующаго рода: извѣстныя душевныя состоянія и извѣстныя физіологическія свойства человѣческаго организма; матеріальныя условія, при которыхъ совершается производство; политическія учрежденія; состояніе промышленнаго искусства; иными словами—первыя посылки политической экономіи суть заключенія и явленія, устанавливаемыя другими науками. Они суть источникъ, изъ котораго вытекаютъ явленія богатства, точно также какъ явленія планетной системы зависятъ отъ дѣйствія физическихъ силъ и механическихъ законовъ физической вселенной, какъ свѣтовыя явленія представляютъ собою необходимое слѣдствіе ударовъ волнъ свѣтовой среды въ оптическіе нервы глазъ. Для открытія своихъ первыхъ посылокъ политическая эко-

номія не нуждается въ затруднительномъ процессѣ индукціи. Такъ напр., для того, чтобы знать, почему фермеръ предпринимаетъ посѣвъ хлѣба, почему онъ обрабатываетъ до извѣстныхъ предѣловъ свое поле, и почему онъ не подвергаетъ его большей обработкѣ, мы не нуждаемся въ рядѣ предшествующихъ обобщеній, исходящихъ изъ статистики хлѣбнаго производства и заканчивающихся съ одной стороны душевными мотивами, побуждающими фермера къ производству, а съ другой—физическими свойствами почвы, отъ которыхъ зависитъ производительность земледѣлія. Все это излишне, излишенъ весь этотъ сложный процессъ по той простой причинѣ, что мы имѣемъ, или можемъ получить, если обратимъ вниманіе, непосредственное знаніе объ этихъ причинахъ въ нашемъ собственномъ сознаніи, сознаніи того, что происходитъ въ нашемъ духѣ, и изъ непосредственныхъ впечатлѣній нашихъ органовъ чувствъ. Всякій, предпринимающій какое-либо промышленное дѣло, знаетъ мотивы, руководящіе имъ. Онъ знаетъ, что онъ поступаетъ такимъ образомъ вслѣдствіе желанія, для какой-бы то нибыло дальнѣйшей цѣли, обладать богатствомъ: онъ знаетъ, что по мѣрѣ своего разумѣнія, будетъ стремиться къ достиженію своихъ цѣлей кратчайшимъ путемъ; что если ему не будутъ мѣшать искусственныя препятствія, онъ будетъ покупать нужные матеріалы на самомъ дешевомъ рынкѣ и продавать производимые продукты по самой дорогой цѣнѣ.

Всякій сознаетъ, что, выбирая промышленную дѣятельность, онъ выберетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ту дѣятельность, гдѣ можетъ получить наибольшее вознагражденіе, сравнительно съ дѣлаемыми затратами, что пріискивая помѣщеніе своему капиталу,

предпочтетъ такія цѣнныя бумаги, которыя при одинаковой надежности помѣщенія даютъ наибольшій процентъ. Что касается до другихъ причинъ, вліяющихъ на производство и распредѣленіе богатства, какъ напр., физическія свойства естественныхъ дѣятелей, физіологическія свойства людей, опредѣляющія ихъ способность размноженія, то по отношенію къ этимъ причинамъ также имѣется непосредственное доказательство, хотя и иного рода: доказательство, основывающееся на свидѣтельствѣ не нашего сознанія, но органовъ чувствъ. Такъ напр., если серьозно усомниться въ законѣ уменьшающейся производительности земли при увеличивающемся приложеніи труда и капитала, то законъ этотъ легко доказать непосредственнымъ физическимъ опытомъ и убѣдиться въ его правильности при помощи органовъ чувствъ. Если экономисты не дѣлаютъ этихъ опытовъ для установленія даннаго факта, то лишь потому, что всякій фермеръ дѣлаетъ этотъ опытъ вмѣсто нихъ. Поэтому, политическая экономія, по отношенію къ своимъ физическимъ предпосылкамъ, точно также какъ и духовнымъ, совершенно не нуждается въ тѣхъ тонкихъ индуктивныхъ процессахъ, при помощи которыхъ устанавливаются конечныя истины естественныхъ наукъ.

Поэтому, можно признать, что экономистъ, въ самомъ началѣ своего изслѣдованія уже обладаетъ знаніемъ конечныхъ принциповъ, управляющихъ явленіями, которые составляютъ предметъ его изученія, между тѣмъ какъ открытіе этихъ принциповъ является самой трудной задачей для естествоиспытателя; съ другой стороны, экономистъ лишенъ помощи опыта. Впрочемъ, экономистъ имѣетъ нѣкоторый суррогатъ

этого могущественнаго орудія,—суррогатъ, о которомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Я имѣю въ виду пользованіе гипотетическими примѣрами, спеціально конструируемыми для цѣлей экономическаго изслѣдованія. Хотя экономистъ совершенно лишенъ возможности создать въ дѣйствительности такое положеніе дѣлъ, которое ему требуется, ничто не мѣшаетъ экономисту воспроизвести это положеніе передъ своимъ умственнымъ взоромъ, и разсуждать, какъ будто это положеніе имѣется въ дѣйствительности въ моментъ дѣйствія того фактора — человѣческаго чувства, матеріальнаго предмета, или политическаго учрежденія — экономическій характеръ котораго долженъ быть изслѣдованъ. Если напр., задача экономиста заключается въ опредѣленіи отношенія между количествомъ денегъ въ обращеніи въ данной мѣновой территоріи и цѣнностью этихъ денегъ, экономистъ можетъ сдѣлать нѣсколько предположеній напр.. 1) что при данномъ состояніи производительной промышленности должно быть исполнено данное количество мѣновыхъ сдѣлокъ, 2) что въ обращеніи имѣется данное количество денегъ, 3) что деньги обращаются съ данной быстротою и наконецъ 4) что извѣстное количество новыхъ денегъ прибавляется къ уже имѣющимся въ обращеніи. Допустивши эти условія, которыя принимаются неизмѣняющимся, мы устанавливали условія опыта. Правда, дѣйствіе добавочнаго количества денегъ не можетъ быть воспринято органами чувствъ экономиста, и не можетъ быть сдѣлано наглядымъ для его слушателей или читателей, но зная, для какихъ цѣлей употребляются деньги, и зная мотивы человѣческихъ существъ въ производствѣ и обмѣнѣ богатства, экономистъ будетъ въ силахъ опредѣлить

слѣдствія, которыя должны наступить при предложенныхъ имъ условіяхъ. Этимъ слѣдствіемъ явится возрастаніе цѣнъ товаровъ, въ пропорціи увеличенія количества денегъ, находящихся въ обращеніи, а это даетъ возможность экономисту формулировать доктрину,—что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, цѣнность монеты обратно пропорціональна ея количеству. Или, напр., если задача заключается въ выясненіи закона, устанавливающаго земледѣльческую ренту, экономистъ можетъ гипотетически предположить слѣдующія условія: 1) извѣстную степень земледѣльческаго искусства, 2) способность почвы давать извѣстный продуктъ при извѣстныхъ затратахъ труда и капитала, 3) тенденцію почвы доставлять относительно уменьшающееся количество продуктовъ, послѣ того какъ достигнута извѣстная степень обработки, 4) различныя степени плодородія различныхъ земель; и наконецъ 5) принадлежность земли одному классу людей, въ то время какъ другой классъ, обладающій капиталомъ, желаетъ получить въ свое распоряженіе землю для обработки. Если эти предположенія сдѣланы, экономистъ долженъ принять въ соображеніе извѣстные ему мотивы, съ одной стороны фермеровъ, съ другой—землевладѣльцевъ въ ихъ договорѣ объ арендѣ земли, и изъ этихъ данныхъ, въ связи съ вышеуказанными, опредѣлить размѣръ ренты, которую потребуетъ землевладѣлецъ и согласится дать фермеръ. Такимъ образомъ будутъ установлены условія, опредѣляющія земледѣльческую ренту. Правда, заключеніе экономиста будетъ лишь гипотетически вѣрно, т. е. будетъ выражать законъ природы лишь при отсутствіи нарушающихъ причинъ; но, какъ я уже указывалъ выше, такой характеръ имѣютъ всѣ научные законы. Оставляя въ сторонѣ

чисто-эмпирическія обобщенія, ни одинъ законъ природы, къ какой-бы области ни относился, — духовной, матеріальной или экономической — не бываетъ истиннымъ иначе, какъ гипотетически, т. е. при отсутствіи нарушающихъ причинъ. Только-что описанный процессъ является однимъ изъ способовъ познанія экономическихъ законовъ, и легко замѣтить, что процессъ этотъ имѣетъ характеръ умственнаго опыта. Я нисколько не отрицаю, что въ качествѣ орудія открытія истины, умственный опытъ стоитъ несравненно ниже того вещественнаго процесса въ области естествознанія, который онъ стремится замѣнить; такъ какъ дѣйствительная природа не можетъ ошибаться, а гипотетическому экспериментированію свойственна не только та опасность, что нѣкоторыя принятыя условія при выводѣ заключенія будутъ упущены изъ виду, но также и опасность прямой ошибки въ разсужденіи, при помощи котораго устанавливается дѣйствіе извѣстной предполагаемой причины Это несовершенство разсматриваемаго метода дѣлаетъ необходимымъ восполнить его тѣми способами повѣрки, которые допускаются характеромъ экономическаго изслѣдованія. Напримѣръ: экономистъ можетъ, разрѣшивъ свою задачу описаннымъ способомъ, подыскать какой-либо дѣйствительный случай, возможно приближающійся по своимъ существеннымъ обстоятельствамъ къ гипотетически предполагаемому. Найдя такой случай, экономистъ можетъ наблюдать, въ какой мѣрѣ дѣйствительные результаты соотвѣтствуютъ его гипотетическимъ заключеніямъ, и если, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, окажется, что соотвѣтствіе не полное, то экономистъ долженъ разсмотрѣть, насколько это несоотвѣтствіе можетъ быть объяснено дѣйствіемъ нарушающихъ причинъ, наличность которыхъ можно констатировать. Къ несчастью, по вышеуказаннымъ основаніямъ, повѣрка въ экономическомъ изслѣдованіи никогда не можетъ быть полной; но несмотря на это, повѣрка, если только она производится съ должной тщательностью, нерѣдко можетъ доставить такую существенную поддержку дедуктивному разсужденію, что заключеніе этого послѣдняго пріобрѣтаетъ высокую степень вѣроятности.

Такимъ образомъ гипотеза можетъ служить до нѣкоторой степени замѣной опыта въ гипотетическомъ изслѣдованіи; и дѣйствительно многія важныя доктрины науки были установлены такимъ образомъ. Всего чаще и успѣшнѣе пользовался этимъ методомъ Рикардо, и самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ широко распространеннаго невѣжества относительно метода политической экономіи являются многочисленные нападки на этого выдающагося мыслителя за такой характеръ его разсужденій. На самомъ-же дѣлѣ, Рикардо, пользуясь гипотетическимъ методомъ, употреблялъ, по скольку это допускается характеромъ задачи, этотъ самый экспериментальный методъ, который такъ восхваляли его противники, но истинная природа котораго такъ мало ими понята. Вотъ напр., какъ пользовался Рикардо этимъ орудіемъ экономическаго изслѣдованія. Требовалось выяснить основной принципъ международной торговли, и Рикардо хотѣлъ доказать, что странѣ можетъ быть выгодно ввозить извѣстный продуктъ изъ-за границы, хотя она сама можетъ производить этотъ продуктъ у себя дома съ меньшими издержками производства. Это положеніе, на первый взглядъ кажущееся парадоксомъ, Рикардо установилъ при помощи простой гипотезы, которая, устраняя всѣ

усложняющія и запутывающія обстоятельства даннаго случая, выяснила немногія существенныя условія, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе задачи, такъ какъ нельзя сомнѣваться, что при условіяхъ, предположенныхъ Рикардо, извѣстные намъ мотивы человѣка, стремленіе къ богатству, не могло повести ни къ какому иному результату. „Возьмемъ двухъ людей, говоритъ Рикардо, которые могутъ изготовлять какъ сапоги, такъ и шляпы, и пусть одинъ изъ нихъ превосходитъ другого въ производствѣ обоего рода продуктовъ, но въ производствѣ шляпъ пусть онъ превосходитъ своего конкуррента на $^1/_5$, или 20%, а въ производствѣ сапогъ превосходство его выражается одной третью—33%; развѣ не будетъ соотвѣтствовать интересамъ ихъ обоихъ, чтобы первый занимался исключительно производствомъ сапоговъ, а второй, менѣе искусный, производствомъ только шляпъ? [1]).

Въ подтвержденіе того, что я говорилъ выше о характерѣ первыхъ посылокъ естествознанія, по сравненію съ посылками политической экономіи, я просилъ-бы обратить вниманіе на различное употребленіе гипотезы въ первой и второй области знанія. Въ политической экономіи какъ мы, видѣли, гипотеза употребляется лишь для того, чтобы доставить изслѣдователю извѣстныя и установленныя посылки, которыя необходимы для дедуктивнаго вывода, посылки, которыя изслѣдователь не можетъ воспроизвести въ дѣйствительности вслѣдствіе самаго ихъ характера; и такимъ образомъ, гипотеза можетъ разсматриваться какъ замѣна опыта: между тѣмъ въ естествознаніи, гдѣ требуемыя данныя опыта могутъ быть дѣйствительно воспроизведены, нѣтъ необходимости гипотетически ихъ предполагать, и потому этого никогда и не дѣлается.

[1]) Ricardo Works, *Mc. Cullohs* vedition, стр. 77.

Для чего-же служитъ гипотеза въ естественно-научномъ изслѣдованіи? Гипотеза всегда является средствомъ для открытія конечныхъ причинъ и законовъ. Такъ какъ такіе причины и законы недоступны для непосредственнаго наблюденія, черезъ посредство сознанія или воспріятія органами чувствъ, то догадка, гипотеза является единственнымъ возможнымъ путемъ къ истинѣ. Потому, естествоиспытатель строитъ гипотезы относительно природы конечныхъ причинъ и законовъ, и сдѣлавши извѣстную гипотезу, старается воспроизвести такія условія, при которыхъ можно было-бы провѣрить справедливость гипотезы, другими словами—производитъ опытъ для повѣрки гипотезы. Такой порядокъ, очевидно, не пригоденъ къ экономическимъ изслѣдованіямъ. Экономистъ никогда не дѣлаетъ гипотезъ относительно мотивовъ, побуждающихъ людей заниматься хозяйствомъ, предпочитать выгодныя занятія невыгоднымъ, или давать своимъ сбереженіямъ иныя болѣе выгодныя помѣщенія; или относительно причинъ, полагающихъ, при опредѣленномъ состояніи земледѣльческаго знанія и искусства, постоянную преграду приложенію къ почвѣ капитала и труда. Точно также не дѣлаетъ онъ гипотезъ относительно причинъ, опредѣляющихъ постоянный ростъ населенія. Въ этомъ случаѣ догадки будутъ совершенно неумѣстны, такъ какъ, какъ я указалъ, мы имѣемъ въ нашемъ сознаніи и въ свидѣтельствѣ нашихъ чувствъ, легкое и доступное средство познанія того, что намъ нужно. Соотвѣтственно этому, гипотеза въ политической экономіи никогда не употребляется, какъ средство познанія конечныхъ причинъ и законовъ; точно также

какъ въ естественно-научныхъ изслѣдованіяхъ гипотеза никогда не употребляется въ качествѣ замѣны опыта.

Таково взаимное положеніе экономиста и естествоиспытателя по отношенію къ логическому характеру занимающихъ ихъ задачъ. И если это такъ, то что̀ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ невѣжества относительно природы изслѣдованій того и другого рода — естествознанія и политической - экономіи, какъ не обычная ссылка на естествознаніе въ доказательство необходимости исключительнаго пользованія индуктивнымъ методомъ при рѣшеніи экономическихъ проблемъ. Это значитъ не понимать ни силы, ни слабости особенной позиціи политической экономіи. Это значитъ рекомендовать экономистамъ методъ, который такъ могущественъ въ рукахъ естествоиспытателя лишь по причинѣ тѣхъ условій, которыми не можетъ пользоваться экономистъ по самому характеру своей работы; и въ тоже время это значитъ—отказываться отъ употребленія орудія открытія, которое имѣется у насъ подъ руками, къ которому естествоиспытатель стремится вѣками труда, и которое, когда оно, наконецъ, было достигнуто, оказалось въ высшей степени дѣйствительнымъ во всѣхъ своихъ примѣненіяхъ. Примѣръ естественныхъ наукъ, правильно понятый, учитъ экономиста именно признанію дедукціи самымъ главнымъ научнымъ рессурсомъ; причемъ факты, собранные наблюденіемъ и опытомъ, должны служить для повѣрки дедуктивныхъ заключеній, а въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчается несоотвѣтствіе между фактами и теоретическими выводами, должны содѣйствовать разъясненію природы нарушающихъ причинъ. Только въ этомъ смыслѣ пользуются опы-

томъ естественныя науки, достигшія дедуктивной стадіи,—науки, по своему логическому характеру дѣйствительно анологичныя политической экономіи.

Въ связи съ этими процессами повѣрки и открытія нарушающихъ причинъ или, выражая ту-же мысль иначе, открытія менѣе важныхъ факторовъ, вліяющихъ на экономическіе феномены, можно указать и должное мѣсто статистикѣ. Статистика является собраніемъ фактовъ сгруппированныхъ и класифицированныхъ въ видахъ извѣстнаго спеціальнаго изслѣдованія; пользуясь этимъ систематическимъ методомъ наблюденія, мы можемъ лучше всего предупреждать ошибки и провѣрять заключенія, полученныя дедуктивнымъ путемъ изъ основныхъ посылокъ науки; въ то-же время этотъ-же самый методъ является наилучшимъ средствомъ выясненія дѣйствія тѣхъ меньшихъ и нарушающихъ дѣятелей, которые иногда такъ сильно измѣняютъ дѣйствительныя событія. Дѣйствіе этихъ послѣднихъ факторовъ на феномены богатства обыкновенно очень сложно и запутано и легко можетъ быть незамѣчено изслѣдователемъ, занятымъ лишь установленіемъ основныхъ экономическихъ доктринъ. Для того, чтобы открыть нарушающіе факторы, нужно обратиться къ производимымъ ими результатамъ, а это лучше всего можетъ быть достигнуто при помощи статистики въ постоянной связи съ дедуктивнымъ разсужденіемъ.

Важно замѣтить, что отношеніе статистики къ политической экономіи ничѣмъ не отличается отъ отношенія къ статистикѣ другихъ наукъ, достигшихъ дедуктивной стадіи. Зарегистрированныя наблюденія астронома составляютъ статистику астрономіи, и астрономъ сравниваетъ эти наблюденія съ теорети-

ческими заключеніями, получаемыми путемъ вывода изъ механическихъ принциповъ, составляющихъ первыя посылки его науки, при чемъ цѣль этого сравненія совершенно аналогична вышеуказанной цѣли въ области политической экономіи. Но въ наукахъ, основанныхъ на опытѣ, какъ напр. химія, къ помощи статистики прибѣгать почти не приходится. Статистика здѣсь излишня, потому что опытъ доставляетъ болѣе дѣйствительныя средства для такой повѣрки теоретическихъ положеній. Но то, что въ химіи извѣстно подъ названіемъ „остаточныхъ явленій“, вполнѣ аналогично тому несоотвѣтствію между заключеніями экономиста и фактами статистики, о которомъ говорилось выше, и эти „остаточныя явленія“ въ химіи точно также ведутъ къ открытію новыхъ элементовъ или принциповъ, незамѣченныхъ ранѣе.

Таковъ методъ изслѣдованія, наиболѣе пригодный для политической экономіи, какъ по самому характеру экономическихъ изслѣдованій, такъ и по аналогіи съ естественными науками, поскольку такая аналогія допустима; и этому методу фактически слѣдовали всѣ писатели, болѣе всего содѣйствовавшіе развитію экономической науки, начиная съ Тюрго и Ад. Смита и кончая Д. С. Миллемъ. Подробному доказательству этого послѣдняго утвержденія и будетъ посвящена слѣдующая лекція.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Логическій методъ политической экономіи.

ПРОДОЛЖЕНІЕ

Предшествующую лекцію я закончилъ утвержденіемъ, что тотъ методъ изслѣдованія, который, какъ мы нашли, наиболѣе пригоденъ для политической экономіи, является методомъ, фактически употреблявшимся сознательно или безсознательно, писателями, болѣе всего содѣйствовавшими успѣху науки. Путь, которымъ шли всѣ эти мыслители, можетъ быть представленъ слѣдующимъ образомъ. Тѣ принципы науки, которые не требуютъ доказательства, будучи устанавливаемы нашимъ сознаніемъ, какъ напр. желаніе достигнуть богатства съ наименьшими пожертвованіями, были молчаливо принимаемы, и изъ нихъ дѣлались выводы, безъ предварительнаго формальнаго подтвержденія этихъ принциповъ. Тѣ-же принципы, которые могли подлежать спору, какъ напр. физическія свойства факторовъ производства и физіологическія свойства человѣческихъ существъ въ отношеніи ихъ способности къ размноженію, были устанавливаемы путемъ соотвѣтствующихъ доказательствъ. Такъ

напр. знаменитый опытъ Мальтуса о народонаселеніи, почти цѣликомъ посвященъ установленію и объясненію двухъ послѣднихъ принциповъ — способности человѣческихъ существъ къ размноженію и способности земли давать, при данной степени земледѣльческаго искусства, средства существованія человѣку.

Когда были установлены основанія этихъ первыхъ принциповъ, экономисты приступили къ разсмотрѣнію ихъ слѣдствій въ области производства и распредѣленія богатства: какимъ образомъ эти принципы, дѣйствуя въ связи со способностью человѣка обсуждать свои поступки, естественно ведутъ къ раздѣленію труда, ко взаимному обмѣну продуктовъ, къ употребленію монеты, какъ орудія обмѣна, къ возрастанію ренты, по мѣрѣ развитія общества, къ замедленію роста населенія. Далѣе экономисты установили общіе законы цѣнности, ренты, прибыли, заработной платы, зависящія отъ дѣйствія этихъ принциповъ. Но такъ какъ полученныя заключенія нерѣдко оказывались въ разногласіи съ наблюдаемыми фактами, то вниманіе изслѣдователей обратилось (въ строгомъ соотвѣтствіи съ указаннымъ мною порядкомъ) ко вліянію второстепенныхъ принциповъ, видоизмѣняющихъ дѣйствіе основныхъ причинъ. Такимъ образомъ, глава Ад. Смита о различныхъ уровняхъ заработной платы въ различныхъ отрасляхъ труда, является всецѣло изслѣдованіемъ природы и силы этихъ второстепенныхъ принциповъ. Глава Рикардо о международной торговлѣ и главы Милля о цѣнности въ международной торговлѣ носятъ такой-же характеръ, такъ какъ задача этихъ главъ заключается въ открытіи тѣхъ спеціальныхъ причинъ, которыя въ области международнаго обмѣна видоизмѣняютъ общіе законы цѣнности. Опытъ Сэніора „О стоимости пріобрѣтенія денегъ“ является примѣромъ того-же рода.

Но, быть можетъ, лучшимъ примѣромъ правильнаго примѣненія статистики въ области экономической жизни, является извѣстная „Исторія цѣнъ“ Тука (*). Однимъ изъ первыхъ и самыхъ элементарныхъ принциповъ теоріи денежнаго обращенія является положеніе, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, цѣна денегъ измѣняется обратно пропорціонально ихъ количеству. Въ спорахъ первой половины этого вѣка о цѣнахъ и денежномъ обращеніи принципъ этотъ не только признавали вѣрнымъ гипотетически, т. е. при отсутствіи нарушающихъ причинъ, но въ немъ видѣли, единственную, если не важнѣйшую причину, регулирующую цѣны. Защитники металлическаго обращенія, съ одной стороны, и сторонники бумажныхъ денегъ съ другой, одинаково признавали несомнѣннымъ, что всѣ колебанія товарныхъ цѣнъ вызываются, по крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ, измѣненіемъ количества денегъ въ обращеніи, включая сюда какъ монету, такъ и банковые билеты. Между тѣмъ, результатъ исчерпывающаго изслѣдованія Тука исторіи торговли и денежнаго обращенія за продолжительный періодъ сводится къ тому, что фактически не существуетъ того соотвѣтствія между цѣнами товаровъ и количествомъ денегъ въ обращеніи, которое признавалось всѣми авторитетами. Здѣсь, такимъ образомъ, мы, видимъ, примѣръ разногласія между заключеніями абстрактнаго разсужденія и дѣйствительными явленіями, и задача статистики состоитъ въ выясненіи причинъ этого разногласія. Изъ послѣдова-

(*) History of Prices, *Tooke*.

нія Тука нельзя было не сдѣлать вывода, — или что при выводѣ названныхъ заключеній была сдѣлана ошибка, или что были упущены изъ виду нѣкоторыя причины, вліяющія на разсматриваемое явленіе. Тукъ показалъ, что ошибки сдѣланы въ обоихъ направленіяхъ: 1) ошибка въ разсужденіи, не признававшемъ различія между дѣйствіемъ на цѣны денегъ въ собственномъ смыслѣ слова (металлическихъ) и размѣниваемыхъ банковыхъ билетовъ, выпускаемыхъ банками для дисконтированія векселей, и 2) ошибка въ непризнаніи нарушающаго вліянія на цѣны, на ряду съ банковыми билетами, другихъ формъ кредита, являющихся средствомъ пріобрѣтенія товаровъ. Дальнѣйшее разслѣдованіе Тукомъ этого вопроса повело къ построенію теоріи цѣнъ, которая, поскольку она касается отношенія между цѣнами и банковыми билетами въ обращеніи, придаетъ прямо противоположный характеръ нѣкоторымъ прежнимъ доктринамъ: она утверждаетъ напр., что количество банковыхъ билетовъ, вмѣсто того, чтобы опредѣлять общій уровень цѣнъ, само является слѣдствіемъ этого послѣдняго фактора, и что колебанія общаго уровня цѣнъ не слѣдуютъ за колебаніями числа банковыхъ билетовъ въ обращеніи, но вызываютъ эти послѣднія колебанія; и эта новая теорія, кромѣ того, дала въ первый разъ удовлетворительное объясненіе обширному и важному классу явленій денежнаго обращенія.

Таковъ методъ политической экономіи, не только внушаемый самой природой изслѣдованій, но и поддерживаемый аналогіей и авторитетомъ.

Чтобы яснѣе иллюстрировать характеръ этого метода, а вмѣстѣ и помощь, доставляемую въ экономическихъ разсужденіяхъ совершеннымъ пониманіемъ этого метода, я возьму примѣръ какого-либо экономическаго закона и разсмотрю, что собственно утверждается этимъ закономъ и какимъ образомъ законъ можетъ быть обоснованъ или отвергнутъ.

Однимъ изъ основныхъ законовъ политической экономіи является то, что издержки производства устанавливаютъ цѣнность свободно производимыхъ продуктовъ. Подъ издержками производства продукта разумѣются, какъ необходимо пояснить въ самомъ началѣ, трудъ, воздержаніе и рискъ, сопряженные съ производствомъ, а подъ понятіемъ свободнаго производства слѣдуетъ разумѣть производство такихъ продуктовъ, которые могутъ производиться въ любыхъ количествахъ всякимъ, кто пожелаетъ взять на себя заботы и издержки, связанныя съ ихъ производствомъ. Таковъ смыслъ этого положенія; разсмотримъ теперь, что утверждается тезисомъ объ установленіи цѣнъ издержками производства.

Предполагается-ли этимъ, что свободно производимые продукты всегда и безъ исключенія обмѣниваются въ пропорціи относительныхъ издержекъ производства? Иначе говоря,—что во всѣхъ случаяхъ, когда одинъ товаръ обмѣнивается на другой, издержки производства ихъ совершенно одинаковы? Если теорія утверждаетъ именно это, то она очевидно невѣрна. Пшеница и ячмень въ Англіи являются продуктами свободно производимыми, и мѣра пшеницы, по теперешнимъ цѣнамъ (1856—57) цѣнится немногимъ болѣе мѣры ячменя, но стоимость производства мѣры пшеницы гораздо выше, чѣмъ ячменя—въ такой мѣрѣ, что фермеръ не считаетъ себя одинаково вознагражденнымъ, если онъ получитъ за пшеницу вдвое

больше, чѣмъ за ячмень. Или, придадимъ другой смыслъ доктринѣ; утверждаетъ-ли она, что если взять среднія цѣны за продолжительные періоды времени, то цѣнность свободно производимыхъ продуктовъ будетъ постоянно пропорціональна издержкамъ производствъ? И въ этомъ смыслѣ доктрина не выдерживаетъ серьезной критики. Хлопчатобумажныя матеріи въ Англіи и табакъ въ Америкѣ принадлежатъ къ числу свободно производимыхъ товаровъ. Каждый располагающій достаточными средствами можетъ заняться производствами и того и другого, въ желаемыхъ размѣрахъ; но при обмѣнѣ бумажныхъ тканей на табакъ между Америкой и Англіей, даже если взять среднія цѣны за продолжительные періоды времени, пропорціи, въ которыхъ обмѣниваются эти продукты отнюдь не совпадаютъ съ относительными издержками ихъ производства; а именно: количество англійскихъ бумажныхъ тканей, обмѣниваемое на данное количество американскаго табаку, въ среднемъ требуетъ бо́льшихъ издержекъ производства.

Итакъ, въ какомъ-же смыслѣ вѣрно, что издержки производства устанавляютъ цѣнность свободно производимыхъ продуктовъ? Только въ гипотетическомъ смыслѣ—при отсутствіи нарушающихъ причинъ; иначе говоря доктрина выражаетъ не дѣйствительное положеніе вещей, но одну только тенденцію. Возвращаясь къ моему прежнему примѣру, невѣрно, что пшеница и ячмень въ настоящее время обмѣниваются въ пропорціи ихъ относительныхъ издержекъ производства, потому что количество пшеницы, обмѣниваемое на опредѣленное количество ячменя, представляетъ бо́льшую затрату труда и капитала; но вѣрно, что пшеница и ячмень имѣютъ тенденцію обмѣниваться соотвѣтственно издержкамъ производства—и доказательствомъ этого является то, что теперешняя высокая цѣна ячменя поведетъ къ увеличенію производства ячменя и уменьшенію производства пшеницы въ слѣдующемъ-же году. Быть можетъ, измѣненіе относительнаго количества производимой пшеницы и ячменя не будетъ достаточно для приведенія ихъ цѣнъ въ полное соотвѣтствіе съ издержками производства, и въ этомъ случаѣ производство пшеницы еще болѣе сократится черезъ годъ, а ячменя—увеличится; или на-оборотъ, измѣненіе относительнаго производства ячменя и пшеницы превзойдетъ должные предѣлы, и цѣнность ячменя, по отношенію къ пшеницѣ, упадетъ ниже издержекъ производства; въ этомъ случаѣ въ слѣдующемъ году процессъ приметъ обратный характеръ. Но каковъ-бы ни былъ конечный результатъ, и какъ-бы случайности погоды и другія причины ни разстраивали нашихъ разсчетовъ, все-таки тенденція цѣнности соотвѣтствовать издержкамъ производства будетъ проявляться всегда и неизмѣнно. Употребляя сравненія Милля, это стремленіе подобно стремленію воды океана къ одному уровню—стремленію такому-же постоянному и несомнѣнному, какъ законы тяготѣнія, хотя, вѣроятно, ни одинъ квадратный ярдъ поверхности океана не находится въ данный моментъ на этомъ уровнѣ. Въ моемъ примѣрѣ цѣнности пшеницы и ячменя, хотя пропорція, въ которой обмѣниваются другъ на друга эти продукты, можетъ никогда не соотвѣтствовать въ опредѣленный моментъ ихъ относительнымъ издержкамъ производства, но если взять среднія цѣны за значительный періодъ времени, такое соотвѣтствіе въ большинствѣ случаевъ обнаружится съ требуемой точностью; точно также какъ среднее под-

нятіе пробки, плавающей на поверхности океана, будетъ представлять собою уровень, къ которому стремится поверхность океана. Но въ другомъ моемъ примѣрѣ, хлопчатобумажныхъ тканей въ Англіи и американскаго табаку, даже среднія цѣны продуктовъ не соотвѣтствуютъ издержкамъ производства. Не доказываетъ-ли это непримѣнимость общаго закона къ данному случаю?

Я отвѣчаю—отнюдь нѣтъ, подобно тому, какъ непригодность закона тяготѣнія не можетъ быть доказана тѣмъ обстоятельствомъ, что тяготѣніе можетъ быть нейтрализовано треніемъ. Законъ продолжаетъ дѣйствовать, но его обнаруженію препятствуетъ сила другого рода, вліяющая и видоизмѣняющая результатъ. Этотъ примѣръ (цѣнность бумажныхъ тканей и табаку) подтверждаетъ то, что я говорилъ раньше, по поводу гипотетической вѣрности законовъ политической экономіи, по отношенію къ конкретнымъ явленіямъ, хотя-бы эти законы были логически выведены изъ несомнѣнныхъ фактовъ. Доктрина, что издержки производства установляютъ цѣнность, логически выведена изъ несомнѣннаго факта — стремленія людей къ благополучію и отвращенія къ излишнему труду. Отсюда нельзя не заключить, что люди не согласятся обмѣнивать продуктъ, полученный съ опредѣленной затратой труда на другой продуктъ, потребовавшій меньшей трудовой затраты, а это именно и значитъ, что издержки производства установляютъ цѣнность продуктовъ. Но все это вѣрно лишь при предположеніи, что никакой другой принципъ не нарушаетъ дѣйствія указанныхъ основныхъ принциповъ. Такъ напр., любовь къ своей странѣ можетъ помѣшать дѣйствію этихъ послѣднихъ принциповъ. Англичанинъ можетъ

предпочитать постоянно обмѣнивать бумажныя ткани на табакъ, требующій меньшаго количества труда, вмѣсто того, чтобы отправиться въ Америку и заняться тамъ выращиваніемъ табаку. Въ международномъ обмѣнѣ приходитъ въ дѣйствіе, поэтому, новый факторъ—любовь къ своей странѣ и факторъ этотъ видоизмѣняетъ дѣйствіе тѣхъ основныхъ факторовъ, изъ которыхъ былъ выведенъ законъ издержекъ производства; въ результатѣ—международная цѣнность не обнаруживаетъ тѣхъ явленій, которыхъ мы могли-бы ожидать исходя изъ элементарнаго закона цѣнности. Возвращаясь къ прежней иллюстраціи, предположимъ, что извѣстный грузъ находится въ равновѣсіи на наклонной плоскости. Ни одинъ человѣкъ, понимающій смыслъ законовъ природы, не скажетъ, что этимъ нарушается законъ тяготѣнія—законъ дѣйствуетъ во всей своей силѣ, но проявленію его мѣшаетъ другая сила —треніе. И точно также законъ издержекъ производства не теряетъ своей силы потому, что въ международной торговлѣ треніе иного рода видоизмѣняетъ его видимые результаты. Уменьшите треніе поверхности во взятомъ физическомъ примѣрѣ, и грузъ начнетъ катиться внизъ, повинуясь закону тяготѣнія. Точно также, уменьшите препятствія къ международнымъ сношеніямъ, уменьшите силу международныхъ предразсудковъ, и общій законъ цѣнности немедленно вполнѣ проявитъ свое дѣйствіе, а международная цѣнность станетъ болѣе приближаться къ относительнымъ издержкамъ производства обмѣниваемыхъ продуктовъ.

Исходя изъ такого пониманія экономическаго закона, какъ выражающаго гипотетическую, а не положительную истину, изображающаго не то, что дѣйствительно происходитъ, но то, къ чему имѣется стремле-

ніе, или что наступило-бы при отсутствіи нарушающихъ причинъ, мы можемъ безъ труда сообразить, на какого рода доказательствахъ основываются эти законы, и какого рода аргументы требуются для ихъ опроверженія.

Экономическіе законы, не будучи утвержденіемъ относительно дѣйствительнаго порядка экономическихъ явленій, никогда не могутъ быть ни установлены, ни опровергнуты простымъ указаніемъ на дѣйствительность, на статистическія или иныя данныя относительно фактическаго хода промышленныхъ или торговыхъ дѣлъ. Но такъ какъ эти законы выражаютъ стремленіе, выведенное изъ извѣстныхъ принциповъ человѣческой природы, дѣйствующихъ при извѣстныхъ матеріальныхъ условіяхъ, то они могутъ быть установлены лишь путемъ доказательства существованія этихъ принциповъ и условій, при чемъ должно быть показано, что утверждаемое стремленіе есть необходимое слѣдствіе, необходимый выводъ изъ этихъ посылокъ; экономическіе законы могутъ быть опровергнуты лишь доказательствомъ, что предполагаемые принципы или условія не существуютъ, или что стремленіе, утверждаемое закономъ, не представляетъ собой правильнаго вывода изъ посылокъ. Поэтому, если только съ логической стороны въ экономическомъ разсужденіи ошибокъ нѣтъ, его сила или слабость всецѣло основывается на признаніи вліянія тѣхъ или иныхъ фактовъ сознанія или внѣшнихъ фактовъ, психическихъ или физическихъ законовъ. И дѣйствительно, всѣ принципы политической экономіи, которые могутъ считаться общепринятыми, были установлены этимъ путемъ и всѣ спорные вопросы въ трудахъ выдающихся экономистовъ рѣшались при помощи доказательствъ этого рода.

Читатели „Богатства народовъ“ не забыли мѣста въ началѣ I книги, въ которомъ раздѣленіе труда объясняется свойствами человѣческой природы, дѣйствующими при тѣхъ естественныхъ условіяхъ, въ которыя поставленъ человѣческій родъ. Указавши на способы, при помощи которыхъ животныя стараются заслужить расположеніе тѣхъ, въ комъ они нуждаются, Ад. Смитъ продолжаетъ:

„Точно также поступаетъ иногда и человѣкъ съ своими ближними: если онъ не имѣетъ другого средства заставить ихъ сдѣлать то, что ему хочется, онъ старается пріобрѣсть ихъ расположеніе лестью и раболѣпствомъ. Но у него не всегда есть время пользоваться такимъ способомъ: въ образованномъ обществѣ онъ ежеминутно нуждается въ помощи и содѣйствіи множества людей, тогда какъ всей его жизни недостало-бы, можетъ быть, на то, чтобы пріобрѣсть дружбу нѣсколькихъ человѣкъ. Съ другой стороны, всякое животное любой породы, достигнувъ вполнѣ зрѣлаго возраста, становится совершенно независимымъ и пока остается въ своемъ естественномъ состояніи можетъ обходиться безъ всякой помощи со стороны подобнаго ему живого существа. На-оборотъ, человѣкъ почти всегда нуждается въ помощи своихъ ближнихъ и напрасно онъ сталъ-бы надѣяться только на ихъ доброе къ себѣ расположеніе. Гораздо вѣрнѣе онъ достигаетъ своей цѣли, если обращается къ ихъ личному интересу и умѣетъ убѣдить ихъ, что ихъ собственная выгода заставляетъ поступить именно такъ, какъ ему хочется, чтобы они поступили. Такъ именно и поступаетъ человѣкъ, предлагающій другому чѣмъ нибудь обмѣняться съ нимъ; весь смыслъ его предложенія таковъ: дай мнѣ то,

что мнѣ нужно, и ты получишь отъ меня то, что тебѣ самому нужно. Такимъ именно способомъ и пріобрѣтается большая часть услугъ, которыя намъ нужны“ *).

Точно также, ссылкой на принципъ эгоизма, дѣйствующій въ коммерческихъ сдѣлкахъ, и на физическія свойства драгоцѣнныхъ металловъ (а именно на ихъ удобопереносимость), Ад. Смитъ опровергъ ученіе меркантилизма и установилъ доктрину свободной торговли.

„Никакой товаръ, говоритъ Ад. Смитъ, не приспособляется легче и точнѣе къ дѣйствительному спросу, чѣмъ золото и серебро; ибо, принимая во вниманіе небольшой объемъ и значительную цѣнность этихъ металловъ, ни одинъ товаръ не можетъ съ такой легкостью перемѣщаться съ одного мѣста на другое—оттуда, гдѣ этотъ товаръ дешевъ, туда, гдѣ онъ дорогъ... Страна, не имѣющая своихъ собственныхъ рудниковъ, безъ сомнѣнія, должна извлекать золото и серебро изъ другихъ странъ—точно также, какъ страна не имѣющая своихъ виноградниковъ, должна получать вино изъ-заграницы. Страна, имѣющая на что купить вино, всегда будетъ имѣть нужное количество вина; точно также страна, имѣющая на что купить золото и серебро, никогда не будетъ чувствовать въ нихъ недостатка. Эти металлы будутъ куплены подобно всякимъ другимъ товарамъ, и подобно тому какъ они являются средствомъ для покупки всѣхъ другихъ товаровъ, такъ и всѣ другіе товары являются средствомъ для покупки ихъ. Мы не сомнѣваемся, что свободная торговля, безъ всякой помощи правительства,

*) См. „Библіотеку Экон.“ Вып. I. *Адамъ Смитъ*: „Изслѣдованія о богатствѣ народовъ“, стр. 21—22.

доставитъ намъ нужное количество вина; точно также, мы можемъ съ полной безопасностью предоставить свободной торговлѣ снабжать насъ потребнымъ количествомъ золота или серебра, которое можетъ намъ понадобиться въ видѣ денегъ или для иныхъ цѣлей“.

Здѣсь Адамъ Смитъ употребляетъ тотъ-же аргументъ, хотя и не высказываетъ его прямо, а именно, что эгоизмъ, которой оказывается достаточнымъ для побужденія производителей вина во Франціи и Испаніи посылать въ Англію вино, окажется также достаточнымъ мотивомъ для того, чтобы производители золота и серебра посылали намъ эти металлы, если только, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, мы имѣемъ чѣмъ заплатить за пріобрѣтаемые продукты.

Точно также, опровергая другую доктрину той-же школы—что регулированіе торговли при помощи пошлинъ и запрещеній необходимо для благополучія страны, Адамъ Смитъ говоритъ слѣдующее:

„Это значитъ—указывать частнымъ лицамъ, какимъ образомъ они должны употреблять свои капиталы, а такое указаніе не можетъ не быть или излишнимъ или обременительнымъ. Если продукты туземной промышленности могутъ быть куплены также дешево, какъ иноземные продукты, то подобное правительственное регулированіе, очевидно, безполезно. Если же нѣтъ, то оно вредно. Правиломъ каждаго благоразумнаго хозяина является—не приготовлять дома ничего такого, что можно дешевле купить на сторонѣ. Портной не дѣлаетъ себѣ сапогъ самъ, но предпочитаетъ покупать ихъ у сапожника. Сапожникъ не пытается самъ приготовлять себѣ одежду, но покупаетъ ее у портного. Фермеръ не выдѣлываетъ ни обуви,

ни одежды, но пріобрѣтаетъ ихъ у соотвѣтствующихъ производителей. То, что является благоразумнымъ въ предѣлахъ семьи, врядъ-ли можетъ быть безразсуднымъ относительно всей страны. Если чужія страны могутъ снабжать насъ извѣстнымъ продуктомъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ стоило-бы производство того-же продукта въ нашей странѣ, то для насъ лучше пріобрѣсть этотъ продуктъ у иностранцевъ, въ обмѣнъ на тѣ продукты, въ которыхъ мы сами имѣемъ преимущества, а такъ какъ общая промышленность страны постоянно находится въ соотвѣтствіи съ затраченными капиталами, то отъ такой замѣны наша промышленность не сократится, подобно тому, какъ не сократилось производство вышеуказанныхъ ремесленниковъ, но только направится въ тѣ отрасли, которыя обѣщаютъ болѣе всего выгоды. А безъ всякаго сомнѣнія, промышленность не распредѣлена самымъ выгоднымъ образомъ, когда она направлена къ производству продуктовъ, изготовленіе которыхъ обходится дороже пріобрѣтенія ихъ на сторонѣ. Въ этомъ случаѣ, цѣнность всего ежегоднаго продукта, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе или менѣе сокращается, такъ какъ промышленность отвлекается отъ производства болѣе цѣнныхъ продуктовъ, чѣмъ тѣ, которыя производятся въ данное время".

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ Адамъ Смитъ, очевидно, ссылается на принципъ эгоизма. Стѣсненія торговли, если не безполезны, то вредны и препятствуютъ возрастанію національнаго богатства потому, что въ торговлѣ люди стремятся къ своей выгодѣ, а, слѣдовательно, если они будутъ предоставлены сами себѣ, то, естественно, займутся тѣмъ, что обѣщаетъ имъ болѣе всего выгоды. Поэтому промышленность страны не только не можетъ пострадать отъ свободной торговли, а напротивъ найдетъ себѣ самое выгодное примѣненіе, иначе говоря—будетъ распредѣлена такимъ образомъ, чтобы производить наибольшую сумму богатства.

Правда, Адамъ Смитъ затѣмъ ссылается на историческіе факты и указываетъ на примѣръ Испаніи и Португаліи для доказательства вреднаго дѣйствія меркантильной системы на промышленность этихъ странъ. Но легко замѣтить, что когда Адамъ Смитъ ссылается на исторію, онъ это всегда дѣлаетъ для иллюстраціи или подтвержденія извѣстнаго положенія; но никогда не основываетъ своихъ доктринъ на историческихъ примѣрахъ. Сначала Ад. Смитъ глубоко закладываетъ основаніе своихъ выводовъ въ принципахъ человѣческой природы и въ физическихъ фактахъ внѣшняго міра, а обращеніе къ историческимъ событіямъ играетъ у него роль простой иллюстраціи того, какъ дѣйствуютъ установленные имъ законы.

Возьмемъ другой примѣръ у одного изъ нашихъ величайшихъ изслѣдователей экономическихъ явленій. Однимъ изъ важнѣйшихъ открытій въ политической экономіи, сдѣланныхъ послѣ Адама Смита, является теорія международной торговли, установленная Рикардо. „До Рикардо, замѣчаетъ Милль, теорія международной торговли была непонятнымъ хаосомъ". Открытіе Рикардо, коротко говоря, заключалось въ слѣдующемъ: онъ показалъ, что обстоятельствомъ, опредѣляющимъ обмѣнъ товаровъ между двумя странами, является не различіе въ абсолютной стоимости производства обмѣниваемыхъ товаровъ, какъ это раньше предполагалось, но различіе въ сравнительной стоимости производства. Такъ напр. хлѣбъ и желѣзо могутъ производиться съ меньшими издержками въ Швеціи, чѣмъ въ Англіи, и все-таки изъ этого не выте-

каетъ необходимость обмѣна хлѣба и желѣза между Швеціей и Англіей; но если сравнительная стоимость хлѣба и желѣза въ обѣихъ странахъ различна, то принципъ эгоизма неминуемо поведетъ къ обмѣну. Я уже приводилъ мѣсто у Рикардо, въ которомъ этотъ писатель, иллюстрируя свою мысль простой гипотезой, установилъ важную доктрину экономической науки прямой ссылкой на мотивы, побуждающіе людей заниматься производствомъ и обмѣномъ продуктовъ.

Точно также, въ своемъ спорѣ съ Сэ о рентѣ, прибыли, налогахъ, Рикардо всегда сводитъ вопросъ къ какому нибудь признанному принципу человѣческой дѣятельности, или къ вопросу какого нибудь физическаго факта, къ такимъ вопросамъ какъ напр.—что такое производительная способность почвы?

При возрастаніи затраты, возрастаетъ-ли въ той-же пропорціи земледѣльческій продуктъ, или въ большей или меньшей пропорціи?

Не доказываетъ-ли послѣдняго обращеніе земледѣльцевъ къ худшимъ сортамъ почвы?

Не существуетъ-ли, поэтому, при обработкѣ земли, пункта, на которомъ продуктъ окупаетъ только затраченный капиталъ и трудъ, и ничего больше?

Не побуждаетъ-ли фермеровъ ихъ собственный эгоизмъ доводить обработку земли до этого пункта? Не препятствуетъ-ли это-же самое соображеніе фермеру вести обработку земли еще дальше? Не существуетъ-ли земель самой различной степени плодородія? Имѣются-ли среди этихъ земель земли, дающія только средній процентъ на затраченный капиталъ и ничего больше? Соперничество фермеровъ не побудитъ-ли ихъ, подъ вліяніемъ эгоизма, поднять ренту до того предѣла, при которомъ продуктъ будетъ только окупать со средней прибылью затраченный капиталъ? Не помѣшаетъ-ли

тотъ-же самый мотивъ поднятію ренты еще выше? Не опрєдѣляется-ли рента, поэтому, различіемъ между стоимостью той части земледѣльческаго продукта, которая получается съ наибольшими издержками производства, и той, которая получается съ меньшими издержками? Если мы предположимъ, что введенъ налогъ на сырые продукты, то налогъ не будетъ падать на фермера, потому что тогда фермеръ не получитъ средней прибыли, а вмѣсто того, чтобы жертвовать своими интересами, предпочтетъ извлечь свой капиталъ изъ земледѣлія. Избѣжитъ-ли фермеръ налога сокращеніемъ площади обработки и уменьшеніемъ ренты, или потребности потребителей побудятъ къ возвышенію цѣны продукта, вмѣсто сокращенія его количества? Средній уровень прибыльности, необходимый для того, чтобы фермеръ продолжалъ заниматься земледѣліемъ, удержится-ли благодаря пониженію ренты, или повышенію цѣны хлѣба? Изъ рѣшенія этихъ вопросовъ выводятся законы ренты, прибыли и налоговъ.

Эти примѣры, число которыхъ могло-бы быть увеличено въ любомъ размѣрѣ, достаточны, чтобы показать характеръ доказательствъ, на которыхъ великіе творцы политической экономіи основывали свои открытія, и также характеръ тѣхъ первыхъ посылокъ, къ которымъ они сводили вопросъ въ случаѣ спора. Всегда, когда умозаключеніе противника признавалось съ логической стороны правильнымъ, вопросъ сводился къ какимъ-либо психическимъ или физическимъ принципамъ: методъ этихъ мыслителей былъ строго согласенъ съ тѣмъ, который требуется самой природой экономическаго закона, какъ было указано мною выше.

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ.

О разрѣшеніи экономическихъ задачъ и возможной степени точности.

Разсматривая въ предыдущей главѣ методъ изслѣдованія, пригодный для политической экономіи, я пришелъ къ анализу природы утвержденія, содержащагося въ экономическомъ законѣ, и рода доказательствъ, употребляющагося для обоснованія или опроверженія экономическаго закона. По этимъ пунктамъ я пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: экономическій законъ выражаетъ собой не дѣйствительный порядокъ, которому слѣдуютъ экономическіе явленія, но стремленіе, которому они подчиняются; поэтому, въ примѣненіи ко внѣшнимъ событіямъ, экономическіе законы выражаютъ собою истину лишь при отсутствіи нарушающихъ причинъ—не положительную, но гипотетическую; законы эти, будучи выведены изъ извѣстныхъ психическихъ и физическихъ данныхъ, могутъ быть доказаны лишь путемъ доказательства дѣйствительнаго существованія утверждаемыхъ данныхъ, а также и того, что эти данныя логически приводятъ къ этому стремленію; законы эти могутъ быть опровергнуты лишь доказательствомъ того, что этихъ данныхъ не существуетъ, или что выводъ изъ нихъ сдѣланъ неправильно.

Я старался показать, что въ этомъ отношеніи экономическіе законы строго аналогичны тѣмъ законамъ естествознанія, которые получены или могли быть получены путемъ вывода изъ основныхъ принциповъ соотвѣтствующихъ наукъ.

Въ такой мѣрѣ аналогія между закономъ въ политической экономіи и закономъ въ наиболѣе развитыхъ естественныхъ наукахъ дѣйствительно существуетъ. Въ настоящее время я хочу указать на одно обстоятельство, по отношенію къ которому такой аналогіи не существуетъ, а также выяснить и послѣдствія, которыя отсюда вытекаютъ. Какъ въ естествознаніи, такъ и въ политической экономіи законы природы выражаютъ собою только извѣстное стремленіе явленій: но въ естественныхъ наукахъ открытіе закона природы никогда не признается законченнымъ, пока, кромѣ указанія общаго стремленія, не установлено точное числовое выраженіе силы, съ которой дѣйствуетъ данное стремленіе.

„Всѣ высшіе законы природы, говоритъ Джонъ Гершель, имѣютъ форму точнаго числового выраженія. Такимъ образомъ, законъ тяготѣнія, самая универсальная истина, достигнутая въ настоящее время человѣческимъ разумомъ, выражаетъ не только общій фактъ взаимнаго притяженія матеріи, не только неопредѣленное утвержденіе, что дѣйствіе силы тяготѣнія уменьшается по мѣрѣ возрастанія разстоянія, но точное численное соотношеніе, въ которомъ происходитъ это уменьшеніе; такъ что если дѣйствіе силы извѣстно для одного разстоянія, оно можетъ быть точно опредѣлено и для всякаго другого. Такимъ образомъ и законы кристаллографіи, устанавливающіе геометрическую форму, принимаемую различными матеріальными веще-

ствами подъ вліяніемъ внутреннихъ силъ сцѣпленія имѣютъ точно также характеръ строгихъ математическихъ формулъ; только благодаря этому возможны точные частные выводы изъ общаго закона“ *).

Тоже являетъ собою и химія, которая, благодаря употребленію вѣсовъ, сдѣлалась наукой и законы которой допускаютъ числовое выраженіе. Химикъ можетъ не только описывать общій характеръ химической реакціи но и установить пропорціи, въ которыхъ данныя вещества соединяются другъ съ другомъ для образованія новаго сложнаго тѣла.

Этой степени совершенства никогда не можетъ достигнуть политическая экономія, точно также какъ и всѣ науки, заимствующія свои посылки изъ принциповъ человѣческой природы, какъ напр. науки о правѣ, философія и т. д., ибо, хотя общій характеръ этихъ принциповъ можетъ быть установленъ и изъ нихъ могутъ быть сдѣланы съ достаточной точностью важныя заключенія, все-таки принципы эти по самой своей природѣ, не могутъ быть взвѣшиваемы и измѣряемы подобно элементамъ и силамъ матеріальнаго міра: принципы эти не могутъ быть облечены въ ариѳметическую или математическую форму; откуда слѣдуетъ, что полная опредѣленность, числовая точность не достижима въ заключеніяхъ, основывающихся на этихъ принципахъ. По этой причинѣ политическая экономія безусловно исключается изъ числа точныхъ наукъ.

Это свойство экономическихъ доктринъ можетъ быть разъяснено немногими примѣрами.

Упадокъ прибыли, по мѣрѣ уменьшенія народонаселе-

*) Natural Philosophy, 123.

нія и богатства общества, постоянно обращалъ на себя вниманіе экономистовъ. Также было замѣчено, что въ развивающемся обществѣ достигается, наконецъ, наименьшій уровень прибыли, ниже котораго прибыль уже не падаетъ и далѣе, что этотъ минимумъ различенъ для различныхъ націй; такъ напр. говорятъ, что въ Китаѣ прибыль не обнаруживаетъ стремленіе къ паденію ниже 30% въ годъ, между тѣмъ какъ въ Англіи прибыль упала, быть можетъ, до 10%, въ Голландіи вѣроятно еще ниже, а въ другихъ странахъ упадокъ прибыли остановился на иныхъ уровняхъ. Тотъ пунктъ, когда паденіе прибыли останавливается, т.-е. наименьшій уровень прибыли, который можетъ существовать въ данной странѣ, въ теченіе продолжительнаго времени, опредѣляется силой принципа, который былъ названъ Миллемъ „дѣятельнымъ стремленіемъ къ накопленію“. Это „дѣятельное стремленіе къ накопленію“ является общимъ выраженіемъ для обозначенія степени, въ которой стремленіе къ богатству преобладаетъ надъ другими стремленіями человѣческой природы, противодѣйствующими такимъ стремленіямъ, какъ любовь къ покою и желаніе немедленнаго наслажденія. Когда человѣкъ употребляетъ свое богатство, какъ капиталъ, какъ средство для полученія большаго богатства, то онъ побуждается къ этому — къ воздержанію отъ немедленнаго пользованія тѣмъ, что у него есть, и принятію на себя труда и заботы промышленнаго предпріятія—надеждой прибавить къ имѣющемуся богатству прибыль, полученную отъ производительнаго употребленія его. Если-бы человѣкъ не имѣлъ въ виду прибыли, то онъ не сталъ-бы употреблять пріобрѣтенное имъ богатство для производительныхъ цѣлей. У него не было-бы для этого побудитель-

ныхъ мотивовъ. Онъ или потребилъ-бы накопленное богатство, или, если-бы не хотѣлъ сберечь его для будущаго употребленія, то вмѣсто риска истратить его въ промышленныя предріятія, безъ надежды на прибыль, обратилъ-бы свое богатство въ деньги и положилъ-бы ихъ въ безопасное мѣсто, откуда всегда могъ-бы ихъ взять. Но такъ какъ надежда на прибыль есть обстоятельство, побуждающее человѣка преодолѣвать свою естественную лѣнь и подавлять стремленіе къ немедленному наслажденію, то очевидно, что наименьшій процентъ прибыли, достаточной для этого, зависитъ отъ отношенія наклонности къ накопленію у человѣка къ другимъ его наклонностямъ, препятствующимъ первой, т.-е. къ любви къ спокойствію и стремленію къ немедленному наслажденію. Чѣмъ относительно сильнѣе будетъ наклонность перваго рода, тѣмъ меньше будетъ процентъ прибыли, достаточной для того, чтобы человѣкъ занялся накопленіемъ богатства; иначе говоря,— тѣмъ ниже можетъ упасть процентъ прибыли, раньше чѣмъ дальнѣйшее паденіе его будетъ задержано отсутствіемъ побудительнаго мотива къ производству.

Дѣло стоитъ такъ. Благодаря извѣстнымъ свойствамъ дѣятелей производства существуетъ стремленіе къ паденію прибыли по мѣрѣ роста богатства и народонаселенія; существуетъ пунктъ на которомъ это паденіе пріостанавливается, и этотъ пунктъ опредѣляется силой дѣятельнаго стремленія къ накопленію. Все то, что мы знаемъ относительно этого предмета, сводится къ общему факту—что такое стремленіе существуетъ и что данные результаты зависятъ отъ такихъ-то и такихъ то причинъ; но такъ какъ мы лишены возможности точно опредѣлить дѣйствительную силу тѣхъ дѣятелей, отъ которыхъ зависитъ результатъ,—независимо отъ способа дѣйствія этихъ принциповъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,—то мы не можемъ заранѣе сказать, на какомъ пунктѣ установится равновѣсіе, и мы не можемъ заранѣе, независимо отъ опыта, сказать, каковъ минимальный процентъ прибыли, возможной въ той или иной странѣ. Сравните этотъ результатъ съ точностью, достижимой въ естественныхъ наукахъ. Когда астрономъ вычисляетъ движеніе кометы въ пространствѣ, онъ не удовлетворяется констатированіемъ общаго факта, что комета находится подъ вліяніемъ извѣстныхъ противоположныхъ силъ — что она стремится удалиться отъ солнца подъ вліяніемъ силы своего движенія, но что на извѣстномъ пунктѣ ея орбиты сила тяготѣнія превзойдетъ дѣйствіе первой силы и что съ этого пункта движеніе ея приметъ противоположное направленіе; астрономъ не только утверждаетъ это, но и указываетъ точное разстояніе, проходимое кометой вплоть до того пункта, когда сила тяготѣнія превозмогаетъ силу, влекущую комету отъ солнца, и астрономъ можетъ сдѣлать такое точное указаніе потому, что ему не только извѣстенъ общій фактъ взаимодѣйствія въ данномъ случаѣ двухъ противоположныхъ силъ, но онъ также можетъ получить и числовое выраженіе каждой силы—степень точности, недостижимая для политической экономіи.

Возьмемъ другой примѣръ неточности, зависящей отъ недостаточной опредѣленности посылокъ, свойственной заключеніямъ экономической науки.

Мы знаемъ, какъ общее правило, что люди охотнѣе отказываются отъ предметовъ роскоши и тщеславія, чѣмъ отъ предметовъ первой необходимости и отсюда мы можемъ съ полной увѣренностью заключить, что при отсутствіи нарушающихъ причинъ, уменьшеніе въ

снабженіи страны пищей поведетъ къ пропорціонально большему повышенію цѣны пищи, чѣмъ соотвѣтствующее уменьшеніе предложенія предмета, удовлетворяющаго менѣе настоятельнымъ потребностямъ; напримѣръ, уменьшеніе предложенія пшеницы на $^1/_3$ вызоветъ большее возрастаніе цѣны пшеницы, чѣмъ возростаетъ цѣна шелка при такомъ-же уменьшеніи его предложенія. Нѣкоторые писатели стремились пойти дальше этого общаго утвержденія и выразить въ численной формѣ зависимость между цѣной пищи и ея количествомъ. Такъ, слѣдуя вычисленіямъ Грегора Кинга, жившаго въ концѣ XVII столѣтія, уменьшеніе обычнаго снабженія страны важнѣйшей пищей на $^1/_{10}$ вызываетъ поднятіе ея цѣны на $^3/_{10}$, сравнительно съ обычной цѣной; уменьшеніе на $^2/_{10}$ поднимаетъ цѣну на $^8/_{10}$; уменьшеніе на $^3/_{10}$—повышаетъ цѣну на 1, 6, и наконецъ уменьшеніе вдвое повышаетъ цѣну въ $4^1/_2$ раза. Но если мы только подумаемъ о тѣхъ причинахъ, которыми обусловливается повышеніе цѣнъ, подумаемъ объ обстоятельствахъ, опредѣляющихъ размѣръ этого повышенія, то намъ будетъ ясно, что на точность вычисленій такого рода полагаться никакъ не слѣдуетъ, ибо условія, необходимыя для точнаго вычисленія, въ данномъ случаѣ совершенно отсутствуютъ.

Размѣръ повышенія цѣны пшеницы, вслѣдствіе уменьшенія ея предложенія (предполагая, что степень этого уменьшенія точно извѣстна), зависитъ отъ двухъ условій: 1) отъ расположенія людей, чувствующихъ недостатокъ въ пшеницѣ, пожертвовать желанію получить обычное количество привычной пищи другими удовольствіями, которыя они могутъ получить, и 2) отъ размѣра средствъ, которыми люди располагаютъ для пріобрѣтенія этихъ послѣднихъ предметовъ, слу-

жащихъ для ихъ удовольствія; иначе говоря—отъ ихъ общей покупательной силы. Если-бы мы могли точно измѣрить наклонность людей къ такому пожертвованію, также какъ и покупательныя средства, при помощи которыхъ эта наклонность можетъ осуществиться, то, зная точно пропорцію уменьшенія предложенія пшеницы, мы могли-бы точно вычислить и увеличеніе ея цѣны. Но, очевидно, что ни одно изъ этихъ условій неосуществимо. Не говоря уже о трудности точно установить другія условія задачи, а именно размѣръ покупательныхъ средствъ общества и распредѣленіе этихъ средствъ между различными классами населенія, вполнѣ очевидно, что наклонность людей жертвовать однимъ родомъ потребленія ради другого,—жертвовать тщеславіемъ ради комфорта, или приличіемъ ради удовлетворенія голода—совершенно недоступна точному измѣренію и потому наклонность эта никогда не можетъ быть выражена въ видѣ математической формулы, подобно тому, какъ это мы дѣлаемъ относительно физическихъ силъ природы.

Характерная особенность посылокъ политической экономіи—ихъ крайняя неопредѣленность—обнаруживается при всякомъ измѣненіи пошлинъ или налоговъ на предметы потребленія. Нерѣдко оказывается, что уменьшеніе налога, напр. на табакъ, вызываетъ увеличеніе суммы, собираемой путемъ налога; но если налогъ уменьшится еще болѣе, то и сумма сбора его уменьшится. Но если-бы покупательныя средства общества и наклонность его потреблять табакъ, предпочтительно передъ другими предметами потребленія, были извѣстны и могли-бы быть точно выражены математическими формулами, то мы имѣли-бы возможность точно опредѣлить заранѣе пунктъ, на которомъ

поступленіе налога на табакъ было-бы наибольшимъ; такимъ образомъ важнѣйшая реформа во всей нашей финансовой системѣ могла-бы быть произведена безъ всякаго риска неудачи. Но такъ какъ мы лишены средствъ съ точностью установить наклонность людей къ потребленію табаку, то мы принуждены прибѣгать къ ряду опытовъ и должны удовлетворяться грубымъ приближеніемъ къ требуемому максимуму, послѣ значительныхъ потерь со стороны казны и причиненія неудобствъ публикѣ.

Я считаю нужнымъ обратить вниманіе на этотъ источникъ несовершенства экономическихъ разсужденій, такъ какъ мнѣ кажется, что мы должны одинаково сознавать какъ слабые, такъ и сильные пункты позиціи экономиста, чтобы, приписывая истинамъ науки ту точность, которая для нихъ недостижима, не вызвать къ нимъ недовѣрія и подозрительнаго отношенія публики.

Знаменитая формула Мальтуса, какъ извѣстно, утверждала, что населеніе имѣетъ стремленіе выростать въ геометрической, а средства къ существованію — въ ариѳметической прогрессіи. Утверждая это, Мальтусъ въ дѣйствительности хотѣлъ только придать опредѣленность высказанному имъ принципу, какъ легко замѣтитъ всякій добросовѣстный и понимающій читатель; заключенія Мальтуса, основанныя на этомъ принципѣ, нисколько не зависѣли отъ математической правильности его формулы. Но противники Мальтуса небыли расположены сдѣлать ему эту уступку. Такъ какъ положенію его былъ приданъ видъ математической формулы, то они и настаивали на томъ, чтобы она была и математически доказана во всей своей точности, въ противномъ же случаѣ они готовы были

признать всѣ выводы Мальтуса простой ошибкой, или даже фантастическими измышленіями больного воображенія.

Таковъ характеръ экономическаго закона, аналогичнаго во всѣхъ отношеніяхъ съ законами физической природы, полученными сходнымъ путемъ дедуктивнаго разсужденія, съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что экономическій законъ не допускаетъ числового выраженія. — Признавши это, мы можемъ понять, какимъ образомъ можно пользоваться экономическими законами для объясненія экономическихъ явленій.

Объясненіе явленій, или разрѣшеніе задачи заключается въ приведеніи объясняемаго факта къ извѣстному установленному и признаваемому вѣрнымъ принципу. Такъ, мы говоримъ, что скорость движенія планеты въ пространствѣ объяснена, если показано, что эта скорость есть результатъ извѣстныхъ механическихъ принциповъ. Физическое явленіе росы объяснено, когда показано, что извѣстные законы лученспусканія и проведенія теплоты, вмѣстѣ съ законами сгущенія водяного пара, необходимо приводятъ, при извѣстныхъ условіяхъ, къ появленію росы, причемъ оказывается, что эти условія суть тѣ самыя, при которыхъ роса, дѣйствительно, появляется въ природѣ. Предполагая существованіе этихъ законовъ, мы приходимъ къ тому, что явленіе непремѣнно должно наступить, такъ какъ оно и дѣйствительно наступаетъ. Точно также экономическое явленіе ренты можно признать объясненнымъ, когда показано, что оно является необходимымъ результатомъ игры человѣческихъ интересовъ, имѣющихъ дѣло съ предметомъ такихъ физическихъ свойствъ, какъ земля. Въ этомъ случаѣ, если только мы допустимъ, что люди въ сво-

ихъ отношеніяхъ къ землѣ руководствуются своимъ интересомъ, и далѣе, если мы признаемъ, что лучшія почвы, какъ по отношенію къ плодородію, такъ и по отношенію къ своему положенію въ пространствѣ, не имѣются въ неограниченномъ количествѣ и что продуктъ съ даннаго участка также не можетъ быть неограниченъ, но относительно уменьшается по мѣрѣ возрастанія затратъ, то мы найдемъ, что явленіе ренты должно имѣть мѣсто при прогрессѣ общества и что рента должна возрастать или падать подъ вліяніемъ тѣхъ причинъ, которыя, какъ показываютъ факты, дѣйствительно на нее вліяютъ. Въ этихъ предѣлахъ рѣшеніе экономической проблемы строго аналогично съ рѣшеніемъ физической проблемы; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ процессъ рѣшенія заключается въ сведеніи фактовъ, требующихъ разъясненія, къ ихъ источникамъ, къ конечнымъ принципамъ науки; если фактъ физическаго характера, то къ конечнымъ законамъ физической природы, если это—фактъ экономическій, то къ конечнымъ аксіомамъ политической экономіи; иными словами,—къ экономическимъ и физическимъ принципамъ, на которыхъ основаны положенія этой науки. До тѣхъ поръ пока это не сдѣлано, ни физическое, ни экономическое явленіе не можетъ считаться объясненнымъ.

Рѣшеніе задачи можетъ считаться совершеннымъ, когда доказано дѣйствительное существованіе принциповъ, къ которымъ задача сведена, и когда эти принципы приводятъ къ тѣмъ самымъ фактамъ, которые образуютъ задачу, требующую рѣшенія. Если мы предположимъ, что наше заключеніе правильно, то будетъ ясно, что несовершенство рѣшенія можетъ зависить или отъ недостаточности нашего знанія законовъ, вызывающихъ явленіе, или отъ незнанія тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ дѣйствуютъ названные законы. За исключеніемъ, быть можетъ, астрономіи, не существуетъ науки, достигшей полнаго совершенства въ томъ и другомъ отношеніи въ разрѣшеніи своихъ задачъ. Но большинство естественныхъ наукъ удовлетворяютъ первому условію, хотя онѣ обыкновенно далеко не достигаютъ точности въ послѣднемъ отношеніи. Возвращаясь къ прежнему примѣру—образованію росы—законы лучеиспусканія и проводимости теплоты и сгущенія водянаго пара, отъ которыхъ зависитъ разсматриваемое явленіе, могутъ быть точно установлены и выражены въ математическихъ формулахъ; но обстоятельства, при которыхъ въ дѣйствительности происходитъ явленіе—состояніе атмосферы и свойства различныхъ предметовъ, на которые осаждается роса въ данную ночь—не могутъ быть точно установлены. Но если такъ, то рѣшеніе задачи не можетъ быть признано полнымъ; изъ нашего знанія законовъ теплоты и пара мы можемъ заключить, что роса должна появляться при извѣстныхъ условіяхъ, но такъ какъ мы не можемъ точно знать внѣшнихъ условій, при которыхъ она въ данный моментъ появляется, то мы не можемъ предсказать, въ какомъ именно количествѣ появится роса, подъ вліяніемъ указанныхъ законовъ; и поэтому мы не можемъ быть убѣждены, что наше рѣшеніе задачи совершенно полно, и что мы не упустили изъ виду какихъ-нибудь факторовъ, вліяющихъ на результатъ.

Мы видѣли, что законы политической экономіи не допускаютъ точнаго математическаго выраженія; теперь мы должны уяснить себѣ, что остальная часть данныхъ, необходимыхъ для рѣшенія проблемы, именно

фактическія обстоятельства, при которыхъ дѣйствуютъ эти законы, хотя и допускаетъ измѣреніе, если бы только эти данныя были точно опредѣлены, но на практикѣ можетъ быть крайне рѣдко опредѣлено съ такой точностью, которая требуется для ихъ числового выраженія.

Возьмемъ, напр., экономическое явленіе, которое въ послѣднее время (въ 50-хъ годахъ) вызвало много разсужденій среди экономистовъ и людей коммерческихъ, а именно — вывозъ серебра изъ Европы на Востокъ, вывозъ, продолжавшійся въ необыкновенныхъ размѣрахъ въ теченіе 1856 г. Было указано много причинъ, которыя, взятыя вмѣстѣ до извѣстной степени объясняли этотъ фактъ. Во первыхъ, общее повышеніе заработной платы въ Англіи, частью благодаря общему коммерческому благополучію страны, частью благодаря открытію золота въ Калифорніи и Австраліи, повело къ увеличенному спросу въ Англіи на восточные продукты. Затѣмъ, уменьшеніе сбора шелка въ южной Европѣ вызвало спросъ на индійскій и китайскій шелкъ и увеличило платежи Европы на Востокѣ. Прекращеніе торговли съ Россіей во время войны побудило Англію вывозить съ Востока льняное сѣмя и другіе товары, получавшіеся раньше изъ Россіи, что въ свою очередь увеличило обязательства Англіи на Востокѣ. Затѣмъ, возстаніе въ Китаѣ увеличило страсть къ накопленію драгоцѣнныхъ металловъ, и безъ того господствующую на Востокѣ. Вдобавокъ ко всему этому, новые привозы золота изъ Калифорніи и Австраліи понизили цѣнность золота относительно серебра, вслѣдствіе чего золото замѣнило серебро въ странахъ съ двойнымъ обращеніемъ, а серебро было вывезено на Востокъ. Принимая во вниманіе всѣ эти

различныя обстоятельства, а также игру человѣческихъ интересовъ, вызванную ими, нетрудно понять, что вывозъ серебра на Востокъ (если бы только указаннымъ обстоятельствамъ не воспрепятствовали другіе факторы, дѣйствующіе въ противоположномъ направленіи), необходимо долженъ былъ имѣть мѣсто, и если принять въ соображеніе совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ, то можно думать, что онѣ дѣйствительно объясняютъ существующій отливъ серебра. Но достаточны ли эти причины для полнаго объясненія явленія? Или, наоборотъ, не должно ли дѣйствіе ихъ быть болѣе значительнымъ? А въ такомъ случаѣ, не слѣдуетъ-ли искать причины дѣйствующей въ обратномъ направленіи, для того, чтобы дать полное и исчерпывающее объясненіе наблюдаемому явленію?

Или возьмемъ другой примѣръ—высокую цѣну хлѣба въ теченіе четырехъ лѣтъ 1853—56 г. Въ числѣ причинъ этого явленія указывали и на паденіе цѣнности золота вслѣдствіе огромнаго прилива его изъ Австраліи и Калифорніи. Но нѣкоторые писатели были того мнѣнія, что золото не понизилось въ своей цѣнности, а что высокая цѣна хлѣба достаточно объясняется недостаткомъ хлѣбныхъ запасовъ, вслѣдствіе большого неурожая 1853 г. во всей Европѣ, въ связи съ полнымъ прекращеніемъ подвоза хлѣба изъ обычныхъ мѣстъ вывоза во время крымской компаніи,— несмотря на то, что свобода торговли хлѣбомъ могущественно дѣйствовала въ противоположномъ направленіи. Если бы политическая экономія была точной наукой, вопросъ могъ-бы быть легко рѣшенъ вычисленіемъ дѣйствія каждой предположенной причины и сравненіемъ результатовъ вычисленія съ дѣйствительной рыночной цѣной хлѣба. Но по указаннымъ мною осно-

ваніямъ, такое вычисленіе невозможно; даже если бы было возможно получить точную и надежную статистику производства и ввоза хлѣба въ теченіе разсматриваемаго періода, то мы все-таки не могли бы сказать, какое дѣйствіе эти факторы оказываютъ на цѣну хлѣба, вслѣдствіе неустранимой неопредѣленности другой посылки, входящей въ составъ задачи — относительной силы человѣческихъ желаній, размѣра покупательныхъ средствъ у потребителей, не говоря уже о разнообразныхъ обстоятельствахъ, вліяющихъ на нашу оцѣнку шансовъ урожая хлѣба въ будущемъ, вродѣ измѣненія погоды и сообщеній о состояніи посѣвовъ въ другихъ странахъ. Поэтому, обсуждая данный вопросъ, мы должны прибѣгать къ соображеніямъ большей или меньшей вѣроятности, нерѣдко къ догадкамъ, и заключенія изъ такихъ данныхъ по необходимости должны носить такой же характеръ вѣроятности и никоимъ образомъ не могутъ принять такой точной, опредѣленной формы, которая характерна для заключеній естественныхъ наукъ.

Я остановился такъ подробно на характерѣ экономическихъ задачъ и на степени совершенства рѣшенія ихъ потому, что, какъ мнѣ кажется, очень немногіе изъ тѣхъ, кто занимается экономическими вопросами въ періодической печати и въ остальной литературѣ, имѣютъ вполнѣ ясное представленіе о томъ къ чему собственно стремится экономическое изслѣдованіе. Слѣдующее весьма вѣрное замѣчаніе Вельша въ Statistical Journal (октябрь 1856 г.) по поводу экспорта серебра на Востокъ можетъ объяснить путаницу мысли, на которую я указываю.—„Существуетъ одинъ родъ самообмана людей, пытающихся объяснить это явленіе, самообмана, заслуживающаго нашего вниманія. Я его

извлекъ изъ писаній людей, подписывающихся *Торговецъ съ Китаемъ*, *Торговецъ съ Востокомъ* и тому подобными наименованіями, дающими авторамъ какъ бы право признаваться авторитетами въ вопросахъ, соприкасающихся съ знакомымъ имъ родомъ торговли. Эти лица подтверждаютъ то, что происходитъ, и воображаютъ, что они объясняютъ, *почему* это происходитъ такъ, а не иначе; въ дѣйствительности же всѣ ихъ объясненія сводятся къ слѣдующему: серебро вывозится на Востокъ, потому что оно вывозится на Востокъ. Одни, напр. объявляютъ (въ письмѣ въ Economist, февр. 2 1856 г.), что истинный отвѣтъ относительно причинъ вывоза серебра заключается въ томъ, что этотъ вывозъ въ настоящее время является самой выгодной отраслью торговли; и авторъ письма признаетъ несостоятельными всякія разсужденія, стремящіяся къ объясненію другого рода. Отвѣтъ, дѣйствительно, вѣренъ, но онъ также безсодержателенъ, какъ и вѣренъ. Если бы этотъ родъ торговли не былъ выгоденъ, то, разумѣется, никто не сталъ бы имъ заниматься; но вопросъ въ томъ—что дѣлаетъ эту торговлю въ настоящее время необыкновенно выгодной. А на это авторъ письма не даетъ никакого отвѣта. Другіе утомляютъ читателя длинными описаніями механизма, при помощи котораго происходитъ вывозъ серебра—векселей, которые выставлялись на Лондонъ для уплаты долговъ, заключенныхъ въ другомъ мѣстѣ,—товаровъ, посылаемыхъ въ одно мѣсто въ уплату за то, что было вывезено изъ другого мѣста; и въ концѣ-концовъ они полагаютъ, что объяснили намъ, *почему*, между тѣмъ какъ они только описали, *какъ*. Почему такой то переплываетъ черезъ рѣку? Потому что онъ сидитъ въ лодкѣ. Но какимъ

образомъ онъ попалъ въ лодку? Это то и нужно объяснить. Точно также, не будетъ отвѣтомъ на вопросъ, почему серебро вывозится на Востокъ, указаніе на каналы и способы, при помощи которыхъ совершается этотъ вывозъ. Требуется объяснить не механизмъ вывоза, но то, что пускаетъ въ дѣйствіе этотъ механизмъ"; иными словами—нужно показать, въ чемъ заключаются тѣ физическія факты или событія, которые, въ связи съ эгоизмомъ человѣка, побуждающимъ его стремиться къ богатству, вызываютъ данный результатъ—вывозъ серебра.

Я полагаю, что всякій встрѣчалъ противниковъ, которые, затрудняясь рѣшеніемъ экономической задачи, прибѣгаютъ къ помощи такихъ условныхъ фразъ, какъ напр. „въ концѣ-концовъ вещи должны прійти въ равновѣсіе", объясненія, не дающіе никакого опредѣленнаго представленія о томъ, какимъ образомъ будетъ достигнуто это желаемое равновѣсіе. Одинъ авторъ въ Examiner утверждаетъ, что не только золото не понизилось въ своей цѣнности, вслѣдствіе недавнихъ открытій, но что оно раньше никогда не понижалось въ цѣнности подъ вліяніемъ прежнихъ открытій залежей, и, не довольствуясь всѣмъ этимъ, утверждаетъ, что въ уменьшеніи стоимости производства золота не заключается ничего такого, что можетъ повести къ пониженію цѣнности металла. Утверждая, что увеличеніе добычи золота до сихъ поръ никогда не вліяло на цѣны, авторъ объясняетъ этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ: „Добавочныя количества драгоцѣнныхъ металловъ давали толчекъ промышленности міра, и вели къ образованію новаго богатства, которое вело къ поглощенію этихъ новыхъ запасовъ золота и серебра", и далѣе

онъ говоритъ: „но добыча золота, какъ и серебра, въ Австраліи и Калифорніи, по всей вѣроятности, будетъ все увеличиваться, и является вопросъ: не приведетъ ли это въ концѣ-концовъ къ обезцѣненію металла? Я полагаю, нѣтъ—драгоцѣнные металы будутъ поглощены возрастаніемъ населенія и богатства по мѣрѣ увеличенія ихъ добычи".

Удивительно, что очевидное reductio ad absurdum не остановило разсужденій автора. Его теорія примѣнима къ любому возрастанію количества золота. Толчекъ даваемый этимъ увеличеніемъ промышленности, по мнѣнію автора, пропорціоналенъ возрастанію добычи маталла. Слѣдовательно, какъ-бы сильно ни увеличивалась добыча послѣдняго, также сильно возрастетъ богатство, а такъ какъ золото поглощается этимъ послѣднимъ, то настолько-же возрастетъ и спросъ на золото. По этой теоріи, если-бы золото добывалось въ такомъ-же количествѣ, какъ мѣдь—даже если-бы оно имѣлось въ такомъ изобиліи, какъ песокъ на морскомъ берегу—все-таки цѣнность его не понизилась-бы, и на данное количество золота могло-бы быть пріобрѣтено одно и то-же количество товаровъ.

Очень жаль, что авторъ не удостоилъ разъяснить, какимъ образомъ дѣйствуетъ предполагаемый толчокъ на промышленность и какимъ образомъ золото поглощается послѣдней. Подобнаго рода попытки объясненія экономическихъ явленій напоминаютъ разсужденія схоластиковъ. Уэвелль говоритъ, что эти философы доказывали положеніе, что въ сосудъ, наполненый золой, можно налить столько-же воды, сколько и въ пустой сосудъ. Таинственная способность поглощенія, въ этомъ случаѣ приписываемый золѣ, при-

писывается экономистомъ Examiner богатству и народонаселенію.

Какъ въ политической экономіи, такъ и въ естествознаніи до объясненія явленія бываетъ полезно твердо установить самый фактъ существованія послѣдняго. Если этотъ предварительный пунктъ твердо установленъ, то можно приступить къ рѣшенію задачи, рѣшенію не пустыми фразами и общими мѣстами, но выясненію связи между объясняемымъ явленіемъ и конечными принципами той науки, къ области которой относится явленіе; въ политической экономіи, такими принципами являются, какъ указано выше, извѣстныя свойства человѣческой природы и извѣстные установленные факты внѣшняго міра.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТАЯ

О мѣстѣ и цѣляхъ опредѣленій въ политической экономіи.

Въ настоящее время умѣстно сдѣлать нѣсколько замѣчаній о мѣстѣ и цѣляхъ опредѣленій въ политической экономіи. Въ этой наукѣ, какъ и во всякомъ научномъ изслѣдованіи, охватывающемъ очень разнообразные факты и предметы, классификація этихъ фактовъ и предметовъ, соотвѣтственно ихъ взаимной зависимости и сродству, по отношенію къ спеціальной цѣли изслѣдованія, является дѣломъ весьма важнымъ, составляетъ необходимое основаніе научной работы; и если явленія будутъ классифицированы, отдѣльныя группы должны быть обозначены различными наименованіями. Въ этихъ двухъ операціяхъ и заключается процессъ опредѣленія въ положительныхъ наукахъ. Изъ этихъ двухъ операцій, первая—классификація, является очевидно несравненно болѣе важной, точно также какъ и болѣе затруднительной. Какъ сказано, задача состоитъ въ распредѣленіи явленій, входящихъ въ кругъ опредѣленнаго изслѣдованія, соотвѣтственно ихъ зависимости и сходству, имѣя въ виду при этомъ преслѣдуемую изслѣдованіемъ цѣль. Затрудненія встрѣчаются уже въ самомъ началѣ. Для разрѣшенія задачи необходимо знаніе этихъ отношеній и степени близо-

сти явленія. Но этого знанія не можетъ имѣть изслѣдователь въ самомъ началѣ своего изслѣдованія, къ какой-бы области оно ни относилось. Что-же дѣлать? То, что требуется условіями задачи—въ началѣ принять какую либо грубую, приблизительную, временную классификацію, внушаемую внѣшними свойствами явленій, имѣя въ виду, разумѣется, цѣли изслѣдованія; и затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ при дальнѣйшемъ изслѣдованіи будутъ открываться новыя отношенія и новыя болѣе важныя различія, пользоваться пріобрѣтаемымъ новымъ и болѣе обширнымъ знаніемъ для исправленія и улучшенія первоначальнаго наброска классификаціи. Такъ какъ такой порядокъ является необходимымъ условіемъ всякаго изслѣдованія въ новой области, то отсюда слѣдуетъ, что классификація, развѣ только случайно, на раннихъ ступеняхъ науки не можетъ не быть крайне несовершенной, и во-вторыхъ, что изслѣдователи въ этомъ періодѣ развитія науки должны быть готовы постоянно измѣнять по мѣрѣ расширенія своихъ знаній классификацію явленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленія послѣднихъ, для того чтобы классификація и опредѣленія соотвѣтствовали болѣе широкимъ взглядамъ и новымъ идеямъ, вызываемымъ успѣхами науки; нельзя быть увѣреннымъ въ совершенствѣ классификаціи до тѣхъ поръ, пока наука не достигла почти полнаго совершенства.

„Номенклатура, съ систематической точки зрѣнія, говоритъ сэръ Джонъ Гершель, является еще болѣе послѣдствіемъ, чѣмъ причиной нашего знанія. Можно дать любое названіе вещи, прямо для ея обозначенія въ разговорѣ; но для того, чтобы дать вещи такое наименованіе, которое обозначало-бы положеніе этой вещи въ системѣ, требуется знаніе свойствъ

вещи; кромѣ того, мы должны имѣть систему достаточно правильную и широко захватывающую для того, чтобы данная вещь нашла въ ней именно то мѣсто, которое ей подобаетъ, а никакое нибудь другое. Можно сомнѣваться, слѣдуетъ-ли настаивать, ради важнѣйшихъ интересовъ науки, на крайней утонченности систематической номенклатуры. Если-бы наука была совершенна, то можно было-бы выработать такую систему классификаціи, которая всему отводила бы мѣста какъ разъ въ томъ классѣ, къ которому данный предметъ принадлежитъ по своимъ свойствамъ, и, на основаніи своего мѣста въ системѣ, предметы могли-бы получить наименованіе, неподверженныя впослѣдствіи никакому измѣненію. Но, пока это не такъ, и пока постоянно открываются новыя отношенія, мы не должны особенно настаивать наустановленіи и введеніи новыхъ болѣе или менѣе искусственныхъ классовъ, какъ основы строгой номенклатуры, и должны въ особенности избѣгать принятія средства за цѣль и не жертвовать соображеніями удобства чрезмѣрной жаждѣ классификаціи“.

Все это въ такой-же мѣрѣ примѣнимо къ политической экономіи, какъ и къ любой естественной наукѣ. Первые изслѣдователи законовъ производства и распредѣленія богатства не могли знать, въ началѣ своего изслѣдованія, какая группировка фактовъ и предметовъ, которыми они занимались, болѣе всего будетъ соотвѣтствовать разъясненію этихъ послѣднихъ. Они могли, поэтому, принять только такую группировку, которая въ данный моментъ казалась наиболѣе обѣщающей и благодарной, и такой группировкой, до научнаго изслѣдованія предмета, являлась естественно именно та, которая уже имѣлась готовой

и установленной въ обычныхъ разговорахъ людей о политическихъ и соціальныхъ вопросахъ. Но по мѣрѣ прогресса изслѣдованія, по мѣрѣ того, какъ выяснялись болѣе основныя съ научной точки зрѣнія отношенія вещей, стала чувствоваться потребность въ новой группировкѣ явленій и потребность въ соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ экономической номенклатуры; экономическіе термины, благодаря этому, стали употребляться иногда въ болѣе узкомъ, иногда въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ они употребляются въ разговорномъ языкѣ.

Отсюда ясно, что особенная выработанность опредѣленій, на начальныхъ ступеняхъ изслѣдованія, является ошибкой. Такая выработанность не только является въ значительной мѣрѣ напрасно затраченнымъ трудомъ, такъ какъ послѣдующія изслѣдованія, по всей вѣроятности, поведутъ къ глубокимъ измѣненіямъ прежней классификаціи, какъ-бы она ни была тщательна построена. Но, какъ, по словамъ сэра Джона Гершеля, случилось съ естественными науками, такая выработанность номенклатуры можетъ быть положительнымъ тормазомъ прогресса науки, придавая искусственную неподвижность номенклатурѣ въ то время, когда важнѣе всего податливость и эластичность послѣдней. И дѣйствительно, писатели, болѣе всего содѣйствовавшіе развитію политической экономіи, на ея разныхъ ступеняхъ, мало заботились объ опредѣленіяхъ. Число опредѣленій въ экономическихъ сочиненіяхъ Тюрго, Адама Смита и Рикардо можно сосчитать по пальцамъ. Но это, разумѣется, не составляетъ довода противъ необходимости постепеннаго введенія въ науку научной номенклатуры, по мѣрѣ того, какъ прогрессъ нашего званія открываетъ намъ новыя условія, упущенныя изъ виду прежними изслѣдователями. Такого рода номенклатура служитъ двоякимъ цѣлямъ: во-первыхъ, она закрѣпляетъ уже достигнутые успѣхи и во-вторыхъ, она доставляетъ лѣса, пользуясь которыми строители могутъ все выше и выше воздвигать научное зданіе. Я говорю о лѣсахъ, потому что не нужно упускать изъ виду, что въ политической экономіи, какъ и во всякой другой положительной наукѣ, классификаціи, опредѣленія, номенклатура, всегда являются лѣсами, подмостками, но не фундаментомъ—иными словами, той частью работы, которую мы должны быть готовы всегда измѣнить или отбросить, какъ только окажется, что она мѣшаетъ дальнѣйшей постройкѣ.

Я сейчасъ замѣтилъ, что Рикардо далъ мало опредѣленій, но, безъ сомнѣнія, онъ довелъ науку до такого состоянія, когда опредѣленія стали настоятельно нужны. Его преемники постарались восполнить этотъ недостатокъ, не всегда, впрочемъ, правильно понимая, какимъ цѣлямъ служатъ опредѣленія въ развивающихся наукахъ. Я отнюдь не думаю, что политическая экономія достигла уже той ступени, когда возможно построеніе полной номенклатуры, которая можетъ стать окончательной, и даже не думаю, что было-бы благоразумно пытаться достигнуть этого; но, быть можетъ, мы уже достигли такой ступени, на которой полезно нѣсколько точнѣе опредѣлить основныя понятія науки.

Во всякомъ случаѣ, однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что наука не сказала своего послѣдняго слова — почему наши опредѣленія должны считаться лишь временными, доступными измѣненію, и должны быть совершенно отброшены, если этого потребуютъ дальнѣйшіе успѣхи знанія.

Въ связи съ вопросомъ о классификаціи, слѣдуетъ

обратить вниманіе на слѣдующее. Ничего не можетъ быть чаще въ спорахъ относительно опредѣленій — возраженій, основанныхъ на предположеніи, что свойство, приписываемое опредѣленіемъ извѣстному объекту, не должно допускать никакихъ степеней. Исходя изъ этого предположенія, оппонентъ доказываетъ, что факты или объекты, включаемые въ предѣлы даннаго опредѣленія, не могутъ быть въ пограничныхъ случаяхъ ясно отличены отъ тѣхъ фактовъ и объектовъ, которые не подходятъ подъ это опредѣленіе. Придумывается какой нибудь запутанный примѣръ, и отъ лица, давшаго опредѣленіе, требуютъ отвѣта, къ какой категоріи относится этотъ примѣръ. По моему мнѣнію, возраженія такого рода не хотятъ знать неизбѣжнаго условія всякой научной номенклатуры, въ политической экономіи точно также, какъ и въ другихъ положительныхъ наукахъ. Въ этихъ наукахъ номенклатура, а слѣдовательно и опредѣленіе, основывается на классификаціи, а всѣмъ фактамъ природы свойственно имѣть степени. Какъ неоднократно указывалось, природы не знали рѣзкихъ очертаній. Гдѣ можно провести границу, напр. между животнымъ и растительнымъ царствомъ? Правда, только растительныя организмы разлагаютъ углекислоту, но это не является отличительнымъ признакомъ для всѣхъ растеній, такъ какъ грибы и другія растенія не разлагаютъ углекислоты. Нѣкоторыя растенія имѣютъ двигательныя органы, а низшія животныя не имѣютъ мускуловъ и нервовъ. „Если растенія способны къ произвольнымъ движеніямъ, говоритъ Мэрфи, и если существуютъ обширныя классы растеній, подобно животнымъ, не разлагающихъ углекислоты и если низшіе животные не имѣютъ мускуловъ и нервовъ, то

въ чемъ же заключается различіе между обоими царствами? Я отвѣчаю, что, по моему мнѣнію, между ними не существуетъ никакого абсолютнаго или точнаго различія“ *).

Внѣшнія событія и предметы приближаются другъ къ другу путемъ незамѣтныхъ различій, и потому опредѣленія, стремящіяся къ классификаціи этихъ событій и предметовъ, не могутъ ни имѣть совершенно такого же характера. Возраженіе противъ подобныхъ опредѣленій основано на предположеніи, что въ природѣ существуютъ группы, столь же различныя другъ отъ друга, какъ различны наши идеи, выражаемыя въ опредѣленіяхъ; такъ что, если опредѣленіе правильно, то границы опредѣленій должны выражать собой дѣйствительныя границы внѣшнихъ фактовъ. Но это совершенный самообманъ. Въ реальной природѣ не существуетъ такихъ рѣзко выраженныхъ подраздѣленій; если же мы ихъ принимаемъ въ нашихъ классификаціяхъ, то мы не должны упускать изъ виду, что, въ концѣ-концовъ, всѣ это только фикціи — условныя формы, вызванные и ставшіе необходимыми вслѣдствіе слабости человѣческаго разума, неспособнаго созерцать и понимать природу, какъ нѣчто цѣлое, и что, въ дѣйствительности, никакая реальность не соотвѣтствуетъ этимъ фикціямъ. Но я боюсь быть непонятымъ. Я говорю, что наши классификаціи являются фикціями, но если эти классификаціи правильны, то они представляютъ собой фикціи, основанныя на дѣйствительныхъ фактахъ. Различія, формулируемыя въ опредѣленіи того или иного класса явленій, имѣютъ дѣйствительное существованіе, хотя

*) Habit and Intelligence 160.

факты или явленія, лежащія по обѣ стороны границы, и воплощающіе въ себѣ отличительныя свойства, утверждаемыя опредѣленіемъ, переходятъ другъ въ друга путемъ незамѣтныхъ отличій. Элементъ фикціи лежитъ не въ качествахъ, приписываемыхъ вещамъ, но въ предположеніи, что предметы, обладающіе этими качествами, рѣзко отличаются въ дѣйствительности отъ тѣхъ предметовъ, которые этими качествами не обладаютъ. И потому нельзя возражать противъ классификаціи, а слѣдовательно и противъ опредѣленія, основаннаго на классификаціи, лишь на томъ основаніи, что можно указать примѣры, переходящія границы, устанавливаемыя опредѣленіемъ. Послѣднее неизбѣжно по самой природѣ вещей. Несмотря на это, классификація, а слѣдовательно и опредѣленіе, удовлетворяетъ своей цѣли, если въ тѣхъ случаяхъ, которые охватываются установленными нами границами, различія, указываемыя опредѣленіемъ, суть именно тѣ, которые важно имѣть въ виду, тѣ, знаніе которыхъ существенно помогаетъ изслѣдователю въ достиженіи его цѣли.

Другая часть процесса опредѣленія заключается въ наименованіи;—эта часть менѣе важна, но все-таки и она существенно вліяетъ на успѣшность научнаго изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманіе слѣдующій мѣткій афоризмъ Милля.

„Когда по характеру предмета нашъ мыслительный процессъ можетъ совершаться безъ взякаго вреда механически, языкъ долженъ быть построенъ, насколько возможно, на такихъ-же механическихъ началахъ; въ противныхъ случаяхъ, онъ долженъ быть построенъ такимъ образомъ, чтобы представлять возможно

большія затрудненія для чисто механическаго пользованіе имъ“ *).

Спрашивается: къ какому разряду должна быть отнесена политическая экономія по характеру своего предмета „къ разряду ли разсужденій, которыя могутъ совершаться безъ всякаго вреда, механически“ или ко второму разряду? Я отвѣчаю безъ всякаго колебанія, что политическая экономія принадлежитъ несомнѣнно къ той области знанія, въ которой мыслительный процессъ никакъ не можетъ совершаться механически, и къ которой, слѣдовательно, примѣнима вторая часть приведеннаго афоризма Милля. Этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ Миллемъ весьма широко въ его главѣ о требованіяхъ философскаго языка и потому я не буду въ этомъ мѣстѣ подробно останавливаться на немъ. Но если кто-либо не согласенъ съ высказаннымъ мнѣніемъ, то я предложилъ-бы ему подумать о мыслительныхъ процесахъ, посредствомъ которыхъ устанавливаются экономическія истины. Пусть онъ прослѣдитъ ходъ доказательства какого либо экономическаго положенія—и я думаю, онъ неизбѣжно найдетъ, что для правильнаго хода умозаключенія самымъ необходимымъ условіемъ является—чтобы на каждой ступени аргументаціи экономистъ держалъ въ своей головѣ такъ полно, какъ только возможно, дѣйствительныя конкретныя обстоятельства обозначаемыя терминами, которые онъ употребляетъ. Я полагаю, что всякій думавшій объ этомъ вопросѣ согласится, что именно въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, насколько это условіе осуществлялось въ экономическихъ разсужденіяхъ, получались результаты, имѣющіе

*) „Логика“, кн.—IV, гл.—VI, 6.

дѣйствительную цѣнность, между тѣмъ какъ многія ошибки въ экономическихъ изслѣдованіяхъ вызывались именно несоблюденіемъ этого условія. Я полагаю, поэтому, что не только въ политической экономіи, но и въ всякомъ соціальномъ изслѣдованіи въ высшей степени важно, чтобы употребляемые термины, насколько возможно, служили намъ постояннымъ указаніемъ, напоминающимъ о природѣ тѣхъ конкретныхъ предметовъ, которые ими обозначаются и что для этого, употребляя слова Милля, слѣдуетъ „вкладывать столько смысла, сколько возможно“ въ наши экономическіе термины „пользуясь словопроизводствомъ и аналогіей для того, чтобы никогда не забывать полнаго смысла того, что обозначается терминами“.

Для выясненія, чего можетъ достигнуть политическая экономія въ этомъ отношеніи, а также и для пониманія затрудненій встрѣчаемыхъ ею при опредѣленіи ея терминовъ, полезно обратиться къ той естественной наукѣ, которая предоставляетъ примѣръ самой совершенной номенклатуры, выработанной на основаніи того принципа, который насъ въ данную минуту занимаетъ. Этой наукой является химія; ея номенклатура одновременно и выразительна и имѣетъ технический характеръ; выразительна потому, что химическіе термины слагаются изъ элементовъ, заимствуемыхъ или изъ существующихъ или изъ мертвыхъ языковъ, и за этими элементами сохраняется ихъ старый смыслъ при новомъ ихъ употребленіи; въ то-же время она имѣетъ технической, спеціальный характеръ, потому, что термины эти, въ придаваемой имъ формѣ, употребляются только въ спеціально научной номенклатурѣ. Такіе термины, какъ кислородъ,

водородъ, углекислая известь, перекись желѣза, вполнѣ выразительны, но они никогда не употребляются иначе, какъ для обозначенія извѣстныхъ опредѣленныхъ химическихъ элементовъ или соединеній. Благодаря такому соединенію въ химической номенклатурѣ двухъ преимуществъ—выразительности и техничности, химія выигрываетъ очень много, ея термины одновременно обладаютъ способностью вызывать въ воображеніи съ наибольшой ясностью конкретные предметы, обозначаемые ими, и въ тоже время, будучи составлены со спеціальной цѣлью обозначенія именно этихъ, а не другихъ предметовъ, и никогда не употребляясь въ разговорномъ языкѣ, термины эти свободны отъ всѣхъ осложненій, которыя могутъ спутывать и направлять по ложному пути тѣхъ, кто употребляетъ или слышитъ эти термины. Въ настоящее время слѣдуетъ разсмотрѣть, насколько возможно создать въ политической экономіи номенклатуру, которая настолько-же удовлетворяла бы своей цѣли, какъ номенклатура химическая. Мнѣ кажется, что постепенное приближеніе къ этому образцу возможно, но только приближеніе; въ концѣ-концовъ, техническіе термины политической экономіи далеко не могутъ достигнуть той степени совершенства, которая отличаетъ химическую терминологію. Къ этому заключенію меня приводитъ то соображеніе, что техническіе термины экономической науки должны быть заимствованы изъ разговорнаго языка, и притомъ не только элементарные термины, какъ въ химіи, но и въ своей болѣе сложной, разговорной формѣ. Врядъ-ли стоитъ обсуждать вопросъ,—насколько возможно создать экономическую номенклатуру по образцу химической.

Экономическая наука развилась, заимствуя свои

термины изъ разговорнаго языка. При посредствѣ этой терминологіи были выражены идеи всѣхъ величайшихъ экономическихъ мыслителей; въ этой формѣ эти идеи сдѣлались доступными міру, и теперь очевидно, слишкомъ поздно, если-бы даже не было другихъ соображеній противъ подобной попытки, пробовать облечь эти идеи въ другія словесныя формы. Такія выраженія, какъ производство, распредѣленіе, обмѣнъ, цѣнность, стоимость, трудъ, воздержаніе, капиталъ, прибыль, процентъ, заработная плата, должны навсегда остаться основами экономической номенклатуры, а всѣ эти выраженія заимствованы изъ разговорнаго языка. Всѣ они достаточно удовлетворяютъ первой цѣли номенклатуры—вызывать въ умѣ съ достаточной ясностью представленіе о конкретныхъ фактахъ и предметахъ. Неудобство же этихъ выраженій заключается въ малой пригодности ихъ для второй цѣли—они не обладаютъ достаточной точностью, не даютъ нашему уму точныхъ представленій, не выражаютъ не болѣе и не менѣе того, что мы хотимъ выразить.

Положеніе таково: экономистъ находитъ нужнымъ, по вышеуказаннымъ причинамъ, распредѣлить явленія богатства по извѣстнымъ принципамъ, а этими принципами является ни что иное, какъ удобство экономическаго изслѣдованія; въ то-же время экономистъ долженъ заимствовать названія для устанавливаемыхъ имъ классовъ изъ разговорнаго языка. Но разговорный языкъ не заботится объ удобствахъ экономическихъ разсужденій, и развивается по совершенно инымъ законамъ. Различія и классы, устанавливаемые разговорнымъ языкомъ, не всегда совпадаютъ съ тѣми, которые наиболѣе необходимы въ интересахъ выясненія экономическихъ явленій и даже, если-бы такое совпаденіе и имѣло мѣсто, термины, постоянно употребляемые въ разговорномъ языкѣ, обыкновенно сопровождаются неопредѣленнымъ рядомъ осложненій, идей, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ цѣлямъ научнаго изслѣдованія и могутъ явиться лишь препятствіемъ для точнаго разсужденія. Точность смысла, свойственная химической номеклатурѣ и вообще номенклатурѣ естественныхъ наукъ, поэтому совершенно недостижима для политической экономіи. Экономическая номенклатура удовлетворяетъ требованію яркости выраженія. Еще живѣе, чѣмъ химическая номенклатура, она вызываетъ конкретные образы обозначаемыхъ ею предметовъ и явленій; но за это преимущество она расплачивается недостаткомъ точности, неопредѣленностью и неясностью границъ ея терминовъ. Помочь этому, насколько помощь возможна, можно двумя способами: во-первыхъ, опредѣленіемъ экономическихъ терминовъ настолько близко къ смыслу, придаваемому этимъ терминамъ въ разговорномъ языкѣ, насколько возможно, не жертвуя правильностью и точностью классификаціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, эти термины должны быть такъ формулируемы, чтобы они могли имѣть точный смыслъ и границы, которыхъ они не имѣли въ разговорномъ языкѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ цѣли классификаціи не были-бы достигнуты, почему и нельзя признавать правильнымъ возраженіемъ противъ экономическаго опредѣленія то, что оно не вполнѣ совпадаетъ съ обычнымъ словоупотребленіемъ. Но не слѣдуетъ забывать, что такія отступленія отъ обычнаго смысла являются недостаткомъ опредѣленія, и иногда—недостаткомъ очень серьезнымъ. Во-вторыхъ, указанному неудобству можно

помочь ясностью и отчетливостью опредѣленій, въ особенности когда употребляются важные термины; если экономическій смыслъ термина расходится съ общепринятымъ, то слѣдуетъ особенно позаботиться о томъ, чтобы пункты различія были очерчены возможно рельефно. И для большей предосторожности полезно отъ времени до времени вновь указывать на эти различія въ томъ случаѣ, когда само содержаніе можетъ легче внушать обычное, чѣмъ научное пониманіе термина.

Сведемъ общіе результаты предшествовавшихъ разсужденій:

1. Первое условіе хорошаго опредѣленія политической экономіи заключается въ томъ, чтобы опредѣленіе выражало тѣ различія въ фактахъ и предметахъ, которыя важно имѣть въ виду для пониманія явленій богатства; наша экономическая номенклатура будетъ хороша или дурна, помогать или препятствовать пониманію, соотвѣтственно тому, насколько она выражаетъ дѣйствительныя и постоянныя или-же условныя, воображаемыя или незначительныя различія.

2. Насколько это совмѣстимо съ предшествовавшимъ требованіемъ, экономическіе термины должны употребляться по возможности ближе къ ихъ значенію въ разговорномъ языкѣ; но если такое соотвѣтствіе въ полномъ объемѣ невозможно, безъ нарушенія требованій правильной классификаціи, то простое уклоненіе отъ обычнаго смысла слова еще не является рѣшающимъ возраженіемъ противъ даннаго экономическаго опредѣленія.

3. Не можетъ быть признано правильнымъ возраженіемъ противъ экономическаго опредѣленія указаніе на то, что утверждаемыя имъ свойства допускаютъ

различныя степени въ своемъ конкретномъ осуществленіи. Это является необходимымъ слѣдствіемъ самой природы вещей.

4. Опредѣленія на современной ступени развитія экономической науки должны быть признаваемы лишь временными, они нуждаются въ постоянной повѣркѣ и измѣненіи по мѣрѣ развитія экономическаго познанія Экономическія опредѣленія способныхъ развитію. Полная номенклатура, имѣющая притязаніе на то, чтобы стать окончательной, является теперь преждевременной; если-бы такая номенклатура была создана и сдѣлалась общепринятой, она вѣроятно задержала-бы успѣхи науки. Но уже теперь настало время требовать большей точности въ опредѣленіи основныхъ понятій политической экономіи, не упуская изъ виду, что даваемыя точныя опредѣленія все-же не должны считаться окончательными.

НѢКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ЦѢННОСТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Предварительныя замѣчанія.

Относительно смысла въ научномъ языкѣ термина „цѣнность“ между экономистами, я полагаю, не существуетъ разногласія и потому я могу сразу опредѣлить цѣнность, какъ отношеніе, въ которомъ товары обмѣниваются на рынкѣ другъ на друга. Это, какъ извѣстно, является не единственнымъ и, быть можетъ, не самымъ обычнымъ смысломъ слова „цѣнность“ въ разговорномъ языкѣ; въ этомъ заключается источникъ неясности и нѣкоторые писатели предлагали избѣгнуть ея путемъ совершеннаго устраненія слова „цѣнность“ изъ экономической терминологіи, Джевансъ, напримѣръ, хотѣлъ бы замѣнить слово „цѣнность“ выраженіемъ „отношеніе обмѣна“. Быть можетъ такая замѣна и является выигрышемъ въ отношеніи ясности, но съ другой стороны терминъ „цѣнность“ слишкомъ укоренился въ обычномъ экономическомъ языкѣ и не легко можетъ быть устраненъ. По моему мнѣнію послѣднее и не является необходимостью, хотя въ томъ обстоятельствѣ, что слово это ассоціируется съ другими идеями и въ частности съ идеей полезности, безъ сомнѣнія, заключается извѣстная опасность— научный смыслъ слова можетъ быть незамѣтно замѣ-

ненъ въ разсужденіи другимъ смысломъ — но всетаки этой опасности можно избѣжать, если не вполнѣ, то въ значительной степени, простой предосторожностью, употребляя этотъ терминъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ съ прилагательнымъ „мѣновая“. „Мѣновая цѣнность“ — этотъ терминъ нѣсколько уклоняется отъ обычнаго словоупотребленія въ разговорномъ языкѣ и онъ долженъ напоминать читателю во всѣхъ нужныхъ случаяхъ, что слово „цѣнность“ употребляется въ извѣстномъ спеціальномъ и ограниченномъ смыслѣ.

Такъ какъ цѣнность выражаетъ собой отношеніе или пропорціи, существующія между обмѣниваемыми товарами, то, какъ объясняется во всѣхъ учебникахъ политической экономіи, общее пониженіе или повышеніе цѣнности невозможно, или вѣрнѣе, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Если А возрастаетъ по отношенію къ В, то В должно упасть по отношенію къ А. А и В не могутъ оба упасть или оба подняться по отношенію другъ къ другу и то, что вѣрно по отношенію къ двумъ товарамъ, вѣрно по отношенію ко многимъ и ко всѣмъ. Но хотя всѣ товары вообще не могутъ сразу подниматься или падать въ своей цѣнности по отношенію другъ къ другу, это возможно по отношенію къ какому либо одному товару, напримѣръ, къ золоту или серебру. Цѣнность другихъ товаровъ по отношенію къ одному такому товару называется цѣной. Ясно, что если общее повышеніе или пониженіе цѣнностей является выраженіемъ противорѣчивымъ, то общее повышеніе или пониженіе цѣнъ вполнѣ возможно и дѣйствительно нерѣдко происходитъ.

Хотя цѣнность обозначаетъ собой отношеніе, мы можемъ говорить о „суммѣ цѣнностей“ или „возростаніи или уменьшеніи совокупной суммы цѣнностей“, напримѣръ, если количество оцѣниваемыхъ товаровъ увеличилось и въ то же время условія производства ихъ не измѣнились; или, если количество товаровъ осталось прежнимъ, а условія производства ихъ такъ измѣнились, что одно и то же количество данныхъ товаровъ обмѣнивается теперь на бо̀льшее количество другихъ товаровъ, условія производства которыхъ остались прежними. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, по моему мнѣнію, мы можемъ сказать, что сумма цѣнностей или общая совокупность цѣнностей въ странѣ увеличилась. Такое словоупотребленіе можетъ быть иллюстрированно и оправдано аналогичнымъ употребленіемъ слова „могущество“. „Могущество“ подобно „цѣнности“ выражаетъ отношеніе. Общее увеличеніе могущества индивидуумовъ по отношенію другъ къ другу, разумѣется, немозможно. Но это не мѣшаетъ намъ говорить, что общее могущество данной совокупности индивидуумовъ или націй возросло; подразумѣвая подъ этимъ не измѣненіе ихъ взаимнаго относительнаго положенія, но то, что средства поддержанія могущества у нихъ увеличились. Такъ напримѣръ, мы можемъ сказать, что могущество Европейскихъ націй сильно возросло втеченіи послѣдняго столѣтія. Въ такомъ же точно смыслѣ мы можемъ говорить — и не рѣдко такое выраженіе оказывается очень удобнымъ — объ увеличеніи или уменьшеніи совокупной цѣнности, понимая подъ цѣнностью только иное выраженіе понятія покупательной силы.

Еще одно послѣднее замѣчаніе. Если подъ цѣнностью разумѣется только отношеніе, то какой смыслъ имѣетъ вопросъ, отчего зависитъ измѣненіе пропорціи, въ которой обмѣниваются два товара — отъ паденія цѣнности одного товара или повышенія цѣнности

другаго? Напримѣръ, въ случаѣ повышенія цѣны мяса, какой смыслъ имѣетъ вопросъ, отчего зависитъ эта повышеніе—отъ повышенія цѣнности мяса или пониженія цѣнности денегъ? Если цѣнность выражаетъ лишь отношеніе, то разъ цѣна извѣстна, извѣстно и требуемое отношеніе. Очевидно, что въ этомъ случаѣ имѣется въ виду вопросъ о причинахъ, отъ которыхъ зависитъ цѣнность; вопросъ въ сущности заключается не въ измѣненіи мѣновой цѣнности мяса и денегъ, но въ причинѣ или причинахъ, вызвавшихъ это измѣненіе. Если мы думаемъ, что это измѣненіе зависитъ отъ причинъ, первоначально повліявшихъ на цѣнность мяса, то мы говоримъ, что поднялась цѣнность мяса, а не понизилась цѣнность денегъ; между тѣмъ какъ въ противоположномъ случаѣ мы приписали-бы происшедшее измѣненіе цѣнности пониженію цѣнности денегъ.

Установивши такимъ образомъ смыслъ термина „цѣнность“ въ политической экономіи, выяснимъ насколько возможно точнѣе, въ чемъ заключаются задачи въ области цѣнности, къ разрѣшенію которыхъ стремится наука. Эти задачи могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Мы можемъ изслѣдовать общія условія, которыя даютъ продукту способность быть обмѣниваемымъ, на другіе продукты—иначе говоря, изслѣдовать условія, опредѣляющія самое существованіе цѣнности.

2) Мы можемъ изслѣдовать условія, опредѣляющія тѣ особыя отношенія, въ которыхъ обмѣниваются товары; другими словами, изслѣдовать условія, опредѣляющіе высоту цѣнности. Это изслѣдованіе распадается, въ свою очередь, на двѣ различныя группы: 1) мы можемъ разсматривать цѣнность, какъ данный

актъ обмѣна и искать причинъ, опредѣляющихъ высоту цѣнности въ данномъ мѣстѣ, въ данное время—это задача „рыночной цѣнности“. 2) мы можемъ разсматривать цѣнность, какъ среднюю пропорцію, вытекающую изъ цѣлаго ряда обмѣновъ, достаточно многочисленныхъ для нейтрализованія исключительныхъ случаевъ; это—задача „нормальной цѣнности“.

Такимъ образомъ общая проблема цѣнности охватываетъ три различныхъ изслѣдованія: 1) объ условіяхъ существованія цѣнности; 2) объ условіяхъ, опредѣляющихъ рыночную цѣнность, и 3) объ условіяхъ, опредѣляющихъ нормальную цѣнность.

Оба послѣднія изслѣдованія будутъ предметомъ послѣдующихъ разсужденій; теперь же мы займемся первой указанной задачей. Очевидно, что однимъ изъ существенныхъ условій цѣнности является способность предмета удовлетворять человѣческимъ потребностямъ. Очевидно, что если предметъ не удовлетворяетъ этому условію, то и не можетъ существовать мотива, побуждающаго стремиться къ полученью его, и еще менѣе, мотива къ пожертвованію ради этого предмета другимъ, который мы даемъ въ обмѣнъ. Поэтому такой предметъ не можетъ обладать „мѣновой цѣнностью“. Способность удовлетворять человѣческимъ потребностямъ, иначе говоря, свойство полезности является первымъ условіемъ, необходимымъ для существованія цѣнности. Простой фактъ, что данный предметъ можетъ удовлетворять человѣческимъ потребностямъ, еще не даетъ этому предмету способности обмѣниваться на другіе предметы. Стремясь къ удовлетворенію своихъ желаній, люди не станутъ дѣлать какія-либо пожертвованія,—а отдача чего-либо принадлежащаго намъ

является пожертвованіемъ, — если той же самой цѣли можно достигнуть безъ всякихъ жертвъ. Поэтому для того, чтобы предметъ имѣлъ способность обмѣниваться на другія предметы, онъ не только долженъ удовлетворять человѣческимъ потребностямъ, но еще долженъ быть недоступенъ для человѣка иначе, какъ при извѣстномъ пожертвованіи со стороны послѣдняго. Никто, живя въ здоровой мѣстности, ничего не даетъ въ обмѣнъ, напр., на свѣжій воздухъ; точно также тамъ, гдѣ вода имѣется въ изобиліи и всѣмъ доступна, она не можетъ имѣть цѣнности. Но, если воздухъ накачивается въ водолазный колоколъ или если, чтобы получить воду, нужно пройти извѣстное разстояніе, то воздухъ и вода пріобрѣтутъ мѣновую цѣнность.

Отсюда слѣдуетъ, что другимъ условіемъ для существованія цѣнности является, на ряду съ полезностью, также и необходимость дѣлать извѣстныя пожертвованія для полученія предмета или, иначе говоря, трудность его полученія. Наконецъ, ясно, что къ этимъ двумъ условіямъ мы должны прибавить третье — возможность передавать право владѣнія обмѣниваемой вещью.

Эти три условія — полезность, трудность полученія и передаваемость — являются необходимыми условіями существованія цѣнности. Когда данная вещь удовлетворяетъ этимъ тремъ условіямъ, она обладаетъ способностью обмѣниваться на другія вещи; если нѣтъ на лицо хоть одного изъ этихъ трехъ условій, то невозможна и мѣновая цѣнность.

Установивъ это положеніе, можно перейти къ болѣе широкому вопросу, который усиленно обсуждался полстолѣтія тому назадъ и который опять возникъ въ послѣднее время, а именно – опредѣляется-ли мѣновая

цѣнность исключительно полезностью вещей? Иначе говоря, обмѣниваются ли предметы другъ на друга въ пропорціи своей полезности? Поставимъ этотъ вопросъ въ конкретной формѣ — предположимъ, что золото и серебро обмѣниваются другъ на друга въ пропорціи 1 : 15, серебро и мѣдь—въ пропорціи 1 : 30, мѣдь и желѣзо въ пропорціи 1 : 3; зависятъ ли эти отношенія отъ того, что золото въ 15 разъ полезнѣе серебра, серебро въ 30 разъ полезнѣе мѣди, а мѣдь въ 3 раза полезнѣе желѣза? Соотвѣтствуютъ ли мѣновыя пропорціи относительнымъ полезностямъ этихъ металловъ и дѣйствуетъ ли то же правило во всѣхъ случаяхъ обмѣна? Я полагаю что, читатель, несклонный къ софизмамъ, не будетъ въ затрудненіи отвѣтить отрицательно на этотъ вопросъ; и дѣйствительно, именно въ такомъ отрицательномъ смыслѣ вообще и отвѣчали на этотъ вопросъ экономисты. Какъ ни расходились они въ мнѣніяхъ относительно законовъ, регулирующихъ цѣнность, всѣ они были согласны по крайней мѣрѣ въ отрицательномъ заключеніи, что цѣнность не зависитъ исключительно отъ полезности вещей. Въ одномъ мѣстѣ своей книги Адамъ Смитъ говоритъ: „Вещи, имѣющія наибольшую полезность, нерѣдко имѣютъ мало мѣновой цѣнности или даже совсѣмъ ея не имѣютъ и наоборотъ, вещи имѣющія наибольшую мѣновую цѣнность, нерѣдко имѣютъ мало потребительной цѣнности или совсѣмъ ея не имѣютъ. Нѣтъ ничего полезнѣе воды, но въ обмѣнѣ на воду ничего нельзя пріобрѣсти. Напротивъ, алмазъ врядъ ли имѣетъ какую нибудь потребительную цѣнность, но въ обмѣнѣ на алмазъ можно получить большое количество другихъ вещей“. Объ этомъ же вопросѣ Рикардо говоритъ слѣдующее: „Если я даю за фунтъ золота въ 2000 разъ болѣе одежды, чѣмъ за фунтъ

желѣза, то развѣ это не доказываетъ, что я приписываю золоту въ 2000 разъ большую полезность, чѣмъ желѣзу? Очевидно, нѣтъ... Еслибы полезность была мѣриломъ цѣнностей, то я, вѣроятно, далъ бы болѣе за желѣзо... Если я даю одинъ шиллингъ за хлѣбъ и 21 шиллингъ за гинею, то это не доказываетъ, что въ такой же пропорціи я измѣряю ихъ относительную полезность".

Эта точка зрѣнія вообще можетъ считаться общепринятой у англійской школы экономистовъ. Принципіальные противники этого взгляда, вообще впрочемъ немногочисленные, были во Франціи. Самымъ выдающимся изъ нихъ былъ Сэ, который въ своемъ извѣстномъ трактатѣ политической экономіи доказывалъ, что полезность не только существенно необходима для цѣнности, но что она также является единственнымъ условіемъ, опредѣляющимъ высоту цѣнности во всѣхъ случаяхъ. На аргументы Сэ Рикардо отвѣтилъ въ послѣдующихъ изданіяхъ своего великаго труда; и я привыкъ считать этотъ споръ совершенно покончennымъ отвѣтомъ Рикардо. Я не сталъ бы касаться этого вопроса, еслибы взгляды Сэ не воскресли въ наше время. Стэнли Джевонсъ, въ своей извѣстной книгѣ „Теорія политической экономіи", утверждаетъ, слѣдуя Сэ, что „цѣнность всецѣло зависитъ отъ полезности" и излагаетъ теорію, основанную на признаніи степени полезности, которой обладаетъ предметъ, исключительнымъ условіемъ, опредѣляющимъ мѣновую цѣнность вещей. Въ виду этого не мѣшаетъ разобрать это воззрѣніе на законы цѣнности.

Прежде всего я считаю нужнымъ заявить, какъ это уже ясно для читателя изъ приведенныхъ выше мѣстъ Смита и Рикардо, что вопросъ, поднятый сначала Сэ,

а потомъ Джевонсомъ, кажется мнѣ прямо вопросомъ словоупотребленія—вопросомъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ терминомъ „полезность". Мнѣ кажется это очевиднымъ, такъ какъ, понимая полезность въ томъ смыслѣ, какой придавали этому термину названные писатели, выставленное ими положеніе не можетъ подлежать спору. Нетрудно выяснять, въ какомъ смыслѣ они понимали этотъ терминъ; очевидно, что Адамъ Смитъ и Рикардо, а также и всѣ сторонники ихъ взглядовъ по этому пункту, понимаютъ подъ полезностью способность данной вещи удовлетворять человѣческимъ потребностямъ,—только это свойство, независимо ни отъ какихъ другихъ соображеній, а степень полезности съ этой точки зрѣнія опредѣляется важностью тѣхъ потребностей, которымъ удовлетворяетъ данная вещь. Въ этомъ смыслѣ не можетъ подлежать спору, что вода полезна, хотя бы за нее нельзя было ничего получить на рынкѣ и что вода полезнѣе алкоголя, хотя алкоголь имѣетъ цѣну; очевидно, міръ легче могъ бы обойтись безъ алкоголя, чѣмъ безъ воды. Точно также совершенно вѣрно, что алмазъ менѣе полезенъ, чѣмъ напр. каменный уголь, и что золото менѣе полезно, чѣмъ желѣзо; во всякомъ случаѣ степень полезности этихъ различныхъ предметовъ—важность услугъ, оказываемыхъ ими общественному хозяйству — отнюдь не выражается пропорціями, въ которыхъ каждая вещь обмѣнивается на другую. Всѣ эти положенія, какъ я утверждаю, не могутъ быть оспариваемы, если понимать ихъ въ указанномъ смыслѣ, а слѣдовательно утвержденіе Джевонса, что цѣнность зависитъ исключительно отъ полезности, основывается на такомъ пониманіи термина „полезность", которое расходится съ вышеуказаннымъ. Такъ оно и есть. Джевонсъ понимаетъ

подъ полезностью не то, что понимали Ад. Смитъ и Рикардо, но къ ихъ идеѣ полезности онъ присоединилъ что-то другое.

Если мы спросимъ, что же именно, то можно отвѣтить,—всѣ тѣ обстоятельства и соображенія, которыя при данномъ актѣ обмѣна вліяютъ на разсчеты обмѣнивающихся лицъ. По мнѣнію Джевонса, насколько я понимаю его ученіе, тотъ фактъ, что вода удовлетворяетъ важнѣйшимъ человѣческимъ потребностямъ, еще не даетъ права признавать воду въ экономическомъ смыслѣ полезнымъ предметомъ. Прежде чѣмъ высказать свое сужденіе о полезности воды, мы должны знать обстоятельства, при которыхъ совершается данная сдѣлка. Если рѣчь идетъ о водѣ въ Лондонѣ, гдѣ нужное для населенія количество воды не можетъ быть получено безъ всякихъ издержекъ и гдѣ вода потому и имѣетъ цѣну, тамъ вода является полезнымъ предметомъ. Но положеніе мѣняется въ деревнѣ, гдѣ воды больше, чѣмъ требуется жителямъ, и гдѣ вода поэтому не имѣетъ цѣнности—тамъ она становится вещью безполезной. По этому взгляду, степень полезности измѣряется не важностью цѣлей, которымъ служитъ данный предметъ, но результатомъ всѣхъ приведенныхъ соображеній, опредѣляющихъ, по какой цѣнѣ предметъ поступаетъ въ обмѣнъ. Въ настоящее время суконный сюртукъ продается дешевле, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи; и потому его слѣдуетъ признавать менѣе полезнымъ. Сюртукъ цѣнится дороже въ Австраліи, чѣмъ въ Англіи—и его слѣдуетъ признавать въ Австраліи болѣе полезнымъ, чѣмъ въ Англіи. Исходя изъ этого пониманія полезности, слѣдуетъ признать, что каждое улучшеніе производства, поскольку оно удешевляетъ продуктъ, постольку уменьшаетъ и его полезность, а

все то, что повышаетъ цѣнность увеличиваетъ и полезность. Если я вѣрно понялъ теорію Джевонса, (а я приложилъ возможныя усилія къ пониманію ея) его пониманіе термина „полезность“ совершенно расходится съ пониманіемъ того же термина у Ад. Смита и большинства экономистовъ. Чтобы оцѣнить теорію Джевонса, мы должны разсмотрѣть два пункта: 1) вопросъ номенклатуры, преимущество того или иного употребленія термина и 2) вопросъ научной теоріи—способность разсматриваемаго ученія объяснять факты и явленія мѣновой цѣнности.

Что касается до вопроса номенклатуры, то врядъ ли можно отрицать, что смыслъ, придаваемый Джевонсомъ термину „полезность“, сильно расходится съ общепринятымъ.

Такое словоупотребленіе, по которому вода полезна лишь тогда, когда за нее платятъ и лишь постольку, поскольку за нее платятъ, по которому атмосферный воздухъ полезенъ лишь въ водолазномъ колоколѣ, рудникахъ и другихъ пунктахъ, куда его приходится доставлять съ большимъ трудомъ, по которому мясо и хлѣбъ являются въ Соединенныхъ Штатахъ менѣе полезными, чѣмъ въ Англіи, а платье и кожи въ Англіи менѣе полезными, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ—алмазы полезнѣе каменнаго угля, а желѣзо является наименѣе полезнымъ металломъ — такое словоупотребленіе, нельзя не согласиться, для того, чтобы быть принятымъ, требуетъ еще сильныхъ доказательствъ въ свою пользу. Безъ сомнѣнія, при созданіи научной номенклатуры нерѣдко приходится уклоняться отъ обычнаго смысла слова. Правда, политическая экономія заимствуетъ свои термины изъ разговорнаго языка, но уже одно то, что наука принуждена придавать точный

смыслъ своимъ терминамъ, и твердо держаться принятаго смысла термина — уже одно это обстоятельство вынуждаетъ экономистовъ уклоняться отъ болѣе или менѣе неяснаго и колеблющагося смысла, который имѣютъ всѣ слова въ разговорномъ языкѣ. Съ этимъ можно согласиться, но, по крайней мѣрѣ, нужно указать во имя чего слову придается новый смыслъ. Если для изложенія новаго ученія, то слѣдуетъ доказать, что это новое ученіе дѣйствительно нужно для объясненія явленій и что его можно лучше всего выразить именно при новомъ пониманіи терминовъ. Иначе говоря, нужно показать, что теорія, ради которой терминъ употребляется не въ обычномъ своемъ смыслѣ, можетъ быть доказана единственно возможнымъ способомъ—именно ея способностью объяснять факты, и если мы имѣемъ дѣло съ новой теоріей, то ея способностью объяснять факты необъяснимые или болѣе трудно объяснимые общепринятыми теоріями. И я долженъ откровенно сказать, что у Джевонса я не нашелъ такого доказательства.

Скажу болѣе. Хотя господствующія теоріи цѣнности, какъ будетъ указано ниже, и далеки отъ совершенства, тѣмъ не менѣе онѣ объясняютъ значительную часть дѣйствительныхъ фактовъ, представляемыхъ торговыми сдѣлками. Но я совершенно отказываюсь понимать, какимъ образомъ что либо похожее на вѣрное объясненіе можетъ быть извлечено изъ разсматриваемой теоріи. Къ чему она сводится? Какъ я понимаю,—лишь къ тому, что цѣнность основывается на полезности, а полезность — это все то, что вліяетъ на цѣнность. Иными словами „полезностью“ именуется совокупность всѣхъ тѣхъ неизвѣстныхъ условій, которыя опредѣляютъ разсматриваемое явленіе, и вслѣдъ за тѣмъ утверждается, что явленіе зависитъ отъ того, что названо этимъ именемъ. Все равно, какъ если бы мы эти условія обозначали вмѣсто слова „полезность“ буквой X и затѣмъ сказали, что цѣнность опредѣляется условіями X; это послѣднее утвержденіе будетъ также вѣрно и столько же поучительно, какъ и ученіе Джевонса. И въ томъ и въ другомъ случаѣ смыслъ и важность утвержденія—что цѣнность опредѣляется тѣми условіями, которыя ее опредѣляютъ — не могутъ быть увеличены запутанными математическими формулами, въ которыя оно облечено Джевонсомъ. Итакъ, нѣтъ основаній уклоняться отъ общепринятаго слова „полезность“ и я буду употреблять этотъ терминъ именно въ общепринятомъ смыслѣ, какъ указано выше. А въ этомъ смыслѣ полезность, какъ бы она ни была необходима для цѣнности, не представляетъ собой единственнаго или исключительнаго закона ее опредѣляющаго. Этотъ законъ, или вѣрнѣе, эти законы (какъ я уже замѣтилъ, явленіе цѣнности имѣетъ двойственный характеръ) мы еще должны найти.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Предложеніе и спросъ.

Раньше, чѣмъ идти дальше въ выясненіи проблемъ цѣнности, полезно разсмотрѣть дѣйствіе факторовъ предложенія и спроса. Если судить по той свободѣ, съ которой пользуются этими терминами въ популярныхъ разсужденіяхъ, то можно подумать, что никакая область экономической науки не сдѣлалась въ такой мѣрѣ общимъ достояніемъ, какъ эта. „Законъ спроса и предложенія“ обыкновенно признается вполнѣ яснымъ принципомъ, способнымъ объяснить всѣ или почти всѣ явленія богатства. Предполагается, что всѣ знакомы со смысломъ этого закона и что всѣ понимаютъ удивительную способность его разрѣшать всякія трудности. Можно даже сказать, что для большинства публики спросъ и предложеніе являются не столько условіями, которыя нужно принимать во вниманіе при разрѣшеніи задачи, сколько своего рода словами заклинанія, при произнесеніи которыхъ трудности исчезаютъ и всякаго рода препятствія устраняются съ пути. А между тѣмъ въ дѣйствительности въ политической экономіи не существуетъ, какъ мнѣ кажется, положенія менѣе понятаго, или, говоря откровенно, другого ученія, относительно котораго наблюда-

лось бы такое совершенное отсутствіе пониманія. Въ большинствѣ случаевъ на спросъ и предложеніе и на предполагаемый законъ ссылаются безъ всякаго яснаго представленія относительно употребляемыхъ выраженій. Это замѣчается даже среди профессіональныхъ представителей экономической науки, чрезвычайно мѣшаетъ правильности разсужденія и не мало содѣйствуетъ туманности нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ положеній науки. Основная истина, которая должна быть усвоена по отношенію къ спросу и предложенію, истина, непониманіе которой является источникомъ большей части неправильныхъ разсужденій и неправильнаго пользованія этими терминами,— заключается въ томъ, что спросъ и предложеніе, понимаемые какъ совокупность всѣхъ фактовъ этого рода въ предѣлахъ извѣстнаго общества, не являются феноменами независимыми другъ отъ друга, изъ которыхъ каждый можетъ неограниченно возрастать или уменьшаться независимо отъ другаго, но представляютъ собой явленія, находящіяся въ тѣсной взаимной связи; связь ихъ такъ тѣсна, что (за исключеніемъ временныхъ дѣйствій, и обращая вниманіе лишь на общіе и постоянные факты) ни спросъ, ни предложеніе не могутъ возрасти или уменьшиться безъ соотвѣтствующаго увеличенія или уменьшенія другаго фактора. Совокупное предложеніе не можетъ увеличиться или уменьшиться безъ соотвѣтствующаго увеличенія или уменьшенія спроса; точно также совокупный спросъ не можетъ измѣниться въ томъ или другомъ направленіи безъ соотвѣтствующаго измѣненія въ томъ-же направленіи совокупнаго предложенія. Эти положенія, мнѣ кажется, имѣютъ основной и въ то же время элементарный характеръ, являясь непосред-

ственнымъ слѣдствіемъ природы хозяйства, основаннаго на раздѣленіи труда. Тѣмъ не менѣе, какъ ни много было написано на эту тему, положенія эти нуждаются въ возможно ясномъ изложеніи и въ возможно ясныхъ иллюстраціяхъ.

Ради выясненія указанныхъ положеній я попросилъ бы читателя представить себѣ разсматриваемыя явленія въ возможно болѣе простомъ видѣ и уяснить себѣ ихъ существенный характеръ и мѣсто въ хозяйствѣ. Предложеніе и спросъ, очевидно, являются фактами, вытекающими изъ обмѣна продуктовъ промышленности, что, въ свою очередь, составляетъ слѣдствіе раздѣленія занятій. Если только люди занимаются промышленной дѣятельностью на началахъ раздѣленія занятій, они должны обмѣниваться продуктами своего труда; каждый предлагаетъ то, что онъ производитъ, и предъявляетъ спросъ на то, въ чемъ онъ имѣетъ потребность. Предположимъ страну (гдѣ господствуетъ еще мѣновой торгъ) натуральнаго обмѣна. Въ этомъ случаѣ предложеніе будетъ заключаться въ продуктахъ, предлагаемыхъ къ обмѣну на другіе продукты. Въ чемъ же будетъ заключаться спросъ? Отвѣтъ на это можетъ быть только тотъ же: въ продуктахъ, предлагаемыхъ къ обмѣну на другіе продукты. Иначе говоря въ наиболѣе простой и элементарной формѣ предложеніе и спросъ, какъ совокупность, какъ общее явленіе, не могутъ быть понимаемы раздѣльно одинъ отъ другого. Каждый товаръ одновременно является и предложеніемъ и спросомъ — предложеніемъ по отношенію къ лицу, стремящемуся получить этотъ товаръ, и спросомъ по отношенію къ лицу, пользующемуся этимъ товаромъ для полученія какого-либо другаго товара. Но даже и въ этомъ случаѣ можно различать понятія

спроса и предложенія, поскольку дѣло идетъ объ отдѣльныхъ личностяхъ или отдѣльныхъ товарахъ. Данный человѣкъ будетъ предъявлять спросъ на извѣстные продукты и предлагать другіе; спросъ на мясо или на хлѣбъ является совершенно инымъ понятіемъ, чѣмъ предложеніе мяса или хлѣба. Но если только стать выше частныхъ явленій и перейти къ общему, если только мы представимъ себѣ спросъ или же предложеніе цѣлаго общества—оба эти явленія сблизятся, или вѣрнѣе, совпадутъ другъ съ другомъ. Таковъ будетъ характеръ спроса и предложенія при господствѣ натуральнаго обмѣна.

Посмотримъ теперь, какъ измѣнится характеръ разсматриваемаго явленія при введеніи посредствующаго звена въ обмѣнъ. Этимъ посредствующимъ звеномъ являются деньги, всеобщее покупательное средство, и если всѣ мѣновыя сдѣлки совершаются при посредствѣ денегъ, то является возможнымъ различать спросъ и предложеніе не только по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ и продуктамъ, но и какъ общія идеи. Каждый мѣновой актъ можетъ разсматриваться или съ точки зрѣнія лица, предлагающаго всеобщее покупательное средство, или съ точки зрѣнія лица, предлагающаго опредѣленные товары. Всѣ акты перваго рода могутъ быть разсматриваемы въ совокупности и отдѣльно отъ актовъ втораго рода. Такимъ образомъ мы получаемъ двѣ особыя общія идеи спроса и предложенія. Поэтому, при современныхъ условіяхъ обмѣна мы говоримъ о спросѣ и предложеніи въ примѣненіи не только къ отдѣльнымъ личностямъ, но и ко всему обществу, и въ примѣненіи не только къ тому или другому товару, но и ко всѣмъ товарамъ: общій спросъ или общее предложе-

ніе становятся возможными идеями. Я опредѣлю эти термины слѣдующимъ образомъ: спросъ—это желаніе получить извѣстные товары или услуги путемъ предложенія всеобщаго покупательнаго средства; а предложеніе—это желаніе получить всеобщее покупательное средство путемъ предложенія опредѣленныхъ товаровъ или услугъ.

Читатель легко замѣтитъ, что въ этомъ смыслѣ спросъ и предложеніе являются строго аналогичными понятіями. И въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣйствуетъ съ одной стороны психическій моментъ—желаніе, а съ другой матеріальный моментъ — опредѣленные товары или услуги, въ случаѣ предложенія или въ случаѣ спроса тотъ товаръ, который является всеобщимъ покупательнымъ средствомъ. И такъ какъ въ обоихъ случаяхъ желаніе можетъ признаваться практически ничѣмъ не ограниченнымъ, то все сложное явленіе, какъ въ случаѣ спроса, такъ и въ случаѣ предложенія, ограничивается своимъ матеріальнымъ элементомъ: предложеніе — количествомъ опредѣленныхъ товаровъ, предлагаемыхъ къ продажѣ, а спросъ—количествомъ покупательныхъ средствъ, затрачиваемыхъ на пріобрѣтеніе этихъ товаровъ. Оба понятія такимъ образомъ строго аналогичны. На этомъ пунктѣ я особенно настаиваю потому, что такой авторитетъ, какъ Милль, высказываетъ противоположное мнѣніе въ одномъ мѣстѣ своихъ „Основаній Политической Экономіи“. Критикуя выраженіе „отношеніе спроса къ предложенію“, Милль говоритъ: „какое отношеніе можетъ быть между количествомъ и желаніемъ, или даже желаніемъ, соединеннымъ съ покупательной силой“? Критика Милля, насколько я могу судить, была признана исчерпывающей всѣми послѣ-

дующими писателями; тѣмъ не менѣе, я не могу согласиться съ ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ, я настаиваю, что пониманіе строгой аналогичности разсматриваемыхъ идей является пунктомъ особенной важности. „Какое можетъ быть отношеніе между количествомъ и желаніемъ“? Но, безъ сомнѣнія, предложеніе нельзя прямо отождествить съ количествомъ. Опредѣленное количество продуктовъ не является предложеніемъ до тѣхъ поръ, пока они не предлагаются къ продажѣ; иначе говоря—до тѣхъ поръ, пока количество не соединяется съ извѣстнымъ психическимъ актомъ; и хотя совершенно вѣрно, какъ я только что указалъ, что данное явленіе измѣряется количествомъ, а не психическимъ моментомъ, тоже самое вѣрно и относительно спроса, который также измѣряется своимъ матеріальнымъ элементомъ.

Такимъ образомъ, оба представленія совершенно аналогичны и признаніе аналогичности ихъ мнѣ представляется рѣшительно необходимымъ условіемъ правильнаго пониманія ихъ взаимнаго отношенія. Допустите только, что спросъ и предложеніе — факты различнаго порядка, несравнимые и несоизмѣримые другъ съ другомъ, и вы придете къ заключенію, что спросъ и предложеніе не зависятъ другъ отъ друга и могутъ также независимо увеличиваться или уменьшаться. А именно эта идея и лежитъ въ основаніи большинства заблужденій и ошибокъ, связанныхъ съ употребленіемъ этихъ терминовъ.

Правда, Милль вполнѣ признаетъ, какъ важно не упускать изъ виду аналогичности спроса и предложенія; и, повидимому, отчасти съ этой цѣлью онъ даетъ своеобразное опредѣленіе понятія „предложеніе“, въ той главѣ своей книги, откуда сдѣлана вышеприве-

денная выписка. По опредѣленію Милля, спросъ измѣряется не количествомъ покупательной силы, предлагаемой для пріобрѣтенія товаровъ, какъ утверждаю я, а количествомъ товаровъ, для пріобрѣтенія которыхъ предлагается покупательная сила. Безъ сомнѣнія, если термины, „спросъ“ и „предложеніе“ понимать какъ количество спрашиваемыхъ и предлагаемыхъ товаровъ — оба факта являются вполнѣ аналогичными; но, я полагаю, мнѣ удалось показать, что для признанія аналогичности ихъ вовсе нѣтъ надобности въ такомъ опредѣленіи разсматриваемыхъ понятій, и въ то-же время, мнѣ кажется, что отожествленіе спроса съ требуемымъ количествомъ товаровъ не соотвѣтствуетъ общимъ цѣлямъ науки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ оговориться, что придавая указанный смыслъ термину „спросъ“, я не хочу всегда и неизмѣнно придерживаться при употребленіи даннаго термина именно этого смысла. Я допускаю, что иногда можетъ быть удобно употребленіе слова „спросъ“ въ иныхъ смыслахъ, и хотя употребленіе одного и того-же экономическаго термина въ разныхъ смыслахъ вызываетъ возраженія,— однако безъ такого употребленія экономистъ не можетъ обойтись въ виду бѣдности экономическаго языка. Впрочемъ, большой бѣды отъ этого не будетъ, если мы не будемъ забывать, въ какомъ смыслѣ мы употребляемъ данный терминъ и въ своей аргументаціи не будемъ смѣшивать различныхъ смысловъ термина. Я охотно признаю, что опредѣленіе Милля термина „спросъ“ имѣетъ свои удобства и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, даже необходимо употреблять терминъ именно въ этомъ смыслѣ. Но, дѣлая эту уступку, я тѣмъ рѣшительнѣе настаиваю на правильности моего опредѣленія, выражающаго важнѣйшій и истинный смыслъ даннаго термина въ экономической наукѣ, выражающій необходимое для экономической науки понятіе, которое естественно, безъ всякаго насилія надъ языкомъ, выражается словомъ „спросъ“.

Важность и основной характеръ научной идеи можетъ измѣряться мѣстомъ, занимаемымъ этой идеей въ научныхъ теоріяхъ. И мнѣ не приходится идти дальше работъ самого Милля для того, чтобы показать, до какой степени оправдывается этими работами данное мной опредѣленіе спроса.

Возьмемъ три основныхъ научныхъ теоріи—о заработной платѣ, деньгахъ и международной торговлѣ. Въ каждой изъ этихъ теорій предложеніе и спросъ являются основою всей аргументаціи, основными полюсами, на которыхъ вертится все разсужденіе. Но если мы обратимъ вниманіе, въ какомъ смыслѣ въ этихъ теоріяхъ понимается терминъ „спросъ“, то мы найдемъ, что спросъ всегда измѣряется размѣромъ предлагаемыхъ покупательныхъ средствъ, а не количествомъ желаемыхъ товаровъ или услугъ. Существеннымъ пунктомъ теоріи заработной платы Милля, какъ и вообще всякой теоріи заработной платы, является то положеніе, что спросъ на трудъ опредѣляется размѣромъ капитала и другого богатства, предлагаемаго для пріобрѣтенія труда. Когда экономистъ говоритъ, что увеличеніе спроса на трудъ подымаетъ заработную плату, онъ не подразумѣваетъ подъ увеличеніемъ спроса на трудъ—спросъ на большее количество рабочихъ рукъ, такъ какъ это условіе не повело-бы къ поднятію заработной платы, если-бы ему не сопутствовало соотвѣтствующее увеличеніе предложенія покупательной силы, въ данномъ случаѣ капитала для пріобрѣтенія труда.

А если указанное послѣднее условіе имѣетъ мѣсто, увеличеніе спроса во всякомъ случаѣ поведетъ къ повышенію заработной платы. Тоже самое приложимо и ко всѣмъ другимъ заключеніямъ относительно законовъ заработной платы, выводимыхъ изъ законовъ предложенія и спроса; только при указанномъ мною смыслѣ этихъ терминовъ, заключенія эти могутъ быть признаваемы вѣрными. Точно также, въ теоріи денежнаго обращенія Милль подъ спросомъ на деньги понимаетъ товары всякаго рода, предлагаемые для продажи, а не самыя деньги, которыя требуются. Наконецъ, въ теоріи международной торговли Милля терминъ „спросъ“ всегда употребляется въ томъ-же смыслѣ. Какъ ввозомъ данной страны опредѣляется иностранное предложеніе, такъ ея вывозъ опредѣляетъ размѣръ ея спроса на заграничные продукты. Такъ, если-бы Англія стала больше затрачивать на иностранные продукты, эта увеличенная затрата была-бы произведена при посредствѣ вывоза; и это увеличеніе экспорта обозначало-бы увеличеніе международнаго спроса со стороны Англіи, сколько бы товаровъ въ дѣйствительности не ввезла Англія. Такимъ образомъ, вывозъ каждой страны является мѣриломъ ея спроса въ международной торговлѣ; и если-бы мы распространили эту точку зрѣнія съ одной отдѣльной страны на весь торговый міръ, то одни и тѣ-же товары поочередно явятся и спросомъ, и предложеніемъ—спросъ и предложеніе явятся (какъ замѣчаетъ Милль) „взаимнымъ спросомъ“. Только при такомъ пониманіи терминовъ можно найти смыслъ въ очень важномъ, по моему мнѣнію, принципѣ, развитомъ Миллемъ въ той главѣ, на которую я уже ссылался,—въ принципѣ, которой названъ у Милля „уравненіемъ международнаго спроса“.

Поэтому, я принимаю, что разсужденія самого Милля, если не опредѣленное указаніе съ его стороны, даютъ мнѣ основаніе понимать термины спросъ и предложеніе въ вышеуказанномъ смыслѣ. Въ настоящее время я хочу установить то положеніе, что спросъ и предложеніе, по своему общему характеру, независимо отъ временныхъ результатовъ, не являются независимыми явленіями, но представляютъ собой по существу одно и то-же явленіе, разсматриваемое съ различныхъ точекъ зрѣнія, являются различными сторонами одного и того-же предмета: ни спросъ, ни предложеніе не могутъ ни увеличиться, ни уменьшиться безъ соотвѣтствующаго измѣненія другого фактора.

Если читатель вспомнитъ то, что я нѣсколькими страницами выше говорилъ о характерѣ спроса и предложенія при системѣ натуральнаго обмѣна, то онъ безъ труда согласится, я думаю, съ принципіальной правильностью этой точки зрѣнія; но онъ, можетъ быть, затруднится примирить ее съ нѣкоторыми фактами, наблюдаемыми въ современной хозяйственной жизни. Я указалъ, что при натуральномъ обмѣнѣ спросъ и предложеніе, оставаясь различными понятіями по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ и продуктамъ, не могутъ быть различаемы, если мы перейдемъ отъ частной точки зрѣнія къ общей и будемъ разсматривать явленія во всей ихъ совокупности.

Совокупный спросъ общества въ этомъ случаѣ будетъ выражаться всѣми товарами и услугами, предлагаемыми къ обмѣну на другіе товары и услуги, а эти послѣдніе образуютъ точно также и совокупное предложеніе страны. Существенный характеръ обмѣна, очевидно, не можетъ измѣниться отъ введенія посредствующаго орудія обмѣна, хотя большая сложность отно-

шеній можетъ скрыть ихъ истинную природу. Процессъ обмѣна облегчается, но по существу онъ остается тѣмъ-же самымъ. По прежнему обмѣнъ остается обмѣномъ товаровъ и услугъ другъ на друга; и отношеніе спроса къ предложенію остается тѣмъ, чѣмъ оно было и въ болѣе простомъ случаѣ. Правда, при употребленіи посредствующаго орудія обмѣна, мы можемъ составить представленіе о совокупномъ спросѣ, различая его отъ совокупнаго предложенія—различіе, исчезающее при системѣ натуральнаго обмѣна—потому что мы можемъ *мысленно* отдѣлить всеобщее покупательное средство отъ отдѣльныхъ товаровъ. Но въ дѣйствительности оба явленія нераздѣлимы. Покупательная сила создается въ концѣ-концовъ производствомъ товаровъ, и, при данныхъ условіяхъ промышленности, можетъ быть увеличена лишь увеличеніемъ количества товаровъ, предлагаемыхъ къ продажѣ, иначе говоря—спросъ можетъ быть увеличенъ лишь увеличеніемъ предложенія. Покупательная сила Англіи выражается совокупностью всѣхъ ея продуктовъ; и, какъ покупательная сила можетъ быть увеличена только увеличеніемъ этого послѣдняго количества, точно также и увеличеніе продуктовъ Англіи (при томъ условіи, что продукты эти приспособлены и находятся въ должной пропорціи къ человѣческимъ потребностямъ) приводитъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, къ соотвѣтствующему возрастанію ея покупательной силы. Отсюда слѣдуетъ, что взаимныя отношенія совокупнаго спроса и совокупнаго предложенія не принимаютъ иного характера, благодаря употребленію орудій обмѣна, но остаются такими-же, какъ и въ системѣ натуральнаго обмѣна; и въ томъ и въ другомъ случаѣ спросъ и предложеніе не являются независимыми фактами, но

существенно одними и тѣми-же фактами, разсматриваемыми съ различныхъ точекъ зрѣнія. Спросъ, какъ общее явленіе, не можетъ существовать безъ предложенія, и можетъ возрастать лишь пропорціонально возрастанію предложенія. Это, повторяю, является основнымъ положеніемъ теоріи обмѣна; и всѣ противоположныя утвержденія должны быть признаны неосновательными и даже лишенными смысла.

Ошибка, противъ которой я возражаю, а именно, что спросъ и предложеніе представляютъ собой независимыя экономическія силы, принимаетъ иногда иную форму и является въ видѣ утвержденія, что потребители и производители—различные общественные классы, а производство и потребленіе—акты совершенно независимые другъ отъ друга. Правда, существуютъ потребители, которые ничего не производятъ (теоретическое значеніе этого факта я разсмотрю послѣ). Вообще-же отношеніе производителей и потребителей извѣстнаго хозяйственнаго цѣлаго можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ. Извѣстное число людей A, B, C, D, E, F и пр. занимается промышленностью:—A производитъ для B, C, D, E, F; B — для A, C, D, E, F; C — для A, B, D, E, F и т. д. Въ каждомъ случаѣ производители и потребители различны—и на этомъ основывается естественная ошибка—заключеніе, что всѣ потребители различны отъ всѣхъ производителей; тогда какъ оба класса состоятъ какъ разъ изъ однихъ и тѣхъ-же людей. Производители при этомъ отождествляются съ предложеніемъ, а потребители—со спросомъ; такимъ образомъ, мнѣніе о независимости спроса и предложенія находитъ свое основаніе и поддержку. Распространенность этого воззрѣнія обнаружилась между прочимъ очень ярко въ спорахъ

послѣднихъ лѣтъ о движеніи въ пользу 9 часового рабочаго дня. Нѣкоторыя лица, принимавшія участіе въ этихъ спорахъ, въ числѣ которыхъ многіе старались блеснуть своими экономическими познаніями, принимали почти какъ аксіому, что результатомъ этого движенія, если оно распространится и достигнетъ успѣха, будетъ общее превышеніе спроса сравнительно съ предложеніе,—превышеніе, которое приведетъ къ повышенію товарныхъ цѣнъ. Разсужденіе велось слѣдующимъ образомъ. Производители произведутъ меньше продуктовъ (если только производительность труда не возрастетъ пропорціонально сокращенію его продолжительности), поэтому предложеніе уменьшается; но не замѣчая связи между предложеніемъ и спросомъ, спорящія стороны предполагали, что спросъ будетъ оставаться такимъ-же, какъ и прежде. Врядъ ли нужно доказывать очевидную ошибочность такого положенія. Производители—въ тоже время и потребители; и, если въ общемъ будетъ менѣе произведено, то меньше и товаровъ поступитъ въ обмѣнъ. Почему-же это уменьшеніе отразится на пропорціи, въ которой обмѣниваются продукты? Или почему это повліяетъ на отношенія между товарами вообще и деньгами? Если извѣстная группа землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ производитъ менѣе (какъ-бы они ни дѣлили между собой продукты), они имѣютъ въ совокупности менѣе товаровъ для продажи, и такъ какъ другія группы рабочихъ и капиталистовъ также будутъ имѣть менѣе товаровъ для продажи, то положеніе каждаго товара по отношенію ко всей массѣ товаровъ нисколько не измѣнится; уменьшеніе общаго предложенія будетъ строго уравновѣшено соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ общаго спроса. Безсмысленность противоположнаго

предложенія можетъ быть еще легче показана простой ссылкой на законы, управляющіе цѣнностью денегъ, при чемъ невозможность измѣненія цѣнности денегъ сокращеніемъ рабочаго дня достаточно очевидна. Впрочемъ, въ дѣйствительности ошибка лежитъ глубже и основывается на существенномъ непониманіи характера обмѣна, при господствѣ раздѣленія труда.

Но, по мнѣнію многихъ, для признанія взаимной зависимости и принципіальной тождественности спроса и предложенія существуетъ одно непреодолимое препятствіе,—а именно фактъ наличности обширнаго класса людей только потребляющихъ—богатыхъ, незанятыхъ людей natos consumere fruges,—людей, которые очень существенно участвуютъ въ общемъ потребленіи страны, но ничего не производятъ и ничего не предлагаютъ. Какимъ образомъ, говорятъ намъ, можно примирить фактъ существованія этого класса съ изложенной доктриной? Нельзя не признать, что фактъ существованія богатыхъ праздныхъ людей доказываетъ, что потребительные и производительные классы не всегда и не необходимо совпадаютъ другъ съ другомъ; но я защищаю не это положеніе, а то, что потребительная сила основывается на производительной силѣ, и спросъ основывается на предложеніи. Я долженъ объяснить, что подъ потребительной силой я подразумѣваю не простую физіологическую способность потребленія, но тѣ экономическія условія, которыя даютъ возможнось удовлетворять этой физіологической способности. Въ этомъ смыслѣ я утверждаю, что и у богатыхъ праздныхъ людей, какъ и у всѣхъ другихъ, потребительная сила ограничивается и измѣряется производствомъ, и спросъ ограничивается предложеніемъ. Чтобы замѣтить это, нужно только немного углубиться съ поверхности. Отчего зависитъ

покупательная сила богатыхъ людей? Они не получаютъ эту силу съ неба; а также не по подводному телеграфу изъ Австраліи или Калифорніи; точно также она не основывается, въ концѣ-концевъ, на тѣхъ суммахъ, которыя стоятъ въ ихъ кредитѣ у банкировъ. Предположимъ, что разсматриваемый классъ состоитъ изъ землевладѣльцевъ и собственниковъ государственныхъ процентныхъ бумагъ. Первый классъ получаетъ свою покупательную силу вслѣдствіе продажи земледѣльческихъ продуктовъ; во второмъ случаѣ покупательная сила вытекаетъ также изъ продажи продуктовъ—именно продуктовъ плательщиковъ налоговъ; но въ обоихъ случаяхъ она зависитъ отъ производства и предложенія. Вся разница заключается лишь въ томъ, что въ разсматриваемомъ случаѣ покупательная сила передается отъ однихъ лицъ другимъ, получающимъ эту силу на основаніи извѣстнаго договора. Если-бы землевладѣльцы и праздные капиталисты исчезли съ лица земли, то развѣ спросъ общества уменьшился-бы? Разумѣется, нѣтъ, если производство и предложеніе продуктовъ не уменьшится. Единственная разница будетъ заключаться въ томъ, что въ этомъ случаѣ другія лица стали-бы потреблять и опредѣлять направленіе спроса. Раньше такими лицами являлись землевладѣльцы и капиталисты, въ случаѣ-же ихъ исчезновенія, потреблять будутъ производители и плательщики налоговъ, которые, владѣя покупательной силой, безъ сомнѣнія съумѣютъ ею воспользоваться въ своихъ интересахъ. Такимъ образомъ, полезная функція, исполняемая, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, щедрыми расходами богатыхъ людей, оказывается простой иллюзіей. Политическая экономія не даетъ оправданія такому своекорыстному

поведенію. Разумѣется, я не желаю возражать противъ исполненія договоровъ и обязанностей. Но я полагаю очень важнымъ, какъ съ нравственной, такъ и экономической точки зрѣнія, настаивать на томъ, что существованіе класса праздныхъ богатыхъ людей не вызывается никакимъ требованіемъ общественнаго блага. Богатство, накопленное предками этихъ людей или другими лицами для нихъ, безъ сомнѣнія, поддерживаетъ промышленность, если употребляется въ видѣ капитала; но все то, что они расходуютъ на свое личное потребленіе, на роскошь и праздную жизнь, не составляетъ капитала, и не служитъ ни для чего другого, кромѣ подержанія ихъ собственной безполезной жизни. Эти люди во всякомъ случаѣ должны получать свою ренту и свои проценты, на это они имѣютъ законное право; но имъ слѣдуетъ указать подобающее мѣсто въ обществѣ — трутней въ ульѣ, принимающихъ участіе въ пиршествѣ, для котораго они ничего не доставили.

Быть можетъ, не лишнее привести еще одинъ примѣръ для разъясненія разсматриваемаго принципа. Колонія богатыхъ людей поселяется въ чужой странѣ и, не занимаясь никакой промышленностью, только потребляетъ и расходуетъ деньги. Возьмемъ, напримѣръ, англичанъ, живущихъ въ Ниццѣ или Римѣ. Я не касаюсь вопроса, оказываютъ-ли такіе иностранные гости какую-либо пользу той странѣ, въ которой они живутъ. То, что я хочу теперь разъяснить, заключается въ слѣдующемъ: если даже расходы богатыхъ иностранцевъ и приносятъ пользу странѣ, то это не можетъ служить примѣромъ пользы, проистекающей только отъ спроса независимо отъ предложенія. Спросъ этихъ богатыхъ иностранцевъ опредѣ-

ляется исключительно предложеніемъ, вызваннымъ ими —и это также несомнѣнно, какъ если-бы эти иностранцы арендовали въ чужой странѣ землю и жили продуктами собственнаго хозяйства. Дѣйствительно, какимъ образомъ богатые иностранцы получаютъ свою покупательную силу? Они получаютъ ее, вѣроятно, въ формѣ переводныхъ векселей или банковыхъ билетовъ. Но какимъ образомъ ликвидируются всѣ обязательства такого рода? Не иначе, какъ товарами, вывозимыми изъ той страны, откуда пріѣзжаютъ эти иностранцы. Другими словами,—каждое увеличеніе спроса на французскіе товары со стороны англичанъ, живущихъ во Франціи, сопровождается и дѣлается возможнымъ лишь благодаря увеличенію ввоза англійскихъ товаровъ во Францію.

Не существуетъ другого способа покрыть расходы англичанъ во Франціи—изъ чего видна, между прочимъ, вся безсмысленность протекціонизма. Никто не заботится болѣе протекціонистовъ о привлеченіи такихъ богатыхъ посѣтителей изъ-за границы; но стремясь къ этой цѣли, они все дѣлаютъ для того, чтобы воспрепятствовать ея достиженію. Они хотѣли-бы имѣть возможно больше иностранныхъ посѣтителей съ возможно большими капиталами, которые затрачивались-бы на пріобрѣтеніе туземныхъ продуктовъ, и въ то-же время протекціонисты стремятся лишить иностранцевъ единственнаго способа покрывать свои издержки—ввозомъ въ страну иностранныхъ товаровъ. Система протекціонизма является, такимъ образомъ, попыткой отдѣлить спросъ отъ предложенія, сдѣлать ихъ независимыми другъ отъ друга—что такъ-же неисполнимо, какъ и квадратура круга.

До сихъ поръ я говорилъ о спросѣ и предложеніи,

какъ объ общихъ фактахъ, не по отношенію къ отдѣльнымъ продуктамъ или услугамъ, но къ продуктамъ и услугамъ вообще. Теперь я буду разсматривать спросъ и предложеніе въ отношеніи къ отдѣльнымъ товарамъ и услугамъ. Прежде всего, мы должны здѣсь замѣтить, что существенная идентичность и взаимная зависимость спроса и предложенія, характерная для этихъ явленій съ общей точки зрѣнія, не имѣетъ мѣста при разсматриваніи ихъ по отношенію къ отдѣльнымъ продуктамъ. Какъ я показалъ, общій спросъ страны не можетъ увеличиться или уменьшиться безъ соотвѣтствующаго увеличенія или уменьшенія общаго предложенія продуктовъ страны; но вполнѣ возможно, что спросъ на отдѣльный товаръ или услугу возрастетъ или уменьшится, въ то время какъ предложеніе того-же товара или услуги не испытаетъ соотвѣтствующаго измѣненія; и, какъ каждый знаетъ, такое отсутствіе соотвѣтствія между спросомъ и предложеніемъ наблюдается весьма часто. Можно даже сказать, что предложеніе каждаго отдѣльнаго товара крайне рѣдко остается въ теченіи продолжительнаго времени въ полномъ соотвѣтствіи со спросомъ. Въ дѣйствительности наблюдается постоянное колебаніе; спросъ иногда превосходитъ предложеніе иногда—предложеніе спросъ, и измѣненіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ выражается въ параллельномъ измѣненіи цѣнъ товаровъ.

Я сказалъ, что по отношенію къ отдѣльнымъ товарамъ предложеніе можетъ соотвѣтствовать или быть больше или меньше спроса. Это утверждается весьма часто и экономистами, и практическими людьми; вѣроятно, большинство говорящихъ это отнюдь не думаютъ, что выраженіе это нуждается въ разъясненіи;

тѣмъ не менѣе легко показать, что смыслъ этого выраженія вовсе не такъ ясенъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Что̀ подразумѣвается подъ равенствомъ спроса и предложенія по отношенію къ извѣстному товару? Спросъ измѣняется въ соотвѣтствіи съ цѣной, также измѣняется и предложеніе. Отсюда ясно, что для того, чтобы наше утвержденіе имѣло смыслъ, оно должно относиться къ продукту извѣстной цѣны, но какой цѣны? Это кажется неяснымъ.

Но даже если игнорировать это затрудненіе и предположить, что эта цѣна намъ извѣстна, спросъ по извѣстной цѣнѣ можетъ измѣряться лишь размѣромъ предлагаемыхъ покупательныхъ средствъ. Я уже высказалъ мой взглядъ относительно точнаго смысла термина „спросъ“ и въ настоящее время я не вижу необходимости уклоняться отъ этого смысла. Съ этой точки зрѣнія, подобно тому, какъ предложеніе измѣряется количествомъ предлагаемыхъ продуктовъ, такъ и спросъ измѣряется количествомъ предлагаемыхъ покупательныхъ средствъ; и соотвѣтствіе спроса и предложенія, при извѣстной данной цѣнѣ, въ этомъ смыслѣ означаетъ такое состояніе спроса и предложенія, при которомъ, съ одной стороны, вся предлагаемая покупательная сила поглощается предложеніемъ товара, а съ другой стороны, весь предлагаемый товаръ поглощается предлагаемой покупательной силой; между тѣмъ какъ подъ несоотвѣтствіемъ спроса и предложенія слѣдуетъ понимать такое состояніе, когда съ той или другой стороны не происходитъ полнаго поглощенія и имѣется нѣкоторый остатокъ непоглощеннаго товара или покупательной силы. Такой смыслъ я хотѣлъ-бы придать разсматриваемому выраженію по

чисто-научнымъ основаніямъ. Но я уже согласился раньше, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ удобнѣе употреблять терминъ „спросъ“ въ иномъ смыслѣ, и, быть можетъ, мы имѣемъ дѣло именно съ такимъ случаемъ. Какъ-бы то ни было, если мы примемъ, что спросъ измѣряется количествомъ спрашиваемыхъ товаровъ, наше замѣчаніе останется тѣмъ-же самымъ. Если предложеніе соотвѣтствуетъ спросу въ ранѣе принятомъ нами смыслѣ, то оно будетъ соотвѣтствовать спросу и въ послѣднемъ смыслѣ; и такъ какъ послѣдній смыслъ термина „спросъ“ (причемъ спросъ опредѣляется количествомъ спрашиваемыхъ товаровъ) является болѣе употребительнымъ въ примѣненіи къ отдѣльнымъ товарамъ, то для большей ясности изложенія будетъ удобнѣе употреблять разсматриваемый терминъ въ послѣднемъ смыслѣ. Поэтому я буду понимать подъ соотвѣтствіемъ или равенствомъ спроса и предложенія, при извѣстной цѣнѣ продукта, такое состояніе, когда количество спрашиваемаго продукта равняется количеству предлагаемаго продукта.

Но намъ осталось еще опредѣлить, какова-же цѣна, по отношенію къ которой можно говорить о равенствѣ или соотвѣтствіи спроса и предложенія? Для выясненія этого необходимо разсмотрѣть порознь два случая.

Во-первыхъ, мы можемъ говорить о равенствѣ или неравенствѣ спроса и предложенія по отношенію къ одному отдѣльному моменту, и во-вторыхъ, по отношенію къ продолжительному состоянію. Такъ напримѣръ, мы можемъ сказать, что спросъ на пшеницу превысилъ предложеніе въ данный моментъ на какомъ либо опредѣленномъ рынкѣ, или мы можемъ сказать, что спросъ на мясо на нѣкоторое время превысилъ,

и, по всей вѣроятности, будетъ нѣкоторое время превышать предложеніе. Въ предыдущемъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, имѣется въ виду, поскольку люди вообще придаютъ точный смыслъ словамъ, господствующая цѣна продукта на данномъ рынкѣ; и смыслъ утвержденія тотъ, что на этомъ рынкѣ имѣлись покупатели, которые согласились-бы пріобрѣтать по господствующимъ цѣнамъ больше пшеницы, чѣмъ ея можно было въ дѣйствительности получить по той цѣнѣ. Я знаю, что, предполагая возможность существованія такой цѣны, при которой спросъ и предложеніе не уравновѣшиваются, я вступаю въ противорѣчіе съ извѣстной теоріей. Тѣмъ не менѣе, я надѣюсь впослѣдствіи доказать, что моя смѣлость имѣетъ свое оправданіе. Теперь-же допустимъ на время, что рыночныя цѣны имѣютъ такой характеръ, какой признается за ними вышеупомянутымъ утвержденіемъ, а безъ сомнѣнія, въ разговорномъ языкѣ допускается возможность такого рода несоотвѣтствія спроса и предложенія по отношенію къ господствующимъ цѣнамъ. Что касается до другого случая, когда мы утверждаемъ, что спросъ на товаръ превышаетъ его предложеніе въ теченіи продолжительнаго времени, то можемъ-ли мы сказать, по аналогіи съ только-что даннымъ объясненіемъ, что цѣна, которая при этомъ имѣется въ виду, есть та самая цѣна, которая является господствующей на данномъ рынкѣ, и что смыслъ утвержденія заключается въ томъ, что спросъ по этой цѣнѣ превышаетъ или можетъ превышать предложеніе? Если мы разсмотримъ какой-либо дѣйствительный случай, то мы убѣдимся, что такое объясненіе невѣрно. Напримѣръ, большинство лицъ, занимающихся торговлей желѣзомъ, скажутъ, что въ настоящее время (начало 70-хъ го-

довъ) и притомъ не только на томъ или иномъ рынкѣ, но и во всей странѣ въ теченіи извѣстнаго продолжительнаго періода—спросъ на желѣзо значительно превышаетъ предложеніе и въ доказательство своего мнѣнія эти люди укажутъ на возрастаніе цѣнъ желѣза. Но несомнѣнно, что по мнѣнію лицъ наиболѣе компетентныхъ въ этомъ случаѣ, именно по мнѣнію торговцевъ желѣза, спросъ на желѣзо въ странѣ не превышаетъ его предложенія по господствующимъ цѣнамъ; если-бы они думали иначе, то они немедленно стали-бы закупать желѣзо и повысили-бы его цѣну.

Все дѣло этихъ людей заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ приспособленіи спроса къ предложенію путемъ воздѣйствія на цѣны, и хотя это приспособленіе можетъ и не быть достигнуто на томъ или иномъ отдѣльномъ рынкѣ, невозможно, чтобы спросъ превышалъ предложеніе по существующимъ цѣнамъ повсюду и на продолжительное время. Какъ-же понимать въ такомъ случаѣ утвержденіе, которое несомнѣнно высказали-бы эти люди—торговцы желѣзомъ? Очень можетъ быть, что сами эти люди не даютъ себѣ яснаго отчета въ своихъ словахъ. Но все-таки нельзя предположить, чтобы утвержденіе столькихъ лицъ, практически занимающихся даннымъ дѣломъ, не имѣло никакого опредѣленнаго смысла. Разумѣется, я не могу отвѣчать за всѣхъ, но, по моему мнѣнію, для того, чтобы эти слова получили опредѣленный смыслъ и значеніе, слѣдуетъ понимать подъ спросомъ спросъ по цѣнамъ инымъ, чѣмъ тѣ, которыя въ дѣйствительности господствуютъ на рынкѣ, и если-бы меня спросили, по какимъ-же это цѣнамъ, я-бы отвѣтилъ—по нормальнымъ цѣнамъ, по цѣнамъ, которыя, по мнѣнію заинтересованныхъ людей, являются обыкновенными цѣнами

при отсутствіи особыхъ нарушающихъ причинъ. Слѣдовательно, разсматриваемое утвержденіе, какъ я понимаю, если оно примѣняется не къ отдѣльнымъ моментамъ и рынкамъ, но къ болѣе или менѣе продолжительному времени и ко всей странѣ, выражаетъ собой результатъ сравненія между спросомъ, какой существовалъ-бы при нормальныхъ цѣнахъ, и предложеніемъ, какое существовало-бы при тѣхъ-же цѣнахъ или-же при цѣнахъ дѣйствительно существующихъ. Въ этомъ смыслѣ, данное утвержденіе имѣетъ большое значеніе; и если оно основано на дѣйствительномъ знаніи фактовъ, оно заключаетъ въ себѣ очень цѣнное указаніе. Результаты этого словеснаго, но необходимаго, разсужденія могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ:

1) Въ примѣненіи къ отдѣльнымъ товарамъ спросъ и предложеніе (для того, чтобы выраженія эти имѣли какой-либо смыслъ) должны относиться къ опредѣленнымъ цѣнамъ; сравненіе спроса и предложенія при данной цѣнѣ есть сравненіе количества предлагаемаго товара съ количествомъ предлагаемой покупательной силы, или съ количествомъ спрашиваемаго товара. По соображеніямъ практическаго удобства въ этомъ разсужденіи я употреблялъ терминъ „спросъ“ въ послѣднемъ смыслѣ—измѣряя спросъ количествомъ спрашиваемаго товара.

2) Когда мы говоримъ о спросѣ и предложеніи примѣнительно къ отдѣльнымъ рынкамъ или моментамъ времени, предполагаемая цѣна, по отношенію къ которой сравниваются спросъ и предложеніе, есть господствующая въ данный моментъ цѣна на рынкѣ.

3) Когда мы говоримъ о всей странѣ или о продолжительномъ періодѣ времени, тогда предполага-

емой цѣной (къ которой относится спросъ) является нормальная цѣна товара, между тѣмъ какъ предложеніе относится или къ той-же цѣнѣ, или-же къ цѣнамъ дѣйствительно существующимъ. Сравненіе, такимъ образомъ, устанавливается между спросомъ по нормальной цѣнѣ и предложеніемъ по нормальной или рыночной цѣнѣ.

Послѣ того какъ мы выяснили смыслъ всѣхъ этихъ выраженій, я могу установить, въ чемъ заключается, по моему мнѣнію, основной законъ спроса и предложенія по отношенію къ отдѣльнымъ товарамъ. Этотъ законъ заключается въ слѣдующемъ. Предложеніе товара всегда стремится приспособиться къ спросу по нормальнымъ цѣнамъ. Я могу коротко указать, что подъ нормальной цѣной товара я подразумѣваю цѣну, которая достаточна и не болѣе, чѣмъ достаточна, для того, чтобы доставить производителю среднее или обычное вознагражденіе за всѣ приносимыя имъ пожертвованія для производства продукта. И я утверждаю, что предложеніе каждаго товара стремится приспособиться къ спросу по этой цѣнѣ. Такое приспособленіе является прямымъ послѣдствіемъ мотивовъ, побуждающихъ людей заниматься производительной дѣятельностью,—мотивовъ, вслѣдствіе которыхъ люди выбираютъ, насколько позволяютъ условія, занятія, доставляющія наибольшее вознагражденіе по отношенію къ сдѣланнымъ затратамъ. Отсюда слѣдуетъ, что, когда цѣна товара выше нормальнаго уровня и когда производители получаютъ вознагражденіе выше средняго, число производителей въ этой странѣ должно возрасти, и предложеніе продукта должно увеличиться; но увеличеніе предложенія будетъ имѣть тенденцію, благодаря увеличенію конкурренціи при продажѣ, понизить цѣну и привести ее къ нормальному уров-

ню. Если предложеніе возрастаетъ недостаточно для приведенія рыночной цѣны къ нормальному уровню, тогда, подъ вліяніемъ тѣхъ-же самыхъ мотивовъ, предложеніе будетъ продолжать возрастать, и процессъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока должный результатъ не будетъ достигнутъ.

Съ другой стороны, если стимулъ къ усиленному производству даетъ слишкомъ сильный толчекъ промышленности, и цѣна упадетъ ниже нормальнаго уровня, приходятъ въ дѣйствіе мотивы противоположнаго характера, и производство сокращается, цѣна повышается, пока не достигнетъ своего нормальнаго уровня. Въ этомъ заключается законъ спроса и предложенія по отношенію къ отдѣльнымъ товарамъ. Этотъ законъ установленъ Ад. Смитомъ въ его извѣстныхъ словахъ, что рынокъ тяготѣетъ къ нормальнымъ цѣнамъ.

Подведу вкратцѣ итоги этой главы.

1) Спросъ и предложеніе, разсматриваемые какъ общіе факты, не являются независимыми явленіями, но по существу одними и тѣми-же явленіями, разсматриваемыми съ различныхъ точекъ зрѣнія; слѣдовательно, общій спросъ не можетъ увеличиться или уменьшиться безъ соотвѣтствующаго увеличенія или уменьшенія предложенія. Всѣ доктрины или разсужденія, основанныя на противоположномъ предположеніи, неосновательны и ошибочны.

2) Спросъ и предложеніе, разсматриваемые по отношенію къ отдѣльнымъ товарамъ, могутъ возрастать или уменьшаться (въ указанномъ смыслѣ) по отношенію другъ къ другу; но при всѣхъ своихъ измѣненіяхъ спросъ и предложеніе повинуются слѣдующему закону: спросъ всегда стремится приспособиться къ предложенію по нормальной цѣнѣ товара.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нормальная цѣнность.

Нормальная или обычная цѣнность предполагаетъ систематическое и продолжительное производство. Мы не можемъ говорить о нормальной цѣнности товара, количество котораго ограниченно и не можетъ быть увеличено — напр. о нормальной цѣнности картинъ Теньера; потому что, хотя и можно было-бы вывести среднюю цѣну этихъ картинъ, сравнивая цѣны, по которымъ онѣ продавались - эта средняя цѣна представляла-бы собою просто среднюю колебаній, не регулируемыхъ никакимъ господствующимъ принципомъ.

Но когда товаръ производится систематически и въ теченіи продолжительнаго времени, то существованіе средней цѣнности вскорѣ даетъ о себѣ знать. Замѣчено, что какъ-бы сильно отъ времени до времени ни мѣнялись цѣны, измѣненія эти происходятъ не случайно, но повинуются скрытому закону и стремятся къ соотвѣтствію съ извѣстными правилами. Цѣна пшеницы можетъ быть необыкновенно высокой въ одинъ годъ, но это сразу вызываетъ къ дѣятельности силы, контролирующія это повышеніе, и въ концѣ-концовъ приводящія цѣну къ ея обычному уровню;

или цѣна можетъ быть необыкновенно низка, и тогда тѣ-же силы воздѣйствуютъ въ противоположномъ направленіи, и цѣна поднимается. Такимъ образомъ, колебанія рынка удерживаются въ извѣстныхъ, быть можетъ, не вполнѣ точно опредѣлимыхъ границахъ, съ постоянной тенденціей приблизиться къ центральной точкѣ—къ той „нормальной цѣнности“, которую мы теперь изслѣдуемъ.

Я замѣтилъ уже, что средняя дѣйствительныхъ продажныхъ цѣнъ товара, т. е. его рыночныхъ цѣнъ, не представляетъ собою непремѣнно его нормальной цѣны или цѣнности, потому что товаръ можетъ находиться въ такихъ условіяхъ, когда колебанія его цѣнъ не подчиняются никакому контролирующему принципу, и слѣдовательно не обнаруживаютъ никакой тенденціи двигаться вокругъ какой-либо центральной точки. Но, тѣмъ не менѣе, тамъ, гдѣ условія для образованія нормальной цѣны имѣются въ наличности, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда товаръ производится систематически и въ теченіи продолжительнаго періода времени, нормальная цѣна, въ общемъ, будетъ совпадать со средней продажной цѣной, если только количество отдѣльныхъ случаевъ продажи будетъ достаточно велико для устраненія дѣйствія того, что мы называемъ „нарушающими причинами“—т. е. такими причинами, которыя затрудняютъ приспособленіе предложенія къ спросу. Число случаевъ, необходимыхъ для такого устраненія, мѣняется сообразно съ природою товара. Въ общемъ, оно будетъ наименьшимъ для предметовъ обыкновеннаго мануфактурнаго производства, гораздо бо̀льшимъ для сырыхъ матеріаловъ, и наибольшимъ для всѣхъ продуктовъ животнаго царства. Но эти вопросы удобнѣе будетъ

разсматривать въ связи съ вопросомъ о рыночной цѣнѣ.

Прибавлю только еще слѣдующее разъясненіе: хотя нормальныя цѣны, въ противоположность рыночнымъ цѣнамъ, могутъ быть до нѣкоторой степени разсматриваемы какъ среднія или постоянныя цѣны, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ предполагать, что онѣ представляютъ собою нѣчто совершенно опредѣленное или неизмѣнное въ мѣновыхъ отношеніяхъ товаровъ. Въ этихъ отношеніяхъ не существуетъ такой установленности или неизмѣнности. Говоря объ устойчивости нормальныхъ цѣнъ, мы понимаемъ подъ этимъ только то, что онѣ остаются неизмѣнными до тѣхъ поръ, пока условія производства остаются тѣми-же самыми. Въ дѣйствительности, условія производства всѣхъ товаровъ подвергаются измѣненіямъ, и относительно большинства товаровъ эти измѣненія бываютъ часты и значительны. Но въ общемъ, эти измѣненія, въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ имѣютъ большое значеніе, обыкновенно происходятъ черезъ извѣстные, болѣе или менѣе продолжительные періоды, а въ промежуточные сроки нормальная цѣна остается постоянной. Центръ, вокругъ котораго колеблются рыночныя цѣны, является, такимъ образомъ, не неподвижнымъ, а движущимся центромъ, но движущимся (какъ будетъ показано въ одной изъ слѣдующихъ главъ), по большей части въ одномъ и томъ-же направленіи, опредѣляемомъ характеромъ самаго товара и условіями, при которыхъ онъ производится. Такъ, относительно большинства мануфактурныхъ товаровъ, движеніе нормальныхъ цѣнъ въ Англіи въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій шло постоянно въ направленіи пониженія, съ другой стороны нормальныя

цѣны сырыхъ продуктовъ, и въ особенности продуктовъ животнаго царства, постоянно возрастали.

Сказаннаго достаточно для опредѣленія характера явленія, которое теперь привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе. Намъ остается разсмотрѣть условія, опредѣляющія его.

Господствующая теорія цѣнности устанавливаетъ зависимость нормальной цѣнности только отъ одного условія—такъ-наз. стоимости производства, и я прежде всего долженъ подчеркнуть, что стоимость—значитъ жертва, и она не можетъ, безъ полнаго смѣшенія понятій, быть отождествляема съ чѣмъ-бы то ни было, что̀ не есть жертва. Она представляетъ собою то, чего человѣкъ лишается въ своей борьбѣ съ природой, и что слѣдуетъ всегда отличать отъ той платы, которую онъ получаетъ взамѣнъ отъ природы. Это и составляетъ самое существо стоимости; и задача стоимости производства, по отношенію къ теоріи цѣнности, заключается въ томъ, чтобы выяснить, въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ плата, выдаваемая человѣкомъ природѣ въ производительной промышленности, опредѣляетъ или вліяетъ на мѣновую цѣнность продуктовъ. Чтобы найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ нѣтъ надобности идти дальше того основнаго принципа поведенія, который побуждаетъ людей достигать своихъ цѣлей съ помощью кратчайшихъ и легчайшихъ средствъ. Цѣль, преслѣдуемая въ производствѣ, есть пріобрѣтеніе богатства, а средствами являются самоотверженіе, трудъ, предусмотрительность, бдительность. Задача промышленности заключается, слѣдовательно, въ томъ, чтобы пріобрѣсти

богатство при наименьшихъ тѣлесныхъ и духовныхъ затратахъ, или, другими словами—при наименьшихъ пожертвованіяхъ или стоимости. И законъ стоимости производства, управляющій цѣнностью, представляетъ собою просто практическій выводъ или слѣдствіе пріобрѣтенія богатства при такихъ условіяхъ. Чтобы постигнуть это, нужно постоянно имѣть въ виду слѣдующіе два факта: во-первыхъ, что, подъ вліяніемъ только-что указаннаго мотива, и рабочіе и капиталисты при выборѣ себѣ занятій, будутъ, *поскольку они имѣютъ возможность выбирать*, выбирать тѣ занятія, которыя, взамѣнъ дѣлаемаго пожертвованія, будутъ, въ настоящемъ или въ будущемъ, давать имъ наибольшее вознагражденіе; и во-вторыхъ, тотъ фактъ, что при системѣ раздѣленія занятій, промышленное вознагражденіе для каждаго производителя, или вѣрнѣе для каждой группы производителей, занятыхъ данной работой, состоитъ въ цѣнности товаровъ, являющихся результатомъ ихъ труда. Я говорю, въ *цѣнности* товаровъ, а не въ самихъ товарахъ, потому что не всегда случается, что человѣкъ, занятый въ производствѣ, нуждается какъ разъ въ тѣхъ спеціальныхъ товарахъ, на производство которыхъ онъ кладетъ свой трудъ, и рѣдко случается, чтобы онъ потреблялъ болѣе, чѣмъ самую незначительную часть того, что онъ производитъ: слѣдовательно, вознагражденіе его должно получаться не изъ прямыхъ, а изъ косвенныхъ результатовъ его труда — изъ тѣхъ вещей, которыя онъ можетъ пріобрѣсти на произведенный имъ товаръ съ помощью купли и продажи, другими словами—изъ цѣнности послѣдняго. Зная производительность труда какого-либо человѣка, мы все-таки не будемъ еще въ состояніи опредѣлить раз-

мѣръ получаемаго имъ вознагражденія. Для этого мы должны знать еще, въ какой пропорціи то, что онъ производитъ, будетъ обмѣниваться на то, въ чемъ онъ нуждается, т. е. на предметы его потребленія. Такимъ образомъ, цѣнность товара, вырабатываемаго въ производствѣ, является источникомъ, изъ котораго, при настоящемъ положеніи вещей, вознаграждается промышленная дѣятельность. Это заключеніе не устраняется тѣмъ фактомъ, что при той промышленной организаціи, которая господствуетъ въ Англіи и въ другихъ странахъ, рабочій обыкновенно получаетъ отъ капиталиста свое вознагражденіе въ формѣ заработной платы прежде, чѣмъ продуктъ будетъ законченъ; то, что получаетъ рабочій, впослѣдствіи снова возвращается капиталисту въ цѣнности продукта, и такимъ образомъ изъ нея получается вознагражденіе за все, связанное съ производствомъ продукта. Заработная плата и прибыль въ каждой отрасли производства извлекаются изъ цѣнности товаровъ, выдѣлываемыхъ въ этой отрасли производства, и (за исключеніемъ того случая, когда рента также является однимъ изъ элементовъ цѣнности товара; но, какъ будетъ понятно всѣмъ, знакомымъ съ экономической теоріей ренты, этотъ случай нисколько не ослабляетъ силы приводимаго аргумента) такъ какъ заработная плата и прибыль поглощаютъ собою цѣликомъ всю цѣнность, то изъ этого слѣдуетъ, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, общая сумма заработной платы и прибыли, получаемая какой-либо группою производителей, будетъ постоянно измѣняться въ зависимости отъ цѣнности производимыхъ товаровъ. По скольку, слѣдовательно, заработная плата и прибыль въ различныхъ отрасляхъ производства

пропорціональны дѣлаемымъ пожертвованіямъ, по стольку-же и цѣнность производимыхъ товаровъ пропорціональна тѣмъ-же пожертвованіямъ, другими словами—по стольку товары обмѣниваются пропорціонально стоимости ихъ производства. Но заработная плата и прибыль будутъ пропорціональны дѣлаемымъ пожертвованіямъ только постольку, поскольку между производителями господствуетъ конкурренція,—поскольку рабочіе и капиталисты дѣйствительно имѣютъ возможность выбора среди различныхъ занятій, представляющихся имъ на поприщѣ промышленности. Дайте имъ эту возможность выбора, и соотвѣтствіе между вознагражденіемъ и жертвою, не въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ производства, но, какъ общее и постоянное правило, будетъ обезпечено дѣйствіемъ самого энергичнаго и постояннаго человѣческаго мотива. Каждый конкуррентъ, стремясь къ наибольшему вознагражденію за свои пожертвованія, будетъ обращаться къ тѣмъ занятіямъ, которыя какъ разъ въ это время будутъ наилучше вознаграждаться; точно также онъ будетъ отстраняться отъ тѣхъ отраслей производства, въ которыхъ вознагражденіе ниже средняго уровня. Предложеніе товаровъ, производимыхъ въ лучше оплачиваемыхъ производствахъ, такимъ образомъ увеличится, а предложеніе товаровъ въ хуже-вознаграждаемыхъ производствахъ уменьшится, до тѣхъ поръ пока предложеніе, путемъ воздѣйствія на цѣны, не возстановитъ равенства и не приведетъ вознагражденія въ соотвѣтствіе съ дѣлаемыми пожертвованіями. Конкурренція, вслѣдствіе этого, одновременно обезпечиваетъ какъ соотвѣтствіе между промышленнымъ вознагражденіемъ и принесенными жерт-

вами, такъ и соотвѣтствіе цѣнъ товаровъ со стои мостью ихъ производства.

Итакъ, необходимымъ условіемъ для дѣйствія стоимости производства какъ регулятора нормальныхъ цѣнностей, является наличность дѣйствительной конкурренціи между лицами, занятыми промышленной дѣятельностью. Теперь мы должны обратить вниманіе на вопросъ, въ какой мѣрѣ такая конкурренція дѣйствительно осуществляется въ промышленныхъ обществахъ. Обращаясь къ Англіи, мы видимъ, что здѣсь конкурренція очень дѣятельна и широко распространена. Въ торговлѣ, если отдѣлить ее отъ производства, т. е. въ куплѣ и продажѣ товаровъ, разсматриваемой отдѣльно отъ ихъ производства, конкурренція является повсемѣстной и неограниченной. Каждый не только пользуется свободой продавать свой товаръ, каковъ-бы онъ ни былъ, на всѣхъ рынкахъ страны, но обыкновенно имѣетъ и практическую возможность воспользоваться этой свободой. Съ другой стороны, всякій, вообще говоря, поскольку дѣло касается закона, свободенъ заняться какимъ ему угодно дѣломъ, начиная съ копанія канавъ и сооруженія плетней и кончая учеными профессіями. Но въ данномъ случаѣ требуется нѣчто большее. Торговцамъ недостаточно имѣть право и власть продавать свой товаръ, гдѣ имъ угодно, также какъ и рабочимъ—законное право выбирать себѣ любое занятіе; но и рабочіе и капиталисты должны имѣть практическую возможность распоряжаться своимъ капиталомъ и трудомъ какъ имъ угодно, другими словами—имѣть дѣйствительную возможность выбора для помѣщенія средствъ производства, которыми каждый изъ нихъ располагаетъ. Въ данномъ случаѣ безразлично, каковы-бы ни были препятствія, мѣшающія такому выбору—будетъ-ли то законъ, невѣжество или бѣдность; каково-бы ни было препятствіе, если только производитель не можетъ свободно переходить отъ менѣе выгодной отрасли производства къ болѣе выгодной, то конкурренція разстраивается, поскольку дѣло касается закона цѣнности, такъ какъ при такихъ условіяхъ уже не можетъ быть увѣренности въ томъ, что вознагражденіе будетъ соотвѣтствовать пожертвованію. Именно черезъ посредство такого рода конкурренціи стоимость производства дѣйствуетъ въ качествѣ регулятора цѣнности; вопросъ заключается въ томъ, въ какой мѣрѣ конкурренція, понимаемая въ этомъ смыслѣ, господствуетъ въ тѣхъ или другихъ промышленныхъ обществахъ.

Существуетъ школа мыслителей, которые не колеблясь отвѣтятъ на этотъ вопросъ простымъ отрицаніемъ существованія конкурренціи въ вышеуказанномъ смыслѣ этого слова. Мнѣ скажутъ, что положеніе, столь легко принимаемое экономистами, будто капиталъ и трудъ могутъ переходить отъ одного занятія къ другому, въ поискахъ за высшимъ вознагражденіемъ, является простымъ измышленіемъ ученыхъ экономистовъ, не имѣющимъ никакой опоры въ фактахъ. Мнѣ скажутъ: принявши форму, пригодную для настоящей производительной дѣятельности, капиталъ въ большинствѣ случаевъ уже не въ состояніи получить какое-нибудь другое назначеніе. Зданія, орудія и матеріалы, требуемыя для одной отрасли промышленности, рѣдко могутъ быть приспособлены для другой, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда такое приспособленіе возможно, этотъ процессъ приспособленія будетъ сопровождаться большими убыт-

ками и потерями. Нужно сознаться, что затрудненія при переходѣ труда изъ одной области промышленности въ другую еще больше, ибо здѣсь мы приходимъ въ столкновеніе не только съ физическими, но и съ психическими препятствіями. Промышленная ловкость не можетъ быть пріобрѣтена въ одну минуту, и то умѣніе, которымъ человѣкъ владѣетъ, является обыкновенно результатомъ продолжительнаго времени и труда, посвященнаго на ученіе. Можно-ли представить себѣ, что, потративши время и деньги на пріобрѣтеніе этого умѣнія, рабочій измѣнитъ избранному имъ жизненному пути при первомъ признакѣ повышенія заработной платы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ? Намъ указываютъ на то, какъ долго ручные ткачи держались своего невыгоднаго производства послѣ того, какъ были введены ткацкія машины; и на то, до какой крайности должны были-бы дойти плотники, чтобы сдѣлаться кузнецами, или портными. На этихъ основаніяхъ утверждалось, что конкурренціи, въ томъ смыслѣ въ какомъ я признавалъ ее необходимою для дѣйствія принципа стоимости, не существуетъ, а слѣдовательно и всѣ теоріи, признающія ея существованіе, распадаются въ прахъ. Сторонники этого взгляда считаютъ, что, какъ капиталъ, такъ и трудъ, будучи однажды помѣщены въ какую-нибудь отрасль производства, практически прикрѣпляются къ этой отрасли, и слѣдовательно могутъ разсматриваться, какъ изъятые изъ общей области конкурренціи съ средствами производства, занятыми въ другихъ отрасляхъ производства. Я готовъ отдать полную справедливость той частицѣ правды, которая заключается въ этомъ аргументѣ, и сразу признаю, что приводимые факты по существу своему вѣрны.

Но я думаю, мнѣ не трудно будетъ показать, что они никоимъ образомъ не поддерживаютъ практическаго вывода, который изъ нихъ извлекается, и что, принимая во вниманіе другія обстоятельства, которыя не берутся въ разсчетъ вышеприведенной аргументаціей, они вполнѣ совмѣстимы съ существованіемъ дѣйствительной промышленной конкурренціи.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что для обезпеченія дѣйствительной промышленной конкурренціи—такой конкурренціи, которая устанавливливаетъ соотвѣтствіе между вознагражденіемъ и пожертвованіемъ — вовсе нѣтъ необходимости, чтобы каждая частица капитала, или каждый рабочій былъ во всякое время способенъ перейти въ любую отрасль производства. Достаточно, чтобы извѣстная доля и того и другого фактора, измѣняясь сообразно съ обстоятельствами, могла-бы перемѣщаться такимъ образомъ. Предположимъ, что какая-нибудь отрасль промышленности находится въ особенно цвѣтущемъ состояніи и даетъ бо́льшіе барыши, чѣмъ другія отрасли; для того, чтобы поправить такое неравенство нѣтъ надобности, чтобы вся промышленность страны приходила въ движеніе. Небольшаго перемѣщенія капитала и труда (небольшого по сравненію со всей совокупностью труда и капитала, занятаго въ какой-либо важной отрасли промышленности) будетъ совершенно достаточно для этой цѣли. Даже если непредвидѣнныя событія въ политическомъ или коммерческомъ мірѣ разстраиваютъ обычные разсчеты и даютъ огромныя преимущества какимъ-нибудь спеціальнымъ отраслямъ промышленности, — наприм., въ такихъ случаяхъ, какіе имѣли мѣсто въ желѣзнодорожной промышленности при ея возникновеніи, или въ полотняной про-

мышленности въ началѣ американской международной войны—и въ такихъ случаяхъ равновѣсіе между вознагражденіемъ и затратами всегда можетъ быть возстановлено, не въ одну минуту, конечно, но безъ особенно долгихъ проволочекъ, съ помощью дѣйствія труда и капитала, не помѣщенныхъ въ какое-нибудь промышленное предпріятіе, безо всякаго ущерба для остальной, уже помѣщенной доли запаса капитала и труда. Съ точки зрѣнія дѣйствительной промышленной конкурренціи, необходима только наличность въ обществѣ извѣстнаго количества незанятыхъ средствъ производства, которыми можно располагать и которыя могутъ быть перемѣщены въ болѣе выгодныя предпріятія; количество это должно быть настолько велико, чтобы быть въ состояніи поправлять возникающія неравенства. Мнѣ нетрудно будетъ показать, что это условіе во многихъ промышленныхъ обществахъ осуществляется въ полной мѣрѣ по отношенію къ капиталу, и въ меньшей степени, но также вполнѣ реально и дѣйствительно — и по отношенію къ труду.

Существованіе въ промышленныхъ странахъ большого количества капитала, которымъ можно свободно располагать—или, говоря проще, капитала въ формѣ денегъ или другой покупательной силы, способной быть направленной къ требуемой цѣли — представляетъ собою неоспоримый и никѣмъ не отрицаемый фактъ. Не менѣе вѣрно и то, что этотъ капиталъ постоянно ищетъ наилучшаго помѣщенія и быстро приливаетъ ко всякой отрасли промышленности, которая въ данное время представляетъ собою какія-либо особыя преимущества. Ясно также, что этотъ свободный капиталъ вполнѣ достаточенъ для того назначенія, которое мы имѣемъ теперь въ виду, а именно для того, чтобы сдѣлать конкурренцію между отдѣльными отраслями промышленности дѣйствительной, ибо мы видимъ, что часть его постоянно отливаетъ заграницу для помѣщенія въ иностранныхъ предпріятіяхъ, чего не было-бы, если-бы тотъ-же капиталъ могъ разсчитывать на хорошіе барыши въ предѣлахъ своей страны. Въ этомъ фондѣ мы имѣемъ, слѣдовательно, все, что намъ нужно для практически дѣйствительной конкурренціи, по скольку дѣло касается *одного* изъ факторовъ производства; и мы видимъ, что при этомъ не наносится никакого серьезнаго ущерба капиталу, уже занятому въ производствѣ. Но въ такой-ли мѣрѣ удовлетворяются эти условія по отношенію къ труду? Небольшое размышленіе покажетъ намъ, что въ извѣстныхъ предѣлахъ и при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, они удовлетворяются и здѣсь.

Здѣсь мы также имѣемъ свободный фондъ, который можетъ быть направляемъ въ разныя стороны, сообразно съ размѣромъ вознагражденія. Допустимъ, что трудъ, занятый въ какой-нибудь спеціальной отрасли производства, практически можетъ считаться прикрѣпленнымъ къ ней; но вѣдь не весь трудъ занятъ и прикрѣпленъ такимъ образомъ. Молодыя поколѣнія постоянно подростаютъ и ихъ способности могутъ разсматриваться какъ свободныя силы, которыя, по отношенію къ общей трудовой силѣ, выполняютъ туже функцію, какую исполняетъ капиталъ, существующій еще въ формѣ покупательной силы, по отношенію къ общему капиталу страны. Молодые люди, образующіе эту армію, или другіе, заинтересованные въ ихъ благополучіи, жадно слѣдятъ за положеніемъ различныхъ отраслей промышленности и не замед-

лятъ обратиться къ тѣмъ производствамъ, которыя обѣщаютъ наилучшее вознагражденіе. Личные вкусы, безъ сомнѣнія, будутъ оказывать нѣкоторое вліяніе на ихъ выборъ; но можно принять, что различія вкусовъ, при очень большой аренѣ дѣйствія, нейтрализируются другъ другомъ, и въ результатѣ остается постоянное тяготѣніе незанятаго труда къ наиболѣе выгоднымъ занятіямъ. Съ другой стороны, въ то время какъ на сценѣ появляются свѣжія рабочія силы, изношенныя рабочія силы сходятъ со сцены; и въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ вознагражденіе, по какимъ-бы то ни было причинамъ, упало ниже средняго уровня, число занятыхъ рабочихъ быстро падаетъ, до тѣхъ поръ пока предложеніе опять не вводится въ границы спроса и вознагражденіе не приводится къ своему нормальному размѣру. Такимъ образомъ, по отношенію къ труду, также какъ и по отношенію къ капиталу, условія для дѣйствительной конкурренціи существуютъ, не смотря на практическія затрудненія при перемѣщеніи труда, принаровившагося къ какому-либо спеціальному занятію, въ новыя области. Но, какъ я уже упоминалъ, въ данномъ случаѣ эти условія осуществляются несовершеннымъ образомъ и слѣдствіемъ этого являются нѣкоторыя ограниченія дѣйствія конкурренціи на трудовомъ рынкѣ, вызывающія соотвѣтствующія измѣненія въ цѣнности товаровъ. О природѣ этихъ ограниченій я и буду теперь говорить.

Я только что упомянулъ, что молодая рабочая сила, постоянно пополняющая собою рынокъ труда, можетъ быть сравниваема съ капиталомъ, въ то время, когда онъ еще находится въ формѣ покупательной силы и способенъ быть приложимымъ къ любому занятію, сообразно со степенью прибыльности послѣдняго. Но эта аналогія оказываетя неудачной въ одномъ очень важномъ отношеніи. Всякая доля этого незанятаго капитала можетъ быть обращена въ любое промышленное предпріятіе. Но каждая частица незанятаго труда, другими словами—каждый индивидуальный рабочій, можетъ выбирать себѣ занятіе только въ извѣстныхъ, довольно опредѣленныхъ границахъ. Эти границы устанавливаются спеціальными свойствами, потребными для каждаго рода труда, и подготовкой, необходимой для ихъ пріобрѣтенія. Возьмемъ какого-нибудь рабочаго, занятіе котораго еще не опредѣлено; смотря по обстоятельствамъ онъ будетъ имѣть болѣе узкое, или болѣе широкое поле для выбора; но поле это ни въ какомъ случаѣ не будетъ совпадать со всею областью національной промышленности. Если онъ принадлежитъ къ классу земледѣльческихъ рабочихъ, то всѣ формы простого, необученнаго труда открыты передъ нимъ, но за ихъ предѣлами онъ, практически, не можетъ принимать участія въ конкурренціи. Преградою являются его соціальное положеніе и условія, благодаря которымъ онъ получаетъ недостаточное образованіе, въ то время какъ средства его слишкомъ ограничены, чтобы позволить ему пополнить этотъ недостатокъ, или откладывать часть заработка для подготовки къ какому-нибудь „обученному“ труду. Поднимаясь ступенью выше по промышленной лѣстницѣ, къ классу ремесленниковъ, включая сюда и классъ мелкихъ торговцевъ, экономическое положеніе которыхъ очень сходно съ положеніемъ ремесленниковъ, мы видимъ, что здѣсь также въ извѣстныхъ предѣлахъ существуетъ полная свобода выбора, но за этими предѣлами—пра-

ктическая невозможность конкурренціи. Человѣкъ, который воспитывался къ тому, чтобы сдѣлаться обыкновеннымъ столяромъ, каменьщикомъ или кузнецомъ, можетъ посвятить себя одному изъ этихъ занятій, или сотнѣ другихъ, смотря по тому, куда его влекутъ личныя склонности, или перспектива хорошаго заработка; но фактически онъ не имѣетъ возможности конкуррировать въ высшихъ областяхъ обученнаго труда, для котораго требуются болѣе широкое образованіе и лучшая подготовка, какъ напримѣръ для техническихъ работъ. Поднявшись еще ступенью выше, опять очутимся лицомъ къ лицу съ тѣми-же ограниченіями: мы увидимъ лицъ, способныхъ работать въ любой изъ отраслей обученнаго труда, но практически исключенныхъ изъ либеральныхъ профессій. Правда, что ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ исключеніе не бываетъ абсолютнымъ. Налагаемыя ограниченія таковы, что они могутъ быть побѣждены необыкновенной энергіей, самоотреченіемъ и предпріимчивостью; и благодаря этимъ качествамъ отдѣльныя личности изъ всѣхъ классовъ общества ежедневно сбрасываютъ съ себя оковы своего первоначальнаго положенія и прокладываютъ себѣ путь въ ряды тѣхъ, которые стоятъ выше ихъ. Все это, безъ сомнѣнія, вѣрно. Но такія исключительныя явленія не вліяютъ на основную истинность нашего взгляда. Мы видимъ, что не все населеніе конкуррируетъ безразлично изъза всѣхъ профессій, а что эта конкурренція происходитъ только въ предѣлахъ отдѣльныхъ промышленныхъ слоевъ, какъ-бы наложенныхъ одинъ на другомъ; въ предѣлахъ каждаго слоя различные кандидаты дѣйствительно обладаютъ возможностью выбора, между тѣмъ какъ лица, находящіеся въ разныхъ слояхъ

практически изолированы другъ отъ друга и лишены возможности дѣйствительно конкуррировать. Можно, приблизительно, представить себѣ дѣло такимъ образомъ: внизу лѣстницы находится обширная группа необученныхъ, или почти необученныхъ рабочихъ, включая сюда и земледѣльческихъ рабочихъ, рабочихъ, занятыхъ въ разнообразныхъ мелкихъ производствахъ въ городѣ, или помогающихъ обученнымъ рабочимъ. За ними будетъ идти ремесленная группа, въ которую входятъ обученные рабочіе второго разряда—плотники, столяры, кузнецы, каменьщики, сапожники, портные, шляпочники и пр. и пр.; сюда-же можно включить и очень большой классъ низшихъ мелочныхъ торговцевъ, средства и положеніе которыхъ ставятъ ихъ въ предѣлы тѣхъ-же промышленныхъ условій, въ которыхъ находится и классъ ремесленниковъ. Третье мѣсто будутъ занимать производители и торговцы высшаго разряда, чей трудъ требуетъ спеціальныхъ знаній, которыми обладаютъ только люди съ порядочными средствами и извѣстнымъ уровнемъ образованія—напримѣръ, механики, химики, оптики, часовщики и другіе находящіеся на томъ-же промышленномъ уровнѣ, на которомъ находится также и высшій классъ мелочныхъ торговцевъ; за ними идетъ уже четвертый классъ, включающій въ себѣ лицъ, еще болѣе благопріятно обставленныхъ, которымъ предоставлено больше средствъ для обширнаго выбора. Эта группа обнимаетъ собою представителей такъ-наз. ученыхъ профессій, также какъ и лицъ, занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ искусства и науки и въ высшихъ отрасляхъ коммерческихъ предпріятій. Пусть читатель не думаетъ, что я предлагаю ему тутъ полную классификацію промышленнаго населенія. Я не имѣю въ ви-

ду ничего подобнаго, а хочу только въ самыхъ общихъ чертахъ опредѣлить ту форму, которую принимаетъ промышленная организація, при условіяхъ современной жизни; задача моя заключается въ томъ, чтобы придавая фактамъ конкретный образъ, помочь болѣе ясному пониманію ограниченій, налагаемыхъ соціальными условіями на свободную конкурренцію труда. Какъ я уже говорилъ выше, я далекъ отъ утвержденія, будто существуютъ рѣзкія разграничительныя линіи между какими-бы то ни было категоріями лицъ въ нашей странѣ. Безъ сомнѣнія, различные сословія и классы переходятъ другъ въ друга посредствомъ незамѣтныхъ различій, и отдѣльныя личности изъ всѣхъ классовъ общества постоянно подымаются или опускаются за предѣлы своего класса. Но несмотря на все это, остается справедливымъ, что средній рабочій, къ какому-бы разряду онъ ни принадлежалъ, находитъ свою способность къ конкурренціи ограниченной для практическихъ цѣлей извѣстнымъ родомъ занятій, т. е., какъ-бы ни было высоко вознагражденіе въ тѣхъ занятіяхъ, которыя лежатъ внѣ предѣловъ его класса, онъ не можетъ принимать въ нихъ никакого участія. Такимъ образомъ, мы должны признать существованіе не конкуррирующихъ промышленныхъ группъ; какъ одну изъ особенностей нашей соціальной организаціи, и этотъ фактъ я желаю особенно подчеркнуть здѣсь. Намъ остается еще разсмотрѣть, какимъ образомъ эта организація промышленности вліяетъ на дѣйствіе принципа стоимости производства.

Читатель вспомнитъ, что процессъ производства требуетъ двухъ отличныхъ другъ отъ друга, родовъ пожертвованій: пожертвованій капиталиста и пожертвованій рабочаго. Что касается перваго, то, какъ мы видѣли, конкурренція капитала является дѣйствительной въ каждой коммерческой странѣ, откуда слѣдуетъ, что та часть цѣнности товаровъ, которая идетъ на вознагражденіе пожертвованія капиталиста, и которая можетъ разсматриваться, какъ „фондъ прибыли“, въ предѣлахъ всей національной промышленности будетъ соотвѣтствовать той части стоимости, которая падаетъ на капиталиста. Отступленіе отъ закона стоимости происходитъ не здѣсь, а въ другой, большей части цѣнности товаровъ, которая идетъ на вознагражденіе рабочихъ. Сущность этого отступленія можетъ быть изображена слѣдующимъ образомъ: обмѣнъ всѣхъ продуктовъ, производимыхъ рабочими, принадлежащими къ одной и той-же промышленной группѣ, или конкуррирующему кругу, будетъ управляться принципомъ стоимости — это необходимо вытекаетъ изъ того факта, что конкурренція является дѣйствительной въ предѣлахъ такихъ группъ, или круговъ; но обмѣнъ товаровъ, производимыхъ рабочими, принадлежащими къ различнымъ группамъ, или конкуррирующимъ кругамъ, по противоположной причинѣ, не будетъ управляться этимъ принципомъ. Такимъ образомъ, всѣ продукты необученнаго труда будутъ обмѣниваться другъ съ другомъ пропорціонально ихъ стоимости; въ такой-же пропорціи будутъ обмѣниваться и продукты обыкновеннаго ремесленнаго труда *между собою*. Но послѣдніе уже не будутъ обмѣниваться съ первыми пропорціонально своимъ относительнымъ стоимостямъ, также какъ продукты ремесленнаго труда, или необученнаго труда не будутъ обмѣниваться пропорціонально своимъ стоимостямъ съ продуктами высшихъ промышленныхъ группъ. Цѣна деревяннаго стола

сравнительно съ цѣной простого замка̀ будетъ соотвѣтствовать пожертвованіямъ, дѣйствительно сдѣланнымъ ихъ производителями; тоже можно сказать и о цѣнѣ барометра и часовъ; но если мы сравнимъ цѣну какого-либо изъ послѣднихъ товаровъ съ цѣною какого-либо изъ первыхъ, то мы увидимъ, что это соотвѣтствіе уже не имѣетъ мѣста; цѣны барометра и часовъ будутъ гораздо выше ихъ относительной стоимости производства, чѣмъ цѣны деревяннаго стола и простого замка̀. Если этотъ фактъ вызоветъ сомнѣніе, то доказательство его можетъ быть найдено въ сравнительномъ вознагражденіи производителей различныхъ товаровъ. Какъ я уже говорилъ, это вознагражденіе извлекается изъ цѣнности каждаго товара; но въ то время какъ у рабочихъ, конкуррирующихъ другъ съ другомъ, вознагражденіе пропорціонально относительнымъ пожертвованіямъ,— оно не пропорціонально имъ въ томъ случаѣ, когда рабочіе не могутъ конкуррировать другъ съ другомъ. Въ результатѣ получается то, что принципъ стоимости производства контролируетъ мѣновую цѣнность при договорахъ, имѣющихъ мѣсто въ предѣлахъ извѣстныхъ, ограниченныхъ промышленныхъ областей; но дѣятельность его прекращается при взаимныхъ договорахъ между представителями различныхъ областей.

Таково главное видоизмѣненіе, претерпѣваемое принципомъ стоимости производства подъ вліяніемъ только-что изложенныхъ условій. Въ дѣйствительности-же вліяніе такого положенія вещей оказывается гораздо сложнѣе, чѣмъ можетъ показаться изъ только-что приведеннаго разсужденія, потому что въ этомъ разсужденіи мы не принимали въ разсчетъ того факта, что одинъ и тотъ-же товаръ является очень часто

продуктомъ труда рабочихъ, принадлежащихъ къ различнымъ промышленнымъ кругамъ. Напр. въ постройкѣ дома принимаютъ участіе каменьщики, плотники, маляры и др., которые всѣ входятъ въ составъ класса ремесленниковъ; но кромѣ того въ работѣ принимаютъ участіе и довольно большое число необученныхъ рабочихъ, стоящихъ ниже ремесленниковъ, а окончательная отдѣлка и украшеніе дома является дѣломъ рукъ обученныхъ рабочихъ, стоящихъ выше ремесленниковъ. Предположимъ теперь, что такого рода товаръ, являющійся произведеніемъ совмѣстныхъ усилій рабочихъ различныхъ разрядовъ, будетъ обмѣниваться на товаръ, произведенный одною какою-нибудь группою рабочихъ, или, нѣсколькими группами, но находящимися въ другихъ отношеніяхъ другъ къ другу, чѣмъ группы, строившія домъ — какимъ-же принципомъ будутъ въ такомъ случаѣ управляться мѣновая цѣнность, или, говоря проще, относительныя цѣны товаровъ? Очевидно, что на результатъ будутъ вліять нѣсколько принциповъ. Поскольку оба товара являются продуктами рабочихъ, конкуррирующихъ другъ съ другомъ, ихъ цѣнности будутъ опредѣляться стоимостью производства; но поскольку товары создаются рабочими не конкуррирующими другъ съ другомъ, цѣны ихъ будутъ опредѣляться другимъ принципомъ, о которомъ еще рѣчь впереди, и который опредѣляетъ нормальную цѣнность при отсутствіи конкурренціи. Предположивъ, что товаръ, съ которымъ сравнивается домъ, произведенъ какъ и домъ исключительно классомъ ремесленниковъ, мы найдемъ, что при опредѣленіи мѣнового отношенія главную роль будетъ играть принципъ стоимости; но это не было-бы вполнѣ такъ, если-бы часть дома, хотя-бы

и самая маленькая, была произведена рабочими, не конкуррирующими съ производителями сравниваемаго товара. Съ другой стороны, если-бы домъ сравнивался съ товаромъ, произведеннымъ или исключительно однимъ необученнымъ трудомъ, или исключительно трудомъ, стоящимъ на высшей ступени, чѣмъ ремесленный трудъ,—сравнительныя цѣнности опредѣлялись-бы, въ незначительной степени, закономъ стоимости производства, но, главнымъ образомъ, тѣмъ принципомъ, который господствуетъ при отсутствіи условій, обезпечивающихъ дѣйствіе закона стоимости. Этотъ примѣръ показываетъ намъ, какія усложненія возникаютъ при сравненіи цѣнностей различныхъ товаровъ при настоящихъ условіяхъ ихъ производства. И если мы вспомнимъ еще, что всѣ мануфактурные товары производятся изъ сырыхъ матерьяловъ, которые, въ свою очередь, являются продуктами рабочихъ, не конкуррирующихъ съ тѣми, которые заняты въ мануфактурномъ процессѣ, то мы увидимъ, какъ широко распространяются эти усложненія. Но не будемъ все-таки преувеличивать ихъ значенія. Несомнѣнно, что въ общемъ бо̀льшая часть цѣнности каждаго товара слѣдуетъ одному закону — закону стоимости, а небольшая часть цѣнности подчиняется другому закону. Такъ, возвращаясь къ прежнему примѣру, барометръ и часы въ значительной мѣрѣ являются продуктомъ рабочихъ высшаго порядка, находящихся въ промышленной конкурренціи другъ съ другомъ; въ незначительной мѣрѣ они являются продуктомъ рабочаго низшаго разряда; а съ другой стороны, деревянный столъ и простой замо̀къ главнымъ образомъ представляютъ собою продукты простого ремесленнаго труда, хотя, можетъ быть, въ незначительной степени въ производствѣ ихъ принимали также участіе рабочіе, не конкурирующіе съ ремесленниками. Но поскольку, впрочемъ, извѣстная часть труда, потраченнаго на барометръ, находится внѣ конкурренціи съ извѣстной частью труда, потраченнаго на производство часовъ, и поскольку тоже самое справедливо относительно труда, потраченнаго на производство другихъ предметовъ, о которыхъ шла рѣчь выше—постольку-же мы не имѣемъ права утверждать, что каждый изъ двухъ данныхъ товаровъ обмѣнивается между собою пропорціонально стоимостямъ производства. Тѣмъ не менѣе, наше утвержденіе остается по существу вѣрнымъ, такъ какъ бо̀льшая часть труда, можно даже почти сказать, весь трудъ, затрачиваемый на каждую пару товаровъ, удовлетворяетъ этому требованію, и этимъ опредѣляется соотвѣтственное отношеніе ихъ цѣнностей. Тоже самое справедливо и относительно большинства утвержденій такого рода. Строго говоря, мы рѣдко можемъ сказать, что цѣнности двухъ товаровъ цѣликомъ опредѣляются стоимостью ихъ производства; мы можемъ сказать только, что онѣ преимущественно, въ главныхъ своихъ элементахъ, опредѣляются ею. Но этотъ пунктъ имѣетъ только теоретическое значеніе. Въ теоріи нельзя не отмѣтить его, хотя онъ оказываетъ весьма мало вліяніе на факты обмѣна.

Мнѣ кажется, я уже достаточно выяснилъ, какимъ образомъ стоимость производства товаровъ регулируетъ ихъ цѣнность. Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что въ своемъ взглядѣ на элементы стоимости, такъ же, какъ и на дѣйствіе этого закона я разошелся съ общепринятой доктриной. Этотъ законъ обыкновенно разсматривается, какъ принципъ, *всегда* опредѣляю-

щій цѣнность въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ вообще оказываетъ какое-либо вліяніе на цѣнность, другими словами—опредѣляетъ цѣнность товаровъ извѣстнаго рода при *всякомъ обмѣнѣ*; т. ч., разъ извѣстны условія ихъ производства, то законъ ихъ цѣнности также предполагается извѣстнымъ, каковы-бы ни были условія производства товаровъ, на которые они обмѣниваются. Напр., обыкновенно считается, что цѣнность коленкора управляется стоимостью его производства, и это утверждается безъ всякаго соображенія о томъ, на какіе именно продукты коленкоръ будетъ обмѣненъ. Но если признать справедливыми только-что изложенныя соображенія, то такое пониманіе закона не можетъ быть правильнымъ. Мы видѣли выше, что товары имѣютъ тенденцію обмѣниваться пропорціонально стоимостямъ ихъ производства только постольку, *поскольку* существуетъ свободная конкурренція между производителями. Поэтому, обмѣнъ пропорціонально стоимости можетъ имѣть мѣсто только въ предѣлахъ данной области свободной конкурренціи; товаръ, произведенный при такомъ условіи, но обмѣниваемый на другой товаръ, произведенный рабочими, находящимися внѣ этой области, не будетъ уже обмѣниваться пропорціонально стоимости производства. Предположимъ, напр., что товары A, B, C, D, E, F производители которыхъ всѣ находятся въ конкурренціи другъ съ другомъ, обмѣниваются другъ съ другомъ; этотъ обмѣнъ будетъ происходить пропорціонально стоимостямъ. Товары X, J, Z также производятся рабочими, находящимися въ свободной конкурренціи другъ съ другомъ, но стоящими внѣ конкурренціи съ тѣми, которые произвели A, B, C, D, и пр.; поэтому цѣнности X, J, Z, при обмѣнѣ другъ съ другомъ, будутъ опредѣляться принципомъ стоимости. Но предположимъ теперь, что какой-либо товаръ изъ первой категоріи будетъ обмѣниваться на какой-либо товаръ изъ второй категоріи—въ этомъ случаѣ цѣнность уже не будетъ подчинена стоимости производства постольку, поскольку свободная конкурренція между производителями будетъ отсутствовать. Если читатель вспомнитъ, какъ мы описывали различныя неконкуррирующія группы, изъ которыхъ слагается наша промышленная система, онъ убѣдится, что послѣдній изъ предполагаемыхъ случаевъ обнимаетъ собою довольно значительную часть всѣхъ мѣновыхъ сдѣлокъ, которыя имѣютъ мѣсто въ такой странѣ, какъ Англія; и что поэтому дѣйствіе стоимости производства при регулированіи цѣнности никоимъ образомъ не можетъ считаться преобладающимъ, даже и въ предѣлахъ одной и той-же страны, какъ это предполагается господствующей доктриной. Одинъ и тотъ-же товаръ при нѣкоторыхъ мѣновыхъ сдѣлкахъ слѣдуетъ закону стоимости производства, а при другихъ — не слѣдуетъ; точно также нельзя сказать, чтобы цѣнность какого-либо товара при всѣхъ мѣновыхъ сдѣлкахъ соотвѣтствовала-бы принципу стоимости. Для этого послѣдняго нужно, чтобы между всѣми производителями въ области промышленности существовала свободная конкурренція, а мнѣ нечего говорить, что это условіе очень далеко отъ своего осуществленія гдѣ-бы то ни было. Итакъ, при надлежащемъ пониманіи, законъ стоимости представляетъ собою не законъ, управляющій цѣнностями всѣхъ классовъ товаровъ, а только законъ, управляющій цѣнностями извѣстнаго рода товаровъ, въ извѣстнаго рода мѣновыхъ сдѣлкахъ.

Въ предшествующей главѣ стоимость производства обсуждалась безъ отношенія къ составляющимъ ее элементамъ. Намъ не было надобности подробно останавливаться на этихъ элементахъ, пока мы были заняты установленіемъ общаго принципа; но теперь, доказавши этотъ принципъ, мы можемъ перейти къ анализу и характеристикѣ составныхъ элементовъ стоимости.

Для насъ не можетъ представить особенной трудности опредѣленіе основныхъ элементовъ стоимости производства, разъ мы ясно установили тотъ фактъ, что стоимость значитъ жертва, а не вознагражденіе, и поэтому стоимость производства заключается въ пожертвованіяхъ, входящихъ въ производство—въ актѣ, или актахъ, дѣлающихъ извѣстные предметы, доставляемые природой, приспособленными для человѣческихъ цѣлей, а не благодѣтельные результаты, или награды за такіе акты. Это пожертвованіе, какъ только промышленность вышла изъ своей самой примитивной стадіи, принимаетъ двѣ опредѣленныя формы—во-первыхъ, пожертвованіе, заключающееся въ физическихъ или умственныхъ дѣйствіяхъ, сопряженныхъ съ личнымъ участіемъ въ дѣлѣ производства, другими словами—пожертвованія трудомъ; во-вторыхъ, пожертвованія, заключающіяся въ доставленіи предварительныхъ матеріальныхъ средствъ для производства, или капитала—такая форма пожертвованій лучше всего можетъ быть обозначена терминомъ „воздержаніе“. Таковы главныя виды пожертвованій, входящихъ въ составъ производительной промышленности; но есть еще и третій видъ, а именно подверженность производителей извѣстнымъ опасностямъ, помимо обычныхъ, заранѣе извѣстныхъ, пожертвованій при работѣ. Это и называется „рискомъ“.

По существу дѣла нѣтъ никакой причины, почему-бы всѣ эти пожертвованія не дѣлались однимъ и тѣмъ-же лицомъ, другими словами—чтобы одно и тоже лицо было въ одно и тоже время и рабочимъ, и капиталистомъ, и также принимало на себя рискъ промышленныхъ операцій; и въ дѣйствительности это, въ большей или меньшей степени, имѣетъ мѣсто въ каждой странѣ, въ особенности въ тѣхъ странахъ, гдѣ преобладаетъ крестьянское хозяйство. Но въ Англіи, и въ неземледѣльческой промышленности большинства цивилизованныхъ странъ, пожертвованія трудомъ и воздержаніемъ въ большинствѣ случаевъ осуществляются двумя различными классами лицъ, которые соотвѣтственно этому и называются капиталистами и рабочими. Съ другой стороны, рискъ въ одинаковой степени ложится на оба эти класса производителей, хотя рискъ этотъ различнымъ образомъ затрогиваетъ каждаго изъ нихъ. Капиталистъ рискуетъ своимъ имуществомъ, а рабочій—своими физическими или умственными свойствами, или жизнью, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ рискъ является однимъ изъ элементовъ стоимости, такъ какъ онъ представляетъ собою настоящее пожертвованіе со стороны производителя, и слѣдовательно требуетъ соотвѣтственнаго вознагражденія въ цѣнности продукта.

Нашъ анализъ стоимости производства открываетъ, слѣдовательно, три главныхъ элемента ея, которые, можно сказать, являются и конечными элементами, неподлежащими дальнѣйшему анализу—трудъ, воздержаніе и рискъ, первый, при господствующей промышленной организаціи въ цивилизованныхъ странахъ, лежитъ на рабочемъ, въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, включающемъ въ категорію „рабочихъ“ всѣхъ, принимаю-

щихъ личное участіе въ дѣлѣ производства; второе, т.-е. воздержаніе, лежитъ на капиталистѣ, а третье, т.-е. рискъ, падаетъ одинаково и на капиталиста, и на рабочаго.

Для моей настоящей цѣли мнѣ достаточны будутъ нѣсколькихъ замѣчаній по поводу каждаго изъ этихъ элементовъ.

Разсматривая трудъ какъ одинъ изъ элементовъ стоимости производства, мы прежде всего должны замѣтить, что въ этомъ отношеніи слѣдуетъ принимать въ соображеніе три, и только три обстоятельства, а именно—продолжительность работы, степень ея трудности или непріятности и рискъ или возможность какихъ-либо поврежденій, сопряженныхъ съ нею. Такъ какъ товары гораздо больше отличаются другъ отъ друга по продолжительности времени, или количеству труда, потребнаго для ихъ производства, чѣмъ по трудности самой работы, или сопряженнаго съ нею риска, то первое обстоятельство, очевидно, является наиболѣе важнымъ, и Рикардо, въ своемъ анализѣ стоимости, только его и принималъ въ соображеніе; но въ этомъ отношеніи его разсужденіе было, очевидно, ошибочнымъ. Трудъ, употребляемый на производство различныхъ товаровъ, различается по своей тягостности, и по своей подверженности разнымъ несчастнымъ случаямъ, также какъ и по своей продолжительности и, при прочихъ равныхъ условіяхъ, чѣмъ труднѣе работа, и чѣмъ болѣе она сопряжена съ рискомъ, тѣмъ бо̀льшую жертву она влечетъ за собою, и слѣдовательно и тѣмъ бо̀льшую стоимость. Эта бо̀льшая стоимость будетъ требовать соотвѣтственнаго вознагражденія, которое, какъ и въ другихъ случаяхъ, можетъ быть извлечено только изъ цѣнности продукта. Товары, слѣдовательно, будутъ

обмѣниваться—если мы сосредоточимъ свое вниманіе только на трудовомъ элементѣ стоимости — не только пропорціонально продолжительности труда, затраченнаго на ихъ производство, но и пропорціонально трудности работы и сопряженному съ нею риску.

Если-же мы примемъ въ соображеніе продолжительность труда, его утомительность и рискъ, то мы установимъ всѣ обстоятельства, въ силу которыхъ трудъ является однимъ изъ элементовъ стоимости производства и дѣйствуетъ, черезъ ея посредство, на цѣнность товаровъ.

Читатель, вѣроятно, замѣтитъ, что въ только-что приведенномъ краткомъ анализѣ я не упоминалъ объ искусности труда, какъ одномъ изъ элементовъ стоимости производства. Многіе, безъ сомнѣнія, найдутъ, что я, опуская этотъ факторъ, опустилъ самое главное. Тѣмъ не менѣе, я буду утверждать, что искусность труда, взятая сама по себѣ, не входитъ въ составъ стоимости производства, и я прибавлю, что ни одинъ товаръ не будетъ дороже другого только въ силу искусства, затраченнаго на его производство. Сейчасъ я попытаюсь объяснить свой взглядъ. Я говорю, что искусность труда не есть элементъ стоимости, но она можетъ быть, и обыкновенно бываетъ, указаніемъ на нѣчто составляющее, одинъ изъ элементовъ стоимости, а именно—на жертвы, принесенныя, въ формѣ-ли труда, или воздержанія, для пріобрѣтенія этого искусства.

И вотъ, поскольку искусность является результатомъ такой жертвы, она, безъ сомнѣнія, представляетъ собою одинъ изъ элементовъ стоимости производства, но я, въ данномъ случаѣ, хочу обратить вниманіе на то, что прибавка, которая, такимъ образомъ, дѣлается къ стоимости производства, пропорціональна не степени

искусности, а жертвѣ, необходимой для пріобрѣтенія этой искусности. Въ дѣйствительности продукты (обученнаго, т.-е., искуснаго) труда по большей части обмѣниваются на продукты труда необученнаго въ пропорціи болѣе благопріятной для первыхъ, чѣмъ-бы это предписывалось закономъ стоимости производства въ томъ, какъ я его изложилъ. Но это не доказываетъ, что искусность труда является однимъ изъ элементовъ стоимости, ибо мы видимъ, что тамъ, гдѣ продукты обученнаго труда имѣютъ такую высокую мѣновую цѣнность, условія производства не тѣ, при которыхъ цѣнность опредѣляется стоимостью производства; другими словами—данный результатъ имѣетъ мѣсто лишь постольку, поскольку обученный трудъ пользуется монополіей. Если мы хотимъ найти доказательство безсилія искусности труда, какъ таковой, воздѣйствовать на цѣнность товаровъ, намъ достаточно взглянуть на очень низкія цѣны многихъ литературныхъ и научныхъ работъ очень высокаго достоинства по сравненію съ продуктами, требующими несравненно меньшей степени искусства. Выдающееся искусство, воплощенное въ этихъ работахъ, не мѣшаетъ имъ продаваться по цѣнѣ, стоящей далеко ниже ихъ стоимости производства, по сравненію съ цѣнами товаровъ, воплощающихъ въ себѣ другой разрядъ искусства; и если въ другихъ случаяхъ за продукты искусства назначаются цѣны гораздо высшія тѣхъ, какія предписывались-бы закономъ стоимости, то эти высшія цѣны обусловливаются не искусствомъ, воплощеннымъ въ продуктѣ, а обстоятельствами, которыя ограничиваютъ обладаніе этимъ искусствомъ небольшимъ числомъ лицъ, по сравненію со спросомъ на ихъ услуги.

Истинныя отношенія между искусностью труда и

цѣнностью могутъ быть выражены въ слѣдующихъ предложеніяхъ:

Вопервыхъ, искусство, какъ таковое, не оказываетъ вліянія на цѣнность; другими словами—товары не при какихъ условіяхъ не обмѣниваются другъ на друга пропорціонально степени искусства затраченнаго на ихъ производство. Во-вторыхъ, искусство, хотя само по себѣ и не вліяетъ на цѣнность, тѣмъ не менѣе косвенно воздѣйствуетъ на нее двоякимъ образомъ: во-первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда между производителями существуетъ конкурренція, черезъ посредство стоимости, которая должна быть затрачена на пріобрѣтеніе искусства; въ такихъ случаяхъ цѣнность продуктовъ искуснаго труда будетъ ceteris paribus превышать цѣнность продуктовъ неискуснаго труда на сумму нормальнаго вознагражденія за эту стоимость; и во-вторыхъ, при отсутствіи конкурренціи между производителями,—черезъ посредство принципа монополіи, ограничивая число конкуррентовъ въ занятіяхъ, требующихъ искусства, и такимъ образомъ воздѣйствуя на предложеніе продуктовъ искуснаго труда. Обоими этими путями искусность труда можетъ повышать цѣнность; но какъ искусство само по себѣ, т.-е. въ силу своего превосходства, измѣряемаго съ точки зрѣнія пользы, или артистическихъ достоинствъ, оно не въ силахъ достичь такого результата.

Существуетъ, впрочемъ, взглядъ, принимаемый нѣкоторыми экономистами, и чрезвычайно одобряемый тѣми людьми, которые стараются во всѣхъ отношеніяхъ оправдывать существующій промышленной строй — взглядъ, по которому искусство, какъ таковое, является источникомъ цѣнности, а высокія и низкія цѣны и заработная плата находятся въ зависимости отъ сте-

пени искусства, воплощаемаго въ трудѣ, или въ товарахъ. Напримѣръ, мы постоянно слышимъ, въ отвѣтъ на жалобы на низкую заработную плату въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, будто это такъ и должно быть, потому что трудъ, вознаграждаемый этой низкой заработной платой, имѣетъ мало цѣны, между тѣмъ какъ болѣе высокая заработная плата въ другихъ отрасляхъ промышленности объясняется большей цѣнностью услугъ рабочихъ, занятыхъ въ нихъ. Предприниматели, говорятъ намъ, не могутъ платить какому-либо классу рабочихъ болѣе цѣнности ихъ услугъ. Какое-же мѣрило „цѣнности труда“ принимается здѣсь? Повидимому возможны только два такихъ мѣрила: во-первыхъ, то, которое дается самимъ обмѣномъ, другими словами—„цѣнность“ какой-нибудь услуги можетъ измѣряться деньгами, которые за нее платятъ. Соотвѣтственно съ этимъ пониманіемъ „цѣнности“, утвержденіе, будто заработная плата бываетъ низка потому что услуги, оплачиваемыя ею, имѣютъ мало цѣнности, и высока, потому что оплачиваетъ болѣе цѣнныя услуги, означаетъ просто, что заработная плата бываетъ высока или низка, потому что она высока или низка—что̀ не особенно разъясняетъ вопросъ; а въ утвержденіи, будто предприниматели не могутъ платить рабочимъ болѣе того, чего стоятъ ихъ услуги, нехватаетъ съ формальной стороны исходнаго пункта, потому что—принимая во вниманіе что мѣриломъ цѣнности являются дѣйствительныя условія мѣновой сдѣлки—утвержденіе это сводится къ тому, что предприниматели не въ состояніи платить своимъ рабочимъ болѣе того, что они имъ въ дѣйствительности платятъ, что̀ именно и отрицается сторонниками этого взгляда. Въ дѣйствительности-же, хотя это и есть то мѣрило цѣнности, на которое вѣроятно сослались-бы сторонники тѣхъ взглядовъ, которые я теперь разсматриваю, въ ихъ воззрѣніяхъ заключается и нѣчто большее, а именно—идея, что промышленная цѣнность есть нѣчто измѣняющееся вмѣстѣ съ полезностью, воплощенною въ услугахъ, или, что̀ сводится почти къ тому-же самому, съ искусствомъ, производящимъ эту полезность. Именно такой смыслъ долженъ быть приданъ ихъ словамъ, если не считать ихъ простыми труизмами; но, понимаемыя въ этомъ смыслѣ, утвержденія ихъ лишены всякаго основанія. Не существуетъ никакой такой связи между заработной платой (понятно, что я говорю теперь о *сравнительной* заработной платѣ), и полезностью или искусствомъ труда, какъ предполагается здѣсь; точно также какъ подобная связь не можетъ быть установлена между этими качествами и цѣнами товаровъ. Заработная плата находится въ связи не съ полезностью или съ искусствомъ, а со стоимостью производства въ тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ конкурренція, а при отсутствіи конкурренціи—съ монополіей, болѣе или менѣе ограниченной, и дѣйствующей черезъ посредство спроса и предложенія. Возвращаясь къ прежнему вопросу, мы видимъ, что трудъ, какъ одинъ изъ элементовъ стоимости производства, измѣряется по отношенію къ тремъ—и только тремъ—своимъ свойствамъ: 1) продолжительности работы; 2) ея утомительности или непріятности и 3) риску, сопряженному съ нею. Въ какихъ-бы другихъ отношеніяхъ разныя отрасли труда не отличались между собою, если только эти особенности не являются указаніями на обременительность затрачиваемыхъ усилій, они не входятъ въ составъ трудового элемента стоимости, и

могутъ считаться безразличными по отношенію къ разсматриваемому теперь вопросу.

Терминъ „воздержаніе“ примѣняется къ пожертвованіямъ, заключающимся въ затратѣ капиталами. Что касается сущности этого пожертвованія, то оно имѣетъ чисто отрицательный характеръ, и состоитъ главнымъ образомъ, въ отказѣ, или временномъ отсрочиваніи наслажденія, выражающемся въ лишеніи богатства, поскольку дѣло идетъ о немедленномъ пользованіи имъ. Самый терминъ какъ-будто указываетъ на то, что это пожертвованіе чисто-отрицательное; но я склоненъ думать, что въ него входитъ и небольшой положительный элементъ, а именно—небольшая степень риска, которая неразлучна со всякой затратой капитала. Что извѣстная степень риска всегда сопутствуетъ разсматриваемому нами акту, очевидно изъ самаго существа дѣла, такъ какъ затрата капитала заключается или въ передачѣ своего богатства другимъ лицамъ, или, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно помѣщается самимъ владѣльцемъ въ какія-нибудь промышленныя предпріятія, въ обращеніи этого богатства, на время, въ виду будущихъ результатовъ, въ форму, неспособную служить для непосредственнаго удовлетворенія надобностей владѣльца. Я думаю, что этотъ небольшой и неизбѣжный рискъ, который всегда имѣется въ тѣхъ случаяхъ, когда воздержаніе преслѣдуетъ экономическія цѣли, удобнѣе разсматривать какъ одну изъ составныхъ частей этой жертвы, а не какъ одинъ изъ элементовъ стоимости, ассоціируемыхъ съ „рискомъ“, какъ я его опредѣлялъ выше. Соотвѣтственно такому пониманію, я опредѣляю „воздержаніе“ какъ актъ воздерживанія отъ личнаго пользованія богатствомъ съ цѣлью употребить его производительнымъ образомъ, причемъ

имѣется извѣстный рискъ, неизбѣжно сопряженный съ такимъ употребленіемъ богатства.

Опредѣливши, такимъ образомъ, сущность воздержанія, мы приходимъ къ вопросу: въ какой мѣрѣ оно можетъ разсматриваться какъ промышленная жертва, нуждающаяся, какъ въ стимулѣ для своего осуществленія въ спеціальной формѣ вознагражденія, и насколько оно можетъ быть координировано съ трудомъ при анализѣ пожертвованій производства. Слѣдуетъ признать, что связь капитала съ промышленностью не такая тѣсная, какъ связь съ промышленностью труда, такъ какъ капиталъ, хотя онъ и можетъ увеличивать успѣшность промышленности, все-таки не абсолютно необходимъ для нея. Мы, впрочемъ, будемъ разсматривать теперь не промышленность въ той формѣ, въ какой она можетъ существовать среди дикарей, или въ очень первобытныхъ обществахъ, а промышленность, какъ она существуетъ въ цивилизованныхъ странахъ, а для этой промышленности, капиталъ безусловно необходимъ. Если-же это такъ, то воздержаніе, т.-е. тотъ актъ, черезъ посредство котораго капиталъ получаетъ свое существованіе, долженъ разсматриваться какъ необходимое условіе для успѣшнаго осуществленія промышленной дѣятельности.

Но есть-ли оно, собственно говоря, жертва? жертва, которая нуждается, для своего совершенія, въ перспективѣ спеціальнаго вознагражденія? Или, ставя вопросъ въ другой формѣ: можетъ-ли прибыль быть поставлена въ одномъ ряду съ заработной платой при анализѣ экономіи производства? По отношенію къ экономической основѣ заработной платы, дѣло представляется вполнѣ яснымъ. Заработная плата необходима во-первыхъ для того, чтобы поддерживать

рабочаго, а во вторыхъ, въ свободномъ обществѣ, для того, чтобы побудить его работать. Капиталъ не нуждается въ томъ, чтобы его кормили и одѣвали, но, для того, чтобы онъ существовалъ, долженъ быть достаточный мотивъ, побуждающій владѣльцевъ богатства употреблять его такимъ образомъ. Въ настоящее время такимъ мотивомъ является надежда на прибыль; и вопросъ, который намъ предстоитъ разсмотрѣть, заключается въ томъ, возможно-ли сохраненіе капитала при уничтоженіи этого мотива. Нѣкоторые полагаютъ, что это возможно, что капиталъ можетъ существовать безъ всякаго вычета въ пользу капиталиста изъ цѣнности продукта, которая является результатомъ примѣненія капитала и которую они цѣликомъ желали-бы предоставить тѣмъ лицамъ, которыя принимаютъ личное участіе въ дѣлѣ производства. Правда, воздержаніе для богатыхъ людей рѣдко бываетъ сопряжено съ какими-либо болѣе или менѣе чувствительными лишеніями въ области обычнаго комфорта или роскоши, и еще менѣе въ области необходимаго, и поэтому можетъ считаться незначительной жертвой; но даже и въ томъ случаѣ, когда оно вызывается помѣщеніемъ капитала въ промышленности, оно, какъ мы знаемъ, сопряжено съ извѣстнымъ рискомъ, а рискъ, со своей стороны, является уже такой жертвой, которая не можетъ быть принесена безъ перспективы соотвѣтственнаго вознагражденія. И даже если мы признаемъ, что извѣстная часть богатства будетъ удерживаться отъ немедленнаго потребленія осторожными и добросовѣстными людьми, даже если будетъ уничтожено спеціальное вознагражденіе, которое теперь за это получается (потому что все-таки останется желаніе запастись для будущаго), то изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что то, что сохраняется такимъ образомъ, будетъ идти на поддержку производительной промышленности; можно даже сказать почти съ увѣренностью, что не таково было-бы назначеніе сберегаемаго капитала, потому что онъ съ меньшимъ рискомъ могъ-бы быть обращенъ въ золото или серебро и скопленъ въ видѣ сокровищъ. Слѣдовательно, даже и для тѣхъ, для которыхъ жертва воздержанія будетъ наиболѣе легкой, все-таки нужно спеціальное вознагражденіе, чтобы побудить ихъ къ этому. Но для тѣхъ, которые не причисляются къ классу богатыхъ, для обширнаго класса торговцевъ и производителей, поднимающихся вверхъ изъ рядовъ необученнаго труда, чьи соединенныя сбереженія поддерживаютъ капиталъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, воздержаніе является уже далеко не такимъ легкимъ, а всегда представляетъ собою серьезную, и часто очень трудную жертву. Устоять передъ искушеніемъ удовольствія въ настоящемъ и подавлять настоятельныя требованія момента часто является само по себѣ труднымъ испытаніемъ и требуетъ для своего осуществленія не малую силу характера; къ этому слѣдуетъ прибавить неизбѣжный рискъ, сопряженный со всякимъ промышленнымъ предпріятіемъ. Даже и при настоящемъ положеніи вещей, многіе находятъ это побужденіе слишкомъ слабымъ; но отнимите его, исключите перспективу выгодъ въ будущемъ, какъ награду за испытанія въ настоящемъ — и какія причины имѣете вы предполагать, что люди все-таки будутъ подвергаться этимъ испытаніямъ?

Такимъ образомъ, мы разсмотрѣли вопросъ о нормальной цѣнности, поскольку она регулируется принципомъ стоимости производства. Но, какъ я уже

говорилъ въ началѣ этой главы, нормальная цѣнность никоимъ образомъ не ограничивается тѣми случаями, въ которыхъ существуютъ условія, необходимыя для дѣйствія принципа стоимости производства. Сущность нормальной цѣнности, какъ я уже замѣтилъ, заключается въ тенденціи мѣновыхъ пропорцій товаровъ тяготѣть къ одной центральной точкѣ, и эта тенденція замѣчается также и въ тѣхъ областяхъ обмѣна, въ которыхъ отсутствуетъ конкурренція между обмѣнивающимися производителями. Самый важный примѣръ этого заключается въ международной торговлѣ: между производителями различныхъ націй, какъ капиталистами, такъ и рабочими, не существуетъ дѣйствительной конкурренціи, и слѣдовательно ничто не обезпечиваетъ въ различныхъ странахъ соотвѣтствія между промышленными жертвами и вознагражденіемъ, а слѣдовательно и соотвѣтствія между международными цѣнностями и стоимостью производства. Тѣмъ не менѣе, международныя цѣнности, или скажемъ—относительныя цѣны продуктовъ различныхъ націй не измѣняются случайно, независимо отъ всякихъ правилъ или мѣры, но обнаруживаютъ какъ разъ такую-же тенденцію тяготѣнія къ центральной точкѣ, какая проявляется въ тѣхъ мѣновыхъ сдѣлкахъ, которыя управляются стоимостью производства. Менѣе рѣзкій и, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ еще никѣмъ не отмѣченный примѣръ того-же рода, встрѣчается и во внутренней торговлѣ. Какъ я уже указывалъ, стоимость производства не повсемѣстно контролируетъ цѣнность даже и въ предѣлахъ каждой страны. Этотъ принципъ не дѣйствуетъ по отношенію къ значительному классу мѣновыхъ сдѣлокъ, а именно—всѣхъ тѣхъ, которыя заключаются между

тѣмъ, что я назвалъ не конкуррирующими группами. Тѣмъ не менѣе, мы наблюдаемъ и здѣсь, какъ и въ международной торговлѣ, явленіе нормальной цѣнности. Мѣновыя сдѣлки между не соперничающими группами — или, скажемъ, относительныя цѣны продуктовъ такихъ неконкуррирующихъ группъ,—хотя и не подчиненныя закону стоимости, не лишены контролирующей силы, которая сдерживаетъ ихъ колебанія и направляетъ ихъ къ нормальному результату. Это и есть то явленіе, съ которымъ намъ теперь придется имѣть дѣло; и намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть природу той силы, или тѣхъ силъ, которыя въ данномъ случаѣ вступаютъ въ дѣйствіе.

Къ счастью, эта задача была уже, по крайней мѣрѣ по существу, разрѣшена для насъ Миллемъ. Милль, правда, не примѣнилъ своего рѣшенія дальше чѣмъ къ международнымъ цѣнностямъ; но его доктрина, очевидно, приложима ко всѣмъ случаямъ, когда группы производителей, изъятыхъ изъ взаимной промышленной конкурренціи, обмѣниваютъ свои продукты. Такіе случаи, какъ я показалъ, наблюдаются и во внутренней торговлѣ при мѣновыхъ сдѣлкахъ между тѣми неконкуррирующими группами, о которыхъ я говорилъ. Слѣдовательно, принципъ, дѣйствующій въ международной торговлѣ, долженъ дѣйствовать и здѣсь; и остается сдѣлать лишь очень немногое, чтобы дополнить теорію этой части нашего предмета, кромѣ примѣненія доктрины Милля къ разсматриваемому случаю.

Доктрина эта вкратцѣ можетъ быть выражена такъ: международныя цѣнности управляются взаимнымъ спросомъ торгующихъ странъ на продукты другъ друга, или, говоря точнѣе, спросомъ каждой страны на про-

дукты всѣхъ остальныхъ странъ сравнительно со спросомъ всѣхъ другихъ странъ на производимые ею продукты; результатомъ этой игры силъ является то, что въ общемъ экспортъ каждой страны покрываетъ ея обязательства (изъ которыхъ главныя приходятся на счетъ ея импорта) по отношенію къ другимъ странамъ. Каковы-бы ни были въ различныхъ странахъ мѣновыя пропорціи, или скажемъ—каково-бы ни было состояніе относительныхъ цѣнъ, для того, чтобы произвести этотъ результатъ, эти мѣновыя пропорціи эти относительныя цѣны являются, въ этомъ случаѣ, нормальными, образуютъ центральную точку, къ которой тяготѣютъ въ своихъ колебаніяхъ международныя цѣны. Таковъ законъ, управляющій международными цѣнностями, который Милль назвалъ „уравненіемъ международнаго спроса“. Теперь намъ остается разсмотрѣть, какимъ образомъ этотъ принципъ дѣйствуетъ въ неконкуррирующихъ группахъ во внутренней торговлѣ.

Прежде всего, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать „взаимный спросъ“, въ примѣненіи къ несоперничающимъ промышленнымъ группамъ? Очевидно, по аналогіи съ международной торговлей, подъ этимъ спросомъ слѣдуетъ понимать спросъ каждой группы на продукты всѣхъ остальныхъ группъ, сравниваемый со спросомъ всѣхъ другихъ группъ на то, что эта группа производитъ. Но какимъ образомъ будемъ мы измѣрять этотъ спросъ? Опять таки въ соотвѣтствіи съ той-же самой аналогіей, количествомъ продуктовъ каждой группы, пригодныхъ для покупки продуктовъ другихъ группъ; въ то время какъ продукты другихъ группъ, пригодные для покупки продуктовъ данной группы, будутъ измѣрять собою ихъ спросъ на продукты этой группы. Наконецъ, какъ должны мы по-

нимать „уравненіе спроса“ въ примѣненіи къ неконкуррирующимъ группамъ? Опять-таки, слѣдуя аналогіи международной торговли, я скажу: какъ такое состояніе мѣновыхъ пропорцій между продуктами различныхъ группъ, или скажемъ—какъ такое состояніе относительныхъ цѣнъ этихъ продуктовъ, которое дастъ возможность той части продуктовъ каждой группы, которая предназначается на покупку продуктовъ всѣхъ другихъ группъ, покрыть обязательства этой группы по отношенію къ другимъ группамъ. Подобно тому какъ въ международной торговлѣ увеличеніе спроса на продукты другихъ странъ вліяетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, на международныя цѣнности, или, скажемъ—на относительныя цѣны продуктовъ различныхъ странъ, неблагопріятнымъ образомъ для страны, спросъ которыхъ увеличился, и подобно тому, какъ обратное условіе, т. е. увеличеніе спроса другихъ странъ на продукты данной страны, дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи;—тоже самое будетъ наблюдаться и въ обмѣнѣ между неконкуррирующими группами во внутренней торговлѣ. Что̀ бы ни увеличило спросъ данной группы на продукты извнѣ, т. е. на продукты неконкуррирующихъ отраслей промышленности, или (что̀ сводится къ тому-же самому), что̀ бы ни увеличило предложеніе продуктовъ данной группы, предназначенныхъ на покупку продуктовъ этихъ отраслей промышленности, все это будетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, понижать цѣны данныхъ продуктовъ сравнительно съ цѣнами продуктовъ тѣхъ отраслей промышленности, на которыя обмѣниваются продукты перваго рода и vice versa; и въ тоже время всякое увеличеніе спроса со стороны другихъ отраслей промышленности на продукты данной группы бу-

детъ оказывать обратное дѣйствіе и поднимать уровень цѣнъ этой группы по отношенію къ цѣнамъ не конкуррирующихъ группъ, съ которыми они обмѣниваются, и обратно. Съ коммерческой точки зрѣнія, на относительное положеніе каждой группы вліяетъ, слѣдовательно, какъ увеличеніе или уменьшеніе количества ея продуктовъ, не потребляемыхъ въ предѣлахъ ея самой, такъ и увеличеніе или уменьшеніе продуктовъ другихъ группъ, поскольку эти продукты предназначаются для покупки продуктовъ данной группы. Такова природа „взаимнаго спроса“ и его дѣйствіе на неконкуррирующія группы въ предѣлахъ внутренней торговли. Читатель легко замѣтитъ, что это просто спросъ и предложеніе, взятые дважды—сперва въ продажѣ, а потомъ въ покупкѣ: или скорѣе мы можемъ опредѣлить взаимный спросъ какъ спросъ и предложеніе, разсматриваемыя одновременно съ обѣихъ сторонъ совершившейся мѣновой сдѣлки.

Но, можетъ быть, не сразу станетъ понятнымъ, какимъ образомъ такого рода принципъ можетъ приводить къ приписываемому ему результату—т. е. установленію *нормальной* цѣнности, отличаемой отъ временной, или рыночной цѣнности. Какъ я уже замѣтилъ, взаимный спросъ является просто удвоеніемъ спроса и предложенія, разсматриваемыхъ въ ихъ полномъ значеніи; но спросъ и предложеніе по своему отношенію къ цѣнамъ являются просто ближайшими факторами, управляющими колебаніями рынка, но сами по себѣ они контролируются силами, глубже лежащими въ экономіи производства. Какимъ-же образомъ, въ разсматриваемыхъ нами случаяхъ, эти силы оказываются способными на гораздо большее, способными опредѣлять не только колебанія рынка,

но и правило, съ которымъ, въ общемъ, сообразуются колебанія рынка?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ обстоятельствахъ, которыя придаютъ устойчивость взаимному спросу въ томъ классѣ мѣновыхъ сдѣлокъ, который мы теперь разсматриваемъ. Взаимный спросъ, или, если читатель предпочитаетъ, спросъ и предложеніе по отношенію къ какому-либо отдѣльному товару, или даже къ значительному количеству товаровъ, можетъ, какъ мы знаемъ, претерпѣвать измѣненія всевозможныхъ степеней, и съ очень большой скоростью. Но если мы будемъ разсматривать спросъ и предложеніе по отношенію къ совокупности сдѣлокъ, заключаемыхъ между опредѣленными группами производителей,—напр., между независимыми націями, или неконкуррирующими промышленными группами—тогда мы будемъ имѣть случай совершенно другого рода, и колебанія въ этомъ случаѣ заключены въ очень тѣсныя границы, ибо мѣриломъ общаго спроса каждой торгующей группы будетъ общая сумма ея продуктовъ, а мѣриломъ ея спроса на продукты тѣхъ группъ, съ которыми она ведетъ торговлю, будетъ та часть общей суммы ея продуктовъ, которая предназначается на покупку продуктовъ этихъ группъ. При отсутствіи какихъ-либо крупныхъ перемѣнъ въ условіяхъ производительной промышленности, и спеціальнаго законодательства, ни общая сумма производства какой-либо группы, ни та часть ея продуктовъ, которая идетъ въ обмѣнъ на продукты другихъ группъ, не легко можетъ подвергнуться внезапному и серьозному измѣненію. Общая сумма производства зависитъ отъ природы и количества производительныхъ средствъ данной группы, а часть продуктовъ, употребляемая

на внѣшнюю торговлю, опредѣлится сравнительнымъ характеромъ производительныхъ средствъ данной группы и средствъ другихъ группъ, съ которыми первая ведетъ торговлю. Всѣ эти условія не могутъ разсматриваться какъ безусловно опредѣленныя и неизмѣнныя. Напротивъ, въ условіяхъ производительной промышленности въ большей части промышленнаго міра, замѣчался и до сихъ поръ замѣчается постоянный прогрессъ.

Но этотъ прогрессъ, не смотря на свою непрерывность, въ общемъ былъ медленный. Внезапныя измѣненія, по крайней мѣрѣ настолько сильныя, чтобы вліять на значительныя суммы сдѣлокъ, случаются рѣдко, и далѣе, въ тѣхъ случаяхъ, когда происходятъ важныя усовершенствованія въ производительной промышленности, онѣ рѣдко ограничиваются одной какой-нибудь группой, но, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, обыкновенно распространяются и на другія группы, такъ что относительныя положенія различныхъ торгующихъ группъ въ концѣ-концовъ мало затрогиваются ими.

Изъ этого слѣдуетъ, что спросъ такихъ группъ, какъ-бы онъ ни измѣнялся по отношенію къ извѣстнымъ товарамъ, въ цѣломъ не легко можетъ подпадать какимъ-либо крупнымъ или внезапнымъ измѣненіямъ, и въ тоже время взаимный спросъ этихъ группъ на взаимные продукты еще менѣе подверженъ крупнымъ и внезапнымъ измѣненіямъ. Здѣсь, слѣдовательно, мы находимъ условія, приспособленныя для достиженія той устойчивости въ мѣновыхъ отношеніяхъ, къ которой приложимъ терминъ „нормальная цѣнность“ Въ то время какъ цѣны отдѣльныхъ товаровъ могутъ колебаться въ неопредѣленныхъ предѣлахъ, какъ въ международной, такъ и во внутренней торговлѣ, этой возможности не существуетъ для цѣнъ тѣхъ совокупностей товаровъ, которые обмѣниваются опредѣленными группами производителей, каковы независимыя націи, или неконкуррирующія группы во внутренней торговлѣ. Предѣлы такихъ колебаній заключаются въ ограниченности покупательной силы, зависящей отъ ограниченности производительныхъ силъ, которыми въ каждое данное время располагаютъ торгующія группы. Такимъ образомъ возникаетъ нормальное отношеніе въ условіяхъ сдѣлокъ и образуется центръ, къ которому тяготѣютъ рыночныя колебанія; въ этомъ случаѣ взаимный спросъ исполняетъ туже функцію, которая, при господствѣ конкурренціи, выполняется принципомъ стоимости.

Итакъ, стоимость производства и взаимный спросъ, понимаемые такимъ образомъ, до извѣстной степени выполняютъ однородныя экономическія функціи. Теперь остается выяснить важное различіе въ ихъ образѣ дѣйствія и характерѣ достигаемыхъ ими результатовъ. Какъ я уже сказалъ, каждое изъ нихъ создаетъ центръ, къ которому тяготѣютъ рыночныя цѣны; но вотъ въ чемъ заключается разница между ними: центръ, образуемый стоимостью производства, относится къ колебаніямъ цѣнъ отдѣльныхъ товаровъ, между тѣмъ какъ центръ, создаваемый взаимнымъ спросомъ, опредѣляется средними колебаніями цѣнъ значительныхъ аггрегатовъ товаровъ. Пониженіе стоимости производства шляпы понизитъ ея цѣну, но не будетъ обнаруживать тенденціи къ пониженію цѣнъ другихъ товаровъ. Но измѣненіе во взаимномъ спросѣ двухъ націй будетъ воздѣйствовать не на цѣну какого-либо отдѣльнаго товара, но всѣхъ товаровъ, вхо-

дящихъ въ торговлю. Такое измѣненіе вызываетъ за собою измѣненіе *среднихъ* условій, на которыхъ ведется торговля; но оно нисколько не вліяетъ на частные случаи, изъ которыхъ слагается и поддерживается этотъ средній уровень. Эти частные случаи опредѣляются не международнымъ спросомъ, а тѣми обстоятельствами во внутренней промышленности каждой страны, которыя въ каждой изъ нихъ регулируютъ относительныя цѣны продуктовъ. И такимъ-же образомъ, при мѣновыхъ сдѣлкахъ между неконкуррирующими группами въ каждой странѣ, взаимный спросъ этихъ группъ опредѣляетъ средній относительный уровень цѣнъ внутри каждой группы, а распредѣленіе цѣнъ между отдѣльными продуктами регулируется тойже силою, которая управляетъ цѣнностью, а именно—стоимостью производства.

Итакъ, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: взаимный международный спросъ опредѣляетъ средній уровень цѣнъ во всей торговлѣ каждой промышленной страны по отношенію къ цѣнамъ, господствующимъ въ другихъ странахъ, находящихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ нею. Взаимный внутренній спросъ опредѣляетъ извѣстные меньшіе средніе уровни цѣнъ на продукты неконкуррирующихъ промышленныхъ группъ; между тѣмъ, какъ стоимость производства воздѣйствуетъ на отдѣльные товары и въ каждомъ случаѣ, въ предѣлахъ промышленной конкурренціи, опредѣляетъ относительныя цѣны. Слѣдовательно, дѣйствительная цѣна каждаго даннаго товара, представляетъ собою сложный результатъ комбинированной дѣятельности этихъ нѣсколькихъ факторовъ.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на другое различіе между взаимнымъ спросомъ и стоимостью производства по отношенію къ ихъ воздѣйствію на нормальную цѣнность. Первое, т. е. взаимный спросъ, является болѣе устойчивымъ и равномѣрнымъ въ своемъ дѣйствіи, чѣмъ второе. Причина этого ясна. Измѣненія въ стоимости производства зависятъ, главнымъ образомъ, отъ прогресса промышленныхъ искусствъ, который втеченіи нѣкотораго времени былъ необыкновенно быстръ, и есть основаніе предполагать, что онъ будетъ идти такимъ-же быстрымъ темпомъ еще долгое время. Поэтому, мы видимъ втеченіи настоящаго столѣтія огромное пониженіе стоимости производства значительной части предметовъ общаго потребленія, сопровождаемое соотвѣтственнымъ пониженіемъ ихъ цѣнности. Съ другой стороны, измѣненія во взаимномъ спросѣ обусловливаются, главнымъ образомъ, нравственными, соціальными и политическими причинами, достаточно могущественными, чтобы вліять на относительныя положенія значительныхъ общественныхъ группъ. Такія измѣненія, по необходимости, совершаются очень медленно; а слѣдовательно и измѣненія въ цѣнности, которыя проистекаютъ изъ нихъ, рѣдко имѣютъ поражающій характеръ, и, въ общемъ совершаются очень медленно, такъ что ихъ рѣдко можно даже замѣтить, если не сравнивать цѣны за періоды, отдѣленные другъ отъ друга значительными промежутками времени. Но эти измѣненія все-таки совершаются, и имъ соотвѣтствуютъ измѣненія въ международныхъ цѣнностяхъ, также какъ и въ соотвѣтственномъ классѣ цѣнностей во внутренней торговлѣ. Напр., я думаю, мы можемъ признать, что принятіе Англіей системы свободной торговли улучшило ея международное положеніе въ міровой торговлѣ. Я говорю не о расширеніи ея тор-

говли, которое, какъ извѣстно, было громаднымъ, а о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ совершается эта торговля. Теперь данное количество продуктовъ англійской промышленности, при обмѣнѣ на продукты иностранной промышленности, будетъ получать большее количество продуктовъ, чѣмъ раньше. Во внутренней торговлѣ наиболѣе могущественнымъ факторомъ, вліяющимъ на взаимный спросъ, является по всей вѣроятности, прогрессъ народнаго образованія. Предположимъ, напр., что система начальнаго образованія, введенная въ настоящее время въ Англіи, дѣйствительно, окажется такой успѣшной, какъ полагаютъ ея сторонники, и предположимъ, что она сдѣлаетъ многое для облегченія способнымъ мальчикамъ подняться изъ низшихъ въ высшія образовательныя сферы; я думаю, можно съ нѣкоторой увѣренностью предсказать, что это движеніе вызоветъ значительныя измѣненія въ сравнительныхъ цѣнахъ извѣстныхъ сортовъ товаровъ въ Англіи; намъ не трудно будетъ также предвидѣть, въ какомъ именно направленіи совершится эта перемѣна. Очевидно, она будетъ состоять въ увеличеніи количества обученныхъ рабочихъ по сравненію съ необученными, и очень искусныхъ рабочихъ по сравненію съ тѣми, которые обладаютъ меньшимъ искусствомъ. Соціальная стѣна, которая теперь раздѣляетъ не конкуррирующія группы, въ значительной степени будетъ сломлена и многіе изъ тѣхъ, которые стоятъ на низшихъ ступеняхъ, воспользуются образовавшейся брешью и проберутся выше. Результатомъ будетъ измѣненіе во взаимномъ спросѣ различныхъ группъ. Спросъ группъ, обнимающихъ собою высшіе роды промышленнаго искусства, возрастетъ по сравненію со спросомъ тѣхъ,

которые образуютъ низшіе роды; или, говоря другими словами, предложеніе продуктовъ первой группы возрастетъ по сравненію съ предложеніемъ продуктовъ второй группы. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого будетъ измѣненіе въ относительныхъ цѣнахъ продуктовъ; измѣненіе это будетъ неблагопріятно для высшихъ разрядовъ и въ такой-же степени благопріятно для низшихъ разрядовъ промышленнаго искусства. Предѣлы конкурренціи расширятся, и, соотвѣтственно съ этимъ, сравнительныя цѣны, а съ ними и сравнительная заработная плата будетъ болѣе, чѣмъ теперь, приноровляться къ закону стоимости. Мы можемъ иллюстрировать этотъ случай положеніемъ вещей въ колоніяхъ. Тамъ, въ зависимости отъ причинъ вполнѣ подобныхъ тѣмъ, какія здѣсь развиваются благодаря образовательному движенію, т. е. въ зависимости отъ равенства условій, господствующихъ среди промышленнаго населенія — болѣе грубые роды труда и низшіе сорта искусства не только абсолютно, но и по сравненію съ высшими разрядами, получаютъ высшее вознагражденіе чѣмъ у насъ. Объясняется это, какъ мы уже говорили, тѣмъ, что область конкурренціи тамъ шире, а вездѣ гдѣ она расширяется, цѣны и заработная плата болѣе точно воспроизводятъ дѣйствительныя пожертвованія, приносимыя производителями.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Рыночная цѣнность.

Сущность нормальной цѣнности была выяснена въ предыдущей главѣ. Какъ мы указывали, отношеніе, выражаемое нормальной цѣнностью, не есть по необходимости то, которое осуществляется въ каждомъ отдѣльномъ актѣ продажи, а то отношеніе, къ соотвѣтствію съ которымъ стремятся всѣ продажныя цѣны товаровъ, имѣющихъ нормальную цѣнность. Вопросъ, который мы еще должны разсмотрѣть, заключается въ томъ, что̀ управляетъ этими отдѣльными продажами? Каковы-же тѣ условія, которыя опредѣляютъ пропорцію, въ какихъ товары обмѣниваются другъ на друга при данныхъ условіяхъ и на данномъ рынкѣ? Короче говоря, въ чемъ заключается объясненіе рыночныхъ цѣнъ? Предполагается, что вопросъ этотъ, послѣ того какъ онъ былъ разрабатываемъ экономистами отъ Тюрго и Адама Смита до Милля, получилъ свое окончательное разрѣшеніе въ главѣ о „Спросѣ и предложеніи“ въ „Основахъ пол. эк.“ Милля. Но это разрѣшеніе недавно было оспариваемо Торнтономъ, и я долженъ сознаться, что по крайней мѣрѣ отрицательная часть его критики кажется мнѣ основательной. Что касается

до объясненія, которое онъ самъ предложилъ на мѣсто раскритикованнаго имъ, то, мнѣ кажется, оно не можетъ признаваться удовлетворительнымъ. По Торнтону, рыночныя цѣны зависятъ отъ конкурренціи, а про конкурренцію онъ говоритъ слѣдующее: „если можно привести ее въ зависимость отъ чего либо, то она зависитъ частью отъ индивидуальной необходимости, частью отъ индивидуальнаго усмотрѣнія; а такъ какъ для первой повидимому, а для второго очевидно не существуетъ никакого закона, то, слѣдовательно, и конкурренція не подчиняется никакому закону“. Но разъ нѣтъ закона конкурренціи, и разъ, какъ мы видѣли, конкурренція является причиной, опредѣляющей цѣны, то слѣдовательно, не можетъ быть и закона цѣнности. Однако, я не признаю, что „не существуетъ закона“ для индивидуальной необходимости, а также и того, что не существуетъ закона для „индивидуальнаго усмотрѣнія“, понимая законъ въ научномъ смыслѣ этого слова, который только и можетъ быть примѣнимъ къ политической экономіи, и потому я не могу согласиться съ выводомъ Торнтона, если-бы даже его анализъ конкурренціи былъ гораздо болѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ онъ есть, по моему мнѣнію. Съ своей стороны я полагаю, что можемъ-ли мы его открыть, или нѣтъ, но законъ рыночной цѣнности несомнѣнно существуетъ, подобно тому, какъ есть законъ нормальной цѣнности, законъ заработной платы, прибыли и ренты, подобно тому, какъ есть законы вѣтра, прилива и отлива, временъ года и другихъ явленій внѣшней природы — законъ, въ томъ единственномъ смыслѣ, въ какомъ онъ можетъ примѣняться къ внѣшнимъ объектамъ, а именно —

постоянство отношеній между фактами и производящими ихъ условіями.

Рыночная цѣна—я говорю здѣсь исключительно объ оптовой цѣнѣ—находится, какъ мы уже видѣли, въ связи со спросомъ и предложеніемъ; всѣ всегда признавали очевиднымъ, что увеличеніе предложенія имѣетъ тенденцію понижать цѣны, а увеличеніе спроса—подымать ихъ; но экономическое мышленіе долгое время не шло дальше этого нѣсколько грубаго обобщенія. Чтобы вывести то, что можетъ быть названо закономъ даннаго явленія, очевидно необходимо опредѣлить съ нѣкоторой точностью элементы, входящіе въ спросъ и предложеніе, когда они дѣйствуютъ на рыночныя цѣны, и то, какимъ образомъ оба эти фактора приводятъ къ данному результату. Другими словами, нужно опредѣлить спросъ и предложеніе и выяснить, въ чемъ заключается ихъ вліяніе. Адамъ Смитъ высказалъ слѣдующее мнѣніе по этому вопросу: „Рыночная цѣна каждаго отдѣльнаго товара регулируется отношеніемъ между количествомъ этого товара, доставляемаго на рынокъ, и спросомъ тѣхъ, кто согласенъ заплатить естественную цѣну товара и, или совокупную цѣнность ренты, труда и прибыли, которая должна быть возмѣщена для доставленія товара на рынокъ“ *).

Соотвѣтственно этому, подъ предложеніемъ слѣдуетъ понимать количество товаровъ, находящихся въ данное время на рынкѣ, а подъ спросомъ,—желаніе купить со стороны тѣхъ, которые готовы заплатить естественную или (какъ я говорю) нормальную цѣну; причемъ условія обмѣна на каждомъ

*) „Богатство Народовъ“, кн. I, гл. VII.

данномъ рынкѣ регулируются „пропорціей“ между этими двумя факторами. Каждый экономистъ знаетъ критику Милля на это опредѣленіе. Онъ говоритъ: „Эти фразы не удовлетворятъ никого, кто требуетъ ясныхъ идей и точнаго выраженія ихъ. Не можетъ не быть неясной фраза объ отношеніи между несоизмѣримыми вещами. Какое отношеніе можетъ существовать между количествомъ и желаніемъ, или даже желаніемъ, соединеннымъ съ извѣстною силой“. Эта критика обыкновенно признается всѣми; но, какъ я попытался показать въ одной изъ предшествующихъ главъ, она не убѣдительна. Въ дѣйствительности предложеніе (въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно вліяетъ на цѣны) представляетъ собою не просто извѣстное количество, а количество, связанное съ извѣстнымъ психическимъ актомъ; точно также, какъ спросъ не есть просто психическій моментъ, но психическій моментъ связанный съ извѣстнымъ количествомъ, а именно — количествомъ покупательной силы, которою располагаетъ покупатель; короче говоря, спросъ и предложеніе представляютъ собою по существу явленія одного порядка, явленія соизмѣримыя и поэтому между ними можетъ существовать извѣстное отношеніе.

Но хотя, какъ мнѣ кажется, доктрина Смита не поддается критикѣ Милля, ее не такъ легко будетъ защитить отъ другого рода возраженій. Не совсѣмъ ясно, въ какомъ смыслѣ Смитъ употребляетъ слово „рынокъ“—въ смыслѣ-ли абстрактнаго термина, обозначающаго всѣ мѣста, въ которыхъ продаются и покупаются товары, или-же обозначая имъ какое-нибудь одно изъ этихъ мѣстъ. Я, съ своей стороны,

склоненъ понимать его слова въ послѣднемъ смыслѣ, потому что, понимаемые въ первомъ смыслѣ, они врядъ-ли могли-бы удовлетворить требованіямъ той задачи, которую ему предстояло разсмотрѣть; и понимая слово рынокъ въ этомъ смыслѣ, слѣдуетъ заключить, что, по мнѣнію Смита, цѣна товара на каждомъ данномъ рынкѣ регулируется отношеніемъ между количествомъ его на рынкѣ и существующимъ на него спросомъ (въ вышеуказанномъ смыслѣ). При нѣкоторомъ вниманіи мы убѣдимся, что это утвержденіе фактически невѣрно. Цѣна хлѣба, напр., на данномъ рынкѣ не зависитъ (предполагая прочія условія неизмѣнными) отъ количества хлѣба, привезеннаго на рынокъ, понимая подъ этимъ весь тотъ хлѣбъ, который торговцы располагаютъ продать. Напр., часто случается, что извѣстія, получаемыя въ рыночное время о предложеніи даннаго товара въ какой-либо отдаленной части свѣта, вліяютъ на цѣны, хотя количество товара на данномъ рынкѣ осталось безъ измѣненія. И бывали случаи, когда внезапное измѣненіе погоды въ какой-нибудь критическій періодъ года, въ зависимости отъ предполагаемаго вліянія этого измѣненія на урожай, приводило къ такому-же результату. Очевидно, слѣдовательно, что предложеніе, являющееся однимъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ рыночную цѣну, представляетъ собою не только количество товара, имѣющагося въ наличности на какомъ-либо рынкѣ. Подобной-же критикѣ можно подвергнуть и Смитовское опредѣленіе спроса. Невѣрно, будто спросъ, являющійся другимъ факторомъ, опредѣляющимъ цѣны, необходимо представляетъ собою спросъ на товаръ по его естественной цѣнѣ.

Предположимъ, что продажная цѣна въ данное время и въ данномъ мѣстѣ будетъ выше естественной цѣны; тогда всѣ тѣ покупатели, которые откажутся отъ покупки товара по цѣнѣ, выше естественной, уже не будутъ вліять на цѣны; а съ другой стороны, предположивъ, что продажныя цѣны будутъ ниже естественныхъ, то на результатъ будетъ вліять всякій спросъ по низшей цѣнѣ, сравнительно съ нормальной, а именно всякій покупатель, согласный дать продажную цѣну, или какую-бы то ни было цѣну выше ея. Наконецъ, даже если-бы опредѣленія спроса и предложенія, данныя Смитомъ, удовлетворяли условіямъ настоящаго случая, что̀, какъ мы видѣли, въ дѣйствительности не имѣетъ мѣста, — все-таки утвержденіе, что рыночная цѣна регулируется „отношеніемъ“ между ними, между тѣмъ какъ сущность этого отношенія остается совершенно невыясненной, должно разсматриваться какъ слишкомъ неопредѣленное и неудовлетворяющее требованіямъ научной теоріи.

Я возвращаюсь теперь къ доктринѣ Милля о рыночныхъ цѣнахъ. Какъ я только-что сказалъ, эта доктрина была раскритикована Торнтономъ, и, какъ мнѣ кажется, раскритикована съ успѣхомъ; но я хочу противопоставить ей другого рода возраженіе. По мнѣнію Милля, спросъ измѣряется не количествомъ предлагаемой покупательной силы, а количествомъ товара, спрашиваемаго по продажной цѣнѣ на данномъ рынкѣ. И точно также предложеніе измѣряется количествомъ товара, предлагаемаго по продажной цѣнѣ. Понимая спросъ и предложеніе въ этомъ смыслѣ, Милль утверждаетъ, что дѣйствительная цѣна, господствующая на какомъ-либо рынкѣ, и есть та

цѣна, при которой спросъ и предложеніе уравниваются. Въ дѣйствительности-же можно указать, что̀ и было сдѣлано Торнтономъ, что спросъ на рынкѣ по продажной цѣнѣ можетъ превышать предложеніе, имѣющееся въ наличности; также какъ, съ другой стороны, предложеніе по продажной цѣнѣ можетъ превышать дѣйствительный спросъ. Въ обоихъ случаяхъ (тотъ или другой случай обыкновенно имѣетъ мѣсто почти на всѣхъ рынкахъ) спросъ и предложеніе не уравниваются. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, слѣдовательно, теорія Милля не даетъ объясненія рыночной цѣнѣ. Милль отвѣтилъ на это возраженіе указаніемъ на то, что количество товаровъ, которое осталось непроданнымъ, потому-ли, что обладатель его недоволенъ существующими цѣнами, или потому что онъ не можетъ найти достаточно покупателей по этой цѣнѣ, не можетъ уже считаться предложеніемъ:

„Когда нельзя получить болѣе 40 шил. за барана, то всѣ тѣ бараны, владѣтели которыхъ рѣшились не продавать ихъ дешевле 50 шил., этимъ самымъ изъемлются изъ рынка и не входятъ въ составъ того предложенія, которое опредѣляетъ цѣны. Эти бараны, можетъ быть, и предназначались для продажи, но теперь они взяты назадъ... Цѣна-же опредѣлялась безъ всякаго отношенія къ удержанному запасу товаровъ и опредѣлялась такимъ образомъ, что спросъ на товаръ по данной цѣнѣ соотвѣтствовалъ тому количеству товара, которое продавцы согласны были уступить по той-же цѣнѣ. Экономисты, которые утверждаютъ, что рыночная цѣна опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, не хотятъ этимъ сказать, что она опредѣляется всѣмъ предложеніемъ, которое могло-бы быть сдѣлано по неосуществимой цѣнѣ, или всѣмъ тѣмъ спросомъ,

который товаръ могъ-бы имѣть мѣсто по любой низкой цѣнѣ. Они понимаютъ это въ томъ смыслѣ, что, какова-бы ни была цѣна, она всегда будетъ такой, что спросъ на товаръ по данной цѣнѣ, и предложеніе его по этой цѣнѣ, будутъ уравновѣшиваться“ *).

Очевидно, что тѣ-же соображенія, которыя требуютъ ограниченія понятія предложенія тѣмъ количествомъ товара, которое въ дѣйствительности продается на рынкѣ, дѣлаютъ необходимымъ ограниченіе понятія спроса лишь тѣмъ желаніемъ купить, которое выражается въ дѣйствительныхъ покупкахъ; потому что иначе не можетъ быть увѣренности въ томъ, что спросъ не превзойдетъ предложенія. При такимъ объясненіи, нельзя отрицать, что положеніе Милля логически не уязвимо. Но, къ несчастію, тѣже ограниченія, которыя дѣлаютъ его логически неуязвимымъ, дѣлаютъ его въ то-же время и нестоющимъ защиты; потому что, понимаемая въ этомъ смыслѣ доктрина равенства спроса и предложенія, какъ условія рыночной цѣны, сводится къ простому тожеству. Количество спрашиваемаго и доставляемаго товара по рыночной цѣнѣ необходимо должны быть равны другъ другу, когда количество спрашиваемаго товара есть только другое названіе для купленнаго товара, и количество предлагаемаго товара — другое названіе для проданнаго. Они необходимо должны быть равны, потому что они изображаютъ собою одно и то-же количество. Доктрина Милля, ограничиваемая такъ, какъ онъ ее ограничиваетъ, несомнѣнно вѣрна; но вопросъ заключается въ томъ, насколько она освѣщаетъ явленіе, которое должна объяс-

*) Fortnightly Review, May. 1863. Критика Милля на „Трудъ“ Торитона.

нять? Можно-ли признать, что она устанавливаетъ законъ рыночныхъ цѣнъ? Мы хотимъ знать, какія обстоятельства опредѣляютъ цѣны; а намъ говорятъ, что продажная цѣна всегда бываетъ таковой, что количество товара проданнаго на данномъ рынкѣ, равняется количеству товара, купленному на немъ. Это утвержденіе не опровержимо, но я не вижу, какимъ образомъ оно можетъ помочь намъ въ пониманіи фактовъ. Далѣе, ограниченія, заключающіяся въ этой доктринѣ, сами по себѣ могутъ быть подвергнуты серьезной критикѣ. Въ только-что приведенной цитатѣ утверждается, что та часть предложенія, которая предназначается для будущей продажи, „не входитъ въ то предложеніе, которое опредѣляетъ цѣны“. Здѣсь можно сдѣлать нѣкоторое фактическое опроверженіе. Я утверждаю что, устанавливая рыночную цѣну, торговцы на рынкѣ принимаютъ въ соображеніе не только то количество товара, которое въ дѣйствительности продается, но и весь товаръ, находящійся на рынкѣ, также какъ и товары, которые могутъ быть получены со стороны. Въ этомъ пунктѣ я могу только обратиться къ фактамъ. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что то предложеніе, которое опредѣляетъ цѣну, включаетъ въ себя тѣ товары, которые не были проданы, точно также какъ и тѣ товары, которые были проданы, а спросъ — включаетъ въ себя какъ удовлетворенный, такъ и неудовлетворенный спросъ. Другими словами, спросъ и предложеніе внѣ рынка находятся въ числѣ условій, опредѣляющихъ рыночную цѣну. Но если это такъ, то доктрина Милля не только не разрѣшаетъ задачи рыночной цѣны, но даже не принимаетъ во вниманіе условій, которыя имѣютъ существенное значеніе при рѣшеніи ея. При та-

кихъ условіяхъ мнѣ, можетъ быть, простится попытка болѣе точнаго установленія фактовъ, управляющихъ даннымъ явленіемъ, чѣмъ то, которое дается общепринятой доктриной.

Для того, чтобы привести нашу теорію въ соотвѣтствіе съ фактами, мнѣ кажется слѣдуетъ придать словамъ „спросъ“ и „предложеніе“ гораздо болѣе широкій смыслъ, чѣмъ тотъ, который придается имъ въ формулахъ Смита и Милля. Подъ „предложеніемъ“, вліяющимъ на рыночныя цѣны, я понимаю нетолько количество проданнаго товара, или предлагаемаго къ продажѣ, или имѣющагося въ наличности на данномъ рынкѣ, но все количество товара, предназначаемаго къ продажѣ, гдѣ-бы оно ни находилось, разъ продавцамъ въ каждомъ данномъ рынкѣ извѣстно, что оно можетъ черезъ извѣстное время удовлетворить тотъ спросъ, который входитъ въ кругъ ихъ торговыхъ операцій; въ такомъ-же смыслѣ я понимаю и спросъ, т.-е. желаніе, поскольку оно сопровождается покупательной способностью, желаніе, существующее гдѣ-бы то ни было, покупки товара, которое, по мнѣнію торговцевъ даннаго рынка, можетъ быть удовлетворено въ предѣлахъ извѣстнаго времени доступнымъ предложеніемъ; причемъ предѣлы времени въ каждомъ данномъ случаѣ представляютъ собою періодъ, протекающій между даннымъ моментомъ и тѣмъ временемъ, когда при обычныхъ условіяхъ производства появится новое предложеніе товара. Я далекъ отъ мысли, что эти опредѣленія вполнѣ охватываютъ свой предметъ, и что не могутъ быть отысканы случаи вліянія спроса и предложенія на цѣны, которые не подойдутъ подъ мое опредѣленіе; но я думаю, что оно обнимаетъ собою наиболѣе важныя условія, опредѣляющія результатъ, и я увѣ-

ряю, что никакое, менѣе широкое опредѣленіе не будетъ достаточно для даннаго случая.

Понимая такимъ образомъ спросъ и предложеніе въ только-что указанномъ смыслѣ, какъ факторы, совмѣстно производящіе данное явленіе, мы приступимъ теперь къ разсмотрѣнію ихъ дѣятельности. Очевидно, что эта дѣятельность можетъ быть только производной, такъ какъ цѣна выражаетъ собою договоръ между человѣческими существами, воля которыхъ, слѣдовательно, образуетъ первичное звено въ причинной цѣпи. Какъ мы видѣли, по мнѣнію Ад. Смита, которое, вѣроятно, и до сихъ поръ остается господствующимъ, результатъ регулируется „отношеніемъ“ между спросомъ и предложеніемъ; это отношеніе, какъ предполагается, производитъ свое дѣйствіе черезъ посредство лицъ, принимающихъ участіе въ обмѣнѣ. Я уже изложилъ причины, заставляющія меня разсматривать спросъ и предложеніе какъ идеи одного порядка, между которыми, слѣдовательно, можетъ существовать извѣстное отношеніе. Но чтобы сдѣлать доктрину Ад. Смита приспособленной для ея назначенія, мы не только должны предположить существованіе извѣстныхъ отношеній между спросомъ и предложеніемъ, но также и существованіе извѣстной постоянной пропорціональности между этимъ отношеніемъ и рыночной цѣною, такъ что, зная эту пропорціональность въ какомъ-либо одномъ случаѣ, мы были-бы въ состояніи предсказать, какова будетъ цѣна при всякомъ измѣненіи условій рынка. Но мнѣ кажется, что это совершенно немыслимо. Во всякомъ случаѣ можно доказать, что подобная формула, если-бы возможно было установить ее, должна быть различной для каждаго рода товаровъ и мѣняться со всякимъ измѣненіемъ въ количествѣ или распредѣленіи

покупательной силы въ обществѣ. Такъ, измѣненіе въ предложеніи какого-нибудь предмета необходимости, какъ уже часто указывалось, производитъ гораздо большее дѣйствіе на цѣны, чѣмъ въ пропорціи къ размѣрамъ самаго измѣненія. Напр., сокращеніе запаса пищи на одну четверть, или на одну треть легко можетъ вызвать двойное, или даже тройное повышеніе цѣны; между тѣмъ какъ такое-же измѣненіе въ предложеніи какого-нибудь предмета комфорта или удобства, безъ котораго легко можно обойтись, но который при большей дешевизнѣ быстро привлекаетъ къ себѣ покупателей, обыкновенно сопровождается гораздо менѣе замѣтными измѣненіями въ цѣнѣ. И, какъ я уже говорилъ, эти результаты далѣе видоизмѣнялись-бы каждымъ измѣненіемъ въ количествѣ, или въ распредѣленіи наличной покупательной силы. По этимъ причинамъ мнѣ кажется, что идея пропорціональности, будтобы дающей ключъ къ вопросу о связи спроса и предложенія съ рыночной цѣной, должна быть оставлена, хотя-бы на основаніи невозможности опредѣлить эту пропорціональность, и что, вмѣсто количественной формулы, мы должны удовлетвориться приблизительно—точнымъ описаніемъ.

Разсмотримъ теперь обстоятельства, при которыхъ опредѣляется продажная цѣна на любомъ оптовомъ рынкѣ. Предположимъ, что товаръ, о которомъ идетъ рѣчь, будетъ хлѣбъ. Покупатель идетъ на рынокъ, предварительно получивши изо всѣхъ доступныхъ ему источниковъ нужныя свѣдѣнія относительно запаса хлѣба въ странѣ, или могущаго, втеченіе извѣстнаго періода времени быть подвезеннымъ изъ-заграницы. Онъ также ознакомился со спросомъ на обыкновенное потребленіе, поскольку оно соприкасается съ его торговыми опе-

раціями. На этихъ основаніяхъ онъ составляетъ себѣ мнѣніе относительно того, какова должна была-бы быть цѣна хлѣба. Но это мнѣніе не вполнѣ опредѣленное. Оно можетъ быть въ большей или меньшей степени видоизмѣнено господствующими на рынкѣ мнѣніями. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ соображеній онъ приходитъ къ выводу относительно цѣны, которую онъ готовъ будетъ заплатить скорѣе, чѣмъ обойтись безъ товара, желая въ тоже время купить его по возможности дешевле. Продавецъ хлѣба проходитъ черезъ подобный-же процессъ, но, конечно, имѣя въ виду противоположную цѣль. Онъ собираетъ такія-же свѣдѣнія всѣми доступными ему путями. Предположимъ, онъ придетъ къ тому выводу, что спросъ, въ томъ смыслѣ, какъ я опредѣлилъ его, можетъ покрыть собою предложеніе, тоже въ томъ смыслѣ, какъ я опредѣлилъ его, по цѣнѣ высшей, чѣмъ та, которая явилась результатомъ вычисленія покупателя; при такихъ условіяхъ сдѣлка между ними не могла-бы состояться; и если-бы ихъ мнѣнія были-бы господствующими среди всѣхъ покупателей, и продавцовъ на рынкѣ, то на этомъ рынкѣ никакія сдѣлки не могли-бы имѣть мѣста. Это, разумѣется, случается очень рѣдко, или даже никогда. Покупатели и продавцы того-же города, или того-же рынка, пользуясь большей частью одними и тѣми-же источниками для полученія свѣдѣній, въ общемъ не могутъ особенно расходиться въ своихъ оцѣнкахъ спроса и предложенія; а тамъ, гдѣ между ними возникаютъ небольшія разногласія на этотъ счетъ, они обыкновенно приходятъ къ какому-нибудь соглашенію, причемъ окончательная цѣна, которая устанавливается на рынкѣ, всегда въ извѣстной степени зависитъ отъ стойкости и ловкости отдѣльныхъ лицъ. Это и есть то,

что называется „торговаться на рынкѣ“ — процессъ, отъ котораго зависитъ конечный результатъ—окончательная цѣна товара, въ извѣстныхъ узкихъ предѣлахъ.

Вліяніе спроса и предложенія на рыночную цѣну такимъ образомъ обнаруживается черезъ посредство мнѣній торговцевъ на этомъ рынкѣ; и задача, которую должны рѣшить торговцы, составляя свои мнѣнія, заключается въ томъ, чтобы, принимая во вниманіе извѣстныя условія даннаго случая, установить, какова-бы должна быть цѣна товара. Постараемся опредѣлить съ возможною точностью сущность этой проблемы, представляющейся покупателямъ и продавцамъ на оптовомъ рынкѣ. Я убѣжденъ, что большинство изъ тѣхъ, которые свободно разсуждаютъ о томъ, что цѣны, господствующія на рынкѣ „слишкомъ высоки“, или „слишкомъ низки“, или „таковы, какъ онѣ должны быть“, затруднились-бы, въ случаѣ надобности, объяснить значеніе своихъ словъ; тѣмъ не менѣе, я думаю, что эти слова обозначаютъ собою извѣстныя, можетъ быть не ясно сознанныя идеи въ умѣ тѣхъ, кто ихъ произноситъ. Какъ-бы то ни было, во всякомъ случаѣ можно показать, что на каждомъ рынкѣ существуетъ извѣстная цѣна, по которой было-бы наиболѣе желательно продавать товары въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, каковы-бы эти товары ни были; наиболѣе желательно въ интересахъ потребителей, но въ извѣстномъ смыслѣ также и въ интересахъ торговцевъ,—покупателей и продавцевъ вмѣстѣ взятыхъ; цѣна эта устанавливается соединенной дѣятельностью и тѣхъ, и другихъ, поскольку они хорошо освѣдомлены относительно условій спроса и предложенія. Чтобы удостовѣриться въ этомъ,

достаточно вспомнить, что при всякомъ положеніи спроса и предложенія всегда существуетъ извѣстная цѣна, за предѣлами которой, въ случаѣ повышенія цѣнъ, потребленіе ненужнымъ образомъ сокращается, и запасы товаровъ въ странѣ расходуются медленнѣе, чѣмъ нужно; за тѣмъ эта ошибка выясняется, конкурренція между торговцами товара усиливается и приводитъ къ пониженію цѣны, для того, чтобы вернуть потребленію его прежнюю интенсивность. Съ другой стороны, предположивъ, что рыночная цѣна была назначена слишкомъ низкой и запасы товаровъ исчерпываются слишкомъ быстро,—это пониженіе точно также будетъ возмѣщено соотвѣтствующимъ повышеніемъ цѣнъ въ послѣдующій періодъ. Такія колебанія не соотвѣтствуютъ интересамъ потребителей, и слѣдовательно та цѣна, которая дѣлаетъ ихъ ненужными, которая достаточна, и не болѣе чѣмъ достаточна для того, чтобы покрыть все существующее предложеніе, съ такой прибавкой, которая требуется чтобы вызвать, въ размѣрахъ, требуемыхъ рынкомъ, приливъ новаго предложенія,—такая цѣна, я думаю, можетъ быть обозначена какъ „надлежащая цѣна“ на рынкѣ. Это и есть та цѣна, кажется мнѣ, которую торговцы смутно имѣютъ въ виду, говоря о томъ, что цѣны „слишкомъ низки“, или „слишкомъ высоки“, или „таковы, какъ должны быть“. Я опредѣлилъ-бы ее какъ цѣну, которая достаточна для того, чтобы наиболѣе выгоднымъ образомъ привести существующее предложеніе въ соотвѣтствіе съ существующимъ спросомъ, имѣя въ виду появленіе новыхъ запасовъ изъ источниковъ производства.

Я выяснилъ теперь, надѣюсь, что при данномъ положеніи спроса и предложенія существуетъ извѣстная

рыночная цѣна, которая отождествляется съ интересомъ потребителя; при этомъ я замѣтилъ вскользь, что эта цѣна не въ меньшей степени удовлетворяетъ и истиннымъ интересамъ торговцевъ. Теперь остается подробнѣе выяснить, какимъ образомъ она входитъ въ область спекуляцій этихъ послѣднихъ и дѣлается пунктомъ, къ которому стремятся всѣ ихъ операціи; такъ какъ только въ такомъ случаѣ на оптовомъ рынкѣ обнаружится тенденція къ тому, что я назвалъ „надлежащей цѣной“. Покупатель, какъ мы знаемъ, стремится купить по возможности дешевле, а продавецъ продаетъ по возможности дороже; но при этомъ, въ интересахъ обоихъ, имъ нужно знать цѣну, съ предѣлами которой они — покупатель въ одномъ направленіи, а продавецъ въ другомъ— не могутъ заключить сдѣлки безъ ущерба для себя; а это и есть та цѣна, которая отождествляется съ интересами потребителя. Потому, что, какъ мы видѣли, если цѣна поднимается выше этого пункта, потребленіе задерживается, товары скопляются, и паденіе цѣнъ является необходимымъ, къ невыгодѣ всѣхъ торговцевъ *которые уже закупили товаръ по повышенной цѣнѣ*; а съ другой стороны, если цѣна падаетъ ниже этого пункта, результатомъ является повышеніе цѣны въ будущемъ, къ невыгодѣ всѣхъ, которые продали по господствовавшей пониженной цѣнѣ. Очевидно, слѣдовательно, что торговцы заинтересованы въ знаніи „настоящей цѣны“ на рынкѣ, и далѣе, очевидно, что къ этому и направлены соединенныя усилія продавцевъ и покупателей, поскольку они хорошо освѣдомлены относительно условій спроса и предложенія. Торговцы, преслѣдуя только свои интересы, безсознательно исполняютъ для общества чрезвычай-

но важную службу—службу, которую епископъ Уэтли такъ удачно сравнилъ со службою капитана на кораблѣ, распредѣляющаго пищу своему экипажу, принимая въ соображеніе запасъ провизіи, находящійся въ его распоряженіи и предполагаемую продолжительность путешествія. Такова тенденція рыночныхъ спекуляцій, и успѣхъ достигается въ зависимости отъ интеллигентности и знанія тѣхъ, которые ими занимаются; и таковы причины, на основаніи которыхъ можетъ быть оправдываема свобода коммерческой спекуляціи. Конечно, при этомъ часто случаются ошибки, и очень серьозныя ошибки; тогда мы имѣемъ реакцію—колебанія цѣнъ, и, быть можетъ, коммерческіе кризисы. Но при всѣхъ обстоятельствахъ рыночная цѣна опредѣляется мнѣніемъ торговцевъ на рынкѣ, основанномъ на ихъ знаніи спроса и предложенія—торговцевъ, преслѣдующихъ свои интересы при обстоятельствахъ, которыя, соотвѣтственно ихъ интеллигентности, и знаніямъ, благопріятствуютъ установленію „надлежащей рыночной цѣны“.

Все предшествующее изложеніе представляетъ собою приблизительно наиболѣе точное опредѣленіе рыночной цѣны, какое я могу дать. Я легко могу представить, какимъ неудовлетворительнымъ оно покажется нѣкоторымъ экономистамъ, которые задаются гораздо болѣе честолюбивыми замыслами по отношенію къ нашей наукѣ, чѣмъ я, и которые, повидимому, не оставляютъ надежды на то, что мы въ скоромъ времени установимъ экономическіе принципы, выраженные въ числовыхъ формулахъ. Я нисколько не отрицаю, что такое завершеніе науки было-бы крайне желательно, если-бы только оно было согласно съ истиной; хотя, признаюсь, я не надѣюсь

быть свидѣтелемъ его; и я не могу не думать, что, каковы бы ни были результаты въ другихъ случаяхъ, по отношенію къ рыночной цѣнѣ можно съ увѣренностью сказать, что научная игра не стоитъ свѣчъ. Дѣйствительно, вопросы, касающіеся рыночной цѣны, въ отличіе отъ нормальной, принадлежатъ къ такимъ, которые не часто встрѣчаются намъ въ области экономической или соціальной спекуляціи. Обстоятельства, управляющія нормальными цѣнами, регулирующія относительныя пропорціи, соотвѣтственно которымъ различные классы товаровъ *обыкновенно* обмѣниваются другъ съ другомъ, заставляющія цѣны нѣкоторыхъ изъ наиболѣе важныхъ предметовъ потребленія быть *постоянно выше* въ однѣхъ странахъ, чѣмъ другихъ — таковы вопросы, имѣющіе самое близкое отношеніе къ нѣкоторымъ наиболѣе важнымъ явленіямъ благосостоянія всей націи и отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Но самое точное опредѣленіе тѣхъ условій, которыя устанавливаютъ ходячую цѣну на данномъ рынкѣ, въ данный день, и которыя управляютъ колебаніями рынка со дня на день — какое-бы значеніе не имѣли такія свѣдѣнія для практическихъ торговцевъ и спекулянтовъ,—насколько я могу судить, оказываютъ лишь слабое содѣйствіе при рѣшеніи какого-либо вопроса, имѣющаго значительный или постоянный интересъ. Я не думаю поэтому, что неполнота и несовершенство, которыя достаточно очевидны въ этомъ отдѣлѣ экономической науки, должны быть предметомъ особыхъ сожалѣній. По отношенію къ доктринѣ рыночной цѣны мнѣ кажется, что для задачъ соціальной философіи совершенно достаточно, если мы будемъ въ состояніи установить въ общихъ чертахъ связь между колебаніями рынка

и болѣе общими условіями, отъ которыхъ зависятъ производство и обмѣнъ. И я осмѣливаюсь думать, что этому условію удовлетворяетъ установленная мною теорія.

Предшествующее разсужденіе ограничивалось исключительно вопросомъ оптовыхъ цѣнъ на рынкѣ; теперь намъ остается разсмотрѣть розничныя цѣны, но это не займетъ у насъ много времени. Установленіе цѣнъ въ розничной продажи отличается отъ установленія оптовыхъ цѣнъ главнымъ образомъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) конкурренція на розничныхъ рынкахъ ведется при условіяхъ бо̀льшаго тренія, чѣмъ то, которое существуетъ на оптовыхъ рынкахъ. На оптовомъ рынкѣ покупатели и продавцы встрѣчаются въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, доставляя такимъ образомъ другъ другу возможность сразу и непосредственно сравнивать условія, при которыхъ они расположены заключить сдѣлку. Въ розничной продажѣ дѣло происходитъ иначе. На каждомъ мѣстѣ продажи есть только одинъ продавецъ; и хотя возможно сравнить его цѣны съ цѣнами, спрашиваемыми другими торговцами, это сравненіе не всегда можетъ быть сдѣлано въ ту-же минуту и можетъ повлечь за собою большія неудобства и задержку покупки. Покупатель часто находитъ для себя болѣе удобнымъ положиться на слова даннаго торговца относительно правильности спрашиваемой имъ цѣны, чѣмъ провѣрять эту цѣну, справляясь въ другихъ лавкахъ. Возможно, что если цѣна, запрашиваемая торговцемъ будетъ слишкомъ высока, покупатель во-время пойметъ это и перейдетъ къ болѣе дешевому мѣсту продажи. Это указываетъ на то, что

конкурренція не бездѣйствуетъ въ розничной продажѣ, но указываетъ также и на то треніе, при которомъ ей приходится дѣйствовать, и помогаетъ объяснить различіе цѣнъ, по которымъ одинъ и тотъ-же товаръ зачастую продается въ очень ограниченной сферѣ розничной продажи — можно почти сказать, на томъ-же самомъ рынкѣ. Это одно изъ обстоятельствъ, отличающихъ розничную продажу отъ оптовой. Другое обстоятельство заключается въ преимуществѣ, которое даетъ большее знаніе покупателю надъ продавцомъ при сдѣлкѣ, заключающейся между ними — преимуществѣ, какого нѣтъ въ отношеніяхъ оптовыхъ торговцевъ. На оптовомъ рынкѣ покупатель и продавецъ находятся въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ по отношенію къ ихъ знакомству со всѣми обстоятельствами, могущими вліять на цѣны даннаго товара. Обязанность каждаго изъ нихъ заключается въ томъ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ спроса и предложенія, и, если кто-либо не сдѣлаетъ этого, то онъ не имѣетъ права жаловаться на то, что противоположная сторона получаетъ благодаря этому преимущество въ сдѣлкѣ. Преимущество это является естественнымъ и надлежащимъ вознагражденіемъ за бо̀льшую ловкость, проявленную одной изъ сторонъ, а я уже говорилъ, что въ интересахъ общества слѣдуетъ желать, чтобы каждый торговецъ въ возможно большей степени культивировалъ въ себѣ такую ловкость. Розничная продажа въ этомъ отношеніи опять-таки находится въ противоположномъ положеніи. Сдѣлки совершаются не между торговцами, обладающими, или имѣющими возможность обладать одинаковыми свѣдѣніями относительно товаровъ, служащихъ предметомъ торга, но между знатоками съ одной стороны,

и съ другой стороны — лицами въ большинствѣ случаевъ совершенно незнакомыми съ обстоятельствами, вліяющими въ данное время на рынокъ. Между такими лицами условія обмѣна не могутъ быть названы вполнѣ справедливыми, и вслѣдствіе этого въ Англіи повсемѣстно, а также и въ значительной части розничныхъ торговцевъ на континентѣ Европы, былъ признанъ принципъ торговой морали, требующій, чтобы продавецъ не спрашивалъ съ покупателя болѣе высокой цѣны за товаръ, чѣмъ низшая, за которую онъ готовъ уступить его. Розничная купля и продажа покоятся, такимъ образомъ, скорѣе на нравственномъ, чѣмъ на экономическомъ основаніи, и не можетъ быть сомнѣнія, что это служитъ къ выгодѣ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ. Но, какъ извѣстно всѣмъ путешественникамъ, обычай запрашивать и торговаться все еще твердо держится во многихъ континентальныхъ странахъ, и онъ распространенъ повсемѣстно среди класса мелкихъ торговцевъ, вызывая большую потерю времени, вслѣдствіе чего торговецъ, въ концѣ-концовъ, можетъ быть теряетъ болѣе, чѣмъ онъ коекогда выигрываетъ, пользуясь своимъ преимуществомъ надъ покупателемъ въ знаніи условій дѣла.

Таковы, кажется мнѣ, главныя обстоятельства, отличающія установленіе цѣны въ розничной продажѣ отъ ея установленія въ оптовой продажѣ; и онѣ достаточны для объясненія уже много разъ указываемаго факта—значительно-бо̀льшаго разнообразія цѣнъ на тѣ же товары въ розничной продажѣ, чѣмъ въ оптовой. Я не думаю, что *колебанія* цѣнъ (въ отличіе отъ ихъ разнообразія) были-бы больше въ розничной продажѣ, чѣмъ въ оптовой. Можетъ быть, въ Англіи онѣ въ общемъ, даже нѣсколько меньше, такъ какъ обычай имѣть

установленныя цѣны на всѣ товары долженъ удерживать осторожныхъ торговцевъ отъ измѣненія цѣны, изъ боязни потерять покупателей при каждомъ незначительномъ колебаніи оптового рынка. Но хотя колебанія цѣнъ могутъ быть нѣсколько меньше, разнообразіе цѣнъ, безъ сомнѣнія, гораздо больше. Не только въ различныхъ мѣстностяхъ, но часто и въ различныхъ лавкахъ въ одной и той-же мѣстности постоянно встрѣчаются одни и тѣже товары, одного и того же качества, одновременно продающіеся по различнымъ цѣнамъ. Такое положеніе вещей, конечно, не можетъ быть названо удовлетворительнымъ; но зло это, хотя оно до извѣстной степени неизбѣжно, потому что зависитъ отъ коренныхъ условій розничной продажи, въ Англіи значительно усугубляется причиной, которая легко могла-бы быть устранена, и, какъ мы надѣемся, постепенно и устраняется. Причина эта заключается въ черезмѣрномъ количествѣ капитала, который, по тѣмъ или инымъ мотивамъ, прилагается къ простому распредѣленію продуктовъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ является, что этотъ капиталъ, взятый въ своей совокупности, оборачивается медленно—медленнѣе, чѣмъ онъ долженъ былъ-бы оборачиваться для выполненія своихъ функцій; и что лица, занимающіяся розничной торговлей, принуждены, для полученія средней прибыли на свой капиталъ, назначать высшія цѣны за свои товары, чѣмъ это было-бы нужно, если бы общая сумма капитала, занятаго въ торговлѣ, была меньше. Существованіе и продолжительность такого порядка вещей, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ чрезмѣрнаго тренія въ области конкурренціи въ розничной торговли, о чемъ я уже говорилъ. Цѣны, назначаемыя въ различныхъ розничныхъ лавкахъ, рѣдко сравниваются между собою, и поэтому онѣ рѣзко отличаются

другъ отъ друга, и отъ тѣхъ цѣнъ, какія могли бы установиться при болѣе здоровыхъ условіяхъ торговли. Источникъ зла, слѣдовательно, заключается въ слишкомъ медленномъ дѣйствіи конкуренціи, и средство противъ него должно заключаться въ увеличеніи энергіи конкурренціи. Это, въ дѣйствительности, и дѣлается различными кооперативными учрежденіями. Назначая низшія цѣны и принимая мѣры для того, чтобы распространить знаніе этихъ цѣнъ, они привлекаютъ въ свои лавки большее количество покупателей, пропорціонально затраченному капиталу, чѣмъ другіе конкурренты. Въ результатѣ, капиталъ ихъ обращается быстрѣе и имъ, несмотря на низшія цѣны, удается получить такую-же прибыль, какъ и ихъ конкуррентамъ. Противодѣйствіе, оказываемое этому со стороны остальныхъ розничныхъ торговцевъ, какъ-бы оно ни было неразумно и несправедливо, вполнѣ естественно, потому что такой образъ дѣйствія несомнѣнно клонится къ тому, чтобы вытѣснить нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ торговли. Тѣмъ не менѣе ясно, что только это одно можетъ удовлетворить требованіямъ даннаго случая. Настоящей цѣлью кооперативной конкурренціи является общее паденіе розничныхъ цѣнъ. Но чтобы примирить такой результатъ съ требованіемъ полученія во всѣхъ отрасляхъ торговли средней прибыли на затраченный капиталъ, необходимо, чтобы этотъ капиталъ обращался въ данное время также часто, какъ капиталъ кооператоровъ. Для этого весь капиталъ, затрачиваемый на торговлю, долженъ былъ бы быть приведенъ въ такое-же отношеніе къ исполняемымъ имъ операціямъ, въ какомъ находится капиталъ кооператоровъ — т. е., весь капиталъ, употребляемый теперь на распредѣленіе продуктовъ, долженъ былъ-бы быть значительно уменьшенъ. Необходимость этого

не всегда сознается; многіе утверждаютъ, что такъ какъ кооперативнымъ лавкамъ удалось ускорить обращеніе своего капитала съ помощью пониженія цѣны, то таже цѣль можетъ быть достигнута и всей розничной торговлей съ помощью того-же средства. Но здѣсь мы какъ разъ имѣемъ дѣло съ однимъ изъ случаевъ, столь частыхъ въ пол. экономіи, когда то, что было вѣрнымъ въ одномъ какомъ-нибудь частномъ случаѣ, перестаетъ быть вѣрнымъ, когда этотъ случай переходитъ въ общее правило. Какимъ образомъ кооператоры достигли болѣе быстраго обращенія своего капитала? Просто съ помощью привлеченія къ себѣ потребителей изъ другихъ лавокъ, заманивая ихъ болѣе низкими цѣнами. Предположивъ, что эти послѣднія примутъ тѣже мѣры, можно сказать съ увѣренностью, что ихъ прежніе потребители вернутся къ нимъ обратно. Капиталъ въ его цѣломъ будетъ обращаться также медленно, какъ и раньше; но именно это-то медленное обращеніе и вызвало необходимость повышенныхъ цѣнъ; и если цѣны будутъ ниже, а все остальное останется по прежнему, то прибыль падетъ ниже прежней и средней нормы. Но все не можетъ остаться по прежнему: паденіе прибыли должно вызвать отливъ капитала отъ торговли, или во всякомъ случаѣ задержать приливъ новыхъ капиталовъ. Окончательнымъ результатомъ было-бы очевидно сокращеніе капитала, вкладываемаго въ розничную торговлю, до той нормы, которая будетъ болѣе соотвѣтствовать исполняемымъ имъ операціямъ. Когда это будетъ достигнуто, то публика будетъ пользоваться преимуществомъ низкихъ цѣнъ, а розничные торговцы, въ своей совокупности, будутъ получать обычную прибыль на затраченный капиталъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Производные законы цѣнности.

Въ этой главѣ я хочу остановить вниманіе читателя на нѣкоторыхъ примѣрахъ цѣнности, которые, я думаю, могутъ быть названы „производными законами“ этого явленія. Я говорю о тѣхъ измѣненіяхъ въ цѣнностяхъ различныхъ родовъ товаровъ, которыя зависятъ отъ дѣйствія общихъ законовъ цѣнности, какъ мы ихъ опредѣлили, при существующихъ условіяхъ въ прогрессивныхъ обществахъ,

Когда какая-нибудь колонія основывается въ новой странѣ, то ходъ ея промышленнаго развитія естественно соотвѣтствуетъ характеру условій, создаваемыхъ промышленному предпріятію окружающей средой. Эти условія, конечно, будутъ сильно мѣняться, соотвѣтственно той части свѣта, гдѣ устраивается новое общество; но, вообще говоря, они будутъ направлять главную часть промышленной дѣятельности новаго народа въ одну или нѣсколько отраслей промышленности, которыя правильно были названы „добывающими“. Земледѣліе, скотоводство, горное дѣло и рубка лѣса для изготовленія деревянныхъ издѣлій занимаютъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ ряду такихъ отраслей промышленности; и они, вмѣстѣ съ грубыми ремеслами, не-

посредственно связанными съ ними, составляютъ главныя занятія ново-образовавшихся общинъ. Къ этому классу промышленныхъ занятій главнымъ образомъ, если не исключительно, относится тотъ законъ политической экономіи, или вѣрнѣе, физической природы, который Милль правильно характеризуетъ какъ самое важное положеніе экономической науки—законъ, какъ онъ выражается, „уменьшающейся производительности“. Большая часть моихъ читателей, вѣроятно, знакома съ этимъ закономъ, но все-таки слѣдуетъ напомнить его здѣсь. Вкратцѣ онъ можетъ быть выраженъ такъ: при каждомъ данномъ состояніи производительныхъ искусствъ, результатъ труда, направленнаго на силы природы, будетъ, вплоть до извѣстнаго пункта, равняться максимуму, который эти силы, обработываемыя съ данною степенью искусства, могутъ дать; но, когда этотъ пунктъ будетъ перейденъ, то хотя увеличеніе труда и капитала будетъ вызывать извѣстное увеличеніе добычи, но это увеличеніе добычи не будетъ пропорціонально увеличенію затратъ; на-оборотъ—каждое послѣдующее увеличеніе затратъ, предполагая, что степень искусства остается неизмѣнной, — будетъ сопровождаться все уменьшающимся вознагражденіемъ. Отъ этого явленія, въ связи съ различіемъ свойствъ почвы, зависитъ, какъ извѣстно всякому экономисту, явленіе земледѣльческой ренты; но это, по отношенію къ земледѣлію также какъ и по отношенію къ другимъ отраслямъ добывающей промышленности, такъ полно иллюстрировалось въ сочиненіяхъ, которыя теперь сдѣлались общественными, что я могу прямо сослаться на указанный принципъ. Теперь-же мнѣ нужно выяснить, какимъ образомъ, съ прогрессомъ общества, данный законъ вліяетъ на

измѣненіе нормальныхъ цѣнностей различныхъ товаровъ.

Читатель вспомнитъ, что я говорилъ только-что о ново-образовавшихся обществахъ, въ которыхъ условія соціальной и промышленной жизни, въ общемъ, гораздо ровнѣе и однообразнѣе, чѣмъ въ такихъ старыхъ промышленныхъ странахъ, какъ Англія. Въ результатѣ получается, что промышленная конкурренція между различными соціальными классами, если она не будетъ ограничена спеціальными законами, будетъ болѣе общей и дѣйствительной, чѣмъ въ этой части свѣта; и дальнѣйшимъ послѣдствіемъ такого положенія вещей будетъ то, что принципъ стоимости производства, управляющій цѣнностью, будетъ дѣйствовать шире въ такихъ обществахъ, чѣмъ у насъ. Для цѣлей нашего изслѣдованія удобно будетъ предположить, — и это предположеніе будетъ очень близко къ истинѣ, — что во внутренней торговлѣ такихъ обществъ этотъ принципъ будетъ дѣйствовать въ полномъ объемѣ. Въ такомъ случаѣ очевидно, что изслѣдованіе измѣненій нормальныхъ цѣнностей въ такихъ обществахъ сводится къ изслѣдованію измѣненій въ стоимости производства различныхъ классовъ товаровъ, которые являются предметами обмѣна; эти-же товары, какъ мы видѣли, представляютъ собою на раннихъ ступеняхъ развитія по преимуществу, продукты добывающей промышленности.

Законъ уменьшающейся производительности, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что первые поселенцы въ новой странѣ, само собой разумѣется, прежде всего обращаются къ тѣмъ естественнымъ факторамъ, которые, вслѣдствіе своего большого плодородія, или болѣе удобнаго положенія, обѣщаютъ большее вознагражденіе за

вкладываемый трудъ, вытекаетъ то, что по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и увеличенія спроса на продукты страны, стоимость производства товаровъ обнаруживаетъ постоянную тенденцію къ возрастанію. Эта тенденція можетъ встрѣтить противодѣйствіе въ прогрессѣ механическаго и химическаго изобрѣтенія, и усовершенствованіи промышленнаго процесса, которое обыкновенно является слѣдствіемъ перваго. Но въ дѣйствительности никогда не случалось въ исторіи какой-либо страны, чтобы такія изобрѣтенія шли рука объ руку съ уменьшающейся доходностью естественныхъ агентовъ, которые должны удовлетворять увеличивающемуся спросу ростущаго общества; слѣдовательно, можно смѣло сказать, что тенденція къ увеличенію стоимости въ томъ классѣ товаровъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ каждомъ данномъ случаѣ будетъ осуществлена. Но степень, въ которой этотъ результатъ будетъ достигнутъ, будетъ очень различна въ различныхъ родахъ продуктовъ добывающей промышленности, и это приводитъ къ соотвѣтствующимъ различіямъ въ ихъ нормальныхъ цѣнностяхъ.

Образцомъ тѣхъ товаровъ, въ производствѣ которыхъ новообразовавшіяся общества имѣютъ наибольшія преимущества передъ старыми обществами, могутъ служить строевой лѣсъ и мясо; этотъ классъ товаровъ включаетъ въ себя также шерсть, дичь, мѣхъ, шкуры, рога, смолу, деготь и пр. Характерной особенностью всѣхъ этихъ продуктовъ является то, что они могутъ быть получаемы съ небольшими предварительными затратами, и, слѣдовательно, требуютъ сравнительно небольшого капитала, но большихъ про-

странствъ земли. Капиталъ-же является тѣмъ промышленнымъ факторомъ, которымъ новыя страны располагаютъ въ наименьшей степени, между тѣмъ какъ онѣ обыкновенно обладаютъ безграничнымъ изобиліемъ земли. Поэтому не трудно понять, что новыя страны спеціально приспособлены для производства вышеупомянутаго класса товаровъ, и что, слѣдовательно, цѣнность всѣхъ этихъ товаровъ будетъ у нихъ необыкновенно низка.

Цѣнность продуктовъ добывающей промышленности, а также и вышеупомянутыхъ товаровъ, опредѣляется, главнымъ образомъ, тѣмъ, въ какой мѣрѣ они приспособлены къ перемѣщенію съ мѣста на мѣсто, отъ ихъ перемѣщаемости, зависящей частью, отъ ихъ прочности, а частью, отъ ихъ массы. Возьмемъ бревна и мясо, какъ примѣры высокой и низкой степени перемѣщаемости; мы увидимъ, что въ то время какъ въ новыхъ странахъ, гдѣ условія для производства ихъ благопріятны, цѣнность ихъ очень низка по сравненію со старыми странами, разница, даже и въ началѣ, оказывается гораздо значительнѣе по отношенію къ мясу, чѣмъ по отношенію къ бревнамъ; и далѣе, въ то время какъ цѣнность строеваго лѣса въ общемъ повышается медленно, и никогда не достигаетъ особенно большой высоты по сравненію съ ея первоначальной высотой, цѣнность мяса возрастаетъ быстрѣе и продолжаетъ возрастать вмѣстѣ съ ростомъ общества, причемъ высшій предѣлъ, котораго она можетъ достигнуть, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи нашихъ знаній, совершенно неопредѣлимъ. Объясненіе этого контраста заключается исключительно въ обстоятельствѣ, о которомъ я уже упоминалъ—въ различной перемѣщаемости этихъ двухъ товаровъ. Бревна, несмотря на свои

большіе размѣры, представляютъ собою удобно переносимый товаръ, и поэтому легко проникаютъ изъ лѣсовъ новыхъ странъ на рынки старыхъ странъ. Поэтому, какъ только какое-либо новое общество вступаетъ въ торговыя сношенія съ болѣе передовыми частями свѣта, если дерево является тамъ однимъ изъ предметовъ производства, то цѣна его сейчасъ-же повысится до уровня, который будетъ отличаться отъ цѣнъ на тотъ-же продуктъ въ старыхъ странахъ только на стоимость перевозки. Въ такомъ массивномъ товарѣ это, безъ сомнѣнія, составитъ значительную часть всей цѣнности; но главный пунктъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе, заключается въ томъ, что цѣна, установившаяся такимъ образомъ, и въ будущемъ сохранитъ постоянное отношеніе къ цѣнѣ въ старыхъ странахъ; разница между ними всегда будетъ такой, какой ее будетъ дѣлать стоимость перевозки. Мясо, съ другой стороны, благодаря его неприспособленности къ отдаленной торговлѣ, вслѣдствіе того, что оно быстро портится, сосредоточивается на рынкѣ, или даже прямо въ той мѣстности, гдѣ оно производится, и въ окрестныхъ мѣстахъ; въ новыхъ странахъ оно первоначально имѣетъ очень небольшую стоимость, и вслѣдствіе этого цѣна его въ ранніе періоды развитія естественно остается очень низкой. Но по мѣрѣ того, какъ населеніе ростетъ и земледѣліе захватываетъ прежнія естественныя пастбища; по мѣрѣ того въ особенности, какъ дѣлается необходимымъ воздѣлывать землю для потребностей скотоводства, стоимость мяса постоянно возрастаетъ. По мнѣнію Ад. Смита, какъ только достигнута эта послѣдняя стадія, цѣна всѣхъ продуктовъ этого рода, каковы-бы они ни были, достигла своей максимальной высоты, и слѣдовательно

нечего было ожидать какого-нибудь дальнѣйшаго повышенія (за исключеніемъ такого, какое могло произойти отъ паденія цѣнности денегъ). Единственная причина, которую онъ указываетъ для этого мнѣнія, заключается въ томъ, что, еслибы цѣны поднялись выше, то „большее количество земли было-бы въ скоромъ времени приспособлено къ производству продуктовъ повысившихся въ цѣнѣ". Я думаю, мнѣ незачѣмъ указывать на неудовлетворительность этого мнѣнія. Конечно, большее количество земли было-бы обращено на производство какого-бы то ни было предмета, повышающаяся цѣна котораго сдѣлала-бы выгоднымъ обрабатывать землю для этой цѣли; но изъ этого не слѣдуетъ, что, по мѣрѣ расширенія обработки, не будетъ возрастать стоимость производства, а слѣдовательно и цѣна продукта. Напротивъ, мы знаемъ, что именно это и случается и, дѣйствительно, случилось съ мясомъ. Та-же причина, которая понижаетъ цѣну мяса въ разныхъ періодахъ жизни націи,—его подверженность порчѣ, и слѣдовательно непригодность къ транспорту — содѣйствуетъ поднятію цѣны на болѣе позднихъ ступеняхъ развитія, практически ограничивая каждую страну тѣмъ, что она сама можетъ произвести. Такимъ образомъ, по мѣрѣ увеличенія спроса на мясо, благодаря росту населенія, предложеніе мяса ростетъ, но стоимость его увеличивается. Соотвѣтственно этому цѣна мяса, со времени Ад. Смита, въ общемъ непрерывно повышалась, хотя и съ многочисленными колебаніями; и несмотря на безпримѣрную высоту, которой оно достигло теперь въ Англіи, если принять во вниманіе огромную важность мяса въ продовольствіи всей массы народа, если вспомнить, что оно является тѣмъ продуктомъ, сбытъ котораго постоянно увеличивается при каждомъ улучшеніи положенія народа, нельзя сомнѣваться, что цѣна его еще больше будетъ повышаться, даже и независимо отъ происходящаго теперь обезцѣненія денегъ, которое съ своей стороны не применетъ ускорить это движеніе.

Вслѣдъ за такими продуктами добывающей промышленности, какъ мясо и строевой лѣсъ, по отношенію къ которымъ новыя страны имѣютъ особыя преимущества, слѣдующимъ товаромъ, приспособленнымъ къ условіямъ производства новыхъ странъ, является зерно. Измѣненіе нормальной цѣны этого товара обнаруживаетъ поразительную разницу съ тѣми, которые мы только-что разсматривали. Правда, что цѣна зерна, какъ и цѣна этихъ послѣднихъ товаровъ, постоянно повышается и, такъ какъ хлѣбъ является, подобно строевому лѣсу, удобно переносимымъ продуктомъ, то цѣна его уже на ранней стадіи развитія, находится въ тѣсной связи съ цѣнами, господствующими на большихъ рынкахъ міра; съ тою разницею, впрочемъ, что для хлѣба стоимость перевозки, пропорціонально его цѣнности, будетъ меньше, чѣмъ для дерева, и поэтому его цѣна въ новыхъ обществахъ будетъ болѣе приближаться къ цѣнѣ въ старыхъ странахъ, чѣмъ цѣна послѣдняго товара. Но достойное вниманія обстоятельство въ измѣненіи цѣны хлѣба—покрайней мѣрѣ постольку, поскольку хлѣбъ является главной пищей народа—заключается въ томъ, что, повышаясь, конечно съ большими колебаніями, въ ранній періодъ развитія, хлѣбныя цѣны въ концѣ-концовъ, по мѣрѣ прогресса промышленнаго развитія, достигаютъ извѣстнаго максимальнаго уровня, выше котораго (за исключеніемъ

вліянія на хлѣбныя цѣны измѣненія цѣнности денегъ) онѣ не обнаруживаютъ тенденціи подниматься (по крайней мѣрѣ не обнаруживаютъ постоянной тенденціи). Мнѣ неизвѣстно, чтобы эта особенность цѣны хлѣба была раньше указана кѣмъ-нибудь, и, можетъ быть, она будетъ оспариваться съ фактической стороны. Тѣмъ не менѣе, я дѣлаю это утвержденіе съ нѣкоторой увѣренностью, находя основанія для него въ экономическихъ условіяхъ, при которыхъ производится хлѣбъ, въ связи съ цѣлью, ради которой хлѣбъ производится. Хлѣбъ производится по различной стоимости, въ зависимости отъ характера мѣстности и степени искусства, употребляемаго при обработкѣ его; но, какъ извѣстно каждому экономисту, стоимость, управляющая цѣною хлѣба, есть стоимость самой дорогой части его, привезенной на рынокъ. На раннихъ стадіяхъ жизни націи, когда по мѣрѣ увеличенія населенія обращаются къ обработкѣ болѣе отдаленныхъ и худшихъ земель, стоимость этой наиболѣе дорогой части постоянно возрастаетъ, и въ связи съ этимъ подымается и цѣна хлѣба. Но увеличеніе стоимости хлѣба означаетъ уменьшеніе выгодности его производства; и, такъ какъ хлѣбъ является главнымъ предметомъ потребленія рабочаго, то это уменьшеніе выгодности сопровождается и уменьшеніемъ средствъ существованія рабочаго. Небольшого размышленія будетъ достаточно, чтобы убѣдиться, что въ этомъ обстоятельствѣ заключается необходимая граница для увеличенія стоимости производства хлѣба, а слѣдовательно и для повышенія его цѣны. Для такихъ предметовъ потребленія, которые могутъ быть названы второстепенными, какъ мясо и молочные продукты, этотъ результатъ не явится необходимымъ, потому что увеличеніе цѣны такихъ товаровъ, играющихъ лишь незначительную роль въ потребленіи рабочихъ, сравнительно слабо отражается на рабочихъ. Но повышеніе цѣны постоянной пищи, послѣ того какъ оно достигло извѣстной степени, неизбѣжно отражается на численности населенія, и, задерживая спросъ, пріостанавливаетъ обработку новыхъ земель, а слѣдовательно и повышеніе нормальной цѣны хлѣба. Прогрессъ промышленнаго изобрѣтенія является какъ разъ во время для содѣйствія расширенію земледѣльческаго производства; въ результатѣ получаются періодическія измѣненія, которыя могутъ быть описаны слѣдующимъ образомъ: стоимость производства хлѣба на худшихъ земляхъ подъ вліяніемъ техническихъ улучшеній понижается, нормальная цѣна хлѣба на время падаетъ; условія жизни рабочаго улучшаются, вслѣдствіе чего рабочіе женятся раньше и потомство ихъ увеличивается; населеніе ростетъ и вмѣстѣ съ этимъ возрастаетъ спросъ на пищу; въ обработку поступаютъ такія земли, которыя, до введенія усовершенствованныхъ земледѣльческихъ пріемовъ, не могли-бы быть обработываемы съ выгодой; наконецъ, предѣлъ обработки отодвигается такъ далеко, что низкое качество естественныхъ агентовъ, привлекаемыхъ къ производству, совершенно уравновѣшиваетъ преимущества, получаемыя вслѣдствіе прогресса земледѣльческой техники. На этомъ пунктѣ стоимость производства наиболѣе дорогой части народной пищи возвращается къ тому-же уровню, на которомъ она находилась до введенія усовершенствованныхъ пріемовъ земледѣлія, и нормальная цѣна пищи достигаетъ прежней высоты. Экономическое положеніе рабочаго возвращается къ своему прежнему уровню; и высокія цѣны предметовъ потребленія снова начинаютъ реагировать на населеніе и контролировать его ростъ. Подъ

вліяніемъ факторовъ этого рода нормальная цѣна хлѣба во всѣхъ старыхъ странахъ держалась, какъ постоянное правило, въ тѣхъ границахъ, которыхъ она достигла въ сравнительно ранній періодъ народной жизни, и въ этомъ отношеніи измѣненія ея противоположны измѣненіямъ въ цѣнѣ мяса и другихъ второстепенныхъ предметовъ потребленія. Шербюлье *) замѣчаетъ по этому поводу, что, при сравненіи теперешнихъ цѣнъ мяса и хлѣба въ западно-европейскихъ странахъ съ ихъ цѣнами въ прежнее время, оказывается, что за тотъ самый періодъ, втеченіе котораго цѣна хлѣба возрасла въ пропорціи 1 : 2, цѣна мяса возрасла въ пропорціи 1 : 10. Я рѣшаюсь утверждать, что, во всякомъ случаѣ, съ начала XVII столѣтія нормальная цѣна пшеницы не возрасла въ Англіи болѣе, чѣмъ это можетъ быть объяснено обезцѣненіемъ драгоцѣнныхъ металловъ за это время. По словамъ Ад. Смита, средняя цѣна пшеницы, втеченіе первыхъ 64 лѣтъ XVIII столѣтія, была около 28 шил. за квартеръ, и эту цѣну онъ считалъ нѣсколько ниже той, какая могла-бы быть, если-бы этотъ періодъ не характеризовался необычайнымъ количествомъ хорошихъ урожаевъ. Въ послѣднюю половину предшествующаго столѣтія цѣна пшеницы, по словамъ того-же Ад. Смита, была нѣсколько выше. За все то время средняя цѣна пшеницы колебалась между 30 и 35 шил. Въ настоящее время цѣна пшеницы приблизительно равна 50 ш. за квартеръ; разница эта, конечно, можетъ быть отнесена на счетъ уменьшившейся цѣнности денегъ. Читатель пойметъ, что я не привожу этихъ общихъ и грубыхъ разсчетовъ какъ *доказательство* того положенія, на которое я

*) Précis de la science économique, vol. I, p. 356, 357.

обращаю его вниманіе. Я привожу ихъ только для иллюстраціи; но я не сомнѣваюсь, что еслибы изслѣдовать этотъ вопросъ статистически, принявъ въ разсчетъ измѣненіе въ цѣнности денегъ, то въ результатѣ получился-бы тотъ-же выводъ, къ которому я пришелъ на основаніи чисто-экономическихъ соображеній.

Можетъ быть, было-бы нелишне указать на одно или два изъ послѣдствій, вытекающихъ изъ только-что указаннаго положенія вещей. Мы видѣли, что на раннихъ ступеняхъ исторіи обработка земли постоянно захватываетъ области, предназначенныя для скотоводства, и въ концѣ-концовъ послѣднее само дѣлается одной изъ отраслей земледѣлія. Немного позже страна вмѣсто того, чтобы быть экспортеромъ земледѣльческихъ продуктовъ, дѣлается импортеромъ ихъ; и тогда земледѣльческая промышленность принимаетъ новый видъ. Хлѣбъ теперь можетъ ввозиться изъ за границы, но мясо не можетъ, и — будетъ-ли хлѣбъ ввозиться, или производиться дома — цѣна его, по причинамъ, указаннымъ мною, не имѣетъ тенденціи постоянно подниматься надъ уровнемъ, который она уже достигла, между тѣмъ какъ цѣна мяса можетъ возрастать неопредѣленно. Изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ, что по мѣрѣ роста населенія, и, слѣдовательно, увеличенія спроса на пищу страна естественно должна обратиться къ другимъ странамъ для пополненія своихъ недочетовъ въ производствѣ хлѣба, между тѣмъ какъ недостаточность запасовъ мяса пополняется дома, увеличеніемъ площади земли, предназначаемой для скотоводства. Слѣдовательно, постоян-

ная тенденція хлѣбопашества—захватывать пастбища, тенденція, которая до сихъ поръ была закономъ промышленнаго прогресса, теперь дѣйствуетъ въ обратную сторону; и, начиная съ этого времени, пастбища постоянно увеличиваются насчетъ пахотной земли. Эта ступень была достигнута Англіей какъ разъ около того времени, когда писалъ Ад. Смитъ; и не смотря на могущественныя препятствія, которыя ставились естественному ходу развитія войнами и хлѣбными законами, развитіе земледѣлія въ общемъ шло въ томъ направленіи, какое было мною указано. Въ настоящее время оно рѣшительно и безусловно совершается въ этомъ направленіи, и я думаю, что фактъ этотъ можетъ считаться общепризнаннымъ. Другое слѣдствіе, зависящее отъ тѣхъ-же причинъ, обнаруживается въ движеніи земледѣльческой ренты. Въ ранніе періоды исторіи, земли, съ которыхъ можетъ быть получена наиболѣе высокая рента, суть тѣ, которыя имѣютъ наибольшія преимущества для хлѣбопашества, между тѣмъ какъ пастбища, въ зависимости отъ низкой цѣны ихъ продуктовъ, даютъ сравнительно небольшую ренту. Но какъ только достигается та ступень въ развитіи націи, на которой хлѣбъ начинаетъ ввозиться изъ-заграницы, и мясо добывается съ помощью увеличенія площади пастбищъ, землями, дающими наивысшую ренту, дѣлаются тѣ, которыя имѣютъ преимущества для скотоводства. У меня нѣтъ статистическихъ данныхъ, которыя могли-бы иллюстрировать это положеніе, но выводъ изъ фактовъ въ данномъ случаѣ такъ ясенъ, что, я думаю, онъ можетъ быть принятъ безъ большихъ колебаній. Безъ сомнѣнія, есть земли, которыя одинаково хорошо могутъ выполнять и то, и другое назначеніе; но тамъ, гдѣ земли имѣютъ спеціальныя преимущества въ ту или другую сторону, съ земель, которыя наиболѣе приспособлены для производства мяса (включая сюда и молочные продукты, и вообще тѣ продукты, которые я назвалъ „второстепенными“ по отношенію къ человѣческимъ потребностямъ), можетъ быть получена наивысшая рента.

Существуетъ одинъ классъ товаровъ, который занимаетъ важное мѣсто въ промышленности новыхъ странъ, и измѣненіе цѣнъ котораго обусловливается довольно своеобразными обстоятельствами. Я говорю о томъ, что называется „сопутствующими продуктами“ — товарами, которые производятся не отдѣльно, а какъ части общаго производительнаго процесса, и самыми очевидными примѣрами которыхъ могутъ служить баранина и шерсть, говядина, сало и кожа, газъ и коксъ, и пр. По отношенію къ цѣнности такихъ товаровъ, общій законъ, регулирующій ее, былъ установленъ Миллемъ въ главѣ „Нѣкоторыя особенныя случаи цѣнности“ *). Законъ этотъ выясняется въ этой главѣ слѣдующимъ образомъ: „Стоимость производства дѣйствуетъ здѣсь своеобразнымъ образомъ: она опредѣляетъ не цѣну каждаго отдѣльно изъ произведенныхъ товаровъ, а сумму ихъ цѣнъ; цѣны-же ихъ по отношенію другъ къ другу опредѣлятся спросомъ сравнительно съ тѣмъ количествомъ, въ которомъ эти продукты получаются благодаря производительному процессу“. Проявленіе этого принципа при измѣняющихся обстоятельствахъ прогрессирующихъ

*) „Основанія пол. эк.“, т. II, кн. III, гл. XVI.

обществъ, и есть то, къ чему я хочу теперь привлечь вниманіе читателей.

Я уже объяснилъ измѣненіе цѣны одного изъ наиболѣе важныхъ изъ такихъ товаровъ—а именно, мяса. Мы видѣли, какъ могущественно вліяетъ на измѣненіе цѣны мяса трудность перевозки этого продукта. Съ другой стороны, легкость, съ которою могутъ быть перевозимы всѣ сопутствующіе продукты производства мясника—шерсть, кожа и сало—не менѣе сильно дѣйствуетъ въ противоположномъ смыслѣ на ихъ цѣны. Шерсть, напр., въ новой странѣ сразу поднимается до цѣны, господствующей на большихъ торговыхъ рынкахъ, *съ вычетомъ* только стоимости перевозки, которая, въ зависимости отъ большой перевозимости шерсти, составляетъ ничтожную долю ея общей цѣнности. Другими словами, спросъ на шерсть, скажемъ, въ Австраліи, ограничивается только спросомъ всего торговаго міра; между тѣмъ какъ спросъ на мясо, производимое въ той-же странѣ, практически ограничивается мѣстными рынками. Очевидно, что въ промышленномъ развитіи колоніи это обстоятельство должно привести къ полному различію измѣненія цѣнъ каждаго изъ этихъ продуктовъ. И дѣйствительно, это различіе уже сдѣлалось очень чувствительнымъ; потому что, хотя со времени первыхъ дней австралійскихъ поселеній и замѣчается нѣкоторое повышеніе въ цѣнѣ шерсти (зависящее, я думаю, главнымъ образомъ отъ паденія цѣнности денегъ), цѣна мяса поднялась въ гораздо большей степени. Не трудно предвидѣть, что цѣны обоихъ товаровъ будутъ измѣняться и въ будущемъ въ томъ-же направленіи. Въ обоихъ случаяхъ, вѣроятно, произойдетъ повышеніе, находящееся въ зависимости отъ

уменьшенія цѣнности золота; но цѣна мяса будетъ подниматься выше благодаря дѣйствію другихъ, независимыхъ причинъ. Прочность и небольшой объемъ шерсти, которая даже и при зарожденіи колоніи имѣла цѣну, немного низшую по сравненію съ цѣной, господствующей на европейскихъ рынкахъ, въ болѣе позднее время, когда разрозненныя поселенія Австраліи сплотятся въ націи, приведетъ къ ограниченію цѣну шерсти узкими предѣлами, такъ какъ ввозъ шерсти въ будущемъ будетъ представлять столько же удобствъ, какъ и вывозъ ея въ настоящемъ—результатъ, какъ разъ обратный тому, къ какому мы пришли по отношенію къ мясу; мясо, вслѣдствіе своей недоступности къ перевозкѣ, изъемлется изъ вывоза, пока націи молоды, и по этой-же причинѣ оно не можетъ быть предметомъ ввоза, по крайней мѣрѣ въ большихъ количествахъ, когда возрастающій спросъ увеличивающагося населенія превосходитъ внутреннее производство.

Сравнивая состояніе цѣнъ въ старыхъ и новыхъ странахъ, мы находимъ, что самое поразительное различіе между ними, какъ это было выяснено въ предшествующемъ разсужденіи заключается въ противоположности относительныхъ цѣнъ хлѣба и другихъ продуктовъ первой необходимости съ одной стороны, и цѣнъ мяса, молочныхъ продуктовъ и другихъ второстепенныхъ продуктовъ съ другой. Этотъ контрастъ не остался незамѣченнымъ Ад. Смитомъ и подробно разсмотрѣнъ имъ въ очень интересной главѣ „Богатства народовъ“, посвященной этому вопросу. Но его мнѣніе относительно ограниченій, развиваю-

щихся вмѣстѣ съ прогрессомъ цивилизаціи, для повышенія цѣнъ товаровъ послѣдняго рода, мѣшало ему видѣть полное значеніе приводимыхъ имъ фактовъ; точно также его выводы, даже и въ предѣлахъ того, что онъ видѣлъ, не абсолютно свободны отъ исключеній. Тѣмъ не менѣе его замѣчанія, резюмирующія результаты его изслѣдованія очень выразительны и могутъ быть приведены здѣсь:

„Но если низкая денежная цѣна какъ всѣхъ товаровъ вообще, такъ и хлѣба въ частности, нисколько не доказываетъ бѣдности или невѣжественнаго состоянія извѣстной эпохи, то съ другой стороны, низкая денежная цѣна нѣкоторыхъ особеннаго рода произведеній, какъ скотъ, домашняя птица, различныя породы дичи, сравнительно съ цѣною хлѣба, служитъ однимъ изъ несомнѣнныхъ доказательствъ такого состоянія. Она, очевидно, обнаруживаетъ прежде всего бо̀льшее изобиліе такого рода товаровъ сравнительно съ хлѣбомъ, и стало-быть большее количество производящихъ эти предметы земель, сравнительно съ участками воздѣлывающими хлѣбъ; во-вторыхъ, она показываетъ малую цѣнность такихъ земель, сравнительно съ хлѣбными полями, и стало-быть безпорядочное и печальное состо̀яніе большей части земель въ странѣ. Низкая цѣна эта, очевидно, доказываетъ также, что населеніе страны и ея капиталы, сравнительно съ ея территоріей не находятся въ томъ-же отношеніи, какое существуетъ между ними въ странѣ просвѣщенной, и что въ такой странѣ, или въ такую эпоху общество находится еще въ младенческомъ состояніи. Изъ высокой или низкой денежной цѣны товаровъ вообще мы можемъ вывести только заключеніе о богатствѣ или бѣдности золотыхъ и серебряныхъ

рудниковъ, снабжающихъ въ эту эпоху міръ дорогими металлами, но не о богатствѣ или бѣдности страны. А изъ высокой или низкой денежной цѣны нѣкоторыхъ произведеній, сравнительно съ другими, мы можемъ заключить съ вѣроятностью, близкой къ полной достовѣрности, о богатствѣ или бѣдности страны, и о большей или меньшей степени ея невѣжества или просвѣщенія“ *).

Въ строгомъ смыслѣ, эти замѣчанія должны былибы привести къ выводу, что Австралія и Калифорнія являются бѣдными странами, что врядъ-ли можетъ считаться вѣрнымъ утвержденіемъ; но если вмѣсто „богатыя и бѣдныя“ поставить „старыя и новыя“ страны, то всѣ эти соображенія по существу будутъ вполнѣ вѣрными, и, принимая во вниманіе время, когда онѣ были написаны, обнаруживаютъ замѣчательное проникновеніе въ причины, управляющія промышленнымъ развитіемъ.

Есть и другой классъ продуктовъ добывающей промышленности, который не подходитъ ни подъ одну изъ предшествующихъ рубрикъ и о которомъ мы сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній. Это — минеральные продукты, обнимающіе собою благородные и неблагородные металлы, уголь и нѣкоторые другіе продукты. Обстоятельства, отличающія эти продукты отъ тѣхъ, которые только-что были разсмотрѣны нами, заключаются въ слѣдующемъ: во-первыхъ, источники, откуда они получаются, распредѣлены очень не-

*) Ад. Смитъ „Богатство Народовъ“, т. I, кн. I, гл. XI, стр. 463—64. Русскій переводъ Бибикова. 1866 г.

равномѣрно по поверхности земного шара; нѣкоторыя страны совершенно лишены ихъ, другія обладаютъ ими въ большомъ изобиліи, и въ самой разнообразной степени изобилія. И во-вторыхъ, стоимость ихъ производства находится въ болѣе прямой зависимости отъ прогресса механическаго и техническаго изобрѣтенія, чѣмъ производство другихъ сырыхъ продуктовъ. Я не буду разсматривать всѣ послѣдствія, вытекающія изъ этого различія, въ особенности по отношенію къ драгоцѣннымъ металламъ, потому что это завело-бы меня слишкомъ далеко, а здѣсь я не предполагаю дѣлать такого рода экскурсію. По отношенію къ этой части моего предмета я удовлетворюсь общимъ замѣчаніемъ, что нормальныя цѣны минеральныхъ продуктовъ сильно измѣнились въ міровой исторіи подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ; нельзя также сказать (хотя эти продукты въ большей степени подпадаютъ вліянію научнаго изобрѣтенія), что движеніе ихъ нормальныхъ цѣнъ, по мѣрѣ прогресса общества, имѣло всегда одно направленіе. Что касается будущаго измѣненія цѣнъ этого класса продуктовъ, то въ этомъ отношеніи какъ много зависитъ отъ открытія новыхъ копей и залежей (что̀ является дѣломъ случайнымъ), а къ тому-же такая значительная часть свѣта остается еще неизслѣдованной, что я полагаю, мы не имѣемъ еще никакихъ данныхъ даже для вѣроятнаго предположенія.

Теперь я перейду отъ области сырыхъ продуктовъ къ другой великой промышленной области—мануфактурной промышленности. Между этими двумя отдѣлами промышленности невозможно провести вполнѣ точной и рѣзкой разграничивающей линіи, да это даже и не необходимо; достаточно, что термины—сырые продукты и мануфактурные товары—обозначаютъ собою дѣйствительное и важное различіе, и такое различіе, которое легко будетъ вѣрно понять. Теперь же мнѣ нужно разсмотрѣть измѣненія, которыя претерпѣваютъ съ прогрессомъ общества нормальныя цѣны продуктовъ второго рода.

Здѣсь умѣстно будетъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: въ то время какъ цѣны сырыхъ продуктовъ, въ общемъ, движутся вверхъ, въ мануфактурныхъ продуктахъ замѣчается какъ-разъ обратное явленіе. Причины этого очень просты: во-первыхъ, раздѣленіе труда — этотъ первый и наиболѣе могущественный удешевитель производства, ограниченный очень небольшой областью въ добывающей промышленности — находитъ въ промышленности мануфактурной почти неограниченное поле для своего примѣненія; и во-вторыхъ, въ мануфактурной-же промышленности можетъ въ широкихъ размѣрахъ примѣняться (и дѣйствительно примѣняется съ успѣхомъ) машина, этотъ второй великій удешевитель производства. Изъ этого факта, взятаго въ связи съ другимъ фактомъ, что промышленныя изобрѣтенія совершаются не скачками, а постепенно—каждое изобрѣтеніе всегда идетъ по слѣдамъ другого—и что ихъ прогрессъ кажется неограниченнымъ; изъ этихъ фактовъ, говорю я, слѣдуетъ, что та часть стоимости мануфактурныхъ товаровъ, которая собственно принадлежитъ мануфактурному процессу, должна съ прогрессомъ общества подвергаться постоянному уменьшенію. Мы не можемъ за-

ключить непосредственно изъ этого обстоятельства, что цѣнность такихъ товаровъ должна уменьшаться, потому что мануфактурный процессъ создаетъ лишь часть ихъ стоимости; въ послѣднюю входитъ также и стоимость добыванія сырого матеріала, изъ котораго они изготовляются; а мы уже видѣли, что стоимость этого элемента имѣетъ тенденцію возрастать съ прогрессомъ общества. Поэтому, повышеніе или пониженіе цѣнъ мануфактурныхъ товаровъ будетъ зависѣть отъ того, будетъ-ли тенденція къ пониженію, свойственная усовершенствованіямъ мануфактурнаго процесса, въ общемъ преобладать надъ тенденціей къ повышенію, свойственной сырымъ матерьяламъ, или-же она будетъ превзойдена послѣдней. Но въ этомъ пунктѣ, однако, за исключеніемъ немногихъ предметовъ, подвергающихся въ очень слабой степени мануфактурной обработкѣ, какъ напр., хлѣбъ по отношенію къ которому цѣнность, создаваемая мануфактурнымъ процессомъ, находится лишь въ незначительной пропорціи къ цѣнности сырого матерьяла,—нѣтъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Во всѣхъ крупныхъ отрасляхъ мануфактурной промышленности часть стоимости, которая заключена въ мануфактурномъ процессѣ, превосходитъ, въ общемъ, ту часть, которая представляетъ собою сырой матерьялъ, между тѣмъ какъ вліяніе промышленнаго изобрѣтенія, уменьшающаго эту часть стоимости, является какъ извѣстно всякому, могущественнымъ и непрерывнымъ въ своемъ дѣйствіи. Изо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ, что тенденція къ сокращенію стоимости мануфактурныхъ товаровъ должна, покрайней мѣрѣ при настоящихъ условіяхъ производства, преобладать, и въ большинствѣ случаевъ значительно преобладать,

надъ тенденціей къ повышенію; и что, слѣдовательно, измѣненіе нормальныхъ цѣнъ въ этомъ классѣ товаровъ съ прогрессомъ общества неизбѣжно и, по временамъ очень быстро, идетъ къ пониженію. Иллюстраціи этой истины могутъ быть найдены въ исторіи Великобританіи. Лишь очень немногіе сколько-нибудь важные товары, принадлежащіе къ области мануфактуры, втеченіе двухъ послѣднихъ столѣтій не упали до незначительной части своей прежней цѣны.

Но между мануфактурными товарами, какъ и между сырыми матерьялами, существуетъ извѣстная разница. Какъ только-что было установлено, двумя главными удешевителями производства являются раздѣленіе труда и машины; а степень, въ которой факторы эти могутъ быть примѣняемы къ мануфактурѣ, главнымъ образомъ зависитъ отъ размѣровъ, въ которыхъ ведется мануфактурный процессъ. Стоимость тѣхъ мануфактурныхъ товаровъ, которые производятся въ крупныхъ размѣрахъ, можетъ быть наиболѣе понижена; слѣдовательно, при прогрессѣ общества паденіе цѣны этихъ товаровъ будетъ наиболѣе рѣзкимъ. Но такъ какъ только тѣ продукты, на которые спросъ великъ, могутъ производится въ крупныхъ размѣрахъ, то выгоды крупнаго производства падаютъ преимущественно на долю предметовъ общаго потребленія. Можно прибавить, что паденіе цѣнъ этихъ продуктовъ вызываетъ и значительное возрастаніе спроса. Къ этой категоріи относятся грубые сорта одежды, мебели и утвари и въ нихъ то, скорѣе чѣмъ въ товарахъ, потребляемыхъ главнымъ образомъ, или даже исключительно богатыми людьми, мы можемъ ожидать наибольшихъ чудесъ дешевизны. Но существуетъ одно обстоятельство, благопріятствующее

скорѣе пониженію цѣнности предметовъ роскоши. Мануфактурные предметы, которыя назначаются для потребленія массы, какъ общее правило, менѣе подвержены мануфактурной обработкѣ, чѣмъ тѣ, которые предназначаются для потребленія богатыхъ классовъ, другими словами — мануфактурный трудъ, затрачиваемый на нихъ, находится въ меньшей пропорціи къ сырому матеріалу, чѣмъ въ болѣе обработанныхъ мануфактурахъ. Болѣе простыя мануфактуры, слѣдовательно, болѣе чувствуютъ на себѣ послѣдствія повышенія стоимости сырого матерьяла, чѣмъ мануфактуры болѣе сложныя. Такъ напр., сравнивая кусокъ брюссельскихъ кружевъ съ кускомъ простого коленкора, очевидно, что должна была-бы произойти очень большая перемѣна въ цѣнности сырого матерьяла, чтобы произвести какое-либо ощутимое дѣйствіе на цѣну перваго изъ названныхъ предметовъ; между тѣмъ, какъ показалъ недавній опытъ, повышеніе цѣны сырого матеріала для цѣны простого коленкора можетъ имѣть очень серьозныя послѣдствія. Это обстоятельство, конечно, оказывается благопріятнымъ для дешевизны предметовъ роскоши по сравненію съ болѣе простыми и менѣе утонченными мануфактурными товарами. Тѣмъ не менѣе не нужно думать, что это обстоятельство возмѣщаетъ преимущества, проистекающія изъ ранѣе указанныхъ причинъ, и падающія на долю болѣе простыхъ товаровъ. Въ этомъ-то классѣ товаровъ имѣло мѣсто въ прошломъ и самое замѣчательное пониженіе цѣнъ; и въ нихъ-же мы, вѣроятно, и въ будущемъ будемъ свидѣтелями такихъ-же результатовъ.

До сихъ поръ я разсматривалъ производные законы цѣнности только, поскольку они иллюстрируются нормальнымъ движеніемъ цѣнъ. Интересно разсмотрѣть, возможно-ли открыть какія-либо сходныя явленія въ движеніи рыночныхъ цѣнъ; другими словами — соотвѣтствуютъ-ли колебанія рынка, какъ онѣ происходятъ въ нѣкоторыхъ классахъ товаровъ, какимъ-либо явленіямъ аналогичнымъ тѣмъ, которыя мы открыли въ нормальныхъ цѣнахъ?

Здѣсь будетъ умѣстно точнѣе опредѣлить, что́ я пониманію подъ „колебаніями рынка“, въ отличіе отъ тѣхъ измѣненій нормальной цѣны, которыя мы уже разсматривали. Нормальная цѣна, какъ мы видѣли, управляется, смотря по обстоятельствамъ каждаго даннаго случая, одною изъ двухъ причинъ — стоимостью производства, или взаимнымъ спросомъ (въ смыслѣ, выясненномъ въ предшествующей главѣ). Слѣдовательно, каждое измѣненіе въ нормальной цѣнѣ является слѣдствіемъ измѣненія одного или другого изъ этихъ условій. До тѣхъ поръ, пока опредѣляющее условіе—будетъ ли то стоимость производства, или взаимный спросъ—остается неизмѣннымъ, нормальная цѣна тоже должна разсматриваться какъ нѣчто постоянное; но при постоянствѣ нормальной цѣны, рыночная цѣна (которая, какъ мы видѣли, зависитъ отъ мнѣнія торговцевъ о состояніи спроса и предложенія по отношенію къ данному предмету) можетъ претерпѣвать измѣненія,—можетъ уклоняться вверхъ или внизъ отъ нормальной цѣны. Такія измѣненія цѣны, происходящія въ то время, когда постоянныя условія производства остаются незатронутыми, могутъ быть только временными, такъ какъ они вызываютъ къ дѣйствію силы, которыя стремятся возстановить нормальное положеніе вещей; они,

слѣдовательно, могутъ быть обозначены какъ „колебанія рынка“. И вопросъ заключается теперь въ томъ, можемъ-ли мы установить причины этого явленія и, выяснивши ихъ взаимную связь, подвести ихъ подъ дѣйствіе научныхъ законовъ.

Для такого изслѣдованія прежде всего нужно выяснить условіе, отъ котораго зависитъ соотвѣствіе рыночной цѣны съ нормальною. Очевидно, что это условіе не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ такимъ приспособленіемъ предложенія къ спросу, или, говоря точнѣе, такимъ состояніемъ мнѣній среди торговцевъ по отношенію къ приспособленію предложенія къ спросу, которое вызоветъ то соотвѣтствіе, о которомъ идетъ рѣчь — т.-е. то положеніе вещей, когда имѣющееся предложеніе разсматривается какъ достаточное, и не болѣе чѣмъ достаточное, для удовлетворенія спроса на товаръ по нормальной цѣнѣ, или, говоря языкомъ Смита, для удовлетворенія „дѣйствительнаго спроса“. Если мы будемъ помнить это, намъ станетъ ясно, что уклоненіе рыночныхъ цѣнъ отъ нормальнаго уровня, главнымъ образомъ, обусловливается трудностью приспособленія предложенія къ „дѣйствительному спросу“; или, что̀ сводится къ тому-же самому, полнота сотвѣтствія рыночной цѣны нормальной цѣнѣ опредѣляется легкостью такого приспособленія. Отчего-же зависитъ эта легкость? Мнѣ кажется, главнымъ образомъ, отъ слѣдующихъ трехъ условій: 1) отъ условій производства, поскольку онѣ вліяютъ на товаръ; 2) отъ природы самаго товара и 3) отъ большей или меньшей неотложности человѣческихъ потребностей по отношенію къ данному товару.

Очерчивая производные законы нормальныхъ цѣнъ, мы нашли, что самое существенное различіе между

товарами, по отношенію къ интересующему насъ вопросу, заключается въ раздѣленіи ихъ на продукты добывающей и мануфактурной промышленности. Для нашей настоящей цѣли это раздѣленіе также имѣетъ очень важное значеніе, и я опять прибѣгну къ нему. Итакъ, распредѣливъ товары по этимъ двумъ большимъ группамъ, посмотримъ, какъ вышеуказанныя три условія вліяютъ съ одной стороны на земледѣльческіе и скотоводческіе продукты, а съ другой — на мануфактурные товары.

Разсмотримъ сперва мануфактурные товары. Очевидно, что, по отношенію къ условіямъ производства, обстоятельства даннаго случая таковы, что они въ общемъ обезпечиваютъ значительную быстроту и достовѣрность доставленія товаровъ на рынокъ. Деревянный столъ можетъ быть изготовленъ въ нѣсколько часовъ, кусокъ сукна—въ нѣсколько недѣль, а домъ средней величины—въ мѣсяцъ, или немного болѣе. Столы, сукна и дома могутъ быть съ достовѣрностью произведены въ любомъ количествѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что врядъ-ли возможно, чтобы при обыкновенныхъ условіяхъ продажная цѣна мануфактурнаго продукта на долгое время значительно превосходила-бы его нормальную цѣну; потому что, какъ только повышеніе цѣны дѣлается ощутительнымъ въ такой мѣрѣ, чтобы вызвать повышеніе прибыли производителей, производство получаетъ новый стимулъ; и такъ какъ расширеніе производства этихъ предметовъ не представляетъ затрудненій, то предложеніе вскорѣ возрастаетъ до тѣхъ поръ, пока оно не обгонятъ дѣйствительный спросъ; послѣ чего рыночныя цѣны падаютъ до нормальнаго уровня. Это,

говорю я, бываетъ при обыкновенныхъ условіяхъ; такъ какъ для того, чтобы предложеніе могло быть такъ быстро принаровлено къ возрастанію спроса, необходимо, чтобы послѣдній не переходилъ извѣстныхъ границъ. Во всѣхъ наиболѣе важныхъ отрасляхъ мануфактурный промышленности основный капиталъ, главнымъ образомъ въ видѣ машинъ, употребляется въ большихъ размѣрахъ; и ограниченное количество такого капитала въ странѣ въ каждое данное время ставитъ на время границы для возможнаго увеличенія предложенія. Если спросъ будетъ превосходить то предложеніе, которое немедленно можетъ быть получено при существующихъ условіяхъ производства, то на нѣкоторое время рыночная цѣна можетъ быть значительно выше нормальной — до тѣхъ поръ, пока не будутъ устроены новыя зданія и машины, приспособленныя для возросшаго спроса общества. Но и въ такихъ случаяхъ, повышеніе цѣны мануфактурныхъ произведеній рѣдко бываетъ значительнымъ; потому что здѣсь выступаютъ на сцену другіе факторы, о которыхъ я говорилъ раньше. Мануфактурные продукты, въ общемъ, по существу своему прекрасно-приспособлены къ отдаленному транспорту. Поэтому, всякое значительное повышеніе ихъ цѣны почти навѣрняка привлечетъ предложеніе изъ отдаленныхъ источниковъ. Далѣе, разсматривая мануфактурные товары въ ихъ отношеніи къ человѣческимъ потребностямъ, можно сказать, что или потребность въ нихъ является не слишкомъ неотложной, или, если она оказывается таковой, всегда можетъ быть найдена болѣе или менѣе подходящая замѣна для того товара, въ которомъ ощущается недостатокъ. Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ слѣдуетъ, что повышеніе цѣны мануфактурнаго товара,

какъ только оно дѣлается значительнымъ, или вызываетъ предложеніе изъ экстренныхъ источниковъ, или отталкиваетъ покупателей, или создаетъ замѣну—и съ помощью одного, или нѣсколькихъ изъ такихъ средствъ устанавливается предѣлъ отклоненіямъ цѣнъ и крупныя отклоненія отъ обычной рыночной цѣны крайне затрудняются.

Все это примѣнимо къ уклоненіямъ *вверхъ* отъ нормальнаго уровня. Что касается движеній въ противоположномъ направленіи, то они обыкновенно происходятъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: процессъ приспособленія предложенія къ спросу имѣетъ характеръ постоянныхъ попытокъ, и когда случается какое-нибудь внезапное измѣненіе въ спросѣ, то для производителей не легко бываетъ сразу опредѣлить его размѣры. Результатомъ являются ошибки. Товары производятся въ избыткѣ; даже создается въ избыткѣ основной капиталъ. А разъ капиталъ принимаетъ форму основного, то онъ съ трудомъ можетъ быть употребленъ для какой-либо цѣли, кромѣ первоначальной. Поэтому, если предложеніе выходитъ за предѣлы „дѣйствительнаго спроса“, то становится труднымъ свести его къ надлежащимъ размѣрамъ. Когда и машины уже пущены въ ходъ, то изъ двухъ золъ часто оказывается наименьшимъ продолжать производство съ половинною и даже менѣе обычной прибыли, чѣмъ оставить капиталъ совершенно непроизводительнымъ. Въ зависимости отъ причинъ такого рода на рынкахъ мануфактурныхъ товаровъ иногда втеченіе многихъ мѣсяцевъ, возможно даже, что въ теченіе года и болѣе, цѣны стоятъ ниже нормы. Но тутъ опять тѣже причины, которыя препятствуютъ повышательному движенію, задерживаютъ и пониженіе цѣнъ, а такъ какъ

мануфактурные товары, въ общемъ, не скоро поддаются порчѣ, то въ этомъ случаѣ рѣдко бываетъ необходимо ускорять продажу, тѣмъ болѣе что ихъ перевозимость открываетъ имъ доступъ на отдаленные рынки.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, принимая во вниманіе условія производства, характеръ товара, и степень неотложности человѣческихъ потребностей по отношенію къ нему, обстоятельства даннаго случая таковы, что ограничиваютъ довольно узкими предѣлами колебанія рынка по отношенію къ мануфактурнымъ товарамъ. И это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что здѣсь дѣло идетъ о томъ классѣ товаровъ, въ которомъ, какъ мы видѣли, измѣненія нормальной цѣны, зависящія отъ измѣненій въ стоимости производства, бываютъ наиболѣе часты и наиболѣе рѣзки.

Только-что описанное положеніе вещей, а именно ограниченность измѣненій рыночной (въ отличіе отъ нормальной) цѣны мануфактурныхъ продуктовъ, можетъ показаться съ перваго взгляда неблагопріятнымъ для пріобрѣтенія отдѣльными личностями большихъ состояній; а между тѣмъ мы знаемъ, что именно въ мануфактурной промышленности и были случаи самыхъ быстрыхъ обогащеній. Въ чемъ-же заключается объясненіе этого обстоятельства? Я думаю, что оно заключается въ быстротѣ, съ какой можетъ обернуться оборотная часть мануфактурнаго капитала. Таже быстрота производства, которая ускоряетъ пониженіе цѣны, облегчаетъ оборотъ капитала. Вслѣдствіе этого, при всякихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ напр., въ случаѣ внезапнаго открытія крупнаго и непредвидѣннаго рынка, какъ это было во время быстраго роста сбыта товаровъ въ Калифорніи и Австралію вслѣдствіе открытія золота; или-же во

время американской войны, когда спросъ на полотно неожиданно и сильно увеличился вслѣдствіе недостаточнаго предложенія коленкора; когда, говорю я, открывается такого рода шансы сбыта, лица, которыя уже помѣстили свой капиталъ въ данной отрасли торговли, могутъ вслѣдствіе быстраго оборота капитала въ мануфактурахъ, даже и при незначительномъ повышеніи цѣны, получить большую прибыль, прежде чѣмъ произойдетъ расширеніе основного капитала, въ соотвѣтствіи съ новыми условіями спроса. Это и есть одинъ изъ источниковъ, и самый главный, очень крупныхъ состояній, при случаѣ пріобрѣтаемыхъ отдѣльными личностями въ промышленности этого рода. По поводу другихъ источниковъ, я думаю, что въ тѣхъ случаяхъ, когда получаются исключительныя и необычайныя прибыли, они достигаются не столько съ помощью мануфактурныхъ операцій въ собственномъ смыслѣ слова, сколько съ помощью спекуляцій на сыромъ матерьялѣ для промышленности. Таково по крайней мѣрѣ, какъ мы знаемъ, было происхожденіе крупныхъ состояній, нажитыхъ во время американской гражданской войны.

Обращаясь теперь къ продуктамъ земледѣльческой, скотоводческой и вообще добывающей промышленности, мы находимъ, что обстоятельства, при которыхъ этотъ классъ товаровъ доставляется на рынокъ, во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно отличаются отъ тѣхъ, которыя мы только-что разсматривали; они допускаютъ гораздо большія отклоненія рыночной цѣны отъ нормальной. Здѣсь періодъ производства продолжительнѣе,

результаты процесса гораздо менѣе достовѣрны, самъ товаръ въ одно и то-же время и болѣе непроченъ, и менѣе удобенъ для перевозки, и человѣческія требованія по отношенію къ нему, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ болѣе неотложный характеръ. Самый короткій періодъ, въ теченіе котораго можетъ быть пополненъ запасъ пищи, или сырого матерьяла изъ растительнаго царства, обыкновенно равняется году, а если товаръ имѣетъ животное происхожденіе, то этотъ срокъ значительно удлиняется. Съ другой стороны, фермеръ можетъ рѣшить, какой участокъ земли засѣвать такими-то сѣменами, или какое количество скота слѣдуетъ содержать; но дѣйствительная получка его будетъ зависѣть отъ состоянія погоды, и можетъ оказаться значительно выше, или ниже его вычисленій. Всѣ эти обстоятельства создаютъ препятствія къ приспособленію предложенія къ спросу, и, слѣдовательно, имѣютъ тенденцію вызывать частныя и значительныя уклоненія рыночной цѣны отъ нормальной. Другія условія даннаго случая также не таковы, чтобы нейтрализировать вліяніе этихъ нарушающихъ агентовъ. Свойства нѣкоторыхъ изъ главныхъ земледѣльческихъ продуктовъ дѣлаютъ ихъ приспособленными къ дальнему транспорту, и въ такой мѣрѣ не благопріятствуетъ колебаніямъ ихъ цѣнъ. Но, съ другой стороны, отношеніе этихъ продуктовъ къ человѣческимъ потребностямъ значительно усиливаетъ тенденцію къ рѣзкимъ колебаніямъ ихъ цѣнъ, присущую условіямъ ихъ производства. Это особенно проявляется по отношенію къ товарамъ, каковы-бы они ни были, которые служатъ главною пищей народа. Обратите вниманіе на особый характеръ человѣческихъ требованій по отношенію къ такому товару.

Требованія эти таковы, что, при данномъ количествѣ населенія, потребляемое количество этихъ товаровъ является почти постоянной величиной, и почти независимой отъ цѣны; за исключеніемъ самыхъ бѣднѣйшихъ жителей, удешевленіе такихъ товаровъ не вызоветъ усиленнаго потребленія, тогда какъ, съ другой стороны, всѣ потребители при всякой цѣнѣ, невыходящей за предѣлы ихъ средствъ, получаютъ свои обычные запасы. Слѣдствіемъ этого является то, что когда въ предложеніи главнаго предмета народной пищи замѣчается даже небольшой недостатокъ или излишекъ, то въ первомъ случаѣ конкурренція потребителей изъ-за обычнаго количества пищи быстро подниметъ цѣну значительно выше, чѣмъ это слѣдовало-бы пропорціонально уменьшенію предложенія; а въ противномъ случаѣ, такъ какъ никто не склоненъ увеличивать своего обычнаго потребленія, то конкурренція торговцевъ, желающихъ поскорѣе найти новый рынокъ для избыточнаго товара, въ такой-же мѣрѣ понижаетъ цѣны. Кто изучалъ исторію англійскихъ цѣнъ въ то время, пока въ Англіи еще царилъ протекціонизмъ, тотъ знакомъ съ громадными и неожиданными колебаніями цѣнъ, которыя время отъ времени случались подъ вліяніемъ только что описанныхъ причинъ. Такія рѣзкія колебанія врядъ-ли когда-либо еще будутъ имѣть мѣсто; но даже и при господствѣ умѣряющаго режима свободной торговли, особый характеръ главныхъ пищевыхъ продуктовъ, въ ихъ отношеніи къ потребностямъ человѣческихъ существъ, продолжаетъ отъ времени до времени давать чувствовать свое вліяніе, и производитъ неожиданныя и значительныя измѣненія въ рыночныхъ цѣнахъ товаровъ. И здѣсь я могу отмѣтить явленіе противоположное тому, о которомъ я

только-что упоминалъ въ связи съ рыночными цѣнами мануфактурныхъ продуктовъ. Я указывалъ тогда, что, въ то время какъ обстоятельства въ общемъ содѣйствуютъ прочности *рыночныхъ* цѣнъ такихъ продуктовъ, ихъ *нормальныя* цѣны подвержены значительнымъ измѣненіямъ. У земледѣльческихъ продуктовъ, и въ особенности у главныхъ пищевыхъ продуктовъ націи, это отношеніе совершенно обратное. Я рѣшился утверждать, опираясь на авторитета Ад. Смита, что изо всѣхъ товаровъ, тотъ, который служитъ главной пищей народа, во времени подвергается наименьшимъ измѣненіямъ своей нормальной цѣнности. Какъ я уже сказалъ, я полагаю, что, при изслѣдованіи этого случая, мы нашли-бы, что за нѣсколько столѣтій нормальная цѣнность пшеницы (я не говорю, нормальная *цѣна*) измѣнилась очень немного въ наиболѣе передовыхъ странахъ Европы. Съ другой стороны, по причинамъ, которыя только-что были изложены, пшеница, среди всѣхъ важныхъ товаровъ, является тѣмъ товаромъ, который проявляетъ, при колебаніяхъ рынка, наиболѣе сильныя измѣненія. Замѣчу вскользь, что такого рода явленія указываютъ на абсолютную необходимость различенія между рыночной и нормальной цѣной въ экономическихъ разсужденіяхъ при выясненіи феномена цѣны. Эти феномены вполнѣ отличны и, какъ показало предшествующее разсужденіе, иногда по отношенію къ однимъ и тѣмъ-же товарамъ управляются противоположными законами. Можно-ли надѣяться получить вѣрное представленіе объ ихъ движеніяхъ, если мы будемъ разсматривать ихъ,—что часто дѣлается въ изслѣдованіяхъ о цѣнности—какъ одно и тоже явленіе и соединять ихъ вмѣстѣ, какъ предметъ одного изслѣдованія?

Теперь намъ предстоитъ выяснить колебанія рыночныхъ цѣнъ въ области добывающей промышленности, разсматривая ихъ отклоненія отъ нормальной цѣны въ двухъ отношеніяхъ: 1) по отношенію къ ихъ интенсивности, и 2) по отношенію къ ихъ продолжительности. Товаръ можетъ внезапно и очень значительно подняться въ цѣнѣ, но и быстро вернуться къ обычнымъ условіямъ продажи; или, съ другой стороны, поднимаясь медленно и не очень значительно надъ своимъ обычнымъ уровнемъ, онъ можетъ долгое время сохранять свою повышенную цѣну. Если, помня это различіе, мы будемъ сравнивать среди сырыхъ продуктовъ промышленности тѣ, которые извлекаются изъ растительнаго царства, съ тѣми, которые извлекаются изъ животнаго царства, я думаю, мы найдемъ, что слѣдующее правило, въ общемъ, будетъ справедливымъ: а именно — что растительные продукты въ большинствѣ случаевъ подвержены рыночнымъ колебаніямъ перваго рода, другими словами—что колебанія эти обыкновенно бываютъ внезапны и значительны, но сравнительно непродолжительны; между тѣмъ какъ рыночныя цѣны продуктовъ животнаго происхожденія рѣдко поднимаются быстро, но, когда значительное повышеніе ихъ уже достигнуто, онѣ, обыкновенно, долгое время остаются на этомъ уровнѣ. Такъ, даже послѣ установленія свободной торговли, цѣна хлѣба за нѣсколько лѣтъ вдвое уменьшилась и затѣмъ опять вдвое увеличилась, а потомъ, послѣ одного или двухъ лѣтъ, опять упала до прежняго уровня, а въ животныхъ продуктахъ не происходило, насколько мнѣ извѣстно (по крайней мѣрѣ въ недавнее время), такихъ рѣзкихъ измѣненій. Среди животныхъ продуктовъ за послѣднее время наиболѣе повы-

силось въ цѣнѣ мясо. Но было-бы ошибочно объяснять значительное повышеніе цѣны этого продукта за послѣдніе 20 лѣтъ простыми рыночными колебаніями; ибо есть причина думать, что, если не стоимость производства, въ строгомъ смыслѣ этого слова, то во всякомъ случаѣ стоимость производства, выраженная въ деньгахъ, за это время значительно повысилась. Поэтому, если не предполагать, что цѣнность золота, вслѣдствіе какого нибудь необыкновеннаго экономическаго каприза, возвратитъ себѣ то, что она потеряла, то нѣтъ ни малѣйшаго вѣроятія въ томъ, что цѣна мяса когда нибудь вернется къ тому уровню, на которомъ она стояла 20 лѣтъ тому назадъ. Настоящее повышеніе не можетъ, слѣдовательно, разсматриваться, во всякомъ случаѣ, въ своей главной части, какъ простое явленіе рынка, а скорѣе какъ окончательное повышеніе нормальной цѣны; къ этому можно прибавить, что тоже самое, въ большей или меньшей степени, вѣрно по отношенію къ большинству случаевъ повышенія цѣны, наблюдаемымъ за послѣднее время. Возвращаясь къ разницѣ рыночной цѣны растительныхъ и животныхъ продуктовъ, причины этой разницы могутъ быть найдены въ условіяхъ производства. Товары, извлеченные изъ продуктовъ растительнаго царства, могутъ, въ общемъ, быть увеличены въ количествѣ скорѣе, чѣмъ товары изъ животныхъ продуктовъ; слѣдовательно, отклоненія отъ нормальнаго уровня требуютъ въ этомъ случаѣ для своего исправленія болѣе короткаго промежутка времени. Съ другой стороны, тѣже товары подвержены гораздо большему риску въ процессѣ производства, чѣмъ товары животнаго происхожденія; факторы, дѣйствующіе здѣсь, гораздо менѣе подчиняются человѣческому контролю. Животныя могутъ быть искусственнымъ образомъ предохраняемы отъ дѣйствія естественныхъ факторовъ, но немногіе изъ такихъ защитительныхъ средствъ могутъ употребляться при производствѣ въ большихъ размѣрахъ растительныхъ продуктовъ. Поэтому недостатокъ предложенія обыкновенно бываетъ болѣе значительнымъ въ послѣднемъ случаѣ, и поэтому колебанія рыночной цѣны бываютъ, хотя и короче, но за-то сильнѣе.

Самыми важными исключеніями изъ только-что изложеннаго правила являются рыба и дичь; но это исключеніе такого рода, которое только подтверждаетъ правило, потому что, въ отличіе отъ животныхъ продуктовъ, получаемыхъ путемъ приручения и воспитанія животныхъ, предложеніе рыбы, и въ меньшей степени предложеніе дичи, находится въ зависимости отъ причинъ, недоступныхъ контролю человѣка, между тѣмъ, какъ время, потребное для добычи ихъ, по сравненію съ временемъ, потребнымъ для выполненія обычнаго промышленнаго процесса, необыкновенно коротко. Слѣдовательно, тотъ принципъ, на которомъ покоится установленное нами правило, долженъ былъ-бы заставить насъ предположить здѣсь рѣзкія и непродолжительныя колебанія, особенно, если мы примемъ въ соображеніе необыкновенную подверженность порчѣ этихъ продуктовъ — обстоятельство, которое побуждаетъ торговцевъ идти на всякія жертвы для того, чтобы найти рынокъ для своихъ товаровъ въ теченіи строго-ограниченнаго періода времени; такія рѣзкія и непродолжительныя колебанія и наблюдаются въ дѣйствительности.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Доктрина сравнительной стоимости производства.

До сихъ поръ въ трактатахъ политической экономіи международная торговля или международная цѣнность разсматривалась, какъ особый предметъ экономическаго изслѣдованія, независимо отъ общей теоріи обмѣна или мѣновой цѣнности; но недавно возникъ вопросъ — имѣетъ-ли научное основаніе такой способъ изложенія, не внушаетъ-ли онъ неправильнаго представленія о предметѣ, предполагая принципіальныя различія тамъ, гдѣ въ дѣйствительности не существуетъ этихъ различій.

Вопросъ заключается въ природѣ явленій, называемыхъ международной торговлей — таковы-ли эти явленія, чтобы изслѣдованіе ихъ могло быть включено въ ту-же теорію обмѣна, которая занимается внутренней торговлей. Если указанныя явленія могутъ получить свое разъясненіе изъ этой послѣдней теоріи, то ясно, что возраженіе противъ общепринятаго способа изложенія вполнѣ основательно; въ противномъ-же случаѣ ясно, что явленіе международной торговли требуетъ спеціальной теоріи для своего разъясненія.

Чтобы выяснить этотъ вопросъ, полезно установить въ самой общей формѣ основныя условія, отъ которыхъ зависитъ торговля каждой страны во всѣхъ ея формахъ. Эти основныя условія заключаются въ обстоятельствахъ, зависящихъ отъ раздѣленія труда или спеціализаціи занятій. Для того, чтобы при этомъ послѣднемъ условіи производство могло продолжаться и чтобы можно было воспользоваться выгодой отъ увеличенной производительности и экономіи труда благодаря его раздѣленію, необходимо, чтобы лица, занятыя особыми родами труда, обмѣнивались своими продуктами, и въ этомъ фактѣ заключается естественное основаніе и объясненіе торговли. Торговля, слѣдовательно, является необходимымъ условіемъ для того, чтобы раздѣленіе занятій было возможно и выгоды, проистекающія изъ торговли, суть вмѣстѣ съ тѣмъ и выгоды раздѣленія труда. Общій характеръ этихъ выгодъ знакомъ всѣмъ читателямъ экономическихъ сочиненій; но для настоящей цѣли намъ достаточно остановиться на двухъ пунктахъ—во первыхъ, мы можемъ разсмотрѣть общія выгоды, происходящія вслѣдствіе раздѣленія занятій, независимо отъ особыхъ преимуществъ этого раздѣленія и во вторыхъ, мы можемъ разсматривать выгоды, зависящія отъ раздѣленія занятій, поскольку оно доставляетъ возможность развитія и улитизированія спеціальныхъ способностей отдѣльныхъ лицъ или мѣстностей къ производству. Примѣромъ выгодъ перваго рода могутъ служить обыкновенныя ремесла. Очевидно, выгодно, чтобы такія занятія, какъ портняжичество, сапожное производство, шляпное, кузнечное и плотничное были раздѣлены другъ отъ друга и исполнялись отдѣльными лицами. Но, такъ какъ большинство этихъ занятій требуетъ однихъ и тѣхъ же, или почти однихъ и тѣхъ же способностей для своего выполненія, то не имѣетъ большаго значенія, какое именно ремесло выбираетъ тотъ или иной ремесленникъ. А—портной, В—сапожникъ, С—шляпочникъ; но еслибы А былъ сапожникомъ, С—портнымъ, а В—шляпочникомъ, то такое распредѣленіе занятій, по всей вѣроятности, также удовлетворяло бы своей цѣли.

Раздѣленіе занятій въ этомъ случаѣ выгодно лишь вслѣдствіе увеличенія ловкости работника, благодаря его большему знакомству со своимъ спеціальныхъ дѣломъ, а также благодаря сбереженію времени, напрасно растрачиваемаго рабочимъ, принужденнымъ часто переходить отъ одного занятія къ другому. Въ этомъ заключаются выгоды перваго рода отъ раздѣленія занятій, которое возможно только благодаря торговлѣ. Но, какъ я сказалъ, эти выгоды могутъ соединяться съ другими въ томъ случаѣ, когда раздѣленіе занятій, достигая только-что указанныхъ цѣлей, въ тоже время доставляетъ возможность развитія спеціальныхъ способностей или рессурсовъ, которыми обладаютъ отдѣльныя личности или мѣстности.

Въ вышеприведенномъ примѣрѣ выгоды, получаемыя отъ раздѣленія занятій, зависятъ отъ простого факта раздѣленія труда, совершенно независимо отъ того, какъ отдѣльныя занятія были распредѣлены между лицами, выполняющими ихъ, а также независимо и отъ мѣста исполненія каждаго занятія. Но если занятія таковы, что требуютъ спеціальныхъ способностей рабочаго или спеціальныхъ естественныхъ условій мѣстности, тогда раздѣленіе труда приноситъ новую выгоду. Заставлять человѣка, способнаго къ высшимъ умственнымъ занятіямъ, исполнять грубую ме-

ханическую работу—значило-бы просто растрачивать силу; точно также, если извѣстная отрасль промышленности существуетъ въ той мѣстности, которая болѣе приспособлена къ другимъ отраслямъ промышленности, то производительная сила растрачивается такъ-же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Словомъ, хотя большинство занятій имѣетъ такой характеръ, что каждое изъ нихъ почти съ одинаковымъ успѣхомъ могло-бы исполняться послѣ предварительнаго обученія любымъ человѣкомъ, а также и въ любой мѣстности, существуютъ и другія занятія, требующія для своего успѣха особенныхъ личныхъ свойствъ или особенныхъ естественныхъ условій; и общая успѣшность производства при прочихъ равныхъ условіяхъ пропорціональна полнотѣ, въ какой занятія приспособлены къ свойствамъ людей и мѣстностей.

Такимъ образомъ, существуютъ выгоды двухъ различныхъ родовъ отъ раздѣленія занятій, и я обратилъ вниманіе на это обстоятельство потому, что международная торговля стремится къ развитію этихъ выгодъ. Мірован торговля совершается между странами, очень далекими другъ отъ друга, какъ по степени цивилизаціи, такъ и по своимъ естественнымъ рессурсамъ и условіямъ производства; если страны приближаются другъ къ другу по своимъ естественнымъ условіямъ производства или промышленному характеру своихъ жителей, задачи международной торговли съуживаются и потребность въ такой торговлѣ можетъ даже совершенно исчезнуть. И причина этого вполнѣ понятна.

Выгоды раздѣленія труда, если только онѣ не вытекаютъ изъ спеціальной приспособленности тѣхъ или иныхъ лицъ или мѣстностей къ производству опредѣленнаго рода, вообще вполнѣ достигаются въ тѣхъ

странахъ, въ которыхъ промышленность достаточно развита, уже въ предѣлахъ каждой страны. Внутренній туземный рынокъ можетъ оказаться недостаточнымъ для такого полнаго раздѣленія занятій лишь въ томъ случаѣ, если населеніе очень рѣдко; а въ этомъ случаѣ, обыкновенно, выгоды, которыя могутъ быть получены обмѣномъ съ иностранными націями тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ ни одна страна не имѣетъ опредѣленныхъ положительныхъ или относительныхъ преимуществъ, уничтожаются затратами на передвиженіе продуктовъ.

Поэтому, въ странахъ или областяхъ очень рѣдко населенныхъ, вмѣсто раздѣленія труда при помощи обмѣна съ другими странами, обыкновенно не происходитъ никакого раздѣленія труда, или только очень неполное, и промышленность сохраняетъ примитивный характеръ. Международная торговля такимъ образомъ ограничивается практически тѣми случаями раздѣленія занятій, въ которыхъ обычныя выгоды раздѣленія труда соединились съ тѣми выгодами, которыя зависятъ отъ спеціальной приспособленности отдѣльныхъ лицъ или мѣстностей къ даннымъ производственнымъ операціямъ; легко замѣтить, что изъ этихъ двухъ родовъ приспособленности въ международной торговлѣ имѣетъ несравненно большее значеніе приспособленность второго рода—мѣстностей или естественныхъ факторовъ. Единственнымъ случаемъ, когда личныя преимущества пріобрѣтаютъ большое значеніе въ международной торговлѣ, является торговля странъ, находящихся на различныхъ уровняхъ цивилизаціи. Такъ напримѣръ, въ торговлѣ Англіи съ Индіей различный характеръ народовъ, зависящій отъ различной степени ихъ цивилизаціи, по всей вѣро-

ятности, очень существенно вліяетъ на характеръ и размѣръ ихъ коммерческихъ сдѣлокъ.

Но, быть можетъ, самымъ поучительнымъ примѣромъ вліянія личныхъ свойствъ торгующихъ на характеръ международной торговли, являлась торговля южныхъ штатовъ сѣверо-американскаго союза до уничтоженія рабства.

Это послѣднее соціальное учрежденіе придавало совершенно особый характеръ населенію этихъ штатовъ, благодаря чему оно оказывалось непригоднымъ для большинства промышленныхъ занятій и въ то-же время особенно приспособленнымъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Подъ вліяніемъ этого, почти вся промышленная дѣятельность страны обратилась къ производству двухъ или трехъ сырыхъ продуктовъ, для добыванія которыхъ трудъ рабовъ оказывался самымъ пригоднымъ; и эти продукты, путемъ обмѣна ихъ на продукты чужихъ странъ, доставляли населенію средства для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ потребностей. Это, быть можетъ, самый замѣчательный примѣръ того, какъ индивидуальныя условія могутъ вліять на характеръ внѣшней торговли страны. Но въ общемъ личный факторъ не играетъ большой роли въ международной торговлѣ.

Важнѣйшимъ условіемъ, которому подчинены всѣ прочія, условіемъ, опредѣляющимъ самое существованіе и характеръ внѣшней торговли, является другая форма приспособленности, вытекающая изъ положительныхъ или относительныхъ выгодъ, представляемыхъ опредѣленными мѣстностями для производства тѣхъ или другихъ продуктовъ.

Въ этомъ и заключается характеристичная черта, отличающая международную торговлю отъ внутренней

торговли; но если-бы это было единственнымъ отличіемъ, то мы все-таки не имѣли-бы достаточнаго основанія признать необходимость особой теоріи международной торговли.

Послѣднее оказывается необходимымъ по слѣдующему соображенію, на которое я прошу обратить вниманіе.

Однимъ изъ важнѣйшихъ условій, дѣлающихъ возможнымъ различіе относительной выгодности занятій, является степень легкости передвиженія капитала и труда изъ одной отрасли промышленности въ другую. Эта легкость весьма различна, если перемѣщеніе капитала и труда совершается въ предѣлахъ одной страны или изъ одной страны въ другую; и въ этомъ заключается основное отличіе международной торговли отъ внутренней. Посмотримъ, въ чемъ заключается, въ общихъ чертахъ, значеніе и степень этого различія.

Въ трактатахъ политической экономіи обыкновенно предполагается, что въ предѣлахъ одной страны трудъ и капиталъ перемѣщаются вполнѣ свободно, какъ между различными мѣстностями, такъ и между различными отраслями промышленности; а между различными странами капиталъ и трудъ перемѣщаются крайне затруднительно, или даже совсѣмъ не перемѣщаются. Въ строгомъ смыслѣ ни то, ни другое не вѣрно. Капиталъ дѣйствительно очень свободно перемѣщается между различными мѣстностями и отраслями промышленности одной и той-же страны, если только онъ является въ формѣ покупательной силы, пригодной для цѣлей промышленности; но трудъ, какъ извѣстно, встрѣчаетъ многочисленныя препятствія для своего перемѣщенія; рабочіе, принадлежащіе къ низшимъ родамъ труда,

не могутъ по самому своему положенію конкуррировать съ рабочими, принадлежащими къ высшему промышленному уровню; но рабочіе одного и того-же промышленнаго слоя встрѣчаютъ препятствія въ перемѣщеніи изъ одной мѣстности въ другую, препятствія, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, практически, могутъ считаться непреодолимыми. Точно также нельзя сказать, безъ оговорки, что трудъ и капиталъ не перемѣщаются изъ одной страны въ другую. Капиталъ становится съ каждымъ днемъ менѣе національнымъ и пріобрѣтаетъ все больше космополитическій характеръ; и хотя трудъ далеко не обладаетъ такой подвижностью, все-таки, въ виду эмиграціи изъ Англіи и другихъ европейскихъ странъ (населеніе начинаетъ эмигрировать даже изъ Азіи) нельзя отрицать, что рабочіе подъ вліяніемъ экономическихъ условій могутъ переселяться значительными массами изъ одной страны въ другую.

Поэтому, разсматриваемое утвержденіе въ той неограниченной формѣ, какъ оно часто дѣлается, не можетъ быть признано вѣрнымъ. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ утвержденіи содержится достаточно истины, послѣ всѣхъ ограниченій, чтобы оправдать различіе, дѣлаемое экономистами между внутренней и международной торговлей. Для доказательства правильности такого различія отнюдь не требуется, чтобы капиталъ и трудъ абсолютно не могли перемѣщаться изъ одной страны въ другую.

Доктрина утверждаетъ лишь то, что для размѣщенія капитала и труда изъ одной страны въ другую имѣются препятствія, существенно ограничивающія, и притомъ для всѣхъ товаровъ, дѣйствіе соперничества производителей. Единственнымъ вполнѣ достаточнымъ

доказательствомъ конкурренціи производителей является соотвѣтствіе сдѣланныхъ пожертвованій съ полученными выгодами, соотвѣтствіе, при которомъ должны быть приняты въ соображеніе всѣ особыя обстоятельства отдѣльныхъ отраслей производства, вліяющія на размѣръ пожертвованія въ каждой изъ нихъ. Если мы приложимъ это мѣрило къ торговымъ сдѣлкамъ внутри страны, то мы увидимъ, что дѣйствительно между различными отраслями промышленности въ предѣлахъ одной страны конкурренція дѣйствуетъ весьма сильно. Конкурренція различныхъ капиталовъ въ этихъ предѣлахъ можетъ быть признана полной; а конкурренція рабочихъ, сдерживаемая въ нѣкоторыхъ пунктахъ, все-же проявляетъ свое дѣйствіе въ обширныхъ промышленныхъ областяхъ. По этой причинѣ, какъ бы ни были значительны различія прибыли, все-же прибыль тяготѣетъ въ каждой странѣ къ извѣстному среднему уровню, а также и заработная плата въ однѣхъ и тѣхъ-же областяхъ промышленности. Но если тоже самое мѣрило примѣнить къ международной торговлѣ, то мы придемъ къ совершенно противоположному заключенію. Хотя капиталъ и переходитъ изъ одной страны въ другую, этотъ переходъ совершается не настолько повсемѣстно и не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, чтобы уровень прибыли въ различныхъ странахъ былъ однимъ и тѣмъ-же — прибыль въ нѣкоторыхъ странахъ стоитъ на значительно высшемъ уровнѣ, чѣмъ въ другихъ. Не смотря на то, что мы знаемъ о международныхъ передвиженіяхъ капитала, та часть капитала, которая дѣйствительно можетъ быть названа космополитической, которая всегда можетъ быть помѣщена и въ другихъ странахъ, кромѣ своей собственной, составляетъ только небольшую до-

лю всего національнаго капитала. Такимъ подвижнымъ капиталомъ является только та часть національнаго капитала, которая составляетъ свободный, непомѣщенный капиталъ страны—та часть фондовъ капиталиста, которую онъ не желаетъ помѣстить въ собственномъ предпріятіи и предпочитаетъ отдать въ ссуду.

Вся несравненно бо́льшая часть національнаго капитала, съ которой собственники не желаютъ разставаться и предпочитаютъ помѣщать въ собственныхъ предпріятіяхъ,—весь этотъ капиталъ фактически связанъ со страной капиталиста. Капиталъ, переходящій въ другую страну, можетъ иногда составлять абсолютно крупную сумму, но все-таки онъ совершенно неспособенъ оказать значительное вліяніе на общій уровень прибыли въ данной странѣ; по этой причинѣ процентъ прибыли постоянно остается такимъ различнымъ въ разныхъ странахъ, и также мало замѣчается соотвѣтствіе между заработной платой въ разныхъ странахъ, не смотря на международныя передвиженія рабочихъ. Какъ ни велика эмиграція рабочихъ изъ Европы въ Соединенныя Штаты, можно сомнѣваться, чтобы эта эмиграція въ какой либо мѣстности Соедин. Штатовъ, кромѣ немногочисленныхъ городовъ восточнаго побережья, оказала замѣтное дѣйствіе на уровень заработной платы въ этой странѣ. Во всѣхъ отрасляхъ труда въ Соедин. Штатахъ заработная плата остается значительно высшей, чѣмъ въ Европѣ. И не замѣтно, чтобы въ Соедин. Штатахъ заработная плата понижалась. Изъ этого можно заключить, какъ относительно труда, такъ и относительно капитала, что несмотря на извѣстную международную подвижность этихъ факторовъ производства, препятствія

для перехода ихъ изъ одной страны въ другую настолько велики, что устраняютъ дѣйствіе конкурренціи между разными странами; между тѣмъ какъ въ предѣлахъ одной страны конкурренція оказываетъ свое полное дѣйствіе въ обширныхъ промышленныхъ областяхъ. Только это, и не больше, утверждается экономистами; по крайней мѣрѣ болѣе этого и не требуется для доказательства необходимости отдѣлить теоретическое разсмотрѣніе фактовъ внутренней торговли отъ международной.

Раньше, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію послѣдствій, вытекающихъ изъ указаннаго положенія, будетъ полезно остановиться вкратцѣ на природѣ тѣхъ препятствій, которыя задерживаютъ перемѣщеніе труда и капитала между разными странами. Важнѣйшія изъ этихъ препятствій слѣдующія: 1) географическое разстояніе, 2) различіе политическихъ учрежденій, 3) различіе въ языкѣ, религіи и общественныхъ нравахъ, словомъ въ формахъ цивилизаціи. Каждое изъ этихъ различій можетъ помѣшать, и дѣйствительно мѣшаетъ въ большей или меньшей степени свободному передвиженію труда и капитала. По своему относительному значенію, соціальныя и политическія причины, при современныхъ условіяхъ, являются, вѣроятно, болѣе могущественными препятствіями, чѣмъ физическія, въ особенности, когда съ политическими и соціальными различіями соединяются расовыя различія; между тѣмъ какъ географическое разстояніе оказываетъ менѣе всего вліянія.

Если таковы важнѣйшія препятствія для перемѣщенія труда и капитала изъ одного мѣста въ другое, то легко замѣтить, что устанавливаемыя ими границы, хотя вообще и совпадаютъ съ тѣмъ, что называютъ

„внутреннимъ“ и „международнымъ“, тѣмъ не менѣе совпаденіе это далеко не является полнымъ. Такъ напримѣръ, Австралія и Канада являются частями одного и того-же политическаго тѣла, но географическія препятствія для торговли между этими странами такъ же, какъ и между каждой изъ этихъ странъ и Англіей, далеко превышаютъ препятствія этого рода между многими независимыми государствами. То-же самое можно сказать и по отношенію къ западнымъ и восточнымъ Штатамъ Сѣверо-Американскаго Союза. Далѣе, въ одной и той-же странѣ мы видимъ различія расъ, языка, религіи и до извѣстной степени общественныхъ нравовъ и привычекъ; отсюда ясно, что нельзя провести никакой рѣзкой и опредѣленной линіи между внутренней и международной торговлей, исходя изъ характера препятствій для передвиженія труда и капитала; вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ признать, что термины „международный“ и „внутренній“ не выражаютъ точнаго различія, которое должны были-бы выражать. Намъ нуженъ терминъ, охватывающій всю ту часть торговли, которая совершается между мѣстностями достаточно отдѣленными другъ отъ друга, по моральнымъ или физическимъ условіямъ, для того, чтобы конкурренція между ними была стѣснена и въ то-же время этотъ терминъ долженъ исключать торговлю, совершающуюся при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, когда конкурренція можетъ дѣйствовать въ полной силѣ. Насколько мнѣ извѣстно, термина вполнѣ удовлетворяющаго этимъ требованіямъ не существуетъ. Ближе всего къ требуемому смыслу приближается выраженіе „международная торговля“. Въ торговлѣ независимыхъ націй оказываютъ свое дѣйствіе всѣ или большинство вышеупомянутыхъ

препятствій, и дѣйствуя въ совокупности, препятствія эти дѣйствительно сильно мѣшаютъ свободному передвиженію труда и капитала; между отдѣльными мѣстностями одной и той-же страны препятствія эти дѣйствуютъ не съ такой силой, и, если и дѣйствуютъ, то вліяніе ихъ въ значительной степени нейтрализуется могущественнымъ ассимилирующимъ вліяніемъ центральнаго правительства. Что касается до колоній, то хотя политическія причины имѣютъ тенденцію облегчать перемѣщеніе труда и капитала между ними и метрополіей, но географическія, климатическія и другія условія превозмогаютъ и задерживаютъ такія перемѣщенія; поэтому для цѣлей экономическаго изслѣдованія, мы должны включить колоніальную торговлю въ рубрику международной торговли. Такимъ образомъ, наша экономическая номенклатура въ этомъ отношеніи не свободна отъ возраженій; но не упуская изъ виду ея недостатковъ, мы можемъ ею пользоваться безъ опасности быть вовлеченными въ ошибку.

Мы установили основанія, по которымъ слѣдуетъ особо изучать международную и внутреннюю торговлю, и выяснили смыслъ этихъ терминовъ. Остается указать, къ какимъ послѣдствіямъ въ торговлѣ разныхъ странъ приводятъ вышеуказанныя условія, при которыхъ совершается эта торговля.

Первымъ изъ этихъ послѣдствій является слѣдующее: между двумя независимыми странами можетъ возникнуть торговля и можетъ быть выгодной для обѣихъ странъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ торговля не могла-бы развиться, если-бы торгующія мѣстности принадлежали одной странѣ; другими словами, если-бы капиталъ и трудъ могли свободно пере-

ходить изъ одной страны въ другую. Разсмотримъ слѣдующій случай. Предположимъ, что между сѣвернымъ Уэльсомъ съ одной стороны, и Ланкаширомъ и Іоркширомъ съ другой производится торговля, причемъ сѣверный Уэльсъ вывозитъ шиферъ и обмѣниваетъ его на шерстяныя и бумажныя матеріи, вывезенныя двумя послѣдними графствами. Сѣверный Уэльсъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ преимущество передъ Іоркширомъ и Ланкаширомъ въ производствѣ шифера и, вѣроятно, Іоркширъ и Ланкаширъ имѣютъ нѣкоторое преимущество, хотя не настолько несомнѣнное, передъ сѣвернымъ Уэльсомъ въ изготовленіи названныхъ тканей. Въ одномъ мы во всякомъ случаѣ увѣрены: а именно, что ни эта, ни другая мѣстность не поставлена въ худшія условія по отношенію къ производству того продукта, который въ ней дѣйствительно производится; ибо если-бы это было не такъ, то данный продуктъ пересталъ-бы производиться въ данной мѣстности; капиталъ и рабочіе, занятые даннымъ производствомъ, перешли-бы въ другую мѣстность, которая представляетъ большія удобства для этого производства; и торговля между разсматриваемыми странами должна была-бы прекратиться. Словомъ, передвиженіе орудій производства замѣнило-бы передвиженіе продукта и торговлю. Это должно было-бы произойти въ томъ случаѣ, если-бы торгующія мѣстности принадлежали къ одной и той-же странѣ и если-бы трудъ и капиталъ могли свободно переходить изъ одной мѣстности въ другую. Но предположимъ, что торгующія мѣстности расположены въ разныхъ странахъ, между которыми трудъ и капиталъ могутъ перемѣщаться только съ большимъ трудомъ, или-же совершенно не могутъ. При такихъ условіяхъ каждая

страна можетъ имѣть преимущество передъ другой въ производствѣ всѣхъ своихъ важнѣйшихъ продуктовъ, — въ данномъ случаѣ тканей такъ-же, какъ и шифера, и торговля между обѣими странами тѣмъ не менѣе будетъ продолжаться; хотя въ этомъ случаѣ точно такъ-же, какъ и въ случаѣ ранѣе разсмотрѣнномъ, было-бы выгодно въ смыслѣ увеличенія производительности труда перемѣстить трудъ и капиталъ изъ менѣе благопріятной въ болѣе благопріятную страну—тѣмъ не менѣе, какъ мы предполагаемъ, фактически это перемѣщеніе не можетъ совершиться. Возникаетъ вопросъ, какимъ-же образомъ при этомъ условіи обѣ страны могутъ наилучшимъ образомъ удовлетворять свои потребности при помощи имѣющихся у нихъ производительныхъ силъ? Простое соображеніе показываетъ, что при разсматриваемомъ условіи—если одна страна имѣетъ преимущество передъ другой во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ производства—интересы обѣихъ странъ требуютъ обмѣна продуктами, *если только преимущество страны, поставленной въ болѣе благопріятныя условія по отношенію къ производству, не одинаковы для каждаго отдѣльнаго рода производимыхъ продуктовъ*; иначе говоря, если только одна страна имѣетъ, сравнительно съ другой, большее преимущество въ производствѣ однихъ продуктовъ, чѣмъ другихъ. Если бы, напримѣръ, Сѣв. Уэльсъ и мануфактурныя графства Англіи принадлежали различнымъ государствамъ, и капиталъ и трудъ не могли свободно перемѣщаться между ними, если-бы при этомъ Сѣв. Уэльсъ обладалъ сравнительно съ мануфактурными графствами преимуществами въ производствѣ какъ шифера, такъ и тканей, при чемъ преимущество Уэльса

въ томъ и другомъ отношеніи не было-бы одинаковымъ, напримѣръ, преимущество по отношенію къ шиферу было бо́льшимъ, то взаимные интересы обѣихъ мѣстностей требовали-бы обмѣна шифера, со стороны Уэльса, на ткани со стороны мануфактурныхъ округовъ. И это объясняется тѣмъ, что Уэльсъ, направившій всю свою промышленность на производство шифера — область, въ которой преимущества Уэльса значительнѣе, чѣмъ въ производствѣ тканей — и обмѣнивая шиферъ на ткани, получалъ-бы эти ткани съ меньшими издержками, съ меньшей затратой труда и капитала, чѣмъ если-бы эти ткани производились въ самомъ Уэльсѣ; съ другой стороны, Іоркширъ и Ланкаширъ дешевле получали-бы шиферъ, употребивши свой капиталъ и трудъ на изготовленіе тканей, производство которыхъ для нихъ является менѣе невыгоднымъ, и обмѣнивая эти ткани на шиферъ, чѣмъ если-бы они непосредственно обратились къ производству шифера. Отсюда ясно, что между мѣстностями, принадлежащими къ разнымъ странамъ, торговля можетъ возникнуть при такихъ условіяхъ, при которыхъ торговля была-бы невозможна, если-бы эти мѣстности принадлежали къ одному государству, и капиталъ и трудъ обладали-бы свободой передвиженія. Это, повторяю, возможно, и фактически наблюдается весьма часто; можно даже сказать, что это является характеристической чертой значительной части торговли между независимыми странами. Такимъ образомъ, въ области международной торговли, мы встрѣчаемся съ явленіями, необъяснимыми съ точки зрѣнія теоріи обмѣна въ его простѣйшей формѣ, а, слѣдовательно, для объясненія этихъ явленій требуется особая теорія. Рикардо былъ первымъ, обратившимъ вниманіе на это

обстоятельство и построившимъ на немъ свою теорію международной торговли. Изложенныя разсужденія передаютъ сущность теоріи Рикардо. Она можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: *для возникновенія торговли между различными странами существеннымъ и вполнѣ достаточнымъ условіемъ является то, чтобы въ этихъ странахъ сравнительныя стоимости производства обмѣниваемыхъ продуктовъ—были различны.* Продукты, вывозимые изъ данной страны нерѣдко можно произвести дешевле въ той странѣ, куда они ввозятся; но тѣмъ не менѣе продуктъ будетъ ввозиться; торговля между странами можетъ совершаться и тогда, когда одна страна имѣетъ преимущество передъ другой въ производствѣ всѣхъ продуктовъ, поступающихъ въ обмѣнъ. Съ другой стороны, различія въ абсолютной стоимости производства продуктовъ въ разныхъ странахъ еще недостаточны для возникновенія между ними торговли, такъ какъ, если различія эти одни и тѣже для всѣхъ продуктовъ, для международнаго обмѣна не существуетъ достаточныхъ основаній. Единственнымъ условіемъ, существеннымъ и вполнѣ достаточнымъ для возникновенія международной торговли, являются различія въ сравнительной, а не абсолютной стоимости производства обмѣниваемыхъ продуктовъ.

Такова теорія международной торговли, созданная Рикардо и изложенная безъ существенныхъ измѣненій Миллемъ. Нѣтъ сомнѣнія, эта теорія правильно указываетъ основанія рѣшенія проблемы и выясняетъ самые важные факты — во всякомъ случаѣ всѣ факты, наиболѣе бросающіеся въ глаза въ области международныхъ торговыхъ сдѣлокъ. Тѣмъ не менѣе я постараюсь показать, что эта теорія не вполнѣ закончена

и не касается нѣкоторыхъ фактовъ, быть можетъ, не очень многочисленныхъ, но все-таки имѣющихъ большое значеніе. Но критику этого рода я оставляю для слѣдующей главы. Въ настоящее же время я ограничусь немногими замѣчаніями для выясненія самой доктрины, какъ она была формулирована выше.

Во первыхъ слѣдуетъ замѣтить, что подъ „стоимостью производства" слѣдуетъ въ данномъ случаѣ понимать дѣйствительную трудность производства, измѣряемую пожертвованіями, требуемыми производствомъ, а не сумму заработной платы и прибыли, все равно, чѣмъ бы она не измѣрялась—деньгами или продуктами. Въ этомъ смыслѣ Рикардо, первый открывшій разсматриваемую истину, понималъ выраженіе „стоимость производства", и въ этомъ-же смыслѣ употреблялъ его Милль въ своемъ изложеніи доктрины международной торговли. И можно сомнѣваться, чтобы теорія, признающая относительную стоимость производства принципомъ, регулирующимъ международную торговлю, могла-бы быть построена, если-бы подъ стоимостью производства понималась заработная плата и прибыль; во всякомъ случаѣ, какъ я постараюсь доказать, теорія международной цѣнности, принятая, какъ Рикардо, такъ и Миллемъ, совершенно несогласуема съ такимъ пониманіемъ стоимости производства.

Во вторыхъ, когда говорятъ, что международная торговля зависитъ отъ различій сравнительной, а не абсолютной стоимости производства вымѣниваемыхъ продуктовъ, то не нужно забывать, что въ данномъ случаѣ имѣется въ виду стоимость производства продуктовъ въ каждой данной странѣ, участвующей въ международномъ обмѣнѣ, а не стоимость производства одного и того-же продукта въ разныхъ странахъ.

Такъ, если уголь и вино являются предметами международнаго обмѣна Англіи и Франціи, сравнительныя стоимости производства, отъ которыхъ зависитъ возможность торговли, суть относительныя стоимости угля и вина во Франціи сравнительно съ относительными стоимостями тѣхъ-же продуктовъ въ Англіи. Быть можетъ, Англія можетъ добывать каменный уголь съ затратой въ половину меньшаго труда, чѣмъ Франція, но одно это обстоятельство еще не дѣлаетъ для Франціи выгоднымъ ввозъ каменнаго угля изъ Англіи. Если производство другихъ предметовъ во Франціи находится въ такихъ-же неблагопріятныхъ условіяхъ, то Франція ничего не выиграетъ, обмѣнивая съ Англіей свои продукты и торговля между обѣими странами будетъ невозможной. Но если мы предположимъ, что по отношенію къ какому либо иному продукту невыгода Франціи менѣе, а тѣмъ болѣе если Франція въ какой либо области производства имѣетъ положительное преимущество, какъ напримѣръ, въ данномъ случаѣ по отношенію къ вину, то для Франціи будетъ выгодно обмѣниваться этимъ послѣднимъ продуктомъ съ Англіей, получая отъ Англіи каменный уголь, вмѣсто того, чтобы добывать его изъ собственныхъ копей.

Все это должно сдѣлать яснымъ смыслъ употребляемыхъ терминовъ. Теперь я хочу привести читателю нѣсколько примѣровъ практическаго примѣненія принципа сравнительной стоимости для объясненія дѣйствительной міровой торговли. Для этого я возьму примѣръ внѣшней торговли австралійскихъ колоній до и послѣ открытія золотыхъ розсыпей. Раньше этого открытія (въ 1851 г.) золото не добывалось въ этой странѣ, и стоимость золота обращавшагося въ странѣ

(причемъ я подразумѣваю стоимость въ смыслѣ трудности пріобрѣтенія) равнялась стоимости производства тѣхъ продуктовъ, въ обмѣнъ на которые Австралія получала золото. Австралія вывозила шерсть, сало, кожи и обмѣнивала эти продукты на драгоцѣнные металлы; эти металлы, переходя въ Австралію, доставались австралійскимъ производителямъ, какъ ихъ заработная плата и прибыль. Эта заработная плата и прибыль, въ формѣ золота, составляли вознагражденіе за трудъ и воздержаніе при производствѣ тѣхъ продуктовъ, въ обмѣнъ на которые было получено золото. Чѣмъ выше была сумма заработной платы и прибыли, тѣмъ ниже была стоимость единицы полученнаго золота; на-оборотъ, чѣмъ ниже была заработная плата и прибыль, тѣмъ выше была стоимость пріобрѣтенія золота; словомъ, стоимость полученія золота была обратно пропорціональна суммѣ заработной платы и прибыли въ колоніи. Предположимъ, напр., что заработная плата неискуснаго рабочаго въ колоніи была въ 1850 г. 4 шиллинга. Такъ какъ трудъ является важнѣйшимъ элементомъ цѣнности то, для простоты разсужденія, мы можемъ обратить вниманіе исключительно на трудъ, и коротко сказать, что въ Австраліи до открытія розсыпей стоимость даннаго количества золота, соотвѣтствующаго 4 шиллингамъ, равнялась 1 рабочему дню. При такомъ положеніи дѣла, были открыты золотыя розсыпи; посмотрите, что при этомъ произошло. Тотъ-же самый рабочій, который раньше при помощи труда одного дня, могъ получать 4 шиллинга, теперь путемъ промывки золотоносныхъ песковъ, получилъ возможность добывать отъ 15 до 20 шил. золота. Одно и тоже усиліе доставляло ему въ настоящее вре-

мя въ 4—5 разъ больше золота, чѣмъ прежде; иначе говоря, стоимость золота упала въ пропорціи 4—5 къ 1. Но между тѣмъ какъ стоимость золота въ колоніи измѣнилась такъ значительно, стоимость производства другихъ продуктовъ нисколько не измѣнилась. Данное количество труда и воздержанія могло доставить тоже количество хлѣба, мяса, шерсти или сала. Сравнительная стоимость производства золота и другихъ продуктовъ измѣнилась въ огромной пропорціи, указываемой уменьшеніемъ абсолютной стоимости золота; иначе говоря, осуществилось то условіе, при которомъ, согласно теоріи Рикардо, внѣшняя торговля колоніи должна была испытать огромное измѣненіе; именно это и произошло. Съ этого времени и до тѣхъ поръ, пока условія торговли опять не измѣнились, частью благодаря постепенному истощенію болѣе богатыхъ залежей золота, и частью благодаря повышенію цѣнъ на иностранныхъ рынкахъ, втеченіи періода въ 4—5 лѣтъ, Австралія стала ввозить всевозможные предметы, которые только по своей природѣ могли быть ввозимы; и, что особенно поучительно, между ввозимыми предметами было много такихъ, которые сама Австралія могла-бы производить у себя дома съ значительно меньшей затратой труда и воздержанія, чѣмъ тѣ, которые требовались для производства этихъ предметовъ въ странахъ, откуда они вывозились. Такъ напр., дерево ввозилось въ Австралію изъ странъ по Балтійскому морю, хотя въ самой Австраліи существовали лѣса, способные доставлять дерево такого-же хорошаго качества, по крайней мѣрѣ для тѣхъ цѣлей—(для рудниковъ), для которыхъ оно требовалось. Масло въ обширныхъ размѣрахъ ввозилось изъ Ирландіи, а также, кажется,

изъ Англіи и Голландіи, хотя преимущества Австраліи въ области молочнаго хозяйства особенно велики, благодаря ея несравненнымъ пастбищамъ и изобилію скота. Точно также, не смотря на неограниченное количество земли, пригодной для обработки, Австралія ввозила почти все количество потребляемой ею пищи, и хотя сырой матеріалъ для кожаныхъ издѣлій былъ въ Австраліи дешевле, чѣмъ гдѣ либо въ мірѣ, Австралія ввозила изъ за границы башмаки. Какимъ образомъ объяснить эти факты? Объясненіе можетъ быть только одно — принципъ сравнительной стоимости: Австралія имѣла значительныя преимущества передъ другими странами по отношенію къ дереву, маслу, хлѣбу и башмакамъ, но еще большее преимущество она имѣла по отношенію къ золоту; и потому ей было выгодно получать всѣ эти вещи въ обмѣнъ на золото. Я всегда считалъ явленія, послѣдовавшія за открытіемъ золота въ Австраліи и Калифорніи (такъ какъ въ Калифорніи наблюдалось совершенно тоже самое) самымъ поразительнымъ экспериментальнымъ подтвержденіемъ, какое только можетъ получить совершенно абстрактная доктрина. Многіе считали Рикардо и еще продолжаютъ считать за фантазера изъ фантазеровъ, за абстрактнаго мечтателя; но его мечты и абстракціи, будучи повѣрены путемъ опыта, какъ это всегда бываетъ съ мечтами и абстракціями геніальныхъ людей, оказались несравненно въ большемъ согласіи съ дѣйствительностью, чѣмъ предсказанія такъ-называемыхъ „практическихъ людей“, на какомъ-бы количествѣ статистическихъ наблюденій эти предсказанія не основывались. Посмотрите, какъ иллюстрируютъ теорію Рикардо изложенные мною факты австралійской торговли и сравните съ этимъ разсужденія многихъ нашихъ руководящихъ банкировъ и „практическихъ людей“ въ эпоху открытія новыхъ розсыпей золота; разсужденіе такого рода, какъ предсказаніе паденія процента или прекращенія вывоза золота изъ Австраліи въ Лондонъ, какъ только цѣна золота въ Сиднеѣ повысится до цѣны его въ Лондонѣ. Все это и много другихъ несообразностей можно найти въ памфлетахъ, и даже въ толстыхъ книгахъ, появившихся вскорѣ послѣ эпохи открытія новыхъ золотыхъ розсыпей и написанныхъ коммерческими людьми, гордившимися своимъ практическимъ знаніемъ дѣла и презиравшихъ абстрактныя разсужденія.

Внѣшняя торговля странъ, производящихъ золото, представила въ нѣсколько утрированной формѣ дѣйствіе принципа сравнительной стоимости. Въ данномъ случаѣ, преимущества производительной силы по отношенію почти ко всѣмъ продуктамъ были на сторонѣ одной обмѣнивающейся страны—австралійскихъ колоній. Но читатель не долженъ, разумѣется, предполагать, что нѣчто подобное наблюдается во всѣхъ случаяхъ международной торговли. Можно думать, что фактически, преимущества производительной силы чаще всего раздѣляются между обѣими обмѣнивающимися странами, причемъ каждая страна имѣетъ какъ абсолютное, такъ и относительное преимущество передъ другой по отношенію къ тѣмъ продуктамъ, которые она вывозитъ. Но все-таки было-бы ошибкой думать, что примѣръ Австраліи является совершенно исключительнымъ.

Напротивъ, я склоненъ допустить, что значительная часть міровой торговли—въ особенности торговля между странами умѣренными и тропическими, а также торговля между старыми и новыми странами на-

ходится въ условіяхъ, схожихъ съ тѣми, которыя такъ ярко выступаютъ въ австралійской торговлѣ—а именно одна обмѣнивающаяся страна имѣетъ преимущества по отношенію къ своимъ и иностраннымъ продуктамъ. Американскій экономистъ Боуэнъ приводитъ слѣдующій примѣръ. Торговля штата Нью-Іоркъ и острова Барбадоса состоитъ, главнымъ образомъ, изъ обмѣна хлѣбныхъ продуктовъ и мяса со стороны Нью-Іорка и тропическихъ продуктовъ со стороны Барбадоса. Само собой разумѣется, Барбадосъ имѣетъ огромное преимущество передъ Нью-Іоркомъ въ добываніи тропическихъ продуктовъ — сахара, кофе, пряностей и проч., но Боуэнъ утверждаетъ, что Барбадосъ имѣетъ также несомнѣнныя преимущества въ производствѣ хлѣба и мяса, что при одинакой затратѣ капитала и труда получается большее количество мяса и хлѣба въ Барбадосѣ, чѣмъ въ Соедин. Штатахъ. Преимущество по отношенію къ продуктамъ обѣихъ странъ, такимъ образомъ, на сторонѣ Барбадоса, и въ данномъ случаѣ повторяется тоже, что и въ Австраліи. Точно также и объясненіе слѣдуетъ искать въ законѣ сравнительной стоимости. Барбадосъ и Нью-Іоркъ находятъ выгоднымъ заниматься тѣми отраслями промышленности, въ которыхъ ихъ преимущества наибольшія или невыгоды наименьшія, обмѣнивая добываемые такимъ образомъ продукты на тѣ продукты, въ производствѣ которыхъ каждая страна имѣетъ менѣе преимущества, или по отношенію къ которымъ ея невыгоды больше. Я сказалъ, что такое положеніе дѣлъ является не исключеніемъ, но скорѣе правиломъ по отношенію къ извѣстнымъ обширнымъ отраслямъ международной торговли.

Такъ напримѣръ, очень вѣроятно, что въ значительной части торговли Соедин. Штатовъ съ Европой, преимущество въ производствѣ продуктовъ обѣихъ странъ лежитъ на сторонѣ Соедин. Штатовъ; но этотъ фактъ упускается изъ виду благодаря обычной неясности представленій относительно понятія стоимости производства. При сравненіи стоимости производства въ различныхъ странахъ, напримѣръ, въ Англіи и въ Соедин. Штатахъ, обыкновенно имѣютъ въ виду сумму заработной платы и прибыли въ той и другой странѣ; а такъ какъ заработная плата и прибыль выше въ Соедин. Штатахъ, чѣмъ въ Англіи, то отсюда заключаютъ, что стоимость производства въ Соедин. Штатахъ выше. Въ дѣйствительности-же, поскольку заработная плата и прибыль можетъ служить показателемъ стоимости производства (этого пункта я коснусь впослѣдствіи) высокая заработная плата и прибыль указываютъ на низкую, а не на высокую стоимость производства, такъ какъ этотъ фактъ доказываетъ (являясь результатомъ этой послѣдней) высокую производительность труда; и если въ Соедин. Штатахъ заработная плата и прибыль выше, чѣмъ въ Англіи, то лишь потому, что тѣ вещи, въ которыхъ выражается заработная плата и прибыль, получаются съ меньшимъ трудомъ въ Соедин. Штатахъ, чѣмъ въ Англіи. Господствующее воззрѣніе, что стоимость производства слагается изъ заработной платы и прибыли, затемнило дѣйствіе принципа, который въ дѣйствительности управляетъ обмѣномъ продуктовъ разныхъ странъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Международная торговля въ отношеніи къ заработной платѣ.

Въ предыдущей главѣ я старался установить теорію международной торговли такъ, какъ она была впервые конструирована Рикардо и затѣмъ изложена Миллемъ. При этомъ я замѣтилъ, что хотя эта теорія, безъ сомнѣнія, выясняетъ наиболѣе существенныя обстоятельства, опредѣляющія международный обмѣнъ, она, тѣмъ не менѣе, недостаточна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Теперь мнѣ остается уяснить, въ чемъ заключается эта недостаточность.

Во первыхъ, я долженъ замѣтить, что хотя стоимость производства вообще является конечной причиной, регулирующей международный обмѣнъ, этотъ факторъ никогда не является ближайшей, непосредственной причиной обмѣна. Ближайшей и непосредственной причиной является не стоимость производства, а цѣна. Купецъ занимающійся международной торговлей ничего не знаетъ о „стоимости производства", опредѣляемой затратой труда и сбереженія, и еще меньше такой купецъ знаетъ о сравнительной стоимости производства. Соображенія, которыми руководится въ своей дѣятельности такой

купецъ имѣютъ болѣе простой характеръ. Онъ обращаетъ вниманіе не на стоимость производства продуктовъ — затрату труда и воздержанія, но на цѣны товаровъ, по которымъ они могутъ быть куплены и проданы, и единственное сравненіе, которое онъ дѣлаетъ, это сравненіе цѣнъ товаровъ на иностранномъ рынкѣ и на внутреннемъ рынкѣ, куда товаръ ввозится или откуда онъ вывозится. Если сравнительныя цѣны на этихъ рынкахъ таковы, что перевозка товара изъ одного рынка на другой для продажи является выгодной, то купецъ берется за дѣло, если-же относительныя цѣны не допускаютъ этого, купецъ не покупаетъ товара. Далѣе, какъ неоднократно напоминаетъ Рикардо, „каждая сдѣлка въ торговлѣ является независимой сдѣлкой" и если есть надежда получить выгоду вывозомъ или ввозомъ какого-либо отдѣльнаго товара, этотъ товаръ будетъ вывезенъ или ввезенъ, совершенно независимо отъ того, въ какомъ положеніи находится рынокъ относительно другихъ товаровъ. Какъ примирить эти факты съ теоріей, изложенной въ предыдущей главѣ, съ утвержденіемъ, что международная торговля регулируется сравнительной стоимостью производства? Рикардо на это отвѣтилъ-бы въ такомъ родѣ: во первыхъ, сказалъ-бы онъ, относительныя цѣны въ каждой странѣ соотвѣтствуютъ относительнымъ стоимостямъ производства товаровъ каждой страны, а потому относительный уровень цѣнъ, дѣлающій выгоднымъ ввозъ или вывозъ извѣстныхъ товаровъ, вызывается соотвѣтствующимъ отношеніемъ относительныхъ стоимостей производства обмѣниваемыхъ товаровъ. И во вторыхъ: затрудненіе, заключающееся въ независимомъ характерѣ каждой торговой сдѣлки,

устраняется тѣмъ соображеніемъ, что хотя отдѣльныя торговыя сдѣлки независимы въ томъ смыслѣ, что онѣ предпринимаются безъ всякой мысли о другихъ сдѣлкахъ, тѣмъ не менѣе каждая такая сдѣлка ведетъ къ опредѣленнымъ результатамъ, которые устанавливаютъ связь между всѣми сдѣлками. Это можно иллюстрировать гипотетическимъ примѣромъ. Допустимъ, что цѣна извѣстнаго товара, могущаго быть предметомъ международнаго обмѣна, ниже въ странѣ A, чѣмъ въ странѣ B, причемъ различіе цѣнъ достаточно велико, чтобы окупить съ прибылью издержки по пріобрѣтенію товара (издержки перевозки, для простоты, я оставляю въ сторонѣ); только это условіе и требуется для того, чтобы товаръ былъ перевезенъ изъ первой страны во вторую. И такъ, товаръ будетъ вывезенъ и торговецъ получитъ обычную прибыль. Но дѣло этимъ не кончится; когда товаръ будетъ проданъ, то за него должна быть произведена уплата страной B, гдѣ совершилась продажа странѣ A. Возникаетъ вопросъ, въ какой формѣ должна совершиться эта уплата. Если она совершена въ формѣ пересылки какого-либо товара, производимаго страной B, то въ такомъ случаѣ, для того, чтобъ эта сдѣлка была выгодна, цѣна этого товара въ странѣ B. должна быть ниже, чѣмъ въ странѣ A. Цѣна перваго товара была ниже въ A, чѣмъ B. цѣна втораго должна быть ниже въ B, чѣмъ въ A. Сравнительныя цѣны обоихъ товаровъ должны быть, такимъ образомъ, различны въ обѣихъ странахъ и такъ какъ цѣны регулируются сравнительной стоимостью производства, то сдѣлка такого рода будетъ выгодна лишь въ томъ случаѣ, если сравнительныя стоимости товаровъ въ обѣихъ странахъ будутъ различны. Но

страна B. можетъ заплатить за ввезенный товаръ не вывозомъ другого товара, а просто деньгами—золотомъ. Разсмотримъ этотъ случай. Возможны два предположенія. Страна B или производитъ золото или нѣтъ. Но если, принимая первое, допуская, слѣдовательно, что золото является товаромъ, производимымъ въ странѣ B, золотая цѣна перваго товара (ввезеннаго въ B), выше въ странѣ B, чѣмъ въ A, то это доказываетъ, что стоимость полученія золота, сравнительно со стоимостью полученія даннаго товара, ниже въ странѣ B, чѣмъ A.

Такимъ образомъ, здѣсь имѣется различіе сравнительныхъ стоимостей золота и товаровъ въ обѣихъ странахъ, и обмѣнъ золота на товаръ будетъ производиться въ полномъ согласіи съ доктриной Рикардо. Сдѣлаемъ второе предположеніе. Пусть золото не будетъ продуктомъ производимымъ въ странѣ. При этомъ условіи, допуская для простоты случая, что обѣ страны торгуютъ исключительно другъ съ другомъ, ясно, что такая торговля—полученіе со стороны A товаровъ отъ B. въ обмѣнъ на золото, на долгое время совершенно невозможна: постоянная пересылка золота изъ одной страны въ другую раньше или позже непремѣнно должна оказать дѣйствіе на цѣны, понижая ихъ въ странѣ B и повышая въ странѣ A, а тогда произойдетъ одно изъ двухъ—или цѣна вывозимаго товара возвысится до такой степени, что вывозъ его изъ страны A перестанетъ быть выгоднымъ и торговля совершенно прекратится, или же, до этого, цѣна какого нибудь товара въ B станетъ ниже цѣны того-же товара въ странѣ A, и этотъ товаръ будетъ вывозиться изъ B въ A и явится платой за товаръ, ввезенный первой страной. Такимъ образомъ

сравнительныя цѣны обмѣниваемыхъ товаровъ въ обѣихъ странахъ должны быть различны; а такъ какъ цѣны товаровъ въ каждой странѣ регулируются стоимостью производства, то различіе цѣнъ указываетъ на различіе ихъ сравнительныхъ стоимостей производства. Слѣдовательно, заключилъ-бы Рикардо, не смотря на то, что въ каждой отдѣльной коммерческой сдѣлкѣ торговецъ обращаетъ вниманіе лишь на цѣны и не смотря на то, что каждая сдѣлка имѣетъ независимый характеръ, основнымъ условіемъ всего процесса обмѣна, условіемъ опредѣляющимъ мотивы торговли и результаты каждой сдѣлки, является сравнительная стоимость производства товаровъ.

Логическая правильность такого рода аргументаціи, мнѣ кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Но съ одной посылкой въ этой аргументаціи я не могу вполнѣ согласиться; а именно, эта аргументація исходитъ изъ предположенія, что въ предѣлахъ каждой страны цѣны товаровъ вообще устанавливаются, относительной стоимостью производства каждаго товара. Но, какъ я уже говорилъ раньше, это предположеніе не можетъ быть принято во всемъ объемѣ. Стоимость производства устанавливаетъ цѣнность лишь въ предѣлахъ дѣйствія конкурренціи; и хотя это послѣднее условіе фактически дѣйствуетъ въ большинствѣ цивилизованныхъ странъ и еще болѣе въ новыхъ странахъ, подобныхъ Австраліи или нѣкоторымъ американскимъ штатамъ, все-таки это условіе далеко не является всеобщимъ, и въ странахъ съ очень сложнымъ и стариннымъ общественнымъ устройствомъ (какъ напримѣръ Англія) свободная конкурренція существенно ограничивается во многихъ отношеніяхъ. А слѣдовательно, хотя стоимость производства является и важнѣйшимъ факторомъ въ данномъ случаѣ, все-же этотъ факторъ не единственный. Въ странахъ старинной цивилизаціи и, въ меньшей степени, въ новыхъ странахъ спросъ нерѣдко занимаетъ мѣсто стоимости производства въ качествѣ регулятора цѣнности. Такъ напримѣръ, въ обмѣнѣ между неконкурирующими промышленными группами (по моей терминологіи), спросъ и предложеніе, а не стоимость производства управляютъ цѣнами. Но, какъ мы только что видѣли, цѣны являются ближайшими причинами управляющими международнымъ обмѣномъ. Отсюда слѣдуетъ, что международный обмѣнъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣляется не только непосредственно, но и въ конечной стадіи иными причинами, чѣмъ стоимость производства; и что въ этомъ отношеніи разсмотрѣнная теорія международнаго обмѣна отнюдь не является такой полной и исчерпывающей, какъ ее признавалъ Рикардо и его самые выдающіеся послѣдователи.

Намъ остается выяснить отношеніе теоріи къ дѣйствительнымъ фактамъ, а для этого полезно нѣсколько видоизмѣнить разсматриваемую теорію и придать ей слѣдующую форму: ближайшей причиной, опредѣляющей международный обмѣнъ, являются сравнительныя цѣны товаровъ въ обмѣнивающихся странахъ. Но сравнительныя цѣны товаровъ, въ предѣлахъ каждой страны, опредѣляются двумя независимыми принципами; въ предѣлахъ дѣйствія промышленной конкурренціи—стоимостью производства, внѣ этихъ предѣловъ—взаимнымъ спросомъ. Конечной причиной, отъ которой зависитъ международная торговля, является поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда производствомъ товаровъ управляетъ принципъ конкурренціи—разли-

чія сравнительной стоимости производства товаровъ; но когда товарное производство не подчиняется законамъ свободной конкурренціи—тогда этой причиной является такое состояніе взаимнаго спроса не конкуррирующихъ промышленныхъ группъ, которое приводитъ къ различію въ обмѣнивающихся странахъ, сравнительныхъ цѣнъ продуктовъ этихъ группъ.

Для того чтобы выяснить практическія послѣдствія, вытекающія изъ предлагаемаго много измѣненія общепринятой теоріи международнаго обмѣна, и въ тоже время, чтобы доказать читателю, что это измѣненіе имѣетъ не только словесный характеръ, я займусь вопросомъ, о которомъ много говорилось въ послѣднее время—а именно вопросомъ о зависимости между господствующимъ въ странѣ уровнемъ заработной платы и направленіемъ и характеромъ международной торговли.

Среди англійскихъ коммерсантовъ очень распространено мнѣніе, что если не самымъ важнымъ вообще, во всякомъ случаѣ самымъ необходимымъ въ настоящее время условіемъ для развитія англійской торговли является пониженіе общаго уровня заработной платы въ Англіи или, по крайней мѣрѣ, неповышеніе заработной платы свыше настоящаго уровня. „Дороговизна труда“, говоритъ Брасси, выражая мнѣніе, повторенное затѣмъ во многихъ статьяхъ, „является крупнымъ препятствіемъ для расширенія англійской торговли“. И это мнѣніе не ограничивается одной Англіей. Спросите торговца Новой Англіи, почему Соединенные Штаты не могутъ конкуррировать съ Великобританіей въ производствѣ бумажныхъ тканей, и можно поручиться 100 противъ 1, что онъ отвѣтитъ ссылкой на высокую цѣну труда въ Соединенныхъ Штатахъ, сравнительно съ низкой цѣной по эту сторону атлантическаго океана. Спросите мѣльбурнскаго купца, почему Викторія, не смотря на свою прекрасную почву, продолжаетъ ввозить часть своей пищи; отвѣтъ будетъ тотъ же—высокая цѣна труда въ Викторіи и другихъ австралійскихъ колоніяхъ будетъ признана вполнѣ достаточнымъ объясненіемъ явленія.

Таково почти всеобщее мнѣніе относительно этого вопроса среди коммерческихъ людей; а между тѣмъ легко показать, что оно находится въ прямомъ противорѣчіи съ господствующей экономической доктриной, установленной Рикардо, относительно причинъ регулирующихъ международную торговлю. Не нужно забывать, что подъ стоимостью производства въ примѣненіи къ теоріи международной торговли Рикардо и Милль подразумѣваютъ стоимость, измѣряемую числомъ дней труда и воздержанія; и только въ этомъ смыслѣ разсматриваемая доктрина утверждаетъ, что сравнительная стоимость товаровъ регулируетъ международную торговлю. Но такъ какъ повышеніе или пониженіе заработной платы не оказываетъ дѣйствія на сравнительное количество труда, требуемаго для производства различныхъ товаровъ, то ясно, что если эта теорія справедлива, повышеніе или пониженіе заработной платы не можетъ какъ-бы то ни было повліять на международную торговлю и этого мнѣнія, безъ всякаго сомнѣнія, придерживается Рикардо. Его излюбленной идеей, на которой онъ особенно настаивалъ было, что высокая заработная плата не создаетъ высокихъ товарныхъ цѣнъ. Поэтому, нельзя сомнѣваться, что распространенное мнѣніе относительно вліянія высокой заработной платы на международную

торговлю не находитъ себѣ санкціи въ теоріи Рикардо. Но я уже сказалъ, что теорія Рикардо не полна. Какъ я понимаю этотъ вопросъ, международная торговля прежде всего управляется сравнительными цѣнами, а сравнительныя цѣны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя и не опредѣляются заработной платой, тѣмъ не менѣе находятся въ такой тѣсной связи съ заработной платой, что измѣненія того и другого рода явленій постоянно сохраняютъ извѣстный параллелизмъ. Поэтому, теорія международной торговли, какъ я ее понимаю, не исключаетъ возможности вліянія высоты заработной платы на международный обмѣнъ но въ тоже время я полагаю, что приведенное мнѣніе коммерсантовъ совершенно ошибочно.

Разсмотримъ аргументы, при помощи которыхъ поддерживается это мнѣніе. Аргументы эти приблизительно такого рода. Возьмемъ, напримѣръ, случай ввоза пшеницы въ Викторію изъ Южной Австраліи или изъ ближайшаго южнаго американскаго порта; намъ говорятъ, что ввозъ пшеницы вызывается неспособностью Викторіи конкуррировать въ производствѣ пшеницы съ послѣдними странами, благодаря высокой цѣнѣ труда въ Викторіи. Если только цѣна труда въ Викторіи упадетъ до уровня заработной платы въ южной Австраліи и южной Америкѣ, то, согласно этому мнѣнію, въ Викторіи станетъ выгодно производить пшеницу на такихъ земляхъ, на которыхъ производство пшеницы невыгодно въ настоящее время. Какъ возразилъ-бы на подобную аргументацію Рикардо? Онъ сказалъ-бы, что если заработная плата упала въ земледѣліи, то она должна упасть и въ золотодобывающей промышленности, въ овцеводствѣ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности колоніи. Относительная выгодность

различныхъ отраслей производства не измѣнится и распредѣленіе капитала между ними останется прежнимъ. Правда, при пониженной заработной платѣ производство пшеницы будетъ приносить прибыль на такихъ почвахъ, на которыхъ не получается прибыли въ настоящее время, но вопросъ не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, доставитъ-ли обработка такихъ земель *такой процентъ прибыли, который является обычнымъ въ странѣ?* Не нужно забывать, что предположенное измѣненіе—общее пониженіе заработной платы, между тѣмъ, какъ условія производства въ другихъ отношеніяхъ не измѣнились—должно привести къ повышенію обычнаго процента прибыли. Австралійскіе фермеры не будутъ уже довольствоваться прежнимъ процентомъ прибыли; они будутъ требовать такой-же прибыли на свой капиталъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, какая получается и въ другихъ отрасляхъ промышленности; и такую повышенную прибыль они могутъ получить лишь путемъ обработки земель не менѣе плодородныхъ, чѣмъ тѣ, которыя обрабатывались ими раньше. Словомъ, такъ какъ измѣненіе уровня заработной платы является всеобщимъ и касающимся одинаково всѣхъ отраслей труда, то не будетъ никакого основанія расширить производство земледѣльческихъ продуктовъ на счетъ другихъ производствъ. Капиталъ колоніи, какъ при высокихъ, такъ и при низкихъ заработныхъ платахъ будетъ распредѣленъ между различными производствами одинаковымъ образомъ и Викторія будетъ ввозить столько-же хлѣба при низкой заработной платѣ, какъ и при высокой.

Очевидно, что такого рода отвѣтъ, который, я предполагаю, могъ-бы дать Рикардо, правиленъ лишь при предположеніи, которое постоянно дѣлаетъ Рикардо—

а именно при предположеніи полнаго дѣйствія конкурренціи внутри страны; также вполнѣ ясно, что сила этого отвѣта падаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это предположеніе фактически не осуществляется. Въ старыхъ странахъ, подобныхъ Англіи, какъ я указывалъ, режимъ промышленной монополіи охватываетъ значительную область, но даже и въ новыхъ странахъ, подобныхъ австралійскимъ колоніямъ, конкурренція не является совершенно полной. Я укажу на слѣдующій примѣръ ограниченія дѣйствія конкурренціи въ Австраліи, примѣръ, который выяснитъ дѣло.

Какъ всѣмъ извѣстно, австралійскія колоніи были заселены преимущественно англійскими эмигрантами и ихъ потомками. Казалось-бы, среди такого населенія промышленная конкурренція должна была-бы дѣйствовать во всей своей силѣ. Никто не исключался изъ какой-бы то ни было отрасли труда закономъ, общественными отношеніями, или, послѣ короткаго пребыванія въ колоніи, даже недостаткомъ средствъ. Если-бы конкурренція была полной, то заработная плата во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ труда въ колоніи должна была-бы быть пропорціональна пожертвованіямъ, и повышеніе или пониженіе заработной платы не оказало-бы въ такомъ случаѣ никакого вліянія на распредѣленіе капитала между различными отраслями промышленности и стало быть не оказало-бы вліянія на международную торговлю. Но въ составъ населенія колоній вошли въ небольшихъ размѣрахъ и нѣкоторыя чуждыя расы; въ частности, въ Викторію и Новый Южный Уэльсъ проникли китайцы, а въ Квинсландъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ переселились полинезійскіе рабочіе. Эта часть населенія не могла конкуррировать съ остальнымъ населеніемъ страны; частью

вслѣдствіе распространеннаго предразсудка противъ нихъ, частью вслѣдствіе своей физической и умственной неискусности; рабочіе этого рода могли заниматься лишь немногими болѣе простыми и грубыми отраслями труда. По этой причинѣ, ихъ уровень заработной платы не былъ въ какой-бы то ни было связи съ уровнемъ вознагражденія англосаксонскаго населенія. Повышеніе или пониженіе заработной платы этого чуждаго племени не вліяло на общій уровень заработной платы страны и, слѣдовательно, такое повышеніе или пониженіе должно было оказывать вліяніе на относительную выгодность тѣхъ отраслей промышленности, въ которыхъ употребляются такіе рабочіе, а слѣдовательно и капиталъ долженъ былъ соотвѣтственно притекать или удаляться изъ такого рода помѣщенія. Такимъ образомъ международная торговля можетъ зависѣть отъ цѣны труда извѣстнаго рода. Самый очевидный примѣръ такой зависимости доставили тѣже полинезійскіе рабочіе въ Квинсландѣ. Въ этой колоніи были устроены сахарныя плантаціи и, какъ говорятъ, насколько я могу судить, съ достаточнымъ основаніемъ развитіе и даже самое существованіе сахарнаго производства въ Квинсландѣ всецѣло основывается на возможности пользоваться дешевымъ трудомъ полинезійцевъ. Англійскіе иммигранты совершенно не годятся для работы на сахарныхъ плантаціяхъ при страшной жарѣ и не берутся за эту работу иначе, какъ за очень высокое вознагражденіе. Но полинезійцы не боятся тропическаго жара; работа на плантаціяхъ имѣетъ такой простой характеръ, что ее могутъ исполнить самые неискусные рабочіе; и такъ какъ полинезіецъ требуетъ немногаго, то онъ охотно берется за такую работу, за плату значительно меньшую средняго уровня.

Съ другой стороны, по своимъ привычкамъ, а также и вслѣдствіе своей физической слабости, полинезіецъ не можетъ работать на поляхъ, въ рудникахъ или на овчарныхъ фермахъ. Поэтому, возможность производства сахара со средней прибыльностью въ Квинслэндѣ всецѣло основывается на существованіи полинезійскихъ рабочихъ; а такъ какъ сахаръ является, главнымъ образомъ, предметомъ вывоза, то и международная торговля этимъ товаромъ находится въ тѣсной зависимости отъ уровня заработной платы.

Взятый мною случай является примѣромъ въ усиленной формѣ послѣдствій для международной торговли, вытекающихъ изъ ограниченія свободнаго дѣйствія конкурренціи. Но хотя въ другихъ случаяхъ такого рода результаты менѣе замѣтны, по существу они остаются такими-же всегда, когда наблюдается сходное ограниченіе дѣйствія конкурренціи. Въ Австраліи конкурренція ограничивается различіемъ расы. Въ Великобританіи препятствія имѣютъ соціальный и матеріальный характеръ; но экономическіе результаты въ обоихъ случаяхъ одни и тѣже. И въ томъ и въ другомъ случаѣ возможно измѣненіе заработной платы частичное и ограниченное только извѣстными родами труда; и, какъ я указывалъ раньше, такія частичныя и ограниченныя измѣненія заработной платы всегда сопровождаются соотвѣтствующими измѣненіями товарныхъ цѣнъ. Но, какъ мы видѣли, сравнительныя цѣны товаровъ являются ближайшими причинами, опредѣляющими направленіе международной торговли.

Только въ такихъ предѣлахъ теорія международной торговли, измѣненная въ указанномъ смыслѣ, оправдываетъ обычное мнѣніе о вліяніи высоты заработной платы на международный обмѣнъ, оправдываетъ, по

крайней мѣрѣ, настолько, что допускаетъ возможность вліянія измѣненій заработной платы на направленіе международнаго обмѣна, между тѣмъ какъ теорія Рикардо совершенно исключаетъ такую возможность. Но указанное вліяніе имѣетъ иной характеръ и далеко не такъ часто наблюдается, какъ обыкновенно думаютъ. Для разъясненія этого пункта полезно разсмотрѣть слѣдующій гипотетическій случай.

Предположимъ, что въ одной изъ основныхъ отраслей англійской промышленности понизилась заработная плата, напримѣръ въ ножевомъ производствѣ Шеффильда, какъ бы это повліяло на внѣшнюю торговлю Англіи? Какъ уже указано, если-бы это пониженіе заработной платы распространилось на всѣ отрасли труда въ Англіи, то это не оказало-бы никакого вліянія на распредѣленіе капитала въ національномъ производствѣ, а потому не оказало-бы никакого вліянія на международную торговлю; къ тому-же самому заключенію можно прійти и инымъ путемъ. Такъ напримѣръ, обыкновенно думаютъ, что общее паденіе заработной платы вызываетъ паденіе товарныхъ цѣнъ и даетъ толчекъ къ поразительному расширенію вывозной торговли страны. Допустимъ, что это дѣйствительно произойдетъ — во всякомъ случаѣ нѣтъ причины предполагать, что одновременно увеличится и ввозъ иностранныхъ товаровъ въ страну. Что же за этимъ послѣдуетъ? Иностранцы сдѣлаются нашими должниками и со всѣхъ концовъ свѣта золото станетъ приливать въ Англію, и этотъ приливъ денегъ быстро приведетъ заработную плату и прибыль къ прежнему уровню, а слѣдовательно и наша внѣшняя торговля вернется къ прежнему состоянію. Такимъ образомъ, идя различными путями, мы приходимъ къ одному и тому-же заключенію—что об-

щее измѣненіе заработной платы не можетъ повліять на международную торговлю. Разсмотримъ теперь, каковъ будетъ результатъ, если паденіе заработной платы не распространится за предѣлы ножевой промышленности Шеффильда. Ясно, что паденіе заработной платы можетъ вліять на международную торговлю лишь постольку, поскольку при этомъ измѣняются товарныя цѣны. Допустимъ, что цѣны шеффильдскихъ желѣзныхъ издѣлій упадутъ пропорціонально пониженію заработной платы; это можетъ имѣть послѣдствіе троякаго рода. Увеличеніе спроса за границей на шеффильдскія издѣлія можетъ соотвѣтствовать удешевленію этихъ издѣлій, спросъ можетъ возрасти въ бо̀льшей пропорціи, или въ меньшей. Въ первомъ случаѣ вывозя за границу большее количество ножеваго товара, чѣмъ прежде, мы вывозимъ его на одинаковую сумму; иностранцы будутъ намъ должны за эту часть нашего вывоза столько-же, сколько они бывали должны и прежде, и такъ какъ цѣны иностранныхъ товаровъ не измѣнились, мы получимъ изъ заграницы одинаковое количество иностранныхъ продуктовъ—ни больше, ни меньше, чѣмъ мы получали раньше. Чистый результатъ всего процесса сведется къ выигрышу всѣхъ потребителей шеффильдскихъ издѣлій, какъ англичанъ, такъ и иностранцевъ; выигрышъ получится въ ущербъ шеффильдскимъ рабочимъ. Шеффильдскіе предприниматели могутъ при этомъ кое-что выиграть на не продолжительное время, но конкурренція быстро сведетъ ихъ барыши къ обычному уровню—въ концѣ концовъ они придутъ въ прежнее положеніе и внѣшняя торговля Англіи не расширится. Разсмотримъ теперь второй случай — допустимъ, что спросъ за границей увеличится въ меньшей пропорціи, чѣмъ

упадутъ цѣны шеффильдскихъ товаровъ. Въ этомъ случаѣ потребители этихъ товаровъ, во всякомъ случаѣ, будутъ въ выигрышѣ. Но иностранная торговля Англіи, насколько дѣло касается шеффильдскаго вывоза, абсолютно сократится, по крайней мѣрѣ въ первое время. Но таковъ будетъ лишь первоначальный результатъ. По нашей гипотезѣ, вывозъ шеффильдскихъ товаровъ, хотя и возрастетъ по количеству, сократится по цѣнамъ, вслѣдствіе паденія цѣнъ. Слѣдовательно нашъ вывозъ—предполагая, что раньше ввозъ и вывозъ находились въ полномъ равновѣсіи и другія условія не измѣнились—будетъ недостаточенъ для покрытія нашего ввоза. Золото начнетъ уходить изъ Англіи за границу и отливъ золота будетъ продолжаться, пока цѣны въ Англіи и за границей будутъ оставаться на уровнѣ, вызвавшемъ этотъ отливъ. Но такое положеніе не можетъ продолжаться долгое время. Отливъ золота изъ Англіи за границу приведетъ къ пониженію относительныхъ цѣнъ товаровъ въ Англіи и за границей и взаимный спросъ придетъ въ равновѣсіе. Нельзя сказать заранѣе, какимъ образомъ установится это равновѣсіе. Можетъ сократиться англійскій спросъ на иностранные товары, при чемъ англійская внѣшняя торговля уменьшится, или на-оборотъ, можетъ увеличиться иностранный спросъ на англійскіе товары, при чемъ англійская внѣшняя торговля расширится. Несомнѣнно, въ концѣ-концовъ возстановится равновѣсіе—англійскій вывозъ придетъ въ должное соотвѣтствіе съ англійскимъ ввозомъ. Третій случай, который намъ осталось разсмотрѣть, заключается въ томъ, что спросъ на шеффильдскіе товары за границей возрастаетъ въ большей степени, чѣмъ пониженіе ихъ цѣны. Въ этомъ случаѣ, иностранцы задолжаютъ намъ боль-

ше, чѣмъ они могутъ уплатить путемъ обычной торговли. Золото будетъ приливать изъ-за границы въ Англію, и это сдѣлаетъ необходимымъ соотвѣтствующее измѣненіе взаимнаго спроса Англіи и иностранныхъ государствъ. Въ концѣ-концовъ и въ этомъ случаѣ установится торговое равновѣсіе, но, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ прежнимъ путемъ, при чемъ можетъ произойти или сокращеніе или расширеніе нашей международной торговли.

Въ предыдущемъ примѣрѣ я предполагалъ, что заработная плата понизилась въ какой либо основной отрасли англійской промышленности. Если-бы мы предположили повышеніе заработной платы вмѣсто паденія, и если-бы это повышеніе ограничилось извѣстной отдѣльной отраслью производства, то мы пришли-бы путемъ подобныхъ-же разсужденій къ сходнымъ результатамъ. Повышеніе цѣнъ прежде всего повело-бы къ уменьшенію спроса на англійскіе товары заграницей, но это повело-бы къ новому распредѣленію драгоцѣнныхъ металовъ между Англіей и странами, съ которыми она ведетъ торговлю, что̀, въ свою очередь, измѣнило-бы, сравнительныя цѣны товаровъ, и привело-бы къ возстановленію торговаго равновѣсія, причемъ могло-бы произойти какъ расширеніе, такъ и сокращеніе внѣшней англійской торговли.

Мы можемъ подвести итоги нашему изслѣдованію: частичныя измѣненія заработной платы (въ противоположность общимъ измѣненіямъ) вліяютъ на международную торговлю страны, но a priori невозможно сказать, въ какомъ смыслѣ скажется это вліяніе — въ смыслѣ расширенія или сокращенія торговли. Для того, чтобы предсказать конечный результатъ, нужно знать,

какъ, въ концѣ концовъ, измѣнятся сравнительныя цѣны товаровъ въ странѣ, испытывающей измѣненіе заработной платы и въ другихъ странахъ, съ которыми первая ведетъ торговлю. Если различіе между сравнительными цѣнами товаровъ торгующихъ странъ возрастетъ, то международная торговля расширится въ своемъ объемѣ: въ противномъ случаѣ, одинаково вѣроятномъ и возможномъ, долженъ наступить противоположный результатъ—сокращеніе торговли.

И такъ наши разсужденія выяснили слѣдующее. Я старался доказать, что общее повышеніе или пониженіе заработной платы въ извѣстной странѣ не имѣетъ тенденціи вліять на международную торговлю; общее паденіе заработной платы не содѣйствуетъ расширенію торговли, точно также, какъ общее повышеніе не сокращаетъ ее. Съ другой стороны, я указалъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда, благодаря существованію извѣстныхъ препятствій для дѣйствія конкурренціи происходятъ частичныя измѣненія заработной платы, то, поскольку такія измѣненія вліяютъ на цѣны, они вліяютъ и на направленіе международной торговли, хотя заранѣе и нельзя сказать, какимъ образомъ они повліяютъ—въ смыслѣ сокращенія или расширенія торговли. Теперь я хочу обратить вниманіе читателя на проблему, которая, насколько мнѣ извѣстно, не затрогивалась до этого времени экономистами, а именно на характеръ зависимости существующей между общимъ уровнемъ заработной платы и международной торговлей. Я показалъ, что эта зависимость не является отношеніемъ причины къ слѣдствію; но остается неяснымъ, какова-же природа этого отношенія. Общій уровень заработной платы не вліяетъ на международную торговлю, но отсюда еще не слѣдуетъ отсутствіе всякой связи между

явленіями; и дѣйствительно, какъ мы сейчасъ увидимъ, связь между ними существуетъ.

Я опять возвращаюсь къ этой обширной области экономическаго опыта, къ новѣйшей исторіи австралійскихъ колоній. Какъ я говорилъ, открытіе золота въ 1851 году въ этихъ колоніяхъ дало толчекъ къ внезапному и чрезвычайному развитію иностранной торговли колоній и, одновременно, къ одинаково внезапному и чрезвычайному повышенію заработной платы. Это замѣчательное движеніе достигло кульминаціоннаго пункта въ 1852 или 1853 году—когда заработная плата за грубую работу добычи золота втеченіи нѣкотораго времени держалась на уровнѣ 20 ш. въ день. Къ несчастью не существуетъ точной коммерческой статистики Австраліи до 1856; но въ этомъ году сумма всего оборота внѣшней торговли важнѣйшей колоніи, производящей золото — Викторіи—достигала 30 м. ф. с. Отъ 1856 г. и до настоящаго времени (1874) колонія необыкновенно процвѣтала; но вмѣстѣ съ этимъ исторія колоніи представляетъ намъ два замѣчательныхъ факта: постоянное пониженіе заработной платы и сокращеніе внѣшней торговли. Какъ я сказалъ, въ 1856 г. обороты внѣшней торговли достигли 30 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Въ 1870 году послѣ 14 лѣтъ процвѣтанія, эти обороты спустились до 25 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Паденіе заработной платы было не менѣе значительно. Раньше заработная плата достигала 20 ш. въ день; теперь-же она опустилась въ нѣкоторыхъ родахъ рудокопнаго труда до половины этой суммы. Заработная плата и внѣшняя торговля понижались pari passu: каждый шагъ пониженія заработной платы сопровождался уменьшеніемъ ввоза и, какъ слѣдствіе послѣдняго, расширеніемъ туземной промышленности колоніи. Разсматриваемые факты, легко замѣтить, самымъ положительнымъ образомъ опровергаютъ мнѣніе, господствующее среди торговцевъ, по данному вопросу. Дороговизна труда въ 1852 году не помѣшала внезапному и чрезвычайному расширенію внѣшней торговли Викторіи, точно такъ же какъ сравнительная дешевизна труда въ 1870 году не помѣшала сокращенію этой торговли. Съ другой стороны, слѣдуетъ признать, что увеличеніе способности Викторіи конкуррировать съ чужими націями, обнаруживаемое расширеніемъ ея туземной промышленности, шло одновременно съ паденіемъ цѣны труда, что̀ повидимому, подтверждаетъ обычное мнѣніе. Очевидно, что эти три факта—сокращеніе внѣшней торговли, паденіе заработной платы и расширеніе туземнаго производства находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ; но вопросъ въ томъ, какова природа этой связи? Истинный отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ тотъ, что всѣ эти обстоятельства составляли слѣдствіе одной общей причины—постепеннаго истощенія болѣе богатыхъ и доступныхъ золотыхъ розсыпей. По мѣрѣ того, какъ трудъ становился менѣе производительнымъ въ дѣлѣ добычи золота, сумма распредѣляемая между капиталистомъ и рабочимъ сокращалась и потому денежная заработная плата падала. Такъ какъ золото, вслѣдствіе увеличенія трудности его производства, дѣлалось болѣе дорогимъ, то оно явилось менѣе удобнымъ средствомъ для полученія тѣхъ товаровъ, въ которыхъ Викторія нуждалась — и Викторія перестала пользоваться въ прежнихъ размѣрахъ этимъ средствомъ и стала сама производить нужные ей товары; иначе говоря, ея внѣшняя торговля сократилась, а ея туземное производство возросло. А такъ какъ всѣ эти результаты были вызваны уменьшеніемъ про-

изводительности золотыхъ розсыпей, то можно съ увѣренностью предсказать, что новое открытіе золотоносныхъ залежей, не менѣе богатыхъ, чѣмъ прежніе, дало-бы обратное направленіе описанному развитію — одновременно повысило-бы денежную заработную плату, дало-бы толчекъ внѣшней торговлѣ и остановило-бы расширеніе туземной промышленности страны. Такова связь между уровнемъ заработной платы внѣшней торговлей и туземнымъ производствомъ въ этой странѣ. Всѣ эти явленія суть координированныя слѣдствія одной общей причины и поэтому являются симптомами и показателями другъ друга.

Въ разобранномъ примѣрѣ, условіемъ отъ котораго зависятъ различныя послѣдствія, было измѣненіе стоимости золота, и, такъ какъ это измѣненіе было очень значительнымъ, а золото является денежнымъ матеріаломъ—результаты оказались болѣе осязательными и поразительными, чѣмъ если-бы произошло удешевленіе какого либо другого товара. Но въ послѣднемъ случаѣ результатъ былъ-бы тотъ-же самый, хотя и не столь очевидный—если-бы только спросъ на этотъ товаръ допускалъ значительное расширеніе и самъ товаръ могъ быть вывозимъ за границу. Къ сожалѣнію, я не знаю какого либо дѣйствительнаго примѣра, достаточно простого и яснаго, для объясненія дѣйствія даннаго принципа въ болѣе общей формѣ, и поэтому я долженъ обратиться къ помощи гипотетическаго примѣра. Предположимъ, что вслѣдствіе какого либо техническаго изобрѣтенія, неизвѣстнаго другимъ странамъ, выдѣлка шерстяныхъ тканей въ Англіи удешевилась также значительно, какъ удешевилось золото въ Австраліи вслѣдствіе открытія золотыхъ розсыпей — какъ-бы такое изобрѣтеніе подѣйствовало на внѣшнюю торговлю Англіи и на зара-

ботную плату? Очевидно, что англійскіе капиталы устремились-бы въ эту отрасль промышленности, получившую такія преимущества и увеличеніе производства шерстяныхъ тканей, повело-бы къ пониженію ихъ цѣнъ, пока, наконецъ, цѣна тканей не пришла-бы въ соотвѣтствіе съ ихъ стоимостью производства. Паденіе цѣнъ англійскихъ шерстяныхъ тканей вызвало-бы расширеніе спроса на нихъ за границей. Но такъ какъ нѣтъ основанія предполагать соотвѣтствующее расширеніе спроса въ Англіи на иностранные товары, то золото должно было-бы притекать въ Англію изъ за границы и приливъ золота продолжался-бы до тѣхъ поръ, пока повышеніе товарныхъ цѣнъ въ Англіи и пониженіе ихъ за границей не возстановило-бы торговаго равновѣсія. Тогда многіе товары, которые раньше производились въ Англіи и быть можетъ даже экспортировались, оказались-бы дешевле за границей, чѣмъ въ Англіи. Производство этихъ товаровъ въ Англіи должно было-бы прекратиться или, во всякомъ случаѣ, сократиться — и большее или меньшее количество этихъ товаровъ сталобы привозиться изъ за границы. Въ концѣ концовъ результатъ разсматриваемаго улучшенія въ выработкѣ шерстяныхъ матерій былъ-бы слѣдующій: на изготовленіе шерстяныхъ тканей въ Англіи употреблялась-бы большая часть капитала страны, чѣмъ прежде; и тѣ товары, которые раньше производились, и теперь перестали производиться, стали-бы получаться изъ за границы путемъ обмѣна ихъ на шерстяныя ткани. Иными словами, Англія воспользовалась-бы своимъ сравнительно бо̀льшимъ превосходствомъ надъ другими странами въ изготовленіи шерстяныхъ тканей для того, чтобы по̀лучать дешевле, чѣмъ раньше, всѣ тѣ товары, въ производствѣ которыхъ ея преимущества менѣе зна-

чительны. Такой результатъ, поскольку дѣло идетъ о международной торговлѣ, вполнѣ аналогиченъ съ тѣмъ, что произошло послѣ открытія золотыхъ розсыпей въ Австраліи. Но что будетъ съ заработной платой? Какъ мы видѣли открытіе золота вызвало повышеніе заработной платы въ Австраліи въ пропорціи пониженія стоимости денегъ. Произойдетъ-ли нѣчто подобное въ разсматриваемомъ случаѣ? Безъ сомнѣнія, да. Подобно тому, какъ въ Австраліи повысилась заработная плата, по отношенію къ тому товару, стоимость котораго понизилась, также и въ данномъ случаѣ, заработная плата повысится и въ такой-же мѣрѣ по отношенію къ удешевившемуся товару. Въ первомъ случаѣ такимъ товаромъ было золото, во второмъ—шерстяныя ткани. Англійскіе рабочіе, поскольку они потребляютъ шерстяныя ткани, будутъ получать ихъ по меньшей цѣнѣ; поскольку рабочіе потребляютъ иностранные товары, получаемые въ обмѣнъ на шерстяныя ткани, они также выиграютъ на цѣнѣ этихъ товаровъ; но поскольку рабочіе потребляютъ иные англійскіе товары, кромѣ шерстяныхъ тканей, они ничего не выиграютъ. Къ этому можно прибавить, что товары послѣдняго рода будутъ обмѣниваться на большее количество удешевившагося продукта (шерстяныхъ тканей), чѣмъ раньше, точно также, какъ золотыя цѣны австралійскихъ продуктовъ, повысились въ пропорціи паденія стоимости золота. Словомъ, заработная плата англійскихъ рабочихъ, выраженная въ шерстяныхъ тканяхъ возрастаетъ въ пропорціи паденія стоимости этого товара—въ полной аналогіи съ тѣмъ, что произошло въ Австраліи. И такъ, въ данномъ случаѣ, по отношенію къ другимъ товарамъ, какъ ранѣе по отношенію къ золоту, мы находимъ, что развитіе международной торговли и

уровень заработной платы находятся въ тѣсной связи, какъ слѣдствія одной общей причины—производительной силы промышленности. Правда, измѣненіе стоимости производства въ такомъ обширномъ размѣрѣ, какъ мы предположили, происходитъ очень рѣдко; но когда такія измѣненія происходятъ въ какихъ бы то ни было размѣрахъ, они вызываютъ слѣдствія подобныя только что указаннымъ мною. Каждое новое изобрѣтеніе, каждое удачное открытіе, удешевляющее стоимость производства извѣстнаго товара и измѣняющее его сравнительную стоимость, приводитъ въ дѣйствіе силы, дѣйствующія въ указанномъ направленіи, какъ-бы незначительны или даже совершенно незамѣтны ни были результаты.

Я полагаю, теперь ясно истинное отношеніе между заработной платой и характеромъ и направленіемъ международной торговли. И то и другое является координированнымъ слѣдствіемъ одной общей причины—высоты и направленія производительности туземной промышленности. Тѣ продукты, по отношенію къ которымъ туземная промышленность особенно производительна, составляютъ предметы вывоза страны, и заработная плата измѣряемая этими продуктами бываетъ велика. Если денежная заработная плата высока, то это указываетъ или на существованіе въ странѣ богатыхъ золотыхъ или серебрянныхъ рудниковъ, или же на высокую производительность туземной промышленности по отношенію къ какому либо продукту, усиленно спрашиваемому за границей, въ обмѣнъ на который золото и серебро можетъ быть получено на выгодныхъ условіяхъ. Если заработная плата высока по отношенію къ пищѣ, одеждѣ или другимъ предметамъ необходимости или удобства, то

это также указываетъ, прямо или косвенно, на особую производительность туземной промышленности по отношенію къ этимъ продуктамъ. Такимъ образомъ, продукты по отношенію къ которымъ заработная плата высока, являются или предметами вывоза страны, или-же предметами, которые могутъ быть получаемы на выгодныхъ условіяхъ въ обмѣнъ на предметы вывоза. Мнѣніе очень распространенное въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, что высокая заработная плата препятствуетъ расширенію международной торговли, должно быть признано совершенно неосновательнымъ. Если-бы заработная плата въ Англіи упала, а прочія условія производства не измѣнились и если-бы это паденіе было общимъ, это обстоятельство нисколько не повліяло-бы на сравнительную привлекательность различныхъ отраслей промышленности, какъ способа помѣщенія капитала. Распредѣленіе капитала нисколько-бы не измѣнилось, и не существовало-бы никакого повода для того, чтобы международная торговля измѣнилась въ какомъ либо отношеніи. Единственнымъ результатомъ былобы общее повышеніе прибыли, капиталисты выиграли бы настолько, на сколько пострадали-бы рабочіе. Но если общее паденіе заработной платы вызывается уменьшеніемъ производительности какой либо отрасли промышленности, то, такъ какъ уменьшеніе производительности должно измѣнить сравнительную стоимость производства товаровъ, оно должно отразиться и на направленіи международной торговли. Не нужно забывать только, что послѣдній результатъ хотя и наблюдается одновременно съ паденіемъ заработной платы, не является слѣдствіемъ этого паденія, но оба они суть слѣдствія уменьшенія производительности

промышленности. Что касается до измѣненія международной торговли въ этомъ случаѣ, то оно отнюдь не должно необходимо выразиться въ направленіи расширенія торговли. Возможно также, что измѣненіе будетъ заключаться въ сокращеніи международной торговли. Такъ, напримѣръ, предположимъ, что заработная плата въ Соединенныхъ Штатахъ понизилась относительно золота и предметовъ продовольствія или же, что тоже самое, предположимъ, что денежная заработная плата въ Соединенныхъ Штатахъ упала, а цѣна предметовъ продовольствія осталась прежней— развѣ это не указываетъ на пониженіе производительности Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ даннымъ продуктамъ? И развѣ отсюда не слѣдуетъ, что разница между стоимостью производства этихъ продуктовъ въ Соединенныхъ Штатахъ и другихъ странахъ уменьшилась, а слѣдовательно и область международнаго обмѣна должна сократиться? Такимъ образомъ, заработная плата и объемъ международной торговли находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Но эта связь (кромѣ узкихъ предѣловъ, въ которыхъ взаимный спросъ регулируетъ цѣнность товаровъ во внутренней торговлѣ) не является связью причины со слѣдствіемъ, но связью координированныхъ явленій, зависящихъ отъ одной и той же причины.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Международная цѣнность.

Мы выяснили условія, при которыхъ возникаетъ международная торговля, а также выяснили и характеръ выгодъ, доставляемыхъ этой торговлей. Эти выгоды, какъ указано, заключаются въ болѣе производительномъ распредѣленіи производительныхъ силъ міра. Если-бы во всемъ мірѣ существовала свободная торговля, то отсюда еще не слѣдовало-бы, что каждый продуктъ добывался именно въ той части земнаго шара, въ которой производство этого продукта оказывается наиболѣе выгоднымъ; для осуществленія послѣдняго требовалось-бы, чтобы населеніе и капиталъ были распредѣлены по всей поверхности земли исключительно по соображеніямъ экономической выгоды. Но нечего и говорить, что распредѣленіе капитала и населенія опредѣляется и многими другими не экономическими мотивами; поскольку международной торговлѣ предоставляется свобода, она выполняетъ слѣдующую функцію: вызываетъ, если не самое выгодное распредѣленіе производительныхъ силъ между разными странами міра, то по крайней мѣрѣ практически самое выгодное распредѣленіе, насколько таковое допускается распредѣленіемъ населенія на земномъ шарѣ и условіями жизни въ каждой странѣ.

Таковы выгоды международной торговли; но возникаетъ вопросъ,—какимъ образомъ распредѣляются эти выгоды и вызываемое ими увеличеніе богатства между различными странами, обмѣнивающимися своими продуктами? Или иначе, какіе факторы опредѣляютъ мѣновыя отношенія обмѣниваемыхъ продуктовъ? Эти отношенія могутъ быть таковы, что всѣ выгоды достанутся одной обмѣнивающейся сторонѣ или могутъ быть таковы, что лишь немногія страны получатъ выгоду, а прочія не получатъ никакой, или, наконецъ, эти выгоды могутъ распредѣляться такъ или иначе между всѣми. Этими мѣновыми отношеніями опредѣляются выгоды каждой страны отъ международной торговли. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ вопросу о международной цѣнности.

Быть можетъ, полезно напомнить читателю, что насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ не рыночная, а нормальная цѣнность — обычныя, мѣновыя отношенія обмѣниваемыхъ продуктовъ, иными словами, обмѣниваемыхъ при предположеніи торговаго равновѣсія; мы не касаемся отдѣльныхъ случаевъ обмѣна или, когда обмѣнъ совершается при особыхъ исключительныхъ условіяхъ. Мы уже видѣли, что нормальная цѣнность опредѣляется однимъ изъ слѣдующихъ двухъ принциповъ: когда господствуетъ промышленная конкурренція—стоимостью производства; а при отсутствіи промышленной конкурренціи—взаимнымъ спросомъ. Но такъ какъ международная торговля не допускаетъ свободной промышленной конкурренціи, то сразу очевидно, что принципомъ, регулирующимъ международную цѣнность, не можетъ быть

стоимость производства, а могутъ быть лишь тѣ или иные факторы, дѣйствующіе при отсутствіи конкурренціи. Все это признается въ обычныхъ курсахъ политической экономіи. Но я долженъ обратить особое вниманіе читателя на непослѣдовательность, которой я уже касался. Если читатель не забылъ, я подробно разсматривалъ выше обычную теорію стоимости производства; эта стоимость, по мнѣнію Милля и другихъ, слагается изъ заработной платы и прибыли. Я утверждалъ, что такое пониманіе стоимости производства непримиримо съ теоріей международной цѣнности, которой придерживаются тѣ-же писатели, теоріей, сводящій цѣнность не къ издержкамъ производства, но къ взаимному спросу обмѣнивающихся странъ. Въ настоящее время я хочу обосновать свою критику доказательствомъ, что если придавать термину „стоимость производства“ оспариваемый мною смыслъ, то и международная цѣнность окажется зависящей отъ стоимости производства; иначе говоря, не смотря на утвержденіе Милля и другихъ экономистовъ, что международная цѣнность не опредѣляется стоимостью производства, въ томъ смыслѣ, какой придается этому термину Миллемъ, международная цѣнность опредѣляется въ дѣйствительности этимъ послѣднимъ принципомъ. Для доказательства этого достаточно слѣдующаго простого примѣра.

Предположимъ, что два товара, одинъ англійскій продуктъ, а другой Соедин. Штатовъ, продаются за одну и ту-же сумму денегъ, скажемъ за 1000 фун. каждый. Эти товары пусть будутъ обмѣниваться другъ на друга (оставляя въ сторонѣ издержки перевозки) и будутъ представлять собою равныя цѣнности въ международной торговлѣ. Если такъ, то въ какомъ

отношеніи находится другъ къ другу стоимость производства каждаго изъ нихъ? Если мы подъ стоимостью производства будемъ понимать заработную плату и прибыль, то слѣдуетъ признать, что и стоимости производства каждаго товара одинаковы, ибо какъ я указалъ выше, заработная плата и прибыль производителей въ томъ случаѣ, когда производство имѣетъ постоянный характеръ, являются регуляторомъ цѣнности продукта. Поэтому заработная плата и прибыль должны быть всегда пропорціональны цѣнности; а слѣдовательно, когда цѣнности равны, то и заработная плата и прибыль производителей, т. е. то, что Милль называетъ стоимостью производства — также должны быть равны. И очевидно, что это разсужденіе примѣнимо ко всѣмъ случаямъ международнаго обмѣна; и мы, такимъ образомъ, приходимъ къ странному результату, что въ то время, какъ стоимость производства не регулируетъ международной цѣнности, международная цѣнность, тѣмъ не менѣе, постоянно соотвѣтствуетъ стоимости производства. Предоставляю тѣмъ, кто принимаетъ обѣ доктрины господствующей школы политической экономіи, примирять эти доктрины.

Съ другой стороны, если придавать термину „стоимость производства“ предлагаемый мною смыслъ, а именно понимать подъ этимъ терминомъ затрату труда и воздержанія, то справедливость господствующей теоріи международной цѣнности является вполнѣ очевидной. Вернемся къ прежнему примѣру. Два товара, англійскій и американскій, цѣнностью въ 1000 фун. с. каждый, обмѣниваются другъ на друга, и представляютъ собой равныя суммы заработной платы и прибыли. Но такъ какъ въ Америкѣ заработная плата

и прибыль выше, чѣмъ въ Англіи, то одинаковыя цѣнности не могутъ соотвѣтствовать одинаковымъ затратамъ труда и воздержанія въ Америкѣ и Англіи. Иными словами, стоимость производства товаровъ, имѣющихъ одинаковую цѣнность, въ Америкѣ и Англіи должна быть различны. Стоимость производства въ Америкѣ будетъ ниже, чѣмъ въ Англіи, слѣдовательно, англійскіе и американскіе товары не обмѣниваются въ пропорціи своей относительной стоимости производства, если подъ стоимостью производства понимать дѣйствительныя пожертвованія производителей продукта. Со своей отрицательной стороны господствующая доктрина международной торговли оказывается вѣрной, но лишь при томъ условіи, если термину придавать указанный мною смыслъ.

Это разсужденіе выставляетъ также на видъ значеніе принципа, на который я уже неоднократно указывалъ, принципа, на которомъ слѣдуетъ теперь остановиться, такъ какъ онъ имѣетъ большое значеніе для теоріи международной цѣнности. Я имѣю въ виду принципъ, что относительная заработная плата и прибыль въ разныхъ отрасляхъ промышленности указываетъ на отношеніе мѣновой цѣнности продуктовъ этихъ отраслей промышленности къ ихъ стоимости производства, причемъ заработная плата и прибыль обратно пропорціональны этой величинѣ. Предположимъ, напримѣръ, что въ производствѣ оптическихъ инструментовъ заработная плата и прибыль оказываются значительно выше, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ труда—напр., въ плотничномъ дѣлѣ; это будетъ указывать, что при обмѣнѣ продуктовъ перваго рода на продукты плотничной работы, стоимость производства оптическихъ инструментовъ находится въ меньшей

пропорціи къ цѣнности продуктовъ, чѣмъ стоимость производства столовъ или стульевъ.

Стоимость низка относительно цѣнности въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ заработная плата и прибыль высоки; стоимость относительно высока, когда заработная плата и прибыль низки, и если заработная плата и прибыль одинаковы въ производствѣ обмѣниваемыхъ продуктовъ, то и отношеніе стоимости къ цѣнности въ обоихъ случаяхъ будетъ одинаково. Такимъ образомъ, мы получаемъ удобный способъ опредѣлить отношеніе стоимостей къ цѣнности разныхъ товаровъ. Если заработная плата и прибыль въ производствѣ этихъ товаровъ одинаковы, т. е. находятся въ одинаковой пропорціи со сдѣланными пожертвованіями, то данные товары обмѣниваются другъ на друга въ пропорціи своей стоимости. Если заработная плата и прибыль неодинаковы, то мы можемъ съ полной увѣренностью сдѣлать обратное заключеніе. Далѣе, различіе въ относительныхъ уровняхъ заработной платы и прибыли указываетъ на степень уклоненія мѣновыхъ цѣнностей товаровъ отъ пропорціи, существующей между ихъ относительными стоимостями производства. Но этотъ простой критерій можетъ быть еще упрощенъ. Для практическихъ цѣлей мы можемъ обратить вниманіе только на заработную плату, игнорируя прибыль. Прибыль образуетъ лишь небольшую часть цѣнности большинства товаровъ и различія процента прибыли въ разныхъ занятіяхъ и въ разныхъ странахъ (вслѣдствіе большей подвижности капитала, чѣмъ труда) менѣе значительны, чѣмъ различія заработной платы; поэтому мы можемъ, не опасаясь большой ошибки, замѣнить заработной платой „заработную плату и прибыль“ и такимъ образомъ мы полу-

чаемъ удобное и легкое средство опредѣлять отношеніе мѣновой цѣнности къ стоимости производства во всѣхъ случаяхъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ примѣненія къ международнымъ сдѣлкамъ этого критерія. Согласно изслѣдованію Уэльса, комиссіонера Соедин. Штатовъ, изслѣдованію, вполнѣ подтвержденному отчетами англійскихъ дипломатическихъ агентовъ заграницей, заработная плата за одинъ и тотъ-же родъ труда въ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности въ Соедин. Штатахъ, Англіи, Бельгіи, Франціи и Германіи находится въ слѣдующемъ отношеніи. Въ Соедин. Штатахъ заработная плата на 25—50% выше, чѣмъ въ Англіи; на 48—70% выше, чѣмъ въ Бельгіи, и на 100% выше, чѣмъ въ Германіи и Франціи. Нечего говорить, что если взять для сравненія восточныя страны—напримѣръ, Индію и Китай, то различія заработной платы были-бы еще значительнѣе; по всей вѣроятности, заработная плата въ Соедин. Штатахъ въ 4 или 5 разъ выше, чѣмъ въ этихъ послѣднихъ странахъ. Что-же доказываютъ, согласно вышеуказанному принципу, эти различія заработной платы? Они доказываютъ слѣдующее: во 1) что перечисленныя страны не обмѣниваютъ съ Соедин. Штатами своихъ продуктовъ пропорціонально стоимости производства; и во вторыхъ, степень уклоненія относительныхъ цѣнностей отъ относительныхъ стоимостей указывается различіемъ заработной платы каждой страны; иначе говоря, найденный нами критерій указываетъ, что въ торговлѣ разныхъ странъ съ Соедин. Штатами продуктъ одного дня труда въ Соедин. Штатахъ можетъ быть обмѣненъ на продуктъ $1^1/_3$ дня труда въ Англіи, $1^1/_2$ дня въ Бельгіи, 2 дней въ Германіи и Франціи и 4—5 дней въ Китаѣ и Индіи. Таковы, приблизительно, пропорціи по отношенію къ стоимости производства, въ которыхъ обмѣниваются продуктами руководящія коммерческія страны міра; откуда ясно, насколько невѣрно предположеніе, что международная цѣнность регулируется стоимостью производства.

Итакъ, продукты различныхъ странъ не обмѣниваются въ пропорціи своихъ относительныхъ стоимостей. Ничто не побуждаетъ къ тому, чтобы продукты обмѣнивались пропорціонально своимъ стоимостямъ, такъ какъ въ международной торговлѣ промышленная конкурренція бездѣйствуетъ, и приведенное фактическое доказательство подтверждаетъ теоретическое заключеніе. Слѣдовательно, международная цѣнность должна опредѣляться принципомъ, дѣйствующимъ при отсутствіи промышленной конкурренціи — а именно взаимнымъ спросомъ. И, какъ я уже замѣтилъ, таково господствующее мнѣніе экономистовъ. Но хотя стоимость производства не является въ данномъ случаѣ опредѣляющимъ принципомъ, тѣмъ не менѣе, она оказываетъ значительное вліяніе на международную торговлю, ограничивая такія уклоненія цѣнности, которыя были-бы возможны при господствѣ полной монополіи. Это признается и господствующей доктриной; но мнѣ кажется, что на указанное обстоятельство не обращается такого вниманія, котораго оно заслуживаетъ по своему значенію. Для выясненія этого значенія полезно замѣтить, что промышленная монополія можетъ существовать при разныхъ условіяхъ, изъ которыхъ могутъ проистекать и различные результаты монополіи. Во первыхъ, промышленная монополія можетъ являться въ абсолютной формѣ, когда отдѣльная личность или нація обладаетъ исключительной способностью произво-

дить извѣстные продукты; и во-вторыхъ, монополія можетъ имѣть ограниченный характеръ, основанный на наличности въ одномъ мѣстѣ производительныхъ преимуществъ, которыхъ не имѣется въ другихъ мѣстахъ — примѣромъ этого являются особенности климата и почвы, благодаря которымъ извѣстныя страны или мѣстности имѣютъ преимущества передъ другими въ производствѣ извѣстныхъ продуктовъ — эти продукты могутъ производиться и въ другихъ мѣстахъ, но при менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Далѣе, въ коммерческихъ сдѣлкахъ, монополія можетъ быть односторонняя или взаимная—монополіей можетъ пользоваться одна обмѣнивающаяся сторона или обѣ стороны, каждая по отношенію къ своему особому продукту. Въ международной торговлѣ можно найти примѣры монополіи всѣхъ указанныхъ родовъ, и сила взаимнаго спроса можетъ быть въ большей или меньшей зависимости отъ того, въ какой именно формѣ является монополія. Напримѣръ, когда монополія имѣетъ абсолютный характеръ и въ то же время взаимна—довольно рѣдкій случай въ международной торговлѣ, который, тѣмъ не менѣе, иногда наблюдается, какъ напримѣръ, въ торговлѣ между тропическими и полярными странами въ этомъ случаѣ вліяніе взаимнаго спроса на цѣнность неограничено и абсолютно, такъ какъ при этомъ условіи сдѣлка опредѣляется всецѣло взаимнымъ спросомъ обѣихъ сторонъ, спросомъ, основаннымъ на обладаніи соотвѣтствующимъ покупательнымъ средствомъ. Болѣе частымъ и важнымъ является случай, когда монополія абсолютна, но ограничена одной стороной, или, если монополія существуетъ съ обѣихъ сторонъ, то абсолютной она является лишь для одной стороны, а для другой является неполной.

Примѣромъ этого можетъ служить торговля тропическихъ и умѣренныхъ странъ, или странъ, производящихъ золото, съ другими странами. Въ этомъ случаѣ также дѣйствуетъ взаимный спросъ, но дѣйствія его ограничиваются со стороны той страны, которая можетъ производить оба рода товаровъ, составляющихъ предметы обмѣна. Такъ напримѣръ, въ торговлѣ Англіи съ Австраліей (для простоты разсужденія я предполагаю, что всѣ прочія страны, производящія золото, не принимаютъ участія въ международной торговлѣ) не существуетъ опредѣленной границы для возрастанія цѣнности золота — иначе говоря, не существуетъ предѣловъ для того количества англійскихъ продуктовъ, которое Англія принуждена давать въ обмѣнъ на золото—кромѣ потребности Англіи въ золотѣ и въ ея средствахъ уплаты за золото; но, съ другой стороны, паденіе цѣнности золота—та цѣна, по которой Австралія соглашается обмѣнивать свое золото на англійскіе продукты, встрѣчаетъ вполнѣ опредѣленныя границы въ стоимости производства въ самой Австраліи продуктовъ, привозимыхъ ею теперь изъ Англіи. Если только цѣна золота такъ упала, что Австраліи выгоднѣе производить требуемые продукты у себя дома, чѣмъ добывать золото и обмѣнивать его на эти продукты, паденіе цѣны золота достигнетъ своего предѣла и усиленный спросъ въ Австраліи на англійскіе продукты не окажетъ никакого вліянія на международную цѣнность.

Но существуетъ еще третій случай, наиболѣе частый и важный въ международной торговлѣ—случай, когда монополія имѣется съ обѣихъ сторонъ, но въ обоихъ случаяхъ монополія ограниченная. Это бываетъ, когда каждая торгующая нація обладаетъ не

исключительной способностью производства даннаго продукта, но сравнительными преимуществами производства (въ вышеуказанномъ смыслѣ) по отношенію къ тѣмъ продуктамъ, которые она вывозитъ. Въ этомъ случаѣ взаимный спросъ все-таки опредѣляетъ между народную цѣнность, но вліяніе его ограничено извѣстными предѣлами съ обѣихъ сторонъ. Это, какъ я сказалъ, является наиболѣе частымъ и важнымъ случаемъ въ международной торговлѣ. Примѣромъ можетъ служить торговля между различными странами Европы и еще болѣе торговля между Европой и Сѣверной Америкой. Такъ напримѣръ, при обмѣнѣ пшеницы на бумажную пряжу, или дерево на желѣзо, каждая обмѣнивающаяся сторона имѣетъ относительное преимущество въ производствѣ вывозимаго ею продукта; и международный обмѣнъ въ предѣлахъ этого преимущества является выигрышемъ, хотя и не обязательно одинаковымъ выигрышемъ для обѣихъ странъ. Въ этихъ предѣлахъ взаимный спросъ будетъ опредѣлять взаимныя условія обмѣна; но за эти предѣлы международная цѣнность не можетъ на продолжительное время перейти; такъ какъ, если только эти предѣлы перейдены, для страны становится болѣе выгоднымъ туземное производство ввозимаго продукта, и исчезаетъ всякій мотивъ для торговли.

Въ этомъ заключались-бы предѣлы международнаго обмѣна, если-бы каждая страна вела торговлю только съ одной другой страной. Но если мы примемъ въ соображеніе дѣйствительное положеніе дѣлъ—торговлю каждой страны со многими другими странами, то мы найдемъ, что предѣлы воздѣйствія спроса на международную цѣнность гораздо уже, чѣмъ можно было-бы предположить. Напримѣръ, возвращаясь къ прежнему

примѣру торговли Соедин. Штатовъ съ Барбадосомъ, можно думать, что различія въ сравнительной стоимости сахара и пшеницы въ этихъ странахъ очень значительны; и что, слѣдовательно, предѣлы, между которыми можетъ колебаться сравнительная цѣнность сахара и пшеницы подъ вліяніемъ спроса очень широки. Въ дѣйствительности же, ранѣе чѣмъ цѣнность того или иного продукта достигнетъ этихъ крайнихъ предѣловъ, будетъ затронуто производство другихъ странъ. Значительное возрастаніе цѣнности сахара по отношенію къ пшеницѣ, или пшеницы по отношенію къ сахару или (такъ какъ торговыя сдѣлки совершаются при помощи денегъ) значительное возрастаніе цѣнъ сѣверо американскихъ продуктовъ по отношенію къ цѣнамъ барбадосскихъ продуктовъ, или на-оборотъ, вызоветъ конкурренцію другихъ странъ и путемъ увеличенія производства соотвѣтствующихъ продуктовъ въ послѣднихъ странахъ приведетъ къ ограниченію возрастанія цѣнъ. Вывозъ пшеницы изъ Канады и южной Америки будетъ регулировать чрезмѣрное повышеніе цѣнъ сѣверо-американской пшеницы. Повышеніе цѣнъ барбадосскаго сахара будетъ регулироваться соперничествомъ сахарныхъ производителей Ямайки и Кубы. Такимъ образомъ, границы уклоненія подъ вліяніемъ взаимнаго спроса международныхъ цѣнностей, опредѣляющія не различіемъ въ сравнительной стоимости данныхъ продуктовъ въ двухъ данныхъ обмѣнивающихся странахъ, но наименьшимъ различіемъ въ сравнительныхъ стоимостяхъ производства данныхъ продуктовъ во всѣхъ странахъ, участвующихъ въ международномъ обмѣнѣ. Благодаря этому, границы уклоненій устанавливаются не максимальными а минимальными различіями сравнительныхъ стоимо-

стей продуктовъ среди всѣхъ обмѣнивающихся и соперничающихъ странъ.

Таково вліяніе, оказываемое взаимнымъ спросомъ и стоимостью производства въ международномъ обмѣнѣ. Спросъ опредѣляетъ размѣръ цѣнности, а стоимость производства регулируетъ ее. Смыслъ этого различія можетъ быть поясненъ дѣйствіемъ стоимости производства на цѣнность продуктовъ во внутренней торговлѣ. Во внутренней торговлѣ стоимость производства въ предѣлахъ дѣйствія конкурренціи не только регулируетъ, но и опредѣляетъ нормальную цѣнность продуктовъ—не только устанавливаетъ границы уклоненій, но опредѣляетъ и ту точку, къ которой тяготѣютъ цѣны. Какъ выяснено уже Ад. Смиттомъ, стоимость производства является центральнымъ пунктомъ, вокругъ котораго колеблются и къ которому стремятся рыночныя цѣны. Въ области международной торговли стоимость производства играетъ роль не точки, къ которой стремится цѣнность, но скорѣе окружности, въ предѣлахъ которой движутся цѣны. Поэтому не нужно упускать изъ виду, что въ тѣхъ случаяхъ, когда стоимость производства оказываетъ вліяніе на цѣны въ международной торговлѣ, это вліяніе заключается не въ совпаденіи цѣнности со стоимостью. Впрочемъ, этотъ пунктъ достаточно выясненъ вышеприведеннымъ примѣромъ различнаго вознагражденія и производительности труда въ разныхъ странахъ.

Что касается до способа, которымъ международный спросъ устанавливаетъ международную цѣнность, то я не буду подробно останавливаться надъ этимъ вопросомъ, такъ какъ обычныя руководства политической экономіи выясняютъ его вполнѣ достаточно. Но по одному пункту, какъ мнѣ кажется, существуетъ

нѣкоторая неясность, и на этомъ пунктѣ я хочу остановиться.

Международныя торговыя сдѣлки исполняются при помощи денегъ—золота и серебра; и Рикардо указалъ, что результатомъ дѣйствій международнаго спроса является такое распредѣленіе драгоцѣнныхъ металловъ между разными странами, и такой относительный уровень товарныхъ цѣнъ, что международная торговля совершается такъ-же, какъ-бы она совершалась путемъ натуральнаго обмѣна. Когда такое равновѣсіе достигнуто, драгоцѣнные металлы (поскольку они служатъ орудіемъ обмѣна, а не обращаются въ качествѣ товара) перестаютъ передвигаться изъ одной страны въ другую.

Въ настоящее время я хочу обратить вниманіе на тѣ условія международной торговли, которыя приводятъ къ этому равновѣсію. Обыкновенно говорятъ, что торговое равновѣсіе достигается тогда, когда цѣнность ввоза въ страну, измѣряемая золотомъ или серебромъ, всемірными деньгами, равна цѣнности вывоза той-же страны. Но, фактически, очень рѣдко бываетъ, чтобы вывозъ страны, даже если мы возьмемъ длинный рядъ лѣтъ, равнялся ея ввозу. Доказательствомъ этого могутъ служить любыя статистическія таблицы, показывающія вывозъ и ввозъ различныхъ странъ; эти таблицы показываютъ намъ, что существуютъ страны, ввозъ которыхъ постоянно превосходитъ вывозъ, и другія страны, вывозъ которыхъ постоянно превосходитъ ввозъ. Въ другихъ случаяхъ, втеченіи нѣкотораго времени ввозъ превосходитъ вывозъ, а затѣмъ отношеніе мѣняется и вывозъ начинаетъ превосходить ввозъ. Въ виду этихъ фактовъ никакъ нельзя допустить, что естественнымъ состояніемъ торговли

является равенство ввоза и вывоза товаровъ; а если такъ, то нужно выяснить, въ чемъ-же, дѣйствительно, заключаются условія торговаго равновѣсія.

Обратимся къ иностранной торговлѣ Соединеннаго Королевства. Я беру данныя внѣшней торговли этой страны за 1856—1870 гг. За все это время ввозъ товаровъ постоянно значительно превышалъ вывозъ. Въ началѣ періода вывозъ равнялся приблизительно 115 милліонамъ фун. стер., а ввозъ—172 мил. фун. ст., причемъ ввозъ превышалъ вывозъ приблизительно на 57 м. ф. ст. Въ концѣ періода вывозъ былъ 199 м. ф. ст., а ввозъ достигъ 303 мил. ф. ст., причемъ превышеніе ввоза достигло 104 м. ф. ст.

Въ промежуточные годы ввозъ точно также всегда превышалъ вывозъ и приблизительно въ той-же пропорціи. Спрашивается, какимъ же образомъ оплачивается этотъ огромный ввозъ? На это можно отвѣтить, что ввозъ, во первыхъ, оплачивается въ незначительной степени нашей перевозочной промышленностью, занятой перевозкой товаровъ всего свѣта, но главнымъ образомъ ввозъ оплачивается инымъ способомъ. Англія получала продукты чужихъ странъ, но не посылала денегъ продавцамъ; эти продукты поступали въ уплату за долги чужихъ странъ Англіи—долги, которые заключались вовсе не вслѣдствіе торговыхъ сдѣлокъ въ международномъ обмѣнѣ. Дѣло происходило такимъ образомъ:

Великобританія втеченіи долгаго времени является заимодавцемъ другихъ государствъ, она помѣщаетъ свои капиталы въ колоніяхъ, ссужаетъ деньги другимъ странамъ для промышленныхъ предпріятій и пріобрѣтаетъ въ значительномъ количествѣ иностранные фонды. Благодаря этому, другія страны, а также и британскія

колоніи являются должниками Англіи и для уплаты прибылей, процентовъ, дивидендовъ, иностранцы должны посылать въ Англію ежегодно значительныя денежныя суммы. Въ этомъ заключается объясненіе обычнаго значительнаго превышенія англійскаго ввоза надъ вывозомъ. Ясно, что такое превышеніе въ примѣненіи къ Великобританіи является необходимымъ условіемъ торговаго равновѣсія; только при этомъ условіи можетъ сохраниться нормальное отношеніе между цѣнами англійскихъ и иностранныхъ продуктовъ. Посмотримъ, дѣйствительно, что произошло-бы, если-бы британскій ввозъ сталъ равняться вывозу, между тѣмъ какъ финансовыя отношенія Англіи къ остальному міру остались прежними.

Иностранныя націи по прежнему платили-бы своими продуктами за ввозимые изъ Англіи продукты и свои обязательства за ввозъ англійскихъ товаровъ погашали-бы товарами. Но иностранцы должны Англіи ежегодно уплачивать сверхъ этого, скажемъ на 100 м. ф. ст. дивидендовъ, процентовъ и проч. Какимъ образомъ могли-бы они произвести эту уплату? Очевидно, лишь однимъ способомъ — пересылкой золота. Начался-бы огромный приливъ золота со всего свѣта въ Англію и приливъ этотъ продолжался-бы до тѣхъ поръ, пока международныя цѣны, а слѣдовательно и международный спросъ оставался-бы въ томъ положеніи, которое вызвало равенство британскаго ввоза и вывоза.

Рано или поздно международныя цѣны и спросъ должны были-бы измѣниться. Огромный приливъ золота въ Англію долженъ былъ-бы повести къ повышенію цѣнъ въ этой странѣ, и къ паденію цѣнъ въ другихъ странахъ; а это быстро повело-бы къ измѣненію относительнаго спроса въ Англіи и заграницей.

Англія, располагающая обширными денежными средствами, въ то время какъ цѣны иностранныхъ товаровъ понизились, увеличила-бы спросъ на иностранные товары. Между тѣмъ какъ, по противоположнымъ основаніямъ, спросъ иностранцевъ на англійскіе товары долженъ-бы былъ уменьшиться. Англійскій ввозъ возрастетъ, а вывозъ упадетъ; и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока золото будетъ приливать.

Но возникаетъ вопросъ: когда же закончится этотъ процессъ и торговля придетъ въ состояніе равновѣсія? Тогда, когда ввозъ и вывозъ прійдутъ въ теперешнее состояніе, когда ввозъ опять станетъ превышать вывозъ приблизительно на 100 м. ф. ст., только при этомъ условіи иностранцы получатъ возможность погашать свои обязательства Англіи безъ пересылки золота. При этомъ условіи золото перестанетъ приливать въ Англію и цѣны остановятся на извѣстномъ опредѣленномъ пунктѣ,—торговля между Англіей и остальнымъ міромъ придетъ въ равновѣсіе.

Теперь мы можемъ отвѣтить на вопросъ, поставленный нѣсколькими страницами выше. Отвѣтъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: торговое равновѣсіе достигается, когда взаимный спросъ торгующихъ странъ вызываетъ такое отношеніе ввоза къ вывозу въ каждой изъ нихъ, что каждая страна можетъ съ помощью своего экспорта погашать всѣ свои обязательства чужимъ странамъ; отсюда слѣдуетъ, что всѣ постоянные платежи одной страны другой, не составляющіе уплаты за ввезенные товары, платежи такого рода, какъ ежегодная дань, процентъ на занятой капиталъ, дивиденды и т. п., поскольку они превышаютъ подобнаго-же рода полученія, слѣдуемыя самой данной странѣ, должны выразиться въ международной торговлѣ

въ превышеніи вывоза данной страны надъ ввозомъ; а избытокъ полученій такого рода надъ платежами долженъ выразиться въ превышеніи ввоза надъ вывозомъ. Другими словами, международная торговля каждой страны должна приспособляться къ денежнымъ обязательствамъ каждой страны. Если данная страна является должникомъ по отношенію къ другимъ странамъ, то ея вывозъ долженъ превышать ввозъ; если заимодавцемъ—то ввозъ долженъ превышать вывозъ.

Итакъ, таковы въ области внѣшней торговли окончательные результаты международныхъ кредитныхъ операцій ссуды и займа капиталовъ. Но непосредственное дѣйствіе кредитныхъ операцій на внѣшнюю торговлю страны имѣютъ совершенно обратный характеръ. Націи кредитующія являются въ періодъ кредитованія въ положеніи плательщиковъ денегъ; націи кредитуемыя, напротивъ, являются въ положеніи получающихъ деньги; и пока продолжается кредитная операція, международная торговля должна приспособляться къ этому положенію дѣлъ.

Предположимъ, напримѣръ, что колонія съ быстро развивающейся промышленностью занимаетъ капиталы у своей метрополіи; для простоты разсужденія, мы примемъ, что ни та, ни другая страна не производятъ драгоцѣнныхъ металловъ. Предположимъ далѣе, что колонія занимаетъ ежегодно у своей метрополіи 1 мил. ф. ст. Эта сумма должна быть ежегодна пересылаема метрополіей колоніи, и это, очевидно, можетъ быть исполнено или пересылкой соотвѣтствующей суммы денегъ, или вывозомъ товаровъ на соотвѣтствующую сумму денегъ, или же, наконецъ, частью однимъ, частью другимъ способомъ. Если колонія предпочитаетъ получить уплату частью или цѣликомъ въ товарахъ, то получится

соотвѣтствующее повышеніе колоніальнаго ввоза сравнительно съ вывозомъ, ибо колонія можетъ нуждаться въ ссудѣ лишь въ томъ случаѣ, если ея вывозъ не превышаетъ ввоза, и добавочный ввозъ товаровъ метрополіи долженъ привести къ превышенію ввоза колоніи. Но по всей вѣроятности, по крайней мѣрѣ часть ссуды будетъ переслана въ колонію въ денежной формѣ; и это приведетъ къ подобному-же результату. Постоянный приливъ золота изъ метрополіи въ колоніи приведетъ къ повышенію колоніальныхъ цѣнъ, и къ пониженію цѣнъ въ метрополіи, что́, въ свою очередь, вызоветъ увеличеніе ввоза колоніи и сократитъ вывозъ ея продуктовъ, пока избытокъ ея ввоза сравнительно съ вывозомъ, не будетъ какъ разъ достаточенъ для покрытія всей суммы ежегоднаго долга, заключаемаго колоніей. Когда ввозъ колоніи превышаетъ вывозъ на сумму этого долга, торговля придетъ въ состояніе равновѣсія—и вывозъ товаровъ изъ метрополіи будетъ покрывать всѣ обязательства ея по отношенію къ колоніи.

Такимъ образомъ, въ этомъ періодѣ, заключеніе займовъ заграницей будетъ имѣть тенденцію повышать ввозъ страны надъ вывозомъ. Но по мѣрѣ продолженія этого процесса будутъ быстро развиваться факторы, имѣющіе противоположную тенденцію. Съ каждымъ новымъ милліономъ, полученнымъ колоніей въ долгъ, она должна болѣе и болѣе уплачивать процентовъ своему кредитору, метрополіи. Если ссудный процентъ является 5, то въ концѣ перваго года колонія должна уплачивать метрополіи 50 т. ф. ст., а слѣдовательно метрополія въ слѣдующемъ году, ссужая колоніи новый милліонъ капитала, должна переслать только 950 т. ф. ст. въ товарахъ или въ деньгахъ. Въ слѣдующемъ году процентъ, платимый колоніей метрополіи достигнетъ 100 т. ф. ст.; такимъ образомъ платежи метрополіей колоніи будутъ все уменьшаться, пока, черезъ двадцать лѣтъ, сумма ежегодныхъ платежей колоніи (процентовъ по займамъ) не сравнится съ ежегодными ссудами метрополіи. По мѣрѣ возрастанія обязательствъ колоніи, превышеніе ея ввоза надъ вывозомъ, очевидно, должно все болѣе и болѣе сокращаться и, когда сумма ежегодныхъ платежей другъ другу, метрополіи и колоніи, сравняется, должно наступить полное равенство ввоза и вывоза колоніи. Но такое положеніе дѣлъ не можетъ продлиться.

Если только колонія въ этотъ моментъ прекратитъ дальнѣйшіе займы, то она будетъ обязана ежегодно уплачивать метрополіи 1 м. ф. ст. въ видѣ процентовъ на занятый капиталъ; и, не получая болѣе никакихъ денегъ въ ссуду изъ-за границы, колонія не будетъ въ состояніи покрывать свои обязательства пересылаемыми ей цѣнностями. Она будетъ принуждена переслать въ той или иной формѣ требуемую сумму, — иными словами, ея положеніе по отношенію къ метрополіи будетъ въ финансовомъ отношеніи совершенно такимъ-же, какимъ было положеніе метрополіи по отношенію къ колоніи въ началѣ описываемаго процесса, съ тѣмъ различіемъ, что колонія не будетъ имѣть возможности измѣнить въ будущемъ свои финансовыя отношенія; соотвѣтственно новымъ финансовымъ отношеніямъ измѣнится и направленіе золотого потока. Золото снова начинаетъ приливать, но уже не въ колонію, а въ метрополію, пока вывозъ товаровъ изъ колоніи въ метрополію не превыситъ ввоза товаровъ изъ метрополіи настолько, что избытокъ будетъ вполнѣ покрывать платежныя обязательства колоніи. На этомъ пунктѣ отливъ золота изъ колоніи пріостано-

вится и торговля между обѣими странами придетъ въ состояніе равновѣсія.

Сдѣлаемъ другое предположеніе. Допустимъ, что колонія вмѣсто того, чтобы внезапно перестать занимать у метрополіи, продолжаетъ дѣлать займы въ прежнемъ размѣрѣ, скажемъ по 1 мил. ф. ст. въ годъ. При этомъ условіи проценты, которые колонія должна будетъ уплатить метрополіи въ концѣ 2-го года будутъ равняться 1.050.000 ф. ст., но взамѣнъ этого она получитъ 1 м. ф. ст., новый сдѣланный ею заемъ. Чистый платежъ колоніи метрополіи будетъ равняться 50 т. ф. ст.; но предполагая, что колонія продолжаетъ занимать, этотъ избытокъ будетъ возрастать изъ года въ годъ въ ариѳметической прогрессіи и будетъ оказывать соотвѣтствующее дѣйствіе на внѣшнюю торговлю колоній. Мы можемъ предположить, что по мѣрѣ роста богатствъ колоній, она будетъ съ теченіемъ времени все менѣе и менѣе нуждаться въ иностранномъ капиталѣ и станетъ занимать меньше и меньше или совсѣмъ прекратитъ займы, но она все-таки будетъ принуждена вывозить на большую сумму цѣнностей, чѣмъ будетъ ввозить, въ уплату процентовъ, слѣдуемыхъ по долгамъ, заключеннымъ ею ранѣе. Нормальнымъ состояніемъ торговли колоніи при этомъ условіи будетъ постоянное значительное превышеніе вывоза надъ ввозомъ; и это превышеніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока весь долгъ колоніи не будетъ уплаченъ, или колонія, въ свою очередь, не сдѣлается заимодавцемъ другихъ странъ и, благодаря этому не станетъ получать подобную же дань отъ другихъ въ свою пользу.

Выяснивши процессъ при гипотетическихъ условіяхъ, обратимся къ примѣрамъ, представляемымъ дѣйствительностью. Финансовыя отношенія Соедин. Штатовъ къ

Европѣ за послѣдніе 30 лѣтъ представляютъ очень удобную практическую иллюстрацію дѣйствія указанныхъ принциповъ, а въ частности уясняютъ, какимъ образомъ въ дѣйствительности производятся въ широкихъ размѣрахъ международныя платежи. Поэтому я полагалъ-бы полезнымъ нѣсколько долѣе остановиться на этомъ послѣднемъ примѣрѣ.

До 1860 г. нормальнымъ состояніемъ внѣшней торговли Соедин. Штатовъ было постоянное превышеніе вывоза надъ ввозомъ, что́ зависѣло отъ характера финансовыхъ отношеній Соед. Штатовъ къ Европѣ. Но гражданская война произвела такое потрясеніе американской торговли, что финансовое положеніе Соед. Штатовъ совершенно измѣнилось. Изъ событій этого времени имѣютъ особое значеніе: во-1) введеніе новаго тарифа, благодаря чему Соед. Штаты внезапно перешли почти отъ свободной торговли къ строго протекціонной системѣ, во-2) внезапное прекращеніе возделыванія хлопка и какъ слѣдствіе этого, внезапное прекращеніе вывоза хлопка въ Европу; въ-3) созданіе огромнаго государственнаго долга, въ значительной степени заключеннаго заграницей; и наконецъ въ-4) выпускъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ вмѣсто прежней денежной системы—металлическихъ денегъ и размѣнныхъ кредитныхъ билетовъ. Для нашей цѣли имѣютъ преимущественное значеніе три послѣдніе указанныя измѣненія и, главнымъ образомъ, послѣдствія внезапнаго увеличенія иностранной задолженности страны въ связи съ кризисомъ хлопковой торговли.

Обратимъ вниманіе прежде всего на размѣры вновь заключеннаго національнаго долга. Этотъ новый долгъ въ круглыхъ цифрахъ достигалъ 500 мил. ф. ст., изъ которыхъ около 200 мил. ф. ст. были получены изъ-за

границы. Кромѣ этого были заключены займы также отдѣльными штатами и частными предпріятіями—желѣзными дорогами, рудниками и проч.; сумма этихъ послѣднихъ займовъ также достигала очень крупныхъ размѣровъ, причемъ не менѣе 100 мил. ф. ст для этой послѣдней цѣли было получено изъ Европы Эти операціи растянулись на нѣсколько лѣтъ, скажемъ, на три послѣдніе года войны и на два или три года непосредственно слѣдующіе.

Разсматривая ихъ по ихъ вліянію на финансовыя отношенія Европы и Соединенныхъ Штатовъ, ихъ можно выразить слѣдующимъ образомъ: Европа предприняла немедленную пересылку, т. е. какъ только были заключены долговыя обязательства, 300 мил. ф. ст. Соединеннымъ Штатамъ, между тѣмъ, какъ Соединенные Штаты, со своей стороны, обязались уплачивать по этой суммѣ проценты Европѣ навсегда, или до тѣхъ поръ, пока долгъ не будетъ погашенъ. Какъ я сказалъ, эти операціи растянулись на 5 или 6 лѣтъ, и, принимая въ соображеніе тѣ дивиденды, которые должны были поступать въ Европу, и которые въ извѣстной степени балансировали ссуды Соединеннымъ Штатамъ со стороны Европы, суммы, которыя должны были быть пересланы Европой Соединеннымъ Штатамъ за этотъ періодъ, были не менѣе 40 милліоновъ ф. ст. ежегодно. При обыкновенныхъ условіяхъ, при томъ состояніи внѣшней торговли, напр., которое существовало до 1860 г., такое огромное и внезапное увеличеніе платежей одного континента другому могло-бы быть выполнено только при посредствѣ пересылки металла. Обычный потокъ золота изъ Нью-Іорка въ Европу внезапно пріостановился-бы и новый потокъ въ обратномъ направленіи сталъ-бы

переносить золото изъ Европы въ Нью-Іоркъ, что́ не могло-бы не вызвать глубокаго разстройства денежныхъ рынковъ обоихъ континентовъ. Но, фактически, исполненіе этихъ огромныхъ операцій вызвало очень мало замѣшательства на денежномъ рынкѣ. Это зависѣло отъ другого обстоятельства, на которое я обратилъ вниманіе читателя, а именно—отъ хлопковаго кризиса. Благодаря послѣднему, Соединенные Штаты лишились средствъ уплатить Европѣ за свой обычный ввозъ, увеличенный къ тому-же обширными закупками военнаго матерьяла. Въ результатѣ, Соединенные Штаты оказались должниками Европы по коммерческимъ операціямъ; между тѣмъ какъ по финансовымъ операціямъ платить должна была Европа. А такъ какъ обязательства того и другого рода были почти равны, то и ликвидація всѣхъ этихъ сложныхъ операцій стала возможна простымъ обмѣномъ одного рода обязательствъ на другія. Это дѣйствительно и произошло.

По окончаніи войны воздѣлыванье хлопка было возобновлено, и вывозъ этого продукта изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Европу принялъ прежніе размѣры, если не по количеству, то по цѣнности. По другимъ статьямъ вывозъ Соединенныхъ Штатовъ возросъ (причемъ, не нужно забывать, сюда включается и вывозъ металла); но увеличеніе вывоза было невелико и продолжалось только два послѣдніе года. Но въ тоже время ввозъ Соединенныхъ Штатовъ возросъ съ 335 милліоновъ дол. (1860 г., предшествующій войнѣ) до 617 мил. дол. (1872 г.). Читатель не забылъ, что до войны экспортъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ общее правило, превышалъ импортъ, причемъ втеченіи 10 лѣтъ, отъ 51 г. до 60 г., избытокъ экспорта въ сред-

немъ достигалъ 6 мил. дол. въ годъ. Теперь торговый балансъ Соединенныхъ Штатовъ принялъ обратный характеръ: ввозъ превосходитъ вывозъ. За 5 лѣтъ, съ 1868 до 72 г., избытокъ ввоза достигалъ въ среднемъ 44 мил. дол. ежегодно, а въ 1872 г. этотъ избытокъ достигъ 116 мил. дол. Изъ предшествовавшаго объясненія читатель пойметъ, что такое положеніе внѣшней торговли, допуская, что оно прочно и нормально, предполагаетъ такія финансовыя отношенія между Соединенными Штатами и Европой, при которыхъ первая страна является въ широкихъ размѣрахъ кредиторомъ послѣдней, потому что только при этомъ условіи значительное превышеніе импорта надъ экспортомъ можетъ быть совмѣстимо съ исполненіемъ національныхъ обязательствъ. Но факты не только не подтверждаютъ этого предположенія, а говорятъ совершенно обратное. Соединенные Штаты въ огромной степени являются въ финансовомъ отношеніи должникомъ Европы, между тѣмъ какъ экспортъ Соединенныхъ Штатовъ недостаточенъ даже для уплаты ея коммерческихъ обязательствъ. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ положеніи вещей.

Изъ цифръ, приведенныхъ м-ромъ Уэльсомъ въ его отчетѣ за 1868 г. видно, что дивиденды, слѣдуемые европейскимъ кредиторамъ Соединенныхъ Штатовъ достигали въ этомъ году 80.000.000 дол. Это, однако, является лишь частью внѣ коммерческихъ обязательствъ Америки по отношенію къ Европѣ. Долги Америки чужимъ странамъ по уплатѣ расходовъ ея гражданъ, живущихъ или путешествующихъ заграницей, достигли въ томъ-же году, по словамъ того-же автора, крупной суммы 25.000.000 дол., и повидимому этотъ расходъ не представлялъ собою ничего исключительного. Наконецъ, мы узнаемъ отъ м-ра Уэльса, что страна ежегодно должаетъ иностранцамъ 24 мил. дол. въ уплату за фрахты по американскимъ товарамъ, перевозимымъ на иностранныхъ судахъ. Общая сумма всѣхъ этихъ разнообразныхъ статей равняется 129 мил. дол., округляя сумму, можно сказать—26 мил. фун. стер. и эту сумму Соединенные Штаты ежегодно выплачиваютъ чужимъ странамъ, сверхъ того, что они должны имъ въ уплату за ввозъ. Какъ я уже выяснилъ, существуетъ только одно средство, съ помощью котораго страна, въ концѣ-концовъ расплачивается со своими обязательствами по отношенію къ другимъ странамъ—а именно, вывозъ туземныхъ продуктовъ. Мы видѣли, однако, что экспортъ Соединенныхъ Штатовъ, при настоящемъ положеніи вещей, далеко не можетъ покрывать ежегодныхъ обязательствъ этой страны, и даже оказывается недостаточнымъ для покрытія ея коммерческихъ обязательствъ; принимая средній недостатокъ ввоза за шесть лѣтъ, мы увидимъ, какъ я уже указывалъ, что недочетъ равняется въ среднемъ 44 мил дол. въ годъ; скажемъ, круглымъ числомъ, около 9 мил. ф. ст. Такимъ образомъ, мы имѣемъ балансъ въ 9 мил. ф. ст. на коммерческомъ счету, плюсъ дальнѣйшая сумма въ 26 мил. ф. ст. на внѣ-коммерческомъ счету, — въ общемъ, 35 мил. ф. ст., которые Соединенные Штаты обязаны выплатить иностраннымъ государствамъ, какъ избытокъ надъ тѣмъ, что они могутъ уплатить вывезенными товарами. Теперь возникаетъ вопросъ: какимъ-же образомъ могутъ быть покрыты эти обязательства? Я не имѣю возможности точно опредѣлить, какимъ образомъ они погашались до настоящаго времени, но одно средство, какъ намъ извѣстно,

примѣнялось въ очень широкихъ размѣрахъ. Втеченіи періода, послѣдовавшаго за войной, продажа американскихъ цѣнныхъ бумагъ на рынкахъ Великобританіи и континента была очень велика, и все возростала. Соединенныя Штаты перестали, дѣйствительно, увеличивать свой государственный долгъ, но очень вѣроятно, что пропорція этого долга въ рукахъ европейскихъ кредиторовъ за послѣднее время увеличилась, и несомнѣнно, что количество европейскаго капитала, который помѣщается въ частныхъ предпріятіяхъ въ Америкѣ, безконечно больше, чѣмъ оно было когда-бы то ни было въ прежніе періоды. Здѣсь, такимъ образомъ, мы находимъ средство, которое, до тѣхъ поръ пока оно дѣйствуетъ, можетъ употребляться Соединенными Штатами для покрытія ихъ неуплаченныхъ обязательствъ. Суммы, уплачиваемыя Европой на покупку американскихъ цѣнныхъ бумагъ, также покрываютъ американскіе долги, какъ если-бы они были получены въ уплату за американскій экспортъ. Достаточны-ли эти суммы для данной цѣли, это, въ настоящее время, можетъ быть только предметомъ догадокъ; но можно съ увѣренностью утверждать, что во всякомъ случаѣ, онѣ могутъ разсматриваться лишь какъ временное средство помощи. Ни одна нація не можетъ уплачивать свои иностранные долги, дѣлая новыя долги для покрытія своихъ ежегодныхъ платежей; но такова, по правдѣ говоря, была сущность той финансовой операціи, съ помощью которой Соединенныя Штаты пытались за послѣдніе годы сводить свои счеты съ остальнымъ міромъ. Даже предположивъ, что европейскія ссуды будутъ продолжаться въ ихъ настоящихъ размѣрахъ, процентъ, платимый по нимъ, какъ я уже показалъ, со временемъ превзойдетъ ежегодныя ссуды, между тѣмъ какъ платежный балансъ, не покрываемый экспортомъ, ни чѣмъ больше не можетъ быть покрытъ. Эти соображенія приводятъ меня къ выводу, что настоящее положеніе внѣшней торговли Соединенныхъ Штатовъ по существу своему ненормально и должно измѣниться. Если эта страна будетъ продолжать уплачивать свои обязательства иностранцамъ, то отношеніе, которое въ настоящее время существуетъ между экспортомъ и импортомъ въ ея внѣшней торговлѣ, должно быть обратнымъ. Экспортъ ея долженъ опять, какъ и до 1860 г., превосходить ея импортъ, и притомъ на бо̀льшую сумму, чѣмъ раньше, пропорціонально увеличенію ея финансовыхъ обязательствъ другимъ странамъ за этотъ періодъ времени. Мнѣ кажется, что этотъ результатъ можетъ быть предсказанъ съ полной увѣренностью. Онъ можетъ быть достигнутъ или расширеніемъ экспорта, или сокращеніемъ импорта, или комбинаціей обоихъ этихъ процессовъ, но тотъ или другой способъ долженъ быть примѣненъ.

Только при этомъ условіи Соединенные Штаты могутъ расплатиться по своимъ обязательствамъ. Населеніе этой страны можетъ слѣдовательно, если разсужденія мои справедливы, разсчитывать въ будущемъ на результатъ, о которомъ часто мечтали основатели ея теперешней экономической политики — оно должно увидѣть черезъ немного лѣтъ американскіе товары продающимися въ иностранныхъ государствахъ въ гораздо бо̀льшихъ количествахъ, чѣмъ иностранные товары продаются на американскихъ рынкахъ. Какъ повліяетъ на оцѣнку американцами этого положенія торговли тотъ фактъ, что значительная часть ихъ доходовъ, получаемыхъ отъ этой увеличенной загра-

ничной торговли, поступитъ въ европейскіе карманы, на этотъ вопросъ авторъ этой книги не считаетъ возможнымъ отвѣтить.

Только-что высказанное заключеніе вызываетъ на дальнѣйшія размышленія. Измѣненіе въ отношеніяхъ экспорта и импорта страны можетъ быть произведено только измѣненіемъ въ относительныхъ цѣнахъ товаровъ (измѣряемыхъ въ золотѣ или серебрѣ), въ данной странѣ и въ тѣхъ, которыя ведутъ съ нею торговлю. Для того, слѣдовательно, чтобы достигнуть избытка экспорта надъ импортомъ въ торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ, вмѣсто обратнаго баланса, существующаго въ настоящее время, цѣны въ Америкѣ должны быть понижены по сравненію съ европейскими цѣнами. Это можетъ быть достигнуто также повышеніемъ цѣнъ въ Европѣ, которому не послѣдуютъ Соединенные Штаты, какъ въ дѣйствительности уже и случилось по отношенію къ многимъ важнымъ товарамъ; но вѣроятнѣе, что таже цѣль будетъ достигнута просто пониженіемъ цѣнъ американскихъ товаровъ. Но значительное общее паденіе цѣнъ является средствомъ, къ которому фабриканты и торговцы прибѣгнутъ лишь, когда они будутъ доведены до крайности. Поэтому оно явится только тогда, когда кредитъ будетъ напряженъ до послѣдней степени и катастрофа будетъ казаться неизбѣжной. По этимъ причинамъ я былъ-бы расположенъ смотрѣть впередъ, на немедленное будущее американской торговли какъ на періодъ большого разстройства и колебаній, заканчивающихся отъ времени до времени промышленными кризисами.